

Андрэ НОРТОН

КОЛДОВСКОЙ
МИР-3

АНДРЭ

НОРТОН

КОЛДОВСКОЙ
МИР-3



ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

Колдовской мир - 3

Полёт мести

романы



Издательство
«Зеленоградская книга»
Издательство
«Сигма-Пресс»
г. Москва

1996 г.

ББК 84.7 США
Н49

*Печатается с разрешения автора и его литературного агента.
Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения – запрещена.*

***Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.***

Нортон Андрэ

Н49 Колдовской мир - 3: Полет мести / Пер. с англ. -
М.: Сигма-Пресс; Зеленоградская книга, 1996. - 416 с.
Вып. 32.

В новой книге серии “Колдовской мир - 3” читатель
вновь побывает в фантастическом мире, созданном Андрэ
Нортон в соавторстве с Полин Гриффин и Мери Шауб.

Н 4701000000-5 Без объявления
ОД4(03)-96

ISBN 5-85949-063-1

THE FLIGHT OF VENGEANCE

© By Andre Norton Ltd., 1992

© Перевод с англ., Д. Арсеньев, 1995

© Составление, издательство “Зеленоградская книга”, 1995

© Оформление, издательство “Сигма-Пресс””, 1996

ПОЛЁТ МЕСТИ

Летописец

Некогда я был пограничником Дуратаном. Как же мне назваться теперь? Отчасти я летописец деяний других людей, кроме того, как Квен и Вессел, помогаю поддерживать хозяйство Лормта, чтобы те, кто приходит сюда в поисках знаний, имели кров над головой и пищу, которая сохраняет им силы, пока они роются в записях в поисках прошлого, которым интересуются.

И еще я искатель. Немного здесь, немного там — я ишу ответ на вопрос, что делать мне в перевернутом Силой мире, в котором многие из нас потерялись и не знали, куда идти.

Когда над Эсткарпом нависла непосредственная угроза от Пагара Карстенского, все, кто обладает ясным разумом (но не использует Силу), видели, что мы неизбежно будем побеждены, волшебницы встали между хаосом и землей. Они соединили свои мысли и силу и обрушили всю свою прославленную мощь на саму землю, подчиняя своей воле силы природы.

Горы, через которые двигались армии Пагара, чтобы раздавить нас, были сотрясены, они рушились и возникали снова. Земля раскололась, ее прорезали трещины, раны, шрамы. Исчезали леса, реки уходили из своих прежних русел, мир охватило безумие.

За это пришлось заплатить дорогую цену. В городе Эс, где размещался Совет, никто не уцелел. Другие волшебницы превратились в пустую оболочку, внутри у

них все было выжжено вызванной ими Силой. Правление волшебниц закончилось, когда погибли большинство тех, кто его осуществлял. Но сохранились за границами Эсткарпа такие враги, как Ализон, где ненавидели волшебниц и их правление.

Последние муки мира, каким мы его знали, принесли колдеры. Они пришли в наш мир через Врата, хлынули, как гной из проколотого нарыва.

Появились и защитники, поддерживаемые волшебницами. Пришел через другие Врата Саймон Трегарт, воин из другого мира. К нему присоединились волшебница Джелит, и Корис из Горма (этого злополучного места, которое первым подверглось осквернению колдерами), и Лойс из Верлейна. Были и другие, свершившие подвиги, о которых поют в балладах создатели песен.

Саймон и Джелит замкнули Врата. Но война продолжалась, потому что зло, посеянное колдерами, было еще не уничтожено.

В долинах Высокого Холлака начались яростные схватки, так как колдеры подтолкнули Ализон к вторжению, помогли ему своим необычным оружием, провели в Арвон, где Древние хранили сокровища своей власти. Вслед за падением колдеров последовало и поражение Ализона, его армии были изгнаны из долин и сброшены в море. Они погибли, потому что у них были отрезаны пути отступления. Салкары, всегда дружески расположенные к Эсткарпу, увели свой флот от берегов.

Но предводители Ализона не считали себя побежденными. Зализывая свои раны, они продолжали поглядывать на юг. Они обладали тайнами, принадлежащими Тьме, и ненавидели Силу.

Карстен освободился от колдеров и власти Пагара, но что произошло там после того, как волшебницы

предотвратили вторжение? Было ли это действительно концом? А может быть, началом?

В Повороте сыграли свою роль и Трегарты. Их было трое, детей Саймона и его жены волшебницы Джелит. Родились они одновременно — неслыханное у нас дело: воин Киллан, чародей Кемок и волшебница Каттеа. Они сняли старинный запрет, наложенный на наше сознание, и ушли на восток, за горы, в Эскор, из которого пришел наш народ за тысячелетия до этого.

Но их появление в Эскоре нарушило древнее равновесие Света и Тьмы. Снова началась война, появились страшные твари, рожденные грязью зла. Восстали и Древние, они взяли своих родичей и близких и тоже пересекли восточные горы, чтобы оружием отогнать Тьму и поддержать силы Света.

Когда произошел Поворот, я находился в Лормте и не участвовал в сражениях. Моим товарищем по оружию был Кемок; он прожил некоторое время в нашем хранилище знаний, прежде чем уехать, чтобы освободить сестру от пут волшебниц. Я навещал его. Конечно, на меня никто не накладывал никакого обета, но мне нестерпимо хотелось вернуться в те места, откуда пришлось уехать после тяжелого ранения в горной лавине.

Хотя Кемок уже уехал из Лормта, я остался там. Меня разрывали противоречивые желания: стремился вернуться к жизни пограничника, какую я всегда вел, но не прочь был и погрузиться с головой в древние записи. Будучи воином, я готов был бы поклясться, что не обладаю никаким даром. Считалось, что им могут обладать только женщины. Но я обнаружил, что владею странными способностями.

Я был молод и энергичен, хромота мне не очень мешала, поэтому после Поворота я стал главным по-

мощником Квена в Лормте. В нашей крепости из четырех башен уцелели две; две другие рухнули — одна полностью, другая частично — и прихватили с собой часть соседней стены.

Хотя у нас было много раненых, никто не погиб. Однако самое поразительное — падение башен открыло запечатанные помещения и склепы, в которых находились сундуки и большие кувшины, заполненные самыми разнообразными свитками и книгами.

Наши ученые пришли в крайнее возбуждение, и нам, более уравновешенным и меньше занятым исследованиями, пришлось следить, чтобы они не пострадали во время своих поисков. Поэтому в первые дни я был очень занят и не замечал перемен, кроме тех, что происходили у меня перед глазами.

У нас нашли убежище и некоторые беженцы. Среди них была молодая женщина, которая приехала к нам в надежде вылечить свою тетю. Старшую женщину я сам не видел, но слышал, что она получила сильный удар по голове и находилась в бессознательном состоянии. С ними приехал и пограничник, чей отряд оказался рассеян во время катастрофы. Он подрядился благополучно довести их до нас.

Нанявшие его женщины проводили много времени с Морфью, нашим ученым, который обычно помогал всем. Вскоре они втроем внезапно уехали, как рассказал мне Вессел, снабдивший их припасами на дорогу. Морфью сообщил, что девушка — Нолар — отыскиала в недавно найденных записях упоминание о древнем месте исцеления. Я был слегка обеспокоен: Поворот уничтожил все ориентиры местности. Мне хотелось поехать с ними, но слишком многое нужно было сделать. К тому же я думал, что они вскоре вернуться разочарованными.

Когда я впервые посетил Кемока в Лормте, он дал мне мешочек с разноцветными камешками, и я обнаружил, что они отзываются на мой дар. Когда я бросаю эти камешки, они образуют рисунки. И если разглядеть их, возникают разные мысли и предупреждения. И вот у меня вошло в привычку каждое утро, вставая, прежде всего бросать их и читать по ним, что ждет меня в этот день.

Бросив камни на следующий день после ухода этой троицы, о которых и не думал, я получил ясное предупреждение.

Темно-красный, почти черный камень (символизирующий самое большое зло) находился в центре. Перед ним три других камня. Один зеленый, маленький, но бледный; два остальных ярче. Синий и чисто-белый, и из каждого из них на темный камень выходил луч. Я понял, что стал свидетелем напряженной схватки. Моя рука сжала край стола. Собака Равит, любившая наблюдать, как я бросаю камешки, угрожающе заворчала, а со спинки кресла самочка сокола, которую звали Летящая в Бурю, закричала, как перед боем. Три света против тьмы. Я сразу вспомнил троих уехавших из Лормта. И постарался настигнуть их мыслью. Но камешки переместились — и не по моему желанию.

Я испугался — они расположились как-то неестественно. Может, что-то снова высвободилось, как выпустили невольно Трегарты Тьму в Эскоре. Но мне казалось, что на этот раз Тьма проснулась не в Эскоре, а где-то гораздо ближе к Лормту.

В этот день и в четыре последующие я объезжал границы наших полей и два-три раза в день бросал свои камешки. Я навестил Морфью. Он показал мне свиток, найденный девушкой Нолар. В нем говорилось о камне Коннард. Я был уверен, что с камнем связано страшное

колдовство. И боялся, что его высвободят и выпустят в мир.

Я приготовил оружие и начал собирать припасы, хотя и не знал, что надо предпринять. Но грозила опасность, и я должен был предотвратить ее. В последний раз я бросил камни.

И тут мне повезло. Камень, символизировавший зло, исчез. Остались только светлые камни, и они пульсировали ровно, как бьющееся сердце.

Услышав лай Равит и неожиданный резкий крик Летящей в Бурю, выглянул за ворота Лормта и увидел двух всадников, устало сидящих на лошадях. И ощутил огромную радость, словно миновала страшная угроза.

Я поехал навстречу Нолар и Деррену. И они добавили свой рассказ к моей хронике.

Мэри Шауб

ИЗГНАНИЕ

Что-то неладное в воздухе. Невидимое — не дым и не пыль, стесняющие дыхание. Воздух позднего лета чистый и свежий, как обычно в предгорьях Эсткарпа, находящихся у подножий высоких гор. И все же... ощущалось гнетущее беспокойство.

Нолар отложила травы, которые разбирала, и снова подошла к узкому выходящему на юг окну. Весь день она испытывала непонятную тревогу, как будто какая-

то непредвиденная угроза пряталась от глаз. «Похоже на тень ястреба, — подумала она, — когда не знаешь, в какой момент он набросится на добычу».

Нолар вышла, чтобы лучше разглядеть небо. Восход был ясным, но днем на юге собрались зловещие тучи. Нолар, опытная целительница, видела такой черно-пурпурный цвет на поврежденной плоти. Грома еще не было слышно, но по опыту знала, что буря может разразиться с ужасающей быстротой. И почти всегда буре предшествует абсолютное спокойствие, такое же, как теперешняя неестественная тишина.

Точно так же Нолар помнила колющее ощущение в руках и лице, дыхание ее участилось, как будто она только что взбежала по крутой тропе у дома Остбора. Девушка сосредоточилась на том, что обычно предшествует бурям. Она знала, что всегда испытывала улетающее ощущение силы, которая сгущается, сдерживается и наконец высвобождается в буре.

Неожиданно Нолар остановилась. Она уловила очень важное отличие. Весь день ее тревожит не собирающаяся Сила. Напротив. Она бессознательно отметила изменение обычной сферы жизни, то ощущение животных и растений, ощущение жизни, которое и составляет естественный порядок вещей. Весь день что-то настойчиво вмешивается в энергетическую целостность.

Нолар заметила, как необыкновенно тихи окружающие склоны. Не кричат птицы, не шуршат листвою зверьки. Девушка привыкла к тишине холмов, но эта необыкновенная, безжизненная тишина ее тревожила. И она сразу подумала о Силе и о том, как использовали ее волшебницы Эсткарпа.

Нолар, сколько она себя помнила, всегда привлекали волшебницы и в то же время отталкивали. Они прави-

тельницы Эсткарпа и его надежная защита. В их руках судьба народа Древних, так как только их сила сдерживает на границах Эсткарпа силы врага. Вначале это были повторяющиеся нападения Карстена с юга, потом Алисона с севера. В последние годы главная угроза исходила с юга, где Пагар из Гина стал герцогом, объединил Карстен и собрал все силы, чтобы уничтожить Эсткарп. Несмотря на морские рейды верных Эсткарпу салкаров, Карстен постоянно нападал на границы, медленно, но верно сокращая количество защитников Эсткарпа. Даже в своей горной северной местности, далеко от границ на юге, которым грозила опасность, Нолар слышала об этой борьбе.

Неожиданно она вспомнила слова бродячего торговца тканями. Раз в неделю Нолар обычно спускалась с холмов в ближайшую деревню, где обменивала собранные травы на продукты и вещи, которые не могла изготовить сама. Два дня назад она взвешивала сушеные семена, когда появление нового посетителя привлекло ее внимание к входу в магазин. Пропыленный мужчина средних лет, с пронизательным взглядом и обветренным лицом, явно наслаждался вниманием, которое привлекал. Нолар хорошо слышала его жалобы, потому что у него был голос настоящего торговца, способный перекрыть возгласы соперников.

— Мне не следовало покидать Гарт, — воскликнул он, — но этот придурок капитан заверил меня, что в Эсе очень оживленный рынок. — Он презрительно фыркнул. — Несомненно, он был таким — лет сто назад. О, конечно, там есть люди, даже слишком много людей, все куда-то торопятся и разбегаются в разные стороны, но ни один не захотел купить ткани. — Помолчав для убедительности, торговец обратился к слушателям. —

Вы видели мой товар. У меня отличные ткани для любых надобностей. Разглядывали они мои кружева и вышивку? Щупали мой прекрасный бархат? Нет! Они были слишком заняты приготовлением всего необходимого для пограничников, спускающихся с гор. И еще одно: не нашлось места даже для того, чтобы выложить товар для осмотра или просто куда-нибудь сложить его. Все гостиницы забиты: стражники, моряки салкары, даже эти чужеземцы фальконеры с дикими птицами на седлах.

Нолар глубже забралась в тень, смешалась с детьми фермеров, которые посмеивались над пастухом, который требовал лекарства для стертой ноги.

Хозяин магазина, которому хотелось послушать торговца, принес бутылку крепкого местного вина и налил в чашку.

— Попробуй это вино. И расскажи, как дела на южной границе.

Торговец с готовностью принял деревянную чашку.

— Благодарю за подкрепление. А что касается границы, то сведения о ней так перепутались, что моему разуму их не распутать. Мое дело ткани, а не высокие деяния волшебниц, герцогов и армий. Вы, возможно, слышали, что какое-то время назад корабли салкаров перевезли кого-то из Эсткарпа в безопасное место за море. Это, конечно, не сейчас было, но могу вам сказать, что видел собственными глазами: салкарский флот стоит в устье Эса. И готовят там план спасения за морем, если не удастся какой-то грандиозный замысел волшебниц. Откровенно говоря, никто точно не знает, что это за план, но я понял, что Совет готовит некую сложную ловушку для герцога Карстенского и его наступающих армий. — Торговец покачал головой и

нахмурился. — Все эти заговоры и схватки не подходят для торговли. — И тут лицо его прояснилось. — Но я сейчас далеко от этого, на севере, где разумные люди разбираются в хороших товарах. Говорю вам, для меня в Эсе стало ясно: всякий купец, который хочет сохранить свое дело, должен искать лучший рынок. И более безопасный, конечно.

— Но что за ловушка?

— Каковы планы Совета?

Несколько человек требовали подробностей.

Торговец развел руки.

— Говорили мне что-нибудь стражники, чтобы я знал их намерения? Нет! Могу рассказать только то, что слышал на рынках Эса. Уверяю вас, слухи там расходятся лучше товара. Да, да, подробности, которые я узнал. Один пограничник рассказал мне по секрету, что его отряд получил приказ уходить с горных постов, но незаметно, чтобы это не сразу обнаружилось. Я стал расспрашивать его о причинах такого приказа: мне было ясно, что такие же распоряжения получили и другие отряды. Он ответил, что волшебницы собираются нанести герцогу Пагару удар, от которого он и весь Карстен не скоро оправятся. — Торговец передвинул свою чашку на деревянном дощатом столе. — И говорят, этот удар либо навсегда покончит с угрозой с юга, либо погубит сам Эсткарп. Мне стало понятно, что в любом случае пострадает торговля, поэтому я собрал свои товары и торопливо оставил Эс. А теперь мне пора в путь, потому что день обещает быть жарким.

Хозяин схватил торговца за рукав.

— Но кто-то в Эсе должен знать, что это за ловушка. Ты сам не знаешь, что планируют волшебницы против Пагара?

Торговец поморщился.

— Я слышал только сплетни, от которых разумный человек рассмеется... или заплачет. Скажу вам откровенно. Сам я из Верлейна, а мы всегда занимаемся только своими делами. Разумно не вмешиваться в такие высокие материи. — Он направился к двери, но оглянулся и посмотрел на собравшихся с холмов слушателей. — Судя по тому, что я слышал о волшебницах Эсткарпа, я бы посоветовал вам покрепче запереть двери и выждать, пока будет сделано то, что должно быть сделано. А меня ждет дорога. Удачи этому дому!

Нолар собрала выменянные продукты: соль, муку, небольшую фляжку вина, — сложила все в заплечную сумку и выскользнула в заднюю дверь, чтобы ее не заметили. Деревенские ребяташки, однако, собрались на дороге, чтобы посмотреть на караван вьючных лошадей торговца. Один мальчишка указал на Нолар и закричал в притворном страхе. Она, как обычно, не обратила внимания на хор насмешек и спокойно пошла вверх по склону.

Нолар долго догадывалась, что с ее наружностью что-то неладно. Люди, посмотрев ей в лицо, тут же отводили взгляды. И как только, однажды, Нолар увидела свое лицо в начищенном котелке, она поняла, чем оно отличается от других лиц. Ей рассказывали, что мать ее рожала долго и трудно и во время родов умерла; все считали, что и девочка не выживет. Как бы то ни было, но родилась она с темно-красной полосой на лице, с блестками, как будто кто-то пролил вино и не вытер. Нолар подозревала, что люди избегают смотреть на нее по разным причинам: из отвращения, из страха, что уродство может как-то отразиться на них, и даже просто из-за нежелания. Все словно считали, что если не смот-

реть на нее, то уродства вроде и не существует. Поэтому Нолар всегда была одиноким ребенком, другие дети избегали ее, не играли с ней и не общались. Даже отец отверг ее. Он горько оплакивал смерть жены и винил в ней ребенка. В пятилетнем возрасте Нолар тяжело заболела и тем самым избежала традиционной проверки на талант волшебницы. Примерно в это время ее отец женился второй раз на сильной женщине из народа фальконеров, которая вообще считала присутствие уродливого ребенка немыслимым. И хотя сама эта женщина сбежала из деревни, в которой фальконеры держат своих женщин только для того, чтобы те рожали им детей, она придерживалась веры фальконеров, что слабые и больные дети не должны жить. Чтобы избежать ссор и раздоров, отец решил отправить Нолар подальше от глаз своей новой жены. Нолар помнила прощальные слова своей старой няньки, доброй женщины, которая единственная обращалась с ней ласково.

— Не плачь, маленькая. Тебе будет лучше в горах. Всякий раз, как отец тебя видит, он вспоминает твою мать, потому что у тебя ее походка, ее глаза и волосы. В горах ты увидишь новых птиц и животных, будешь бродить по прекрасным лесам, будешь играть с детьми горцев. Надеюсь, они будут добрее местных, — добавила она негромко, потому что хорошо знала, что местные дети презрительно прозвали Нолар «Госпожа Умой Лицо».

И вот Нолар, проделав долгий путь в редко населенные холмы, поселилась в семействе флегматичных фермеров. К несчастью, врожденное уродство Нолар отталкивало горцев даже больше, чем горожан. Может, это связано было с дурным характером Танты, местной мудрой женщины. Когда Нолар впервые встретилась с

ней в деревенском магазине, Танта показала на нее своим узловатым посохом и проворчала:

— Знак зла на твоём лице: прочь от честных людей!

Обиженная этими словами, Нолар отказалась от своего обычного вежливого молчания и выпалила:

— Я зла не более, чем ты! Не моя вина, что я так выгляжу!

Танта повернулась к ней спиной, и вместе с ней от девочки отвернулись все остальные.

Нолар научилась прикрывать лицо шарфом, насколько это возможно. Как ни старалась она держаться дружелюбно, ее всегда отгоняли и отвергали. Она много и старательно работала на ферме, но ее редко благодарили или хвалили. Тяжелые месяцы растянулись на годы. Когда не было работы на ферме, Нолар обычно уходила в холмы. В одном отношении ее нянька оказалась права: растения и животные гор стали друзьями Нолар. Она очень хотела больше узнать о всех живых существах и прислушивалась к словам всех, кто хоть что-нибудь знал об этом.

После долгих размышлений Нолар даже решилась посетить Танту в ее хижине в холмах. Как она и опасалась, мудрая женщина совсем ей не обрадовалась. Нолар, запинаясь, объяснила, что хотела бы научиться пользоваться лекарственными растениями.

Танта подозрительно разглядывала ее сквозь дым, поднимающийся от низкой жаровни у двери.

— Кто тебя послал? — прошипела она.

Нолар перевела дыхание.

— Никто меня не посылал. Просто я слышала от фермеров, что никто не знает растения лучше тебя. Я надеялась, что ты позволишь мне помочь собирать их или просто посмотреть, как ты работаешь. Я не буду тебе мешать.

Танта, казалось, ненадолго задумалась, потом решительно покачала головой.

— Нет! Я с большим трудом постигла эти тайны сама. И не отдам их чужаку, особенно тебе, с твоим знаком. Уходи и не возвращайся.

Нолар вернулась на ферму, щеки ее горели не столько от резкого северного ветра, сколько от разочарования и обиды.

Хотя соседи не очень ее приветствовали, они тем не менее разрешали ей смотреть, как лечат заболевших животных, и принимали ее робкие попытки помочь в уходе за ними. Она постепенно собирала обрывки сведений о лечении и кое-чему научилась сама, но этого было мало и ее не удовлетворяло.

Ей было восемь лет, когда она наткнулась — буквально — на свою единственную удачу. Она медленно шла по лесной тропе, глядя вверх в поисках зеленых листьев омелы, когда задела ногой за какую-то неровность. Нолар упала, вытянув перед собой руки. Упав на груды прошлогодней листвы и хвойных иголок, она села, потеряла ушибленное колено и обнаружила причину своего падения. Это был не камень, как она думала, а гладкая палка, с обоих концов покрытая круглыми металлическими наконечниками. Металл потемнел от времени. Нолар заинтересовалась: она узнала устройство, которое используют ученые для переноса свитков. Она только раз видела такой футляр в доме своего отца, который не был ученым и предпочитал держать свои торговые записи в конторе. Нолар повертела в руках деревянный цилиндр и заметила на одном из металлических наконечников какие-то знаки. Вероятно, имя владельца. К несчастью, эти знаки для нее лишены смысла, потому что ее никто не учил читать. Девочка решила, что футляр был потерян или выброшен совсем

недавно: он чист и не изношен. Раньше она никогда не ходила по этой тропе. Может быть, владелец еще поблизости? Был ранний зимний вечер, быстро темнело, и Нолар почти сразу увидела теплый свет свечи впереди, слева от тропы. И обнаружила, что свет исходит из окна ветхой хижины с крышей, странной формы, отходящей в нескольких направлениях. Нолар постучала в дверь и, когда ей никто не ответил, чуть приоткрыла дверь.

— Убери этот сквозняк, — слышался ворчливый голос изнутри. — Если ты медведь, уходи. Если гость, закрой дверь... если она открыта. Как я могу держать в порядке свои свитки, если по дому гуляет ветер?

Нолар осторожно вошла и закрыла за собой дверь. Слабый свет освещал человека, вышедшего из-за угла со свечой в руках. Сначала Нолар увидела лицо с длинным тонким носом и пронизательными глазами под густыми бровями. Потом она разглядела высокого старика, закутанного в бесконечное множество слоев старой одежды.

— И кто же у нас здесь такой? — спросил старик неожиданно низким и глубоким для такой тощей фигуры голосом. — Я тебя раньше не видел. — Нолар отшатнулась, когда он поднес к ее лицу свечу. — Нет, не убегай, — торопливо произнес он. — Это... ты нашла... о, дай-ка мне взглянуть. Я всюду искал этот свиток рода Инскофа.

Нолар протянула свою находку.

— Он лежал среди листьев на тропе. Я из-за него упала.

Старик, который довольно разглядывал содержимое футляра, остановился и тревожно посмотрел на нее.

— Надеюсь, ты не поранилась? Тебе нужно выпить что-нибудь теплое. Куда я девал свой котелок? Кстати, а где чашки? Но я забываю о приличиях. Меня зовут

Остбор. Некоторые называют меня Остбор Ученый, что очень великодушно с их стороны, я уверен. Может быть, ты знаешь, — продолжал он с таким видом, словно делился большой тайной, — это правда, я много времени провел в Лормте. — И он замолчал, вежливо ожидая ее реакции.

— Прошу прощения, сэр. — Нолар не знала, что ответить. — Меня отправили в горы из-за моего лица.

Остбор заморгал и посмотрел на нее, как сова.

— Из-за лица? А что с твоим лицом? У тебя есть лицо и у меня тоже. Что в этом необычного?

— Знак, сэр, — печально проговорила Нолар.

— Гмм... Вот это... — Остбор небрежным взмахом руки как бы отбросил этот знак, как нечто несущественное. — Не думай об этом, дитя. Всего лишь небольшое пятно на чистом пергаменте. Если рукопись написана четким почерком, это пятно никому не помещает. Говоря о рукописи... Я полагаю, ты принесла мне футляр, потому что прочла на нем мое имя. Я сам его вырезал, — добавил он, гордо поглаживая зарубки, которые заметила Нолар.

Нолар внутренне сжалась.

— Я не умею читать, сэр. Никто не подумал научить меня.

Остбор на время лишился речи.

— Что! Не умеешь читать... Но ты научишься — и читать, и писать. Я тебя научу. Это в сущности совсем просто. Ну, по правде говоря, одним это дается легче, чем другим, но большого ума тут не требуется. А я по твоим глазам вижу, что ум у тебя есть. Садись! Подожди, позволь мне сдвинуть эти записи. Некоторые называют меня Остбор Крыса с Рукописями, но я считаю это совершенно несправедливым. — Выразительными жестами подчеркивая свои слова, Остбор

принялся убирать множество свитков и рукописей. — Ну, может не совсем несправедливым. Я действительно собираю разные вещи, в основном, как видишь, рукописи. Из-за своего интереса к родословным. Кто был прапрадедом? Он был местный или нет? Кто на ком женился? Кстати, а ты кто?

Нолар распрямилась: она собирала с пола свитки.

— Меня зовут Нолар, сэр, я из рода Мерони. Вернее, Мерони — это род моей матери.

Остбор одобрительно закивал.

— И очень известный род. Я больше знаком с той его ветвью, которая поселилась у Петеля, но я вообще читал о Мерони. Послушай, мы все еще стоим в холодной комнате, и нам нечего выпить. Пойдем к огню, я буду искать котелок, а ты расскажешь мне о себе. Вчера я его видел, но где же он сейчас?

Он провел Нолар по извилистому коридору в тесную комнату, согретую огнем в очаге. Пространство вокруг грубого каменного очага было удивительно чистым и аккуратно прибранным. Как будто заметив взгляд Нолар, Остбор объяснил:

— Когда дело доходит до рукописей, с огнем нужно быть очень осторожным. Рукописи нужно держать подальше от огня. Некоторые старые ученые в Лормте... я помню одного, который ставил свечи прямо на свитки... Очень небезопасно. Однажды свиток вспыхнул и сторел. Ужасно!

— А сам ученый не пострадал? — испугалась Нолар.

— Нет, нет, бедняга остался жив, хотя и сжег рукава, когда гасил огонь. Я десятки раз говорил ему, что нужно быть осторожнее. Ты тоже должна остерегаться. Когда имеешь дело с пергаменами, особенно старыми, нужно помнить, что материал почти всегда сухой и очень хрупкий. Достаточно одной искры. Поэтому я так ста-

раюсь, чтобы вокруг очага было чисто, и берегу свечи от сквозняков. Могу утверждать, — добавил он, с торжеством извлекая котелок из-под груды вещей, — для моего дома это большая проблема. Не могу представить себе, как это ветер проникает повсюду. Сейчас наберу воды. Ты, конечно, останешься на ночь. — И прежде чем Нолар успела возразить, что ей нужно вернуться на ферму, Остбор исчез в одном из коридоров.

Это была первая из множества ночей, проведенных здесь. Оглядываясь назад, она видела, что несколько бесценных лет, проведенных с Остбором, были самым счастливым временем в ее жизни. Долгими зимними вечерами тишина прерывалась лишь треском огня в очаге и бормотанием старика, перелистывавшего страницы. Иногда он разрешал Нолар подогреть немного вина. Позже наступили возбуждающие весенние дни, девочка бродила по горным лугам и отыскивала цветы и растения, такие же, как на рисунках старинных рукописей, собранных Остбором. Он говорил, что со временем сам напишет и нарисует собственный каталог растений.

— Видишь ли, тогда люди получают упорядоченные записи и больше не будут полагаться на путаную и ненадежную память мудрых женщин. Конечно, некоторые из них знают очень много, но иногда их сведения ошибочны. А они учат своих помощников, ничего не меняя, и поэтому ошибки не исправляются.

Но больше всего Остбора интересовали генеалогические исследования. Бесконечные часы проводил он, разбирая древние записи, забывая о еде. Часто он сидел так подолгу, что когда вставал, его старые кости скрипели. Он был необыкновенно честен, всегда старался объективно рассмотреть все факты и, насколько возможно, установить истину. На жизнь он зарабатывал тем, что продавал украшенные рисунками свитки, по-

вествующие истории семейств горцев. Жители холмов, сами неграмотные и необразованные, уважали ученость и ценили работу Остборна. А богатые семейства из далеких городов платили ему серебром и золотом за поиски в области их родословных. Заказы на такую работу привозили слуги.

В первое утро Нолар проснулась в доме Остбора под лоскутным одеялом, гораздо более теплым, чем изношенное покрывало, к которому привыкла на ферме. Услышав громкий звон, она обнаружила Остбора на кухне. Остбор застенчиво признался, что его домашние дела организованы не так хорошо, как научные. Нолар, бегло осмотрев прискорбное состояние его горшков и тарелок, согласилась с этим. Она много времени проводила на кухне, с которой сурово управлялся повар отца, и потому знала, как она должна выглядеть. И застенчиво предложила почистить кастрюли и котлы, если у Остбора найдется песок для полировки. Ученый, казалось, очень обрадовался, что нашелся хоть кто-то, знакомый с такими проблемами, показал ей все свои запасы и удалился к исследованиям. Нолар скребла, мыла, чистила и полировала посуду большую часть утра. После полудня вошел Остбор, с отсутствующим видом взял в руки тарелку с хлебом и сыром и неожиданно остановился, пораженный увиденным.

— Великолепно! — воскликнул он. — Ты настоящее сокровище. Но я позволил тебе работать слишком долго. Давай разделим этот хлеб. Мне помнится, что тут были еще сосиски. А после еды я поучу тебя читать. И тогда ты сможешь быть моим помощником, а не только посудомойкой. Но должен заметить, что состояние посуды заметно улучшилось. Я понятия не имел, что этот котел медный. Забавно.

Остбор часто отвлекался, но в целом оказался хорошим учителем. Он обрадовался, узнав, что Нолар различает самые мелкие буквы. Он признался, что его глаза потеряли былую остроту.

— Для ученого важно все это видеть в подробностях, — заметил он. — Трудно представить себе общую картину, когда видишь только смутные пятна. Дай мне хороший четкий список потомков, его стоит посмотреть. Вот такой. Видишь эту большую букву? Да, правильно, а это какая?

Нолар поглощала знания, как жаждущий, который давно не видел воду и вдруг оказался на берегу ручья. Каждую минуту, которая не была занята наведением порядка в доме, девочка посвящала удивительным загадкам чтения и письма. Скоро она уже могла прочесть выцветшие записи, которые Остбор отложил в сторону как нечитаемые. Он очень обрадовался, когда она сумела восполнить пробел в одной из родословных. А ведь он уже отказался от этой задачи. Впервые в жизни Нолар почувствовала, что делает что-то полезное, что она нужна. И она испытала неожиданное чувство удовлетворения, какого не знала раньше.

В первый же день Остбор послал извещение семье, принявшей Нолар, чтобы ее не считали пропавшей в горах. Потом попросил Нолар описать ее жизнь на ферме. Вначале неохотно, потом все более подробно Нолар описывала тяжелую скучную работу, которой занималась почти все время, когда не спала. Почти намеренно рассказала она о том, как ее все гонят, презирают, какой одинокой она себя чувствует. Когда она закончила, Остбор немного посидел в задумчивости, потом принялся писать новый свиток. Выписывая сложные многоцветные заставки, он объяснил Нолар,

что будет справедливо дать что-нибудь фермеру в обмен на услуги девочки.

— Наверно, ты предпочла бы остаться здесь, если это возможно? Я так и думал. Кстати, я знаю эту ферму. Там и без тебя хватает работников. Однако я должен написать твоему отцу и попросить разрешения сделать тебя своей ученицей. Это не только прилично, но и правильно.

Несколько недель спустя проходивший мимо охотник принес короткий ответ отца. Тот согласился, но при этом ясно дал понять, что платить Остбору не намерен. Если Остбор хочет получить девочку, он должен и содержать ее. Остбор посмеивался, читая это холодное разрешение.

— Гмм... Местные жители приносят мне еды больше, чем нужно, а твоя помощь значительно ускорит мою работу. Обычно, — признался он, — я не очень способен в торговле и обмене, но на этот раз, кажется, на моей стороне большая выгода. Ну, давай отметим это, выпьем немного вина. Куда же я девал бутылку? Я ведь помню, что еще вчера она стояла на средней полке... Или это было на прошлой неделе?

Из множества того, о чем говорил Остбор, больше всего Нолар заинтересовал Лормт. Его рассказы о ведущихся там поисках очаровали ее. Научившись читать и писать, Нолар испытывала жгучее желание учиться дальше и поэтому снова и снова расспрашивала Остборна о месте, где собираются и изучаются старинные знания. В ее воображении Лормт приобрел гигантские размеры. Наконец одним ранним весенним утром, когда начали набухать почки, а заледеневшая земля смягчилась и оттаивала, девочка попросила Остборна, не может ли он показать ей Лормт, его высокие башни, просторные

здания, которые он описывал, комнаты, заваленные свитками.

Остбор был озадачен.

— Гмм... Наверно, я слегка увлекся, описывая Лормт, — признался он. — Несомненно, в прошлом город был более внушительным. Но должен сказать тебе, что недавние годы были неласковы к Лормту. Сейчас мало кто ценит прошлое и старается его сберечь, видишь ли. Большинство даже не думает о древних рукописях, как ни странно это кажется нам, понимающим, насколько они бесценны. Конечно, я знаю, что если не умеешь читать, трудно понять ценность рукописей. Даже ты, дорогая, была недавно в таком же несчастном положении. Ты сама видишь, что многие готовы жечь свитки как дрова. — Он содрогнулся при такой страшной мысли. — И нужно помнить об отношении Совета.

Остбор вздохнул и замолчал. Нолар попросила его продолжать.

— Гмм... да, волшебницы. Видишь ли, они не... как бы это сказать. Собственные знания они высоко ценят, но знания из других источников считают не очень нужными, особенно если они исходят от мужчин. А ученые в Лормте почти исключительно мужчины, так что между ними и Советом почти нет контактов. Моя собственная работа связана главным образом с родословными, но в Лормте имеется множество свитков о волшебстве и лечении, а также летописей прошлых веков. Как ты уже понимаешь, Лормт — это настоящая сокровищница. Но ты должна знать также, что Лормт находится далеко от людей и их обычных дел. Поблизости живут добрые люди, правда, их немного, они работают на фермах и снабжают ученых всем необходимым, но жизнь в Лормте аскетична. За многие годы

наводнения и землетрясения повредили древние здания. Никто теперь не знает, когда и как были сооружены четыре башни и массивные каменные стены города. Но, по-моему, Лормту всегда не хватало порядка. Да, я вижу, ты улыбаешься. Готов признать, что я не самый аккуратный хозяин дома. Но ты должна признать и то, что свои рукописи я содержу в порядке. Я знаю, где лежит каждый свиток... гм... ну, почти каждый. К сожалению, вынужден признать, что в Лормте многие ученые не так серьезно относятся к своим делам. Они даже начинают читать свитки, которые прежде необходимо скопировать, иначе они погибнут. Там не очень внимательно относятся к деталям, подробностям и приоритетам, и судя по тому, что я слышал, положение в последнее время еще ухудшилось. — Остбор покачал головой. — Мне хотелось бы заверить тебя, что Лормт — почитаемый центр науки, каким должен бы быть, однако... Но все же это научный центр, и там многого достигли. Возможно, когда-нибудь в будущем новые, полные энергии ученые наведут там порядок — как ты сделала в моем доме! С этими словами Остбор улыбнулся и вернулся к своим пергаментам.

Кроме Лормта, большое любопытство у Нолар вызывали волшебницы. Остбор, как мог, отвечал на ее вопросы, но предупредил, что волшебницы ревниво оберегают свои тайны. Он добродушно согласился, что его самого волшебство не интересует, и это хорошо, потому что ни один мужчина не может им владеть, как обученная волшебница.

— Они держатся особняком, эти волшебницы, — сказал как-то Остбор. — Должно быть, жизнь у них одинокая. Они отказываются от любых семейных связей, как только их отбирают для обучения.

— Моя двоюродная бабушка — волшебница, — сообщила Нолар. — Няня рассказывала мне, что тетя моей мамы — член Совета Стражи.

Остбор приподнял брови.

— Да, конечно. Я давно не вспоминал ее. Строгая леди. Они даже имена теряют, когда уходят.

Нолар заинтересовалась.

— Да, мне никогда не говорили, как зовут бабушку. А почему?

— Потому что имя тесно связано с человеком. Допустим, я враг Эсткарпа и узнал имя твоей двоюродной бабушки. Если бы я владел волшебством, я мог бы напустить на нее могучий заговор, лишит сил и разума. Видишь ли, я специально не занимался волшебством, но за долгие годы жизни немало о нем слышал — и хорошего, и плохого.

— Но если у них нет имен, — настаивала Нолар, — как же они обращаются друг к другу?

— Каждая обученная волшебница получает камень, которым пользуется, вызывая Силу. Волшебницы могут распознавать мысли друг друга и посылают их на далекие расстояния. Такая способность очень ценна, особенно если один человек находится здесь, а другой, например, в Эсе. Гмм... ну, а мне придется обратиться к собственным способностям и написать письмо. Это, конечно, медленней, но обычно дает удовлетворительные результаты.

И вот Нолар погрузилась в обычную жизнь дома Остбора. Пролетали дни и месяцы. Девочка становилась все более необходимой старому ученому, читала ему по вечерам, помогала завершать бесконечные таблицы родства, а позже, когда у него начали дрожать руки, она сама стала изготавливать орнаментированные свитки родословных.

Нолар исполнилось восемнадцать лет, когда в начале весны Остбор тяжело заболел. Снег еще не растаял, дни стояли холодные, влажные и туманные. Кашель Остбора усилился, а травяные настойки не приносили ему облегчения. Он послал за хозяином магазина и попросил его быть свидетелем своего завещания.

— Я хочу, чтобы ты взял себе мою верховую лошадь, — предложил он этому человеку, — это доброе животное, а ты знаешь, как с ним обращаться. Меньшая лошадь будет принадлежать Нолар, потому что привыкла к ней, а Нолар, возможно, придется куда-нибудь поехать. — Остбор взял девушку за руку. — Дом тоже будет принадлежать тебе, дорогое дитя, сколько ты в нем будешь нуждаться. Я послал письмо в Лормт с распоряжениями о своих рукописях. Можешь оставить себе любые. Не плачь. Я прожил долгую жизнь и посвоему был полезен. Не горюй обо мне.

Остбор умер неделю спустя.

Примерно через месяц приехал согбенный старец с несколькими вьючными лошадьми. Вначале держался он очень надменно, заявив, что прибыл из Лормта, чтобы забрать рукописи Остбора, но потом смягчился, увидев, что Нолар смогла прочесть письмо, в котором находилось разрешение на отбор рукописей. Она помогла ему перебирать ящики, сундуки, корзины и пачки связанных рукописей. На это ушло два дня, а когда старик уехал, дом опустел. Встреча с ним была последним свидетельством о Лормте, до неожиданного появления волшебницы, которое снова оживило это имя и решительно перевернуло всю жизнь Нолар.

Нолар сама написала короткое письмо отцу, сообщая о смерти Остбора и о своем намерении остаться жить в его доме. Отец ответил согласием без всяких комментариев.

В начале лета, сразу после смерти Остбора, умерла и Танта, местная мудрая женщина. Огонь, вероятно, занявшийся от ее жаровни, уничтожил и ее хижину. В последнее время Танта приняла к себе в ученицы девушку издалека, но местные жители ей не доверяли. Именно эта испуганная ученица сообщила о пожаре в ближайшую деревню. Она еще несколько дней провела возле сгоревшего дома, потом собрала все из припасов Танты, что можно было, и уехала на равнины.

И вот постепенно горцы стали приходить к Нолар за травами и кореньями. Нолар испытала облегчение: у нее появилась возможность зарабатывать на жизнь. Как она и думала, соседи считали, что искусство Остбора умерло вместе с ним. Никто не просил у Нолар свитков, хотя ее знания растений все уважали. И скоро Нолар с покорностью поняла, что ее всегдашняя отчужденность от людей переросла в настоящую изоляцию. Соседи при встрече с нею чувствовали себя неловко и старались общаться с ней как можно меньше. Они не просили Нолар стать новой мудрой женщиной. Ее и не считали таковой: она стала просто надежным источником лекарственных растений, которые иногда бывают нужны.

Нолар раскладывала для просушки на солнце очищенные и нарезанные ломтиками плоды, когда у ее дверей неожиданно появился незнакомец. Молодой человек привез письмо, которое поразило девушку: отец требовал, чтобы она вместе с его слугой немедленно вернулась домой и присутствовала на свадьбе своей сводной сестры. Пришлось поторопиться, потому что свадьба назначена на ежегодный Ритуальный День — через неделю. Нолар предложила посланцу ягодного вина собственного изготовления и, пока он заботился о лошади, удалилась, чтобы немного подумать. В этом неожиданном вызове есть что-то еще, не указанное в

скупых словах письма. Двенадцать лет Нолар не виделась с отцом, своих сводных сестер она вообще не знала. Девушка слегка улыбнулась. Она почти услышала, что сказал бы Остбор:

— Гм... никогда нельзя знать, пока сам не увидишь. Я думаю, простое любопытство лежит в основе многих поступков. Что такое наука, как не постоянное любопытство и попытки удовлетворить его? — Остбор поехал бы, Нолар была в этом уверена.

Она торопливо собрала немногие необходимые вещи и в тот же день вместе с провожатым отправилась на равнины. После многих лет, проведенных в одиночестве в горах, Нолар было странно снова очутиться среди множества людей. Когда они спустились с холмов, Нолар, несмотря на усилившуюся жару, старательно закутала лицо шарфом. Глаза слуги расширились, когда он впервые увидел ее неприкрытое лицо. Но он был слишком хорошо обучен, чтобы комментировать ее простое, хотя и неудобное средство защиты от взглядов встречных.

Когда через пять дней они прибыли на двор ее отца, он показался ей одновременно и больше и меньше, чем тот, что она помнила. Последний раз она видела его глазами ребенка, поэтому он казался ей более просторным; теперь же стал тесным, заполненный лошадьми и слугами в незнакомых ливреях. Никогда раньше в доме отца Нолар не видела так много людей. Ее провели через боковой вход, и деловитая служанка показала ей ее комнату на втором этаже.

— Отец просит, чтобы вы приготовились как можно быстрее, госпожа. — Женщина задержалась у двери. — Вас желает видеть особая гостя.

Нолар насторожилась. В этом доме никого, кроме

отца, она не знает. Кто может хотеть ее видеть и зачем? На постели лежало несколько ярких платьев. Нолар выбрала самое простое из них, серо-голубое с белой обшивкой. На сундуке возле кровати были разложены украшения. Нолар взяла цепочку из переплетенных серебряных звеньев, потом положила ее на место. Она никогда не носила такие вещи. Ожерелья должны привлекать внимание к шее и лицу, а ее главное желание — оставаться как можно незаметней.

Служанка вскоре вернулась и провела Нолар в один из больших залов. Там оставила девушку одну. И тут торжественно, словно о ее приходе возвещали трубы, появилась величественная женщина. На шаг за ней шел отец Нолар. Выглядел он так же, каким его помнила девушка, строгим, самоуверенным, далеким. Нолар с некоторым удивлением поняла, что больше не испытывает к этому человеку никаких чувств. Он все равно что слуга, посланный за нею. Все равно что незнакомец, и Нолар с острой болью осознала, что он всегда был для нее чужим.

Мысли ее были прерваны повелительным стуком слева: мачеха, очевидно, не любила, когда ее игнорировали. Нолар без интереса разглядывала ее лицо. В детстве, перед своим изгнанием в горы, она лишь короткое мгновение видела эту женщину. Она вспомнила, как ее старая нянька шептала, что новая жена хозяина из деревни фальконеров. Тогда ее слова не заинтересовали Нолар, но необычное слово «фальконеры» она запомнила. Теперь она увидела, что у мачехи блестящие рыжие волосы и желтые ястребиные глаза, какие всегда приписывают фальконерам. Одно время Остбор с увлечением занимался генеалогией нескольких жителей Гнезда в южных горах и без особого успеха пытался

доказать их родственную связь с Лордом Крыльев, командующим силами Гнезда.

В свою очередь, мачеха так же внимательно разглядывала девушку. Нолар подняла руку и сняла шарф, скрывавший ее волосы и лицо. Мачеха невольно ахнула, но Нолар смотрела на отца. Он отшатнулся, как будто она его ударила. «Как печально, — подумала Нолар, — иметь в своей семье такую, как я».

Отец быстро пришел в себя.

— Нолар, — произнес он с гордым видом, — это моя жена.

— Леди! — Нолар склонила голову, подумав, что именно так ей и следовало поступить, если бы кто-то научил ее правилам хорошего тона.

Мачеха продолжала строго смотреть на нее. В голову Нолар на мгновение пришла озорная мысль: так разглядывают то, что предназначено на продажу. И вдруг ее охватило дурное предчувствие. Ее действительно оценивают и, как обычно, находят пригодной. Подозрения Нолар сразу же подтвердились: открылась дверь, и через нее вошла толпа незнакомцев, родственников, судя по близкому внешнему сходству. Нарядно одетая матрона тут же начала распоряжаться происходящим.

— Итак, это твоя дочь, которая жила в горах. Мой сын... — Голос ее дрогнул, когда Нолар повернулась к ней. Наступила тишина, незнакомцы смотрели на девушку. Чувствуя себя как больное животное на торгах, которое покупатели отвергнут, Нолар спокойно выдержала их взгляды. Нарядная матрона что-то торопливо прошептала мужу на ухо, потом вызывающе посмотрела на отца и мачеху девушки. — Ваше предложение брака нашего сына с вашей дочерью кажется нам не приемлемым. К сожалению, мы не можем остаться на церемонию

бракосочетания. Нам нужно немедленно уезжать. — Коротко кивнув, она вышла в сопровождении всей семьи.

Краем глаза Нолар уловила выражение самодовольства и даже веселья на лице мачехи. Очевидно, та не считала, что от Нолар удастся легко избавиться путем брака. Отец тоже не выглядел недовольным, он как будто тоже не ожидал, что попытка увенчается успехом. «Могли бы и предупредить меня, что пытаются выдать замуж», — подумала Нолар. Но, вероятно, это чисто практический шаг, может быть, следствие другого бракосочетания. Одно событие могло предшествовать другому. Во всяком случае переговоры о ее бракосочетании потерпели неудачу, и поэтому после Ритуального Дня Нолар сможет вернуться в горы. Но тут ей в голову закралось новое подозрение. На свадьбу собралось очень много народу. Вероятно, отец надеялся договориться о ее браке с другой семьей? Она с тревогой взглянула на отца, но мрачное выражение его лица не позволяло задавать вопросы. Он указал на вторую дверь комнаты.

— Член Совета ждет. Мы должны представить ей всех членов семьи. Нолар, иди к ней. Мы с женой вскоре последуем за тобой.

Мысли Нолар смешались. Тетя волшебница здесь, в этом доме! Нолар раньше никогда не была рядом с волшебницей. Сердце ее забилось сильнее. Может быть, волшебница каким-то образом узнала, что Нолар так и не испытывали на наличие дара? Придется просто довериться случаю и постараться быть как можно незаметнее. Переходя в другой большой зал, Нолар снова закрыла лицо и отыскивала уголок подальше от возвышения, на котором стояли кресла для важных гостей.

В двух креслах уже сидели женщины в сером. Две

волшебницы! Нолар уже хотела отодвинуться подальше в сторону, но одна из волшебниц повелительным жестом посоха позвала ее. Девушка перевела дыхание, стараясь успокоиться, и подошла к возвышению.

Волшебница справа от Нолар заговорила голосом низким и уверенным, привыкшим к повиновению:

— Подними голову, дитя. Чья ты дочь?

Нолар подняла глаза и после недолгой паузы откинула свою вуаль. С первого же взгляда ясно, что этих двух не обманешь. Девушка повернулась к спрашивающей.

— Леди, я Нолар из рода Мерони.

— Да, я вижу, вы с вашей матерью похожи.

Значит, это и есть двоюродная бабушка Нолар. Девушка разглядывала ее спокойное лицо, пытаясь найти черты семейного сходства, и у нее сложилось впечатление спокойствия и сдержанной силы. Волосы обеих волшебниц убраны в серебряную сеточку, на шее у каждой — дымчатый камень на цепочке.

Хотя лица у обеих волшебниц одинаково гладкие и как бы лишенные возраста, Нолар показалось, что волшебница слева от нее моложе. Один глаз у нее закрыт непрозрачной пленкой. «Если она слепа на один глаз, — подумала Нолар, — посох ей необходим для ходьбы». Остбор рассказывал ей, что когда волшебницы начинают свою подготовку, они отказываются ото всего. На посохе у волшебницы маленькая серебряная птица — похоже на герб рода. Вдобавок полуслепая волшебница внимательно смотрела на Нолар, увеличивая беспокойство девушки.

Бабушка тоже пристально разглядывала ее.

— Жаль, что у тебя такое лицо. Если бы ты при проверке проявила дар, то нашла бы у нас убежище.

Итак, они не знают, что она не проходила проверку!

Нолар испытала огромное облегчение, но тут ей в голову пришла ужасная мысль, что волшебница нарочно обманывает ее, вызывает ложное чувство успокоенности.

Полуслепая волшебница шевельнулась в глубоком кресле, словно думая, заговорить или нет.

— Может, в архивах Лормта найдутся средства избавления от таких пятен на коже? — неуверенно спросила она.

Старшая волшебница нахмурилась.

— Ты зря интересуешься тем, что нас не касается. Старые глупцы в Лормте зря тратят время, разглядывая бесполезные каракули. Они даже не смешны, просто никчемны. Никогда больше не упоминай это место!

Ее спутница молча приняла выговор, но во время последующих представлений часто поглядывала на Нолар. Мачеха привела остальных членов семьи, чтобы формально представить их. Нолар сразу же встала сзади всех, а вскоре отошла в сторону. Думая о собственных тревогах, девушка вначале не прислушивалась к разговору на возвышении; там на оставшиеся два кресла сели ее отец и мачеха. Но что-то в тоне отца неожиданно привлекло внимание Нолар. С почтительной вежливостью он расспрашивал о нынешнем состоянии границ Эсткарпа, которые подвергаются непрерывным нападениям. Искренняя озабоченность в его голосе заинтересовала Нолар. Старшая волшебница ответила, что Фацеллиан из Ализона сейчас озабочен внутренними делами. В голосе ее звучало сухое удовлетворение. Нолар заподозрила, что волшебница знает гораздо больше, чем говорит.

Отец Нолар торопливо поблагодарил за новости об Ализоне.

— Я уверен, что твоя недавняя поездка на границу дала бесценную информацию Совету. Как ты знаешь, мы здесь далеко от центра и пользуемся только слухами. Наша торговля очень страдает из-за набегов Карстена. Правда ли, что герцог Пагар собрал огромную армию? Я слышал, что он готов в любой момент вторгнуться в Эсткарп.

Старшая волшебница со сдержанным презрением посмотрела на отца Нолар.

— Те, кто вкладывают деньги, доверяясь слухам, могут обнаружить, что их золото исчезло за ночь. Принимая решения, нужно опираться на более достоверные факты. Завещаю тебя, Совет в состоянии справиться с Пагаром. Вскоре он с этой целью собирается в замке Эс. А теперь мы должны удалиться, потому что завтра выезжаем рано утром.

Нолар незаметно вернулась к себе в комнату. Ее горная одежда была аккуратно сложена на низком сундучке. Она прикоснулась к знакомой грубой шерстяной вязке и захотела очутиться в своем старом доме. Но в этот момент услышала легкое царапанье у двери. К ее удивлению, в коридоре нетерпеливо ждала полуслепая волшебница. Она решительно вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

— Я должна поговорить с тобой, — заговорила волшебница так тихо, что Нолар пришлось наклониться к ней, чтобы расслышать ее слова. — Завтра такой возможности не будет, значит, поговорим сейчас. Внимательно меня выслушай: ты должна отправиться в Лормт!

Нолар подумала, что выглядит совершенно ошеломленной. Вначале она даже потеряла дар речи, но потом смогла промолвить:

— Лормт... но до того, как ты упомянула недавно это название, я слышала о нем только от старого ученого, который увез рукописи Остбора.

Волшебница кивнула.

— Хорошо, значит ты, по крайней мере, о нем знаешь. Мало кто понимает важность сохранения древних знаний. Ты слышала мнение члена Совета. Как ни жаль, но такое же мнение о Лормте у большинства волшебниц. Тем не менее, вопреки их мнению, Лормт — сокровищница древних знаний, которые нигде больше невозможно отыскать, и ты должна отправиться туда. Не могу передать тебе, насколько это важно и срочно, но ты должна мне поверить. Только ты одна можешь отыскать в Лормте то, что нужно...

Нолар была убеждена, что волшебница говорит искренно, но тем не менее ей хотелось задать множество вопросов.

— Но, леди, кто я такая, чтобы искать? Как я туда попаду? Кто меня послушает? Я никого не знаю в Лормте, не знаю туда дороги. Остбор занимался там много лет назад и был уже слишком стар, чтобы проделать такой длинный путь снова, когда я попросила отвезти меня туда.

Волшебница стояла неподвижно, только пальцы ее шевелились на наконечнике посоха. Серебряная птица, изображенная на нем, была вороном. Этих величественных птиц Нолар часто видела на верхушках деревьев. Девушка неожиданно поняла, что эти движущиеся пальцы выдают необычное волнение волшебницы.

Выражение лица волшебницы словно подкрепляло беспокойные мысли девушки.

— Не могу тебе сказать, как туда добраться, — призналась волшебница. — Но это просто: найми проводника, который позаботится о лошадях и обо всем

остальном. Об этом можно не думать. Самое трудное — объект твоего поиска. Мне он совершенно неясен. — Волшебница раздраженно ударила посохом по полу и тут же испугалась шума. К счастью, никто его, по-видимому, не услышал. Волшебница торопливо продолжала: — У нас мало времени. Внимательно слушай! Нам иногда дается Предвидение, мы видим то, что будет. Трижды видела я тебя, никакого сомнения, никакой ошибки здесь не может быть. Я видела именно тебя. А Лормт — нужное место, в этом я тоже уверена. — Она поджала губы и вздохнула. — Туман, дымка — все остальное скрыто от меня, но я знаю, что ты должна отправиться в Лормт и искать. Никогда раньше не было у меня таких мощных Предвидений. А теперь я должна идти. Может быть, мы еще встретимся. Я чувствую, что нас что-то связывает. Не знаю, как и почему... И я желаю тебе добра! Добра в будущем.

Глубоко пораженная тревогой и волнением волшебницы, Нолар неуклюже поклонилась.

— Благодарю тебя, леди, за то, что рассказала о своем Предвидении. Не знаю, куда приведет меня дорога, но если когда-нибудь попаду в Лормт, я вспомню твои слова.

Волшебница задержалась у двери.

— Больше ничего я не могу сделать для тебя. Помни: ты должна отправиться в Лормт и искать там. — Взмахнув своим серо-голубым платьем, она торопливо пошла по коридору, не оглядываясь.

Нолар много часов лежала без сна, раздумывая над загадками этого дня. Она быстро забыла об усилиях отца организовать ее брак. Решила, что пока ей нечего опасаться. Отец слишком практичен и горд, чтобы рисковать нарваться на новый отказ. Эта неудачная попытка будет, вероятно, последней... Конечно, возникла досад-

ная мысль, если в другом семействе не найдется сына, тоже пораженного каким-то увечьем. Девушка покачала головой, потом успокоилась. Ей мешала непривычно мягкая подушка.

Она знала, что здесь ей не место и что никогда она не будет своей в этом доме. И чем быстрее вернется к одиночеству в горах, тем лучше. Решившись на следующее же утро попросить у отца разрешения уехать, она стала вспоминать встречу с волшебницами. Остбор был прав. У нее нет никаких родственных связей с двоюродной бабушкой. Став волшебницей, та порвала все отношения с родней и стала очень важной и одинокой. Но Нолар не знала, что и думать о полуслепой волшебнице, которая приходила к ней в комнату. В ней было то же внутреннее тепло, которое заставляло Нолар вспомнить об Остборе, единственном человеке, который был к ней ласков. Если члены семьи должны заботиться друг о друге, тогда совершенно незнакомая ей волшебница больше похожа на ее родственницу, чем кровные родные. Но у волшебниц исчезают семейные чувства, как только они надевают свое серое платье.

Все это похоже на узел со свисающим концом, за который надо потянуть. Нолар не могла забыть то, что поведала ей полуслепая волшебница и как она сказала об этом. Почему Нолар появлялась в ее Предвидениях? И как она может быть связана с чем-то в далеком Лормте? В сознании ожило старое желание увидеть Лормт, но Нолар уверяла себя, что это глупость. Единственное место, где она своя, это горы, подальше от презрительных взглядов. Странно, но последней ее мыслью перед погружением в тревожный сон был серебряный ворон на посохе волшебницы.

Следующий день начался в лихорадочной суете. Волшебницы уехали еще до рассвета. Приехало на свадьбу

много новых гостей. Нолар ждала до позднего утра, прежде чем увиделась с отцом, но тот казался озабоченным, и ему явно было все равно, уедет она или останется. Нолар воспользовалась возможностью и попросила того же слугу, который сопровождал ее, привести лошадь. Собиралась она недолго и еще до полудня незаметно выехала с заполненного людьми двора.

И когда устало поднималась по склону холма к двери дома Остбора, этот тесный эксцентричный дом показался ей желанным убежищем. Она раскрыла все окна и после долгой и пыльной дороги с облегчением вдохнула пахнувший сосной воздух.

В последующие дни она перешла к привычному образу жизни, собирала травы, корни, листья и стебли и сушила их для горцев, которым они будут нужны. В тихие вечерние часы Нолар просматривала свитки, оставшиеся от Остбора, в поисках сведений о волшебницах и их обычаях. Как и говорил ей Остбор, волшебницы держались очень отчужденно, так что в рукописях содержались скорее слухи и сплетни, чем факты. Но то немногое, что она узнала, увеличило беспокойство Нолар. Старшая волшебница сказала, что Нолар могла бы найти среди них свое место, несмотря на уродство, если бы проявила дар.

«Должно быть огромное облегчение, — думала Нолар, — когда чувствуешь, что ты принадлежишь к кому-то, будет ли это семья или сообщество волшебниц». В ее случае, конечно, дверь семьи перед Нолар была закрыта с самого начала. Но все же, несмотря на необъяснимое ощущение доброты, которое она почувствовала в полуслепой волшебнице, девушка решила, что жизнь с волшебницами должна быть холодной и аскетичной, когда индивидуум каким-то загадочным

образом растворяется в группе, и это казалось Нолар страшным. Она еще раз решила в будущем избегать всех волшебниц, хотя иногда чувствовала удивлявшее ее желание снова встретиться с волшебницей с серебряным вороном на посохе.

Никаких сообщений из Лормта или о нем она не получала. Вспоминая слова старшей волшебницы в доме отца, Нолар часто думала, есть ли связь между ними и рассказом бродячего торговца о герцоге Пагаре. Нолар чувствовала, что события готовы обрушиться на Эсткарп, как волны, говорят, рушатся на береговые пляжи. Она сама никогда не видела море, но Остбор читал ей о прибое Верлейна и о прославленных воинах и купцах салкарах. Если правда, что корабли салкаров готовы помочь жителям Эсткарпа бежать от вторгнувшихся полчищ Пагара, то Нолар и ее соседи, находящиеся так далеко в горах, все равно останутся в безопасности. Но, подумав об этом, Нолар поняла, что силы Карстена не остановятся ни на реке Эс, ни под стенами самого замка Эс. И если Эсткарп действительно подвергнется нападению, Ализон на севере тоже не будет ждать. Но на юге... Мысли Нолар обратились на юг, к Лормту. Ее раздражало это повторяющееся воспоминание, и она дала себе слово, что больше не будет поддаваться чужому давлению.

Давление — слово это словно повисло в неподвижном воздухе. «В нем заключена какая-то болезненная ирония, — подумала Нолар, — какое-то ощущение всеобщей неправильности». Если не считать спокойного общения с Остбором, Нолар никогда не чувствовала себя уютно в обществе других людей. Но сейчас ей начинало казаться, что вся природа перестала быть прежней, будто изменилась. Как иначе объяснить непо-

нятное давление, которое она испытывает? И исходит оно с юга. Но Нолар была почему-то уверена, что не от Лормта. Снова мысленно услышала она слова торговца: «Волшебницы собираются нанести Пагару удар, от которого он и весь Карстен не скоро оправятся». Нолар неожиданно поняла, что неправильность в природе связана с волшебницами. Это они стоят за уходом из жизни. Если они черпают энергию из земли Эсткарпа, какие опустошения последуют, когда они выпустят накопленную энергию?

Сгушались сумерки, и Нолар вздрогнула как от своих устрашающих мыслей, так и от пронизывающего холода. В этот вечер заката не видно: густые облака на юге закрыли солнце. Нолар зашла в дом лишь для того, чтобы взять шерстяную шаль, и сразу вышла. Тревога заставила ее подняться на ближайший холм, откуда открывался прекрасный вид на юг. Она знала, что должно произойти нечто ужасное.

И хотя она была насторожена и готова к этому, невольно отшатнулась, когда на темном горизонте вспыхнул ослепительный свет. Нолар бессознательно задержала дыхание, сжала кулаки, так что ногти впились в ладони. Она попыталась успокоиться, но снова вспыхнул свет, ярче любой молнии, какую видела когда-либо девушка. До вспышки бесконечно далеко, но Нолар напрягала слух, чтобы услышать гром, который должен сопровождать это грандиозное зрелище. Поползли минуты, затем, к изумлению девушки, первым физическим признаком далекой катастрофы стало колебание скал под ногами. Первый толчок был легким, но затем сразу усилился.

За время жизни в горах Нолар наблюдала несколько легких землетрясений. Они проходили быстро и не приносили большого ущерба, если не считать упавшей

с полок посуды. Но эта ужасная глубокая дрожь, казалось, исходила из самой глубины земли. Сжимая шаль, Нолар опустилась на колени. Земля продолжала дрожать, неловко, неохотно, тяжело, словно отвечая на неудержимое давление издалека. Девушка едва различала гул, который на месте должен был оглушить любое живое существо. Низкий, грохочущий, скрежещущий звук отзывался в каждой клеточке прислушивающейся Нолар.

Нолар отчаянно вцепилась в землю, ее опора неожиданно стала непрочной и опасной. Что делают волшебницы? Возможно ли, что они вызвали это землетрясение? Вопрос показался девушке нелепым, она попыталась забыть о нем, но не могла.

Держась за дрожащие камни, Нолар попыталась успокоиться. «Не думай о волшебницах», — говорила она себе. Но в ее сознании неожиданно возник непрощенный образ полуслепой волшебницы, которая настоятельно просила ее отправиться в Лормт. Неожиданно, как будто она случайно коснулась невидимой пружины, открывающей потайную дверь, сознание девушки затопил поток лиц и голосов, заглушив все остальные мысли. Девушка в ужасе закричала и прижала ко лбу свободную руку. Боль... боль... давление... Сила! Сознание переполнилось Силой. Нолар крепко закрыла глаза, но продолжала видеть. Перед ее глазами появились места и предметы, которые она никогда раньше не знала. Времени на то, чтобы испугаться, у нее не было. Не было его даже на то, чтобы вздохнуть.

Однажды Нолар поднялась на самую вершину вечно-зеленого дерева вблизи дома Остбора. Ученый хотел знать, отличаются ли формой шишки возле вершины дерева от шишек вблизи земли, и поэтому юная Нолар

решила помочь ему. Спустилась она некоторое время погода, запыхавшаяся и исцарапанная о грубую кору, липкая от смолы, но с торжеством доставила несколько конусообразных шишек. Она все еще помнит паразитительный вид, который открылся ей с вершины дерева, чувство захватывающего дух простора, когда под ней раскинулись до самого горизонта поросшие лесом хребты.

Но теперь Нолар вдруг оказалась так высоко над землей, даже выше, чем птицы, о которых она иногда думала. Казалось, она, лишенная тела, повисла над обширной горной панорамой. К ее ужасу, эти горы больше не были спокойны: они двигались. То, что всегда было прочной и неподвижной опорой, теперь поднималось, катилось, даже рябило, как густая кипящая каша. «О, бедные звери», — подумала Нолар. Но тут ее сознание дрогнуло под титаническим ударом чуждой воли, сконцентрированным ударом железной Силы, которая проникала до самого основания гор, трясла их, передвигала, толкала, наклоняла, катила. Напряжение в голове Нолар нарастало, и ей показалось, что она вот-вот лопнет. Последовала дикая боль, и девушка потеряла сознание.

Придя в себя, она по-прежнему «видела» ужасное смятение в горах, сопровождаемое сильными ветрами и потоками ливня, освещаемое призрачными вспышками молний.

Но вот постепенно Нолар начала ощущать ослабление Силы, неожиданные короткие паузы, когда давление резко уменьшалось, падало. Но катастрофические изменения продолжались, поскольку нарушение равновесия, сознательно вызванное волшебницами, сохранялось. Поверхность холмов вспучивалась и сползала. Осво-

божественные ледники вызвали гигантские лавины и оползни, реки и озера выходили из берегов. Молнии вызвали многочисленные пожары, которые тут же были потушены потоками дождя и грудой земли. Целые леса были снесены, словно никогда не существовали. Нолар испытала безутешное ощущение потери: она знала, что стала свидетелем гибели множества растений, животных и людей, тех, которые оказались в этом неестественном котле уничтожения.

И вот снова что-то неуверенно ожило в ее сознании, сопровождаемое неконтролируемым ощущением печали, сожаления обо всем принесенном в жертву. Неожиданно Нолар пронзила острая боль. Кто-то или что-то выкрикивало ее имя в этой какофонии бури.

— Нолар... Нолар!.. **НОЛАР!**

Она в страшных муках ответила:

— Я здесь! Здесь! О, прекрати это, пожалуйста, **ПРЕКРАТИ!**

На мгновение наступила передышка, потом настоящий призыв повторился.

— Нолар... **НОЛАР...** Лормт... **ЛОРМТ!** Поиск... должна отправиться... в Лормт... **СЛУШАЙ!**

Под этим напором сознание Нолар стало затуманиваться. Мысли ее возникали с необыкновенной медлительностью. Лормт... полуслепая волшебница... Это... это Послание исходит от нее. Нолар сразу сосредоточилась на своих воспоминаниях о волшебнице, страшная боль от мысленного контакта ослабла, а сам контакт окреп. Приободрившись, Нолар попыталась ответить, установить со своей стороны связь с волшебницей, но ее усилия были отвергнуты, преодолены мощью Послания. Нолар беспомощно слушала повторение своего имени и призывы отправиться в Лормт,

пока, к своему удивлению, не почувствовала изменения. Сообщение становилось слабее, менее отчетливо, почти совсем прекратилось. Недавно четкая картина превратилась в непонятную путаницу, но ощущение отчаяния и спешки становилось еще острее, по мере того как слабело Послание.

— Помоги мне... сестры умирают... сожжены... слишком много Силы... НЕТ! Не уходи... боль... замок Эс... приди, Нолар!.. Ты должна... **ТОРОПИСЬ!**

С этим последним мысленным воплем контакт прервался, обессиленная Нолар упала на землю.

Так она пролежала некоторое время, дрожа всем телом. Потом с трудом села и немного погодя встала. Горный воздух больше не был неподвижен, чувствовался запах приближающегося дождя, подул сильный ветер с юга. Лицо Нолар заледенело. Она провела рукой по щекам, пальцами стерла слезы. Девушка вслепую начала спускаться со склона, стараясь поскорее найти убежище в доме Остбора. К содрогнувшейся земле возвращалась благословенная неподвижность и прочность, но ветер и гром говорили о приближении с юга страшной бури. Холодно, так холодно! Согреется ли она когда-нибудь? Вокруг пусто — многие погибли, исчезли навсегда.

Ошеломленная, Нолар покачала головой. Она разделила мысли другого человека — полуслепой волшебницы, которая, наверно, находилась в самом замке Эс, во многих милях отсюда.

Нолар ахнула, неожиданно наткнувшись на грубую деревянную стену. Наконец-то дом. Она ощупью нашла дверь, всхлипывая от усилий, и в это мгновение началась буря. Дрожащими руками Нолар схватила кочергу и расшевелила угли в очаге. Ей нужно разобраться в

происшедшем. То, что она видела и слышала не глазами и ушами, а мысленно, страшно испугало девушку. Она больше не могла уходить от неприятного вопроса: неужели она все-таки обладает даром волшебницы? Нолар страстно хотелось отрицать это, убежать от такого признания, но она знала, что должна признать случившееся. Она получила Послание волшебницы. Со слов Остбора она знала, что люди крайне редко воспринимают такие Послания, ими волшебницы обычно обмениваются друг с другом или, если необходимо, с немногими людьми, которые специально для этого подготовлены. Ни в одном свитке Нолар не встречалось упоминаний, что нормальные, подобные ей люди видели далеко происходящие события. И не только тревожное зрелище и звуки катастрофы — Нолар одновременно испытала и чувства, которые, очевидно, испытывала полуслепая волшебница.

Разбираясь в спутанных ощущениях, Нолар со свинцовой уверенностью осознала, что в эту ночь погибли очень многие волшебницы, их сожгла Сила, которую они вызвали и пытались контролировать. Это объясняло своеобразное ощущение колебаний потока Силы, которое она испытала: если волшебницы, члены Совета, умирали одна за другой от истощающих усилий повернуть саму землю Эсткарпа против врагов, тогда поток на время должен был ослабевать, пока место умерших не занимали другие, еще уцелевшие волшебницы. Была ли ее бабушка среди павших? Нолар поморщилась при этой мысли. Ее больше тревожила судьба полуслепой волшебницы. Женщина с серебряным вороном обратилась к Нолар. В момент наивысшего испытания эта волшебница направила ей Послание... и не просто Послание. Нолар отошла от очага и села в

кресло Остбора. Ее призвали. Как она сказала? «Замок Эс... приди, Нолар!» И еще: «Помоги мне!» Невозможно усомниться в настоятельности и срочности этой мольбы. Нолар мысленно принялась определять, что необходимое потребуется ей для такого путешествия. Неожиданно она встала, все еще дрожа, несмотря на тепло от очага. Замок Эс — это центр, место, где находится Совет волшебниц. Если Нолар отправится туда, как она сможет избежать опознания в качестве потенциальной волшебницы? Даже сейчас, наверно, о ней известно другим членам Совета. Такое мощное Послание должны были принять и другие посвященные, находившиеся вблизи посылающей. Может, полуслепая волшебница рассказала о Нолар другим? Но было ли у нее для этого время? Если Послание отправлено в отчаянии умирающей волшебницей, окруженной другими пораженными и гибнущими, существует вероятность, что на него никто не обратил внимания. Нолар обнаружила, что до боли сжимает ручки кресла, и заставила себя разжать руки. Неважно, знает ли о ней кто-нибудь. Несмотря на риск, Нолар должна попытаться отыскать волшебницу с серебряным вороном. Между ними несомненно существует связь: вначале в своем Предвидении волшебница связала Нолар с Лормтом, потом послала мольбу о помощи непосредственно самой Нолар. Дождь и ветер продолжали хлестать дом Остбора. Нолар печально улыбнулась. Старик понял бы. Перед ней проблема, которая не дает возможности выбора. Нолар испытывает обязательства по отношению к хозяйке серебряного ворона. Их связывает прочная нить, и Нолар не сможет успокоиться, пока не отыщет волшебницу и не поможет ей, как сумеет.

Было уже очень поздно, когда Нолар, усталая, легла

наконец в постель. После недолгих колебаний она открыла шкатулку Остбора и разложила на столе его запас драгоценного металла. Большую часть оставил Остбор, но немного серебра она заработала сама. Она не знала, какая дорога ей предстоит, но казалось благоразумным захватить с собой все самое ценное. Потребовалось немного времени, чтобы спрятать золото и серебро в узкий пояс, который она может скрыть под одеждой. Скромный запас медных монет может спокойно находиться в сумке. Заботиться об остающихся животных не нужно: на своей единственной лошади она поедет, а Остбор никогда не держал в доме других животных.

Иногда он лечил больных зверьков и держал их у себя, пока они не могли вернуться на свободу. Нолар печально вспомнила сову с яркими глазами и мягкими перьями, которая залечивала сломанное крыло на чердаке дома Остбора зимой год или два после появления Нолар. Девочке не хотелось отпускать ее, но Остбор был тверд: сова должна жить среди своих.

Недовольная, Нолар возразила:

— А вот я не живу среди своих. Никому нет дела до того, остаюсь я или ухожу. А так я могла бы поговорить с совой и погладить ее. — Сова, казалось, слушала этот разговор с большим интересом, серьезно поворачивая голову к тому, кто говорил в этот момент.

Остбор взял Нолар за руку.

— Дорогое дитя, мне ты не безразлична. Сейчас ты со мной среди своих. А птице нужно вернуться к своим родичам, охотиться на горных лугах и уничтожать мышей, которые грызут мои пергаменты. Посмотри, как она расправляет крылья. Она готова улететь от наших забот. Не надо задерживать ее, пусть будет свободной.

Устыдившись своей эгоистичности, Нолар открыла

ставень, а Остбор осторожно посадил сову на подоконник. Птица крикнула раз, потом беззвучно взлетела и быстро исчезла среди теней.

Итак, Нолар не нужно было заботиться о животных, но ей пришлось сделать много других дел, прежде чем на следующий день она смогла пуститься в путь. Необходимо было разобрать и осмотреть все запасы трав и убрать те, что могут сохраняться неопределенно долго. Через проходившего мимо пастуха Нолар отправила весточку хозяину магазина, сообщила, что принесет к нему то, что не может долго храниться, но может пригодиться жителям холмов.

В магазин она пришла в полдень. Хозяин согласился в обмен на травы снабдить ее едой и кормом для лошади. Передав ей мешок с зерном, он удивил Нолар, сунув ей в руку несколько медных монет.

— Вот, леди. Удачи тебе в пути!

Растерявшись, Нолар попыталась вернуть деньги, но хозяин отмахнулся от ее возражений.

— То, что ты принесла мне, леди, гораздо ценнее припасов и зерна, — утверждал он. — К тому же ты была другом старого ученого, а он был мудрым человеком и всегда помогал нам.

Нолар кивнула, садясь на лошадь.

— Благодарю тебя от имени Остбора и от себя тоже. Удачи тебе и твоему дому!

В течение последующих жарких и утомительных дней Нолар довела себя и лошадь до предела физической выносливости. Она проезжала одну пыльную лигу за другой, все более убеждаясь, что каждая минута очень важна, что она должна торопиться и двигаться с максимальной скоростью. Как и раньше, во время путешествия в дом отца, девушка закрывала лицо и держалась, насколько возможно, в стороне от других путников.

Каждый вечер перед сном Нолар сосредоточивалась, пытаясь установить мысленный контакт с волшебницей серебряного ворона. После каждой такой попытки она испытывала раздражение. Если бы она только знала, как это делать. Но ни разу не получила она даже самого слабого отклика. Нолар продолжала убеждать себя, что волшебница, должно быть, слишком слаба или больна, чтобы отправить новое Послание. Но с каждой неудачей девушку все сильнее охватывало желание ехать как можно быстрее.

Нолар быстро поняла, что лучшее время для путешествия — самые ранние и поздние часы. Воздух тогда прохладнее, пыли меньше, и на дорогах обычно мало народу. Она ехала бы исключительно по ночам, если бы была видна дорога. Но катастрофа на юге, должно быть, повлияла на погоду. Чем дальше на юг она продвигалась, тем темнее и холоднее становилось небо.

Приближаясь к городу Эс, Нолар встречала все меньше путников, да и те были неразговорчивы и смотрели только на дорогу. «Возможно, — думала Нолар, — они не хотят разговаривать с незнакомцами, но после нескольких дней наблюдений она пришла к выводу, что люди еще не оправились от удара, нанесенного волшебницами. Даже на таком удалении от южных границ следы катастрофы становились все заметней. Деревья, вывороченные с корнем или сваленные ветром, дорога, заваленная землей. Местами дорога вообще исчезала, изувеченная сильнейшей бурей.

На пятый день Нолар въехала в узкие ворота массивных серо-зеленых стен, окружающих Эс. Подъезжая к городу, она с удивлением разглядывала большие круглые башни, расположенные вдоль стен. Такого большого города она никогда не видела, и на нее произвело глубокое впечатление ощущение силы и древности,

исходящее от этих камней. Сквозь облака пробилось утреннее солнце, но Нолар, несмотря на безветрие, ощутила внутреннюю дрожь. Она вспомнила, как описывал несколько недель назад бродячий торговец заполненные людьми улицы города. На них по-прежнему много людей, но все они погружены в себя, лица у них мрачные и осунувшиеся. Нолар не пришлось спрашивать дорогу в замок Эс, видный отовсюду. Ее сильно притягивало к нему, но одновременно она испытывала и страх. Ее все больше пугала вероятность, что ее раскроют как потенциальную волшебницу.

Но оказавшись на просторном дворе замка, Нолар поняла, что, возможно, ее страх необоснован... по крайней мере, сейчас. Если город Эс и его жители охвачены тем же безразличием, которое она наблюдала у путников на дороге, то замок Эс полностью деморализован и пребывает в бездействии. Она безуспешно искала управляющего или распорядителя. Немногие фигуры вдалеке исчезали, прежде чем она успевала привлечь их внимание. Вначале Нолар обрадовалась, что к ней не пристают. Она не знала, что ответила бы, если бы ее спросили, зачем она приехала в замок. Но время проходило, и она все больше тревожилась. Кто-то должен остановить ее. Чувствуя себя грабителем в поисках добычи, она решила, что должна войти в сам замок и просто найти волшебницу серебряного ворона, если ей не помешают.

Привязав лошадь в тени возле корыта с водой, Нолар заставила себя подняться на порог и углубилась в лабиринт коридоров, ведущих в нижние залы и кладовые. Внутри она с удивлением увидела светящиеся шары в металлических креплениях на арочном потолке. В них не было ни свечей, ни горящих углей, но они испускали

ровный холодный свет. Нолар решила, что это часть колдовства волшебниц. Шаги ее гулко отдавались в каменных переходах, и ее все больше угнетала тишина и неестественная пустота в месте, которое должно кишеть людьми. Как ей отыскать волшебницу серебряного ворона в этом огромном здании?

Она задела рукой тяжелую деревянную дверь, и та неслышно приоткрылась. Надеясь найти кого-нибудь, Нолар раскрыла дверь и вошла в кладовую, чьи полки и закрома уходили в темноту. Она уже собиралась уйти, когда уловила металлический блеск. Над одной секцией полок и шкафов в стену темного дерева был вделан металлический гербовый знак — серебряный ворон. Нолар протянула руку, собираясь коснуться его, но вздрогнула, неожиданно услышав за собой голос:

— Что ты здесь делаешь?

Нолар повернулась и увидела перед собой мужчину в серой одежде, с лицом, морщинистым и хмурым. Должно быть, он, как и Остбор, близорук, потому что подошел совсем близко, подозрительно разглядывая девушку. В одной руке он держал короткий посох или палку, в другой — связку ключей. Нолар вспомнила другого человека с такой же палкой и связкой ключей в доме отца и решила, что это, должно быть, управляющий.

— Прошу простить меня за вторжение, — пробормотала девушка, — но я не нашла снаружи никого, чтобы спросить, куда мне идти.

— Говори побыстрее! Я старший управляющий, и у меня много срочных дел. — Человек побрякал ключами, но взгляд его казался странно отсутствующим, как будто он на самом деле не знает, что делать дальше.

— Сэр, я проделала долгий путь в поисках... родственницы. Мне сообщили... что леди больна и требует

моей помощи. Меня зовут Нолар из рода Мерони, я была помощницей ученого Остбора.

Управляющий схватился за имя ее рода.

— Мерони... Боюсь, что член Совета из вашего рода умерла. Поворот, понимаешь ли. — Его бледное морщинистое лицо выглядело напряженным, как будто недавняя катастрофа едва его не сломала.

Нолар почтительно склонила голову.

— Я опасалась этого, сэр, но сообщение я получила от живой волшебницы. — Она показала на металлического ворона. — Вот знак ее рода. Но, конечно, я не могу назвать ее имени.

Управляющий взглянул на герб и вздохнул.

— А, бедная леди. Идем.

Ведя ее по лестницам и бесконечным коридорам, управляющий объяснял, что замок сейчас в полном хаосе.

— Осталось совсем мало волшебниц: многие умерли в ту ночь, а оставшиеся... — Голос его задрожал. — Пустая шелуха. Они не приходят в себя. Послание должно привлечь сюда оставшихся волшебниц, но они еще не успели приехать. — Он покачал головой. — Как только появится возможность, все девушки в стране будут осмотрены заново. Нужно пополнять ряды.

Нолар остановилась, словно окаменев. Ее привела в ужас возможность быстрого раскрытия. Управляющий нетерпеливо оглянулся.

— Идем! Я не могу тратить время зря. Сюда, по этому коридору. — Он остановился перед окованной металлом дверью и открыл ее одним из своих многочисленных ключей.

Нолар вошла в комнату. Сердце ее дрогнуло, когда она увидела в кресле полуслепую волшебницу. Но...

что-то здесь было не так. Волшебница неподвижна, как восковая статуя. Ее здоровый глаз ясен, но взгляд его не сосредоточен. Она смотрит прямо перед собой. И, очевидно, не замечает в комнате ничего. Нолар в замешательстве повернулась к управляющему.

— Сэр, что случилось с моей дорогой... тетушкой?

Управляющий безнадежно махнул своим посохом.

— Многие в таком же состоянии. Они едят, если пищу положить им в рот, и пьют из чашки, прижатой к губам, но на самом деле они не с нами. Это все последствия Поворота. Сила была слишком велика, даже Совет с ней не справился.

Мысли Нолар путались. Она не смеет остаться в замке и заботиться о волшебнице серебряного ворона. Пройдет совсем немного времени, как ее заметят и допросят. Если бы можно было каким-то образом увести отсюда волшебницу.

— Сэр, в нашем семейном поместье о тете хорошо позаботятся. Могу я ее увезти?

Управляющий испытывал искушение согласиться, но сомневался.

— Не могу сказать, это не мое дело. Должен решить Совет. — Неожиданно выдержка оставила его, по щекам покатились слезы. — Совета больше нет! Что станет с Эсткарпом? — Он сжимал посох и ключи, пытаясь вернуть себе невозмутимый вид. — Конечно, сейчас мы испытываем большие трудности в уходе за ранеными и больными. Если бы мы знали, когда к ним вернется разум... и вернется ли вообще, мы могли бы что-то планировать. Посмотри на камень твоей тети. — Он указал на подвеску, которую Нолар видела в доме отца живой и сверкающей. Теперь камень, тусклый и безжизненный, лежал на неподвижной груди. —

Действующие Стражницы решили, что пока в камнях не появится их прежний огонь, мы должны считать, что волшебницы для нас потеряны. Если у тебя действительно есть безопасное место для этой леди, возможно, будет разумно... только на время, ты понимаешь... а если произойдет какая-нибудь перемена, ты немедленно нас известишь. — Управляющий снова казался близок к слезам, но вот он встряхнулся и попытался держаться уверенней. — Личные вещи твоей тети были спрятаны на складе, когда она переселилась в замок. В пути они могут ей пригодиться. Пойдем, я открою ее шкаф.

Вернувшись в темную кладовую, Нолар отобрала несколько прочных дорожных плащей и простые платья. Из ящика на полу управляющий извлек закрытую шка-тулку и долго возился с ней, пока она не открылась.

— Тебе понадобятся украшения и серебро твоей тети. А сейчас мне нужно идти. Сообщай мне о ее состоянии... — Голос его стих. Он резко повернулся и ушел.

Нолар вернулась к двери комнаты своей «тети», которую управляющий оставил незапертой. Она попыталась разговаривать с волшебницей, даже осмелилась повысить голос, но с таким же успехом могла обращаться к каменным башням замка Эс. Замолчав, Нолар перевела дыхание и принялась осматривать комнату. В белой корзине в углу она нашла прочную матерчатую сумку, в которую сложила личные вещи волшебницы: гребень, сеточку для волос, белье, небольшой горшочек с мазью для смягчения кожи рук. В нише за занавеской висело несколько форменных серых платьев, но Нолар решила, что было бы неразумно раскрывать истинную сущность ее подопечной. Если волшебницы с таким явным презрением относятся к Лормту и ученым из него, примет ли гостеприимно Лормт ищущую помощи

волшебницу? Нолар осторожно сняла слишком заметную серебряную сетку для волос и поменяла серое платье на светло-синее, которое нашла в сундуке у кровати. Потом спрятала камень под одеждой волшебницы, чтобы его не могли видеть. Работая, она разговаривала с волшебницей, хотя и сомневалась, что та ее слышит. Но Остбор рассказывал ей о случаях, когда люди с поврежденной головой внешне никак не показывают, что слышат, но позже, придя в себя, говорят, что слышали. Девушке казалось правильным объяснить ей, что она собирается делать, а не просто действовать, словно волшебница — безжизненная статуя, которую нужно толкать и тащить, подчинять воле другого человека.

Нолар испытала большое облегчение, поняв, что волшебница может стоять и даже медленно идти, если ее ведут, поддерживая. Сможет ли она сидеть верхом? Это предстояло еще выяснить. Нолар вывела волшебницу во двор и задумалась над тем, как посадить ее в седло. К счастью, к этому времени во дворе замка появилось больше народу, и она смогла попросить о помощи проходившего мимо мужчину. Встав на камень, он легко поднял маленькое тело волшебницы и посадил ее поперек седла. Нолар взяла повод и медленно повела лошадь вперед, все время оглядываясь, пока не убедилась, что волшебница сидит надежно и не упадет. Человек, который ей помог, подсказал и направление к гостинице, которая располагалась в нескольких кварталах от городской стены.

Лишь один раз ошибившись, свернув не туда, Нолар добралась до гостиницы и устроила волшебницу в небольшой, но уютной комнате на первом этаже. Уже давно миновал полдень, поэтому она заказала простой

еды, надеясь покормить и волшебницу. Управляющий оказался прав: волшебница ела и пила, хотя медленно и равнодушно. Количество съеденного целиком определяла Нолар, к собственному отчаянию. Она поняла, что ей придется быть наблюдательной и внимательной, чтобы накормить и напоить свою подопечную. Та ни на что не реагировала, не отказывалась от еды, но и не требовала. Сама Нолар заставила себя съесть немного густого супа и кусок хлеба, потом встала и с сомнением посмотрела на неподвижную волшебницу. Нужно будет также регулярно разминать ее онемевшие руки и ноги и менять положение тела, чтобы избежать пролежней, которые возникают у больных и стариков, не способных двигаться. Убедившись, что волшебница надежно сидит в кресле, Нолар отправилась на поиски хозяина гостиницы.

Хозяин деловито скреб деревянный стол в большом общем зале. Это был коренастый лысый мужчина с добродушным лицом. Как и все жители города Эс, выглядел он мрачно.

— Не подскажешь ли, где я могу найти проводника в Лормт? — спросила у него Нолар.

Хозяин заморгал, напомнив девушке сову на чердаке Остбора.

— Лормт, леди? Никто не ездит в Лормт, кроме выживших из ума стариков ученых.

— Я не стара и не выжила из ума, — терпеливо возразила Нолар, — но мне нужен проводник в Лормт. Ты видел мою тетю. Когда перевернулся наш дом в горах, ей повредило голову. Я приехала в город Эс в надежде, что ей помогут волшебницы, но они сами поражены и не могут помочь. Мне говорили, что в Лормте много рукописей о лечении. Есть там и люди, которые могут нам помочь.

Хозяин перестал скрести стол и явно обдумывал это сообщение.

— Может, это и правда, леди, — с сомнением проговорил он. — Сам я никогда туда не ездил и не знаю, ездил ли кто, но могу поспрашивать. Катастрофа произошла на юге, и в основном сейчас едут оттуда. Не знаю, можно ли пройти в Лормт. Как ты, наверно, знаешь, туда вела только одна тропа, да и та, насколько мне известно, никогда не содержалась в хорошем состоянии.

Несмотря на обескураживающие слова хозяина, Нолар продолжала питать надежду.

— Понятно. Я была бы благодарна, если ты поищешь проводника. Если найдешь подходящего и надежного человека, я заплачу серебром.

Два дня провела Нолар в гостинице, пока хозяин с сожалением не сообщил, что не нашел в городе ни одного человека, который собирался бы отправиться в Лормт или вообще в ту сторону. К этому времени Нолар уже решила, что будет добираться до Лормта самостоятельно. Оставалась проблема перевозки волшебницы серебряного ворона. Девушка надеялась, что знающий проводник подскажет ей, стоит ли брать носилки или можно везти волшебницу на лошади. Без проводника понадобится вторая лошадь, и Нолар откровенно рассказала о своих проблемах хозяину.

Он немного подумал и предложил:

— Вчера вечером здесь был торговец. По пути в Эс один из его подмастерьев погиб при Повороте. Лишняя лошадь ему не нужна, и он уверял, что хочет продать ее. Торговец говорил, что остановился в гостинице Снежной Кошки. Я могу послать своего парня спросить о цене и, если хочешь, осмотрю животное, подходит ли оно для твоей тети.

Нолар с благодарностью приняла его предложение. К вечеру того же дня она оказалась владелицей второй лошади, крепкой и послушной. Хозяин гостиницы обещал приготовить в дорогу продукты. Он, казалось, искренне тревожился из-за того, что девушка и ее тетя будут путешествовать без охраны.

— Леди, — предупредил он, — на дорогах в наши дни много всякого народа. Конечно, пограничников и стражников тебе нечего опасаться, но есть и другие вооруженные люди, которые отделились от своих отрядов и теперь бродят повсюду. — Хозяин встревоженно посмотрел по сторонам и продолжал, понизив голос: — Говорят, основное войско герцога Пагара погибло во время Поворота, но бродячие шпионы и солдаты Карстена блуждают по эту сторону гор. А еще есть разбойники, леди, они никому не подчиняются, ими правит только алчность. Советую тебе подумать. За несколько дней я найду надежного парня, чтобы поехал с тобой в Лормт.

Нолар подняла вуаль, пытаясь не обращать внимания на невольный жест отшатнувшегося трактирщика.

— Ты очень добр, заботясь о нас, хозяин, но видишь ли, мое лицо не располагает к дружбе, а тем более к иным чувствам. Я думаю, что разбойников больше интересует добыча, а у нас с тетей нет ничего, что соблазнило бы грабителей. Я приняла решение. Я должна поехать в Лормт и выеду завтра рано утром.

Хозяин неодобрительно покачал головой, но умело организовал все необходимое для отъезда. На следующее утро он даже прошел по улице до городской стены.

— Будь осторожна, леди, — крикнул он вслед Нолар, которая поехала дальше, ведя на поводу лошадь волшебницы. — Я расскажу командирам пограничников о

твоей поездке, и патрули смогут присматривать за тобой.

Первые лиги пути из города Эс были знакомы, и ехать было нетрудно. Однако как только город скрылся из виду, дорога повернула на восток и шла по берегу реки Эс. Нолар пришлось спешиться и вести обеих лошадей. Очевидно, во время катастрофы река выходила из берегов, потому что всюду были видны свежие следы сдвигов, оползни, груды камней, вырванные с корнем деревья; в самом течении множество препятствий, возле которых бурлила вода. На закате — солнце из-за оставшихся в воздухе туч пыли казалось красным — Нолар услышала топот коней в направлении к городу Эс. Она уже стреножила своих лошадей на ночь и стелила плащ, чтобы уложить волшебницу, когда на дороге показались три человека. Двое ехали прямо, но третий обвис в седле, как будто устал или был ранен. Первый всадник поднял руку и спросил у Нолар:

— У тебя все в порядке, леди? Мы можем тебе помочь?

— Вы пограничники, сэр? — догадалась Нолар, и предводитель кивнул.

— Да, леди. Мы искали оставших от армии Пагара или разбойников, вообще всех, кто тревожит честных людей. Проводить тебя до города Эс?

Нолар подошла к всадникам, чтобы им не нужно было кричать.

— Спасибо, сэр, но моя дорога ведет в Лормт. Я хочу вылечить тетю, которая была серьезно ранена во время Поворота.

Пограничник озадаченно смотрел на нее сверху.

— Тебе нельзя ехать одной, леди. Я сейчас не могу выделить тебе охрану: на рассвете Госвика ранило стре-

лой, и его нужно доставить к лекарю в Эс. Это был одинокий разбойник, больше он никого не потревожит. Но, леди, эта местность небезопасна. Не поедешь ли с нами обратно?

Нолар покачала головой.

— Спасибо, нет. Я должна найти целителей в Лормте, потому что у волшебниц в Эсе мы уже были, и они не смогли нам помочь.

Второй всадник осматривал раненого товарища.

— Снова открылось кровотечение, — произнес он мрачно.

Предводитель дернул узду.

— Мы должны ехать. Будь осторожна, леди.

Нолар решила переместить лагерь в более скрытое место, за кустами, так чтобы его не было видно с дороги. Ночь прошла спокойно. Как только рассвело, Нолар отвела лошадей к реке и напоила их. Она почувствовала тревогу, как будто за ней следит какой-то невидимый наблюдатель. Девушка не слышала ни стука копыт, ни звона упряжи, но ощущение, что за ней наблюдают, усиливалось. Разогревая завтрак для волшебницы, Нолар напряженно прислушивалась. Вот — шум сдвинутого камня. Не оборачиваясь, она спокойно сказала:

— Не нужно прятаться за кустом. Гораздо удобнее здесь, на ровных камнях. И у меня найдется для тебя лишняя чашка.

Последовали секунды тишины, потом она услышала, что кто-то приближается к ней. Оглянувшись, Нолар увидела высокого молодого человека в темном костюме пограничника.

— У тебя очень острое зрение, леди, — похвалил молодой человек, садясь на камень у костра.

— Слух тоже, мастер пограничник. А по камням

трудно идти неслышно. Я должна взять чашку тети, пока питье не остыло. — По пути к костру Нолар извлекла из седельной сумки запасную чашку. Наполняя ее, она посмотрела на незнакомца. У него черные волосы и серые глаза представителя Древнего народа. Одежда и упряжь, хотя и изношенные, кажутся чистыми и опрятно починенными.

Тот рассматривал ее так же откровенно.

— Благодарю за питье, леди, — сказал незнакомец, принимая чашку. — Ты далеко отъехала от города Эс.

— Как и ты. Несомненно, у тебя для этого такие же важные основания, как и у меня. Расскажем о них друг другу? Меня зовут Нолар из рода Мерони, а это моя бедная тетя... Элгарет. — Имя сразу возникло в сознании Нолар. Ей нужно как-то называть волшебницу, и «Элгарет» показалось подходящим именем. — Я живу в горах на севере. — Она не стала говорить, насколько далеко на севере. — Во время недавнего сдвига, который называют Поворотом, моя тетя серьезно повредила голову. Я просила помочь ей волшебниц в городе Эс, но они сами пострадали во время Поворота, поэтому нам пришлось искать помощи в другом месте. Теперь я направляюсь к лекарям Лормта. Если будет необходимо, пороюсь там в древних записях.

Молодой человек склонил голову.

— Я слышал об ученых Лормта, леди. Надеюсь, твой поиск окажется плодотворным. Меня зовут Деррен, я сын лесника с юга. Когда в нашей местности началась война, я присоединился к пограничникам и с тех пор находился в горах. — Неожиданно он повернулся и посмотрел на далекие южные вершины. — Леса там сильно пострадали. Потребуется много лет, чтобы они оправились.

— Ты сейчас неходишь ни в какой отряд? —

поинтересовалась Нолар. — Вчера мимо нас проехали три всадника по пути в Эс. Один из них был ранен стрелой разбойника. Они назвались пограничниками.

— Сейчас здесь много патрулей, — ответил Деррен. — Мой отряд распустили неделю назад. Часть вернулась на поля, раненых отправили на лечение. Я хотел отправиться в Эс и попросить о новой службе. Очевидно, мне больше нет смысла ехать на юг и бродить по горам.

Нолар слышала сожаление в его голосе, и лицо молодого человека показалось ей осунувшимся и измученным. Она решила отвлечь его от печальных мыслей.

— Не знаешь ли ты дорогу на Лормт?

Деррен как будто очнулся от воспоминаний.

— Сам я никогда не бывал в Лормте, но слышал о дороге, которая туда ведет. Лормт находится в горах и мог сильно пострадать от Поворота, как, ты говоришь, теперь это называют. Позволишь ли мне сопровождать тебя и твою тетю? Вам одним небезопасно ехать дальше.

— Все не забывают напомнить мне об этом, — проворчала Нолар. — Но готова признать, что такая оценка действительности правильна. Я пыталась найти проводника в Эсе, но никто не захотел ехать в этом направлении. Если это тебя не задержит, тетя и я будем рады, если ты будешь сопровождать нас в Лормт.

Деррен встал и вернул Нолар чашку.

— Сейчас приведу лошадь, леди, и мы сможем двигаться, если вы готовы.

Уходя, Деррен напряженно размышлял. Это неожиданное отклонение от его пути может дать ему необходимую безопасность. Кое-что из сказанного им женщине из Эсткарпа правда: он действительно сын лесника и уже много недель бродит в пограничных горах. А не сказал он о том, что его отец — лесник

одного из лордов Карстена. Герцог Пагар в своем стремлении к господству захватил имение этого лорда. Деррен благоразумно присоединился к армии Пагара и из-за своих черных волос и серых глаз, а также из-за своего опыта жизни в лесу был направлен разведчиком на границу с Эсткарпом. Он с большим трудом выслеживал фальконеров и даже заходил на территорию самого Эсткарпа. В ночь ужасного Поворота он был там и оказался по эту сторону границы. Он рискнул обратиться к группе пограничников, вначале выдавая себя за глухого, чтобы скрыть возможные ошибки и незнание обычаев.

Однако он обнаружил, что хаотический Поворот настолько потряс пограничников, что они не задавали ему никаких вопросов, а просто приняли как отставшего от другого отряда. Больше всего боялся Деррен встречи с приводящей в ужас эсткарпской волшебницей. О них говорили, что они с помощью своего зловещего колдовства узнавали правду о каждом человеке. Когда пограничники, к которым он присоединился, оправились настолько, что смогли вернуться в город Эс, он не поехал с ними, сказав, что будет разыскивать свой отряд. Он попытался пробраться на юг, но, к своему ужасу, понял, что местность стала ему совершенно незнакомой, все ориентиры оказались уничтожены, словно никогда не существовали, сами очертания местности неожиданно стали другими и совершенно чуждыми. Много дней боролся Деррен с отчаянным убеждением: даже если он и вернется сейчас в Карстен, он увидит не знакомую местность, а землю, совершенно опустошенную и чужую. Он заставлял себя забыть об этой страшной мысли. Сейчас ему нужно думать об этих двух женщинах из Эсткарпа. Никто не станет сомневаться в нем,

если он будет их сопровождать. Он может отвести их в Лормт, а потом незаметно уйти через необитаемые горы в Карстен, и тогда можно будет не опасаться, что его обнаружат и будут преследовать.

Ведя лошадь к костру, Деррен мимоходом подумал, почему женщина, назвавшая себя Нолар, все время прикрывает лицо. Та часть ее лица, которую он разглядел, казалась ему нормальной. Он не слышал, чтобы у женщин Эсткарпа существовал обычай носить вуали; к тому же лицо раненой тети было открыто. Вероятно, разумнее будет не спрашивать об этом. Он не должен рисковать, задавая вопросы, ответы на которые он как пограничник, вероятно, должен знать.

Физическая сила Деррена очень помогла Нолар в уходе за волшебницей. Девушка вначале удивлялась, обнаружив, что и про себя называет волшебницу Элгарет. Раньше в пути Нолар обращалась к ней, называя «тетя». Ей казалось, что такое обращение позже защитит ее в Лормте, убережет от ошибок в присутствии незнакомцев. Отныне волшебница серебряного ворона будет тетей Элгарет, и хотя она женщина невысокая и худая, Нолар было трудно по несколько раз в день сажать ее на лошадь. И поэтому она с благодарностью передала эту обязанность Деррену, который оказался похвально покладистым и сильным, несмотря на свою худобу.

Первое утро они ехали в молчании. Чем дальше они углублялись на юго-восток, тем больше встречали свидетельств ущерба, причиненного Поворотом и сопровождавшими его бурями. Когда днем они спешили, чтобы укрыться от жары, им удалось найти тень под огромными камнями, вывороченными наводнением. Деррен усадил Элгарет на сложенный плащ и почтительно повернулся к Нолар.

— Ты необычайно молчалива, леди. Я обидел тебя чем-нибудь? Должен тебе признаться, что я не привык к обществу женщин и не могу похвастаться хорошими манерами, потому что провел всю жизнь в лесу и с мужчинами.

Нолар серьезно посмотрела на него.

— Если кто-то и допустил ошибку, мастер пограничник, то это я. Я тоже слишком долго жила одна и не привыкла к разговорам. — Ей показалось, что Деррен обрадовался. По-видимому, понял, что нет необходимости в искусственной вежливости. Сама Нолар всегда предпочитала молчание пустой болтовне. В детстве соседские дети прозвали ее «Закрытый Рот».

Деррен рукавом вытер пот со лба.

— Я проходил здесь несколько недель назад, леди. В нескольких лигах отсюда песчаный берег, прикрытый деревьями. Ты можешь там вечером искупаться. — Он колебался. — Вернее, это было здесь раньше. Ты видела, как изменилась река, она вся усеяна обломками деревьев и камнями. Посмотрим, можно ли в ней купаться.

Нолар задумчиво кивнула.

— Хорошая идея. И я, и тетя воспользовались бы такой возможностью.

Деррен, прищурившись, посмотрел на солнце.

— Лучше переждать здесь жару. Я покараулю, леди, а ты можешь поспать.

— Разбуди меня немного погода, — попросила Нолар. — Я сменю тебя.

Вечером, когда удлинились тени, Деррен нашел на реке место, о котором говорил. Как он и боялся, наводнение и бури изменили там многое. Ровный песчаный берег, удобный для купания, теперь ушел под мутную бурную воду. Деревья унесло. Деррен упрямо принялся

за поиски и наконец нашел глубокое место на реке, относительно нетронутое наводнением. Он помог Нолар отвести Элгарет к воде, потом ушел, чтобы растереть лошадей и подготовить лагерь на ночь.

Вода в небольшом изолированном бассейне оказалась хоть и холодной, но чистой и освежающей. Нолар осторожно вымыла Элгарет, потом торопливо окунулась сама. Приятно было после нескольких дней верховой езды надеть чистое платье. Нолар принесла к костру сумку Элгарет и достала из нее посуду для ужина, когда сообразила, что забыла закрыть лицо. Она подняла голову и увидела, что Деррен смотрит на нее, но на лице его не было отвращения.

— Ты теперь видишь, сэр, почему я ношу вуаль, — объяснила Нолар.

Деррен не отвел взгляд.

— Я видел такие знаки и раньше, леди. Надеюсь, он не причиняет тебе боль.

Нолар удивилась: впервые кто-то проявил интерес к тому, что она чувствует.

— Нет, мне не больно, но тем, кто на меня смотрит, он причиняет беспокойство.

Она замолчала, так как Деррен внезапно застыл, лицо его побледнело. Нолар с тревогой повернулась, чтобы увидеть, что так испугало его. Сердце ее упало. Деррен смотрел на Элгарет. Нолар, конечно, переодела Элгарет после купания, но забыла убрать ее камень, и теперь он висел поверх платья.

Деррен слегка дрожащей рукой указал на Элгарет.

— Волшебница! — прошептал он.

Нолар не пришло в голову, что для пограничника это странная реакция. Но она почувствовала глубокую тревогу Деррена и постаралась успокоить его.

— Да, тетя волшебница, но, как ты видишь, ее поразила Поворот, и она больше не воспринимает мир. Ее камень тоже поражен, в нем нет огня, и поэтому он также бессилен.

Деррен повернулся к Нолар, потом во взгляде его появилось осмысленное выражение.

— Прости меня, леди. Я очень удивился. У моего отряда не было волшебницы... для советов.

Нолар улыбнулась, вспомнив собственное знакомство с волшебницами.

— Да, когда видишь их перед собой, они производят сильное впечатление. Я сразу вспомнила свою первую встречу. — Ей пришли на память слова Остбора, и она поторопилась добавить: — Ее настоящее имя, конечно, не Элгарет, но у нас в семье пользовались этим именем, когда обращались к ней.

И снова выражение лица Деррена показалось ей странно отсутствующим, каким-то обманчивым.

— Конечно, леди. Я не хотел оскорбить вас.

— Ты и не оскорбил. Могу я расчесать волосы до еды? Видишь ли, купаясь, я вымыла и голову.

— Я соберу еще дров для костра, — предложил Деррен, быстро вставая. Мысли его путались. Волшебница! Он в обществе волшебницы из Эсткарпа. А что если она неожиданно придет в себя и сразу распознает, кто он такой? Но Нолар сказала, что волшебница околдована, а ее ужасный камень, когда он теперь решается взглянуть на него, кажется тусклым и безжизненным, как самый обычный булыжник. Может быть — смеет ли он надеяться — он в безопасности, пока волшебница не в своем уме, а какая маскировка для него в Эсткарпе может быть лучше, чем сопровождение одной из главных защитниц этой страны? Деррен решил, что ему

повезло, но все же не мог сдерживать свой внутренний страх перед волшебницей, как ни старался.

Когда он вернулся в лагерь, Нолар закончила расчесывать волосы, прежде чем собрать их в удобную прическу.

Это движение пробудило у Деррена воспоминания, и он сказал просто:

— У тебя красивые волосы, леди! Как у моей матери.

Удивленная, Нолар остановилась и посмотрела на него.

— Спасибо, мастер пограничник. Не думаю, чтобы кто-нибудь раньше замечал, что у меня есть волосы. Сейчас приготовлю поесть.

Готовя простую похлебку, Нолар размышляла о своих наблюдениях за Дерреном, особенно о его реакции на ее лицо. Впервые кто-то после Остбора и отчасти волшебницы серебряного ворона обратил на нее внимание как на личность. Внешность очень сильно действует на большинство людей. Они сразу замечают знак на лице Нолар, но не видят саму Нолар. Но почему-то Деррен сумел увидеть именно ее, а не уродство на ее лице. Девушка не думала, что после смерти Остбора найдется еще один человек, способный на это. Однако... поведение Деррена, когда он обнаружил, что Элгарет — волшебница... Что-то в этом есть странное, хотя причину своей тревоги Нолар не могла понять. Вздыхнув, она наконец решила еще подумать об этом, но позже.

Хотя дни конца лета по-прежнему были жаркими, ночами становилось необычно холодно. Нолар подумала, что, возможно, Поворот ускорил приход холодов. Она достала теплые плащи, закутала Элгарет и укрылась сама. Деррен признался, что не ожидал такого не по сезону холода и с благодарностью принял запасной плащ.

К середине следующего дня стало ясно, что их продвижение серьезно замедляется. Сама река изменилась после Поворота. Нолар спросила у Деррена, не могла ли река Эс сменить русло, и тот согласился, что теперь она течет не там, где раньше. Они остановили лошадей, спешились и повели животных между перевернутыми скалами и вырванными с корнем деревьями. Деррену пришлось нести Элгарет, потому что она не могла идти по такой неровной дороге. Нолар шла сзади, ведя лошадей. Поверхность земли явно изменилась после Поворота. Вместо пологой гладкой равнины вокруг виднелись новые и неожиданные контуры. Когда путники наконец выбрались из лабиринта скал и поваленных деревьев, Деррен сдержал стон отчаяния. Тропу перекрывало обширное пространство грязи, образуя предательскую поверхность, на которой не видно ни следа.

— Придется свернуть немного, чтобы обойти это, леди, — огорченно сказал Деррен. — Слишком рискованно идти здесь. Я видел, как люди и лошади вязли и погибали в горных оползнях. То, что кажется ровной и прочной поверхностью, на самом деле может скрывать пропасть, в которой неосторожный исчезнет без следа.

Вскоре после этого Нолар первая увидела впереди и справа светлое пятно на фоне более темной грязи. Она осторожно пробралась туда, пока не смогла рассмотреть более ясно. Течением принесло труп редкой снежной кошки, живущей высоко в горах; выбеленная солнцем ветка пронзила стройное туловище. Пятнистая шерсть шевелилась на прохладном ветру. Деррен, подойдя, застонал. Он с гневом указал на него.

— Сколько еще таких погибло, леди? Что стало с животными гор, с растениями, деревьями? На юге еще хуже, чем здесь. Три дня назад я пытался пройти в горы, но через лигу вынужден был повернуть назад. Мес-

тность стала совершенно незнакомой. Возникли ущелья, которых раньше не было, появились новые ручьи и ключи, новые утесы. И повсюду оползни. Все прежние ориентиры и наблюдательные пункты исчезли. Они не повреждены — просто исчезли. — Деррен перешел на шепот. — Говорю тебе, леди: этот Поворот — злое дело.

Слушая Деррена, Нолар снова вспомнила свое рожденное волшебством видение ужасных разрушений, причиненных Поворотом. Естественная близость и сочувствие всем живым существам заставили ее протянуть руку, чтобы утешить Деррена, но она тут же остановилась. Земля и несчастные обитатели Эсткарпа испытали муки во время Поворота, но действия волшебниц были исключительно оборонительные.

— А как же армия Пагара, мастер пограничник? — спросила Нолар. — Единственной целью Поворота было защитить Эсткарп от вторжения, которое иначе остановить было невозможно.

Деррен стоял неподвижно.

— Я сын лесника, леди. И провел жизнь среди деревьев и животных. Действия армий и волшебниц мне непонятны.

— Я недавно слышала торговца, который говорил то же самое, — задумчиво ответила Нолар. — Ему не приходило в голову, что не будет торговли без мира и порядка на земле. Кстати, я слышала, что вторгнувшаяся армия не обращала внимания на животных или фермеров.

— Справедливые слова, — признал Деррен. — Война не мое дело, леди, но я достаточно видел, чтобы понять, что слова твои правильные. — Он в последний раз взглянул на снежную кошку и повернулся к стреноженным лошадям. — Я знаю, что животные погибают в

бурю, а деревья ломаются. Просто я никогда раньше не видел, чтобы за одну ночь происходило столько разрушений.

— И никто не видел, насколько мне известно, — согласилась Нолар. — Мой покойный хозяин, ученый Остбор, изучил все свитки о великих происшествиях в прошлом, но я не помню, чтобы он говорил о чем-то похожем на Поворот. Будем надеяться, что больше такого не повторится: потери Эсткарпа слишком велики.

К полудню на следующий день они углубились далеко в предгорья. Странные это были холмы: как и опасался Деррен, грандиозные перемены местности повредили горные деревья и растительность. Тень можно было найти только под камнями и грудями обломков. Часами вели путники лошадей по этой опустошенной земле, и увиденное тяжело ложилось на душу. И поэтому Нолар отреагировала очень резко, когда маленькое коричневое существо пробежало по ее ноге и платью. Вздвогнув от неожиданности, девушка схватила зверька.

Деррен всмотрелся между ее пальцев и сказал:

— Это всего лишь мышь, леди. Но женщины их часто боятся. Дай ее мне, я ее убью.

Нолар осторожно разжала пальцы.

— Нет, спасибо, мастер пограничник. Я часто собирала на лугах растения и хорошо знакома с мышами. Они меня не пугают, пока не забираются в мои закрома с зерном. Посмотри, как она испугана. Только подумать: все знакомое ей исчезло. Она не знает, куда бежать. Думаю, что на время она найдет убежище в моем кармане. Может, удастся найти уцелевший луг. Там мы ее выпустим.

В тот же день ее надежда оправдалась. Деррен заме-

тил небольшой зеленый участок у сравнительно неповрежденного холма. Он улыбнулся, когда Нолар посадила своего крошечного пассажира в длинную траву. Мышь застыла на мгновение, потом исчезла.

Когда девушка садилась на лошадь, Деррен заметил: — У тебя доброе сердце, леди.

Нолар ответила на его улыбку.

— Возможно. Но скорее я так поступила, потому что знаю, каково быть одинокой в незнакомом месте. Далеко ли до Лормта, как ты думаешь?

— Кажется, мы вышли на прежнюю тропу, — предположил Деррен. — Должен признать, леди, что это может быть совершенно иная тропа, но она куда-то ведет, и если мы заблудились, нам нужно найти людей, которые подскажут путь. Я проеду вперед, чтобы посмотреть, куда ведет дорога.

Деррен помог усадить Элгарет и уехал, а Нолар раздробила лепешку и смочила ее, чтобы волшебнице легче было глотать. Вскоре Деррен вернулся и сообщил, что заметил невдалеке реку Эс, которая отошла от своего прежнего русла.

— Тут земля очень сильно подвинулась, — рассуждал он. — Никогда не видел, чтобы такая крупная река .меняла течение. — Деррен замолчал и пристально посмотрел на Нолар. — Я должен сказать правду, леди. Недалеко отсюда тропа просто исчезает. Вся земля провалилась в ущелье. Придется ехать по самому хребту, пока не спустимся в следующую долину... если она существует. Завтрашний переход будет труден, и нам нужно как следует отдохнуть ночью.

Утром нечего было и думать, чтобы ехать верхом по предательской осыпи. Деррен снова понес Элгарет на руках, а Нолар повела лошадей. Наскоро поев в пол-

день, они продолжили путь, им хотелось побыстрее отыскать продолжение тропы, где можно было бы сесть на лошадей. Пока Нолар готовила скромную еду, Деррен прошел вперед. Вернулся он бегом и возбужденно сказал:

— Леди, я думаю, мы нашли Лормт. Пойдем посмотришь: он за хребтом, в соседней долине.

Нолар заторопилась за ним и едва не упала, споткнувшись о камень. «После стольких лет, — подумала она, — наконец-то увижу возлюбленный Лормт Остбора». Поднявшись на скалистую вершину, она посмотрела вниз и отскочила, словно ее хлестнули бичом.

— О, нет! — выдохнула она, не зная, смеяться ей или плакать. Перед ее глазами рухнули величественные картины, которые рисовало ей детское воображение, как превращенные в обломки стены и башни там, внизу. Великий и знаменитый Лормт, сокровищница знаний... лежал в руинах. Остбор предупреждал ее о воздействии времени, но он говорил до невообразимой ярости Поворота. Нолар на мгновение отвернулась, глаза ее затуманились от слез. Рассердившись на собственную слабость, она вытерла лицо вуалью и заставила себя посмотреть снова. Среди груд разбитого камня копошились крошечные фигурки. Две из знаменитых башен Лормта уцелели, видны были и остатки третьей. Четвертая башня вместе с короткой внутренней стеной и большей частью внешней стены были совершенно разрушены. Земля по эту сторону стен, казалось, опустилась больше чем на высоту человеческого роста. На удалении две оставшиеся стены казались нетронутыми. Как и башни, эти стены были покрыты крутыми просмоленными крышами из плит темного горного сланца. За стенами Нолар разглядела два здания. Одно, длинное и

высокое, прижималось к дальней стене, вдоль него проходил длинный ряд окон. Меньшее здание, приземистое, находилось за воротами у стены, примыкающей к одной из уцелевших угловых башен. Нолар пыталась разглядеть блеск реки Эс, потому что Остбор часто говорил, что из спален совсем близко до берега, где можно рыбачить. Но никакого присутствия воды не обнаружила. Река Эс больше не протекала перед Лормтом, если, конечно, ее не покрыли полностью обломки. Разглядывая окружающие холмы, Нолар увидела маленькие поля и хижины, в которых поселяются пастухи. Значит, не все погибло при Повороте. Выжили и люди, и дома. Девушка перевела дыхание и повернулась к Деррену.

— Это действительно Лормт, мастер пограничник, хотя со времен моего старого хозяина город испытал немало бед. Можем мы найти безопасный спуск?

Деррен разглядывал усеянный камнями склон.

— Если пойдем пешком, леди. Я понесу твою тетю.

— Без тебя мы не смогли бы добраться, — призналась Нолар. — Благодарю тебя от имени тети и от себя.

На мгновение Деррен смутился, потом снова стал невозмутимым и опытным проводником.

— Будь осторожней на этом склоне, леди, — предупредил он. — Опора тут непрочная и может тронуться.

Даже после этого предупреждения Нолар дважды начинала скользить при спуске, но каждый раз ее останавливала тяжесть лошадей. Спустившись, они остановились передохнуть, прежде чем поехать верхом оставшееся до Лормта расстояние.

Приближаясь к стенам, Нолар вспомнила свои недавние впечатления от города Эса. Оба города всем своим видом говорили о древности и прочности, но

камни Лормта гораздо массивнее, каждый из них своими огромными размерами привлекает взор. Нолар гадала, как могли строители передвигать такие гигантские блоки, не говоря уже о том, как могли их вырубить и обработать. Щели между камнями такие узкие, что вряд ли можно воткнуть нож. Нолар вспомнила хаос Поворота и поразилась, что даже такие большие камни, без цемента, смогли удержаться в стенах. Она знала, что Остбору было бы очень интересно услышать рассказы уцелевших жителей города.

Думала она и о том, как их примут, откроют ли вообще перед ними ворота Лормта. Но, приблизившись, она увидела, что окованные металлом ворота висели косо и несколько стариков и два молодых человека пытались поправить их петли. Повсюду видны торопливо идущие старики.

Деррен спешил и обратился к ближайшему из них:

— Сэр, не скажете ли, куда нам обратиться? Тетя этой леди нуждается в лечении.

Старик, тощий и лысый, всмотрелся в них, на одно болезненное мгновение напомнив Нолар об Остборе.

— Входите, входите, — пригласил он. — Вы как будто приехали издалека. Напайте лошадей, и пусть они отдыхают. Конечно... Мы сами еще не знаем почему, но источник у нас во дворе неожиданно стал давать гораздо больше воды, и она холодная. Мы уверены, это результат недавней катастрофы. Сюда, сюда.

Несмотря на преклонный возраст, старик двигался проворно, и путникам пришлось поторопиться, чтобы не отстать. Они миновали ворота и оказались на большом открытом дворе. Источник, о котором говорил старик, находился справа, за стеной с проходом. На плетеных тросах, укрепленных на прочных воротах, к

воде спускались ведра. Рядом были устроены корыта для водопоя животных. Даже среди общего беспорядка корыта были свежевыскоблены и наполнены чистой водой. Деррен опустил Элгарет, оставив ее под присмотром Нолар, а сам повел лошадей к корытам. Старик зачерпнул ведро из источника, Нолар набрала чашку, напоила волшебницу и напилась сама.

— Похоже на растаявший снег, верно? — словоохотливо заметил старик. — Мы лишились реки, но должен заметить, что источник стал гораздо лучше. Если такой приток воды удержится, нам повезло. Кстати, если хотите поесть, наша столовая разрушена вместе с наружной стеной, но мы устроили столовую в кладовой. Сюда, сюда. — Он устремился к квадратному зданию слева от ворот.

Деррен крикнул, что присмотрит за лошадьми, а потом присоединится к ним. Нолар отвела Элгарет на склад, где были установлены самодельные столы, а один угол преобразован в кухню. Усадив Элгарет в кресло с высокой спинкой, девушка с удовольствием села на скамью.

Старик вернулся с двумя грубыми деревянными тарелками, полными дымящейся каши.

— Большую часть зерна мы сберегли, — говорил он, словно Нолар потребовала у него отчет о состоянии продовольствия в Лормте. — А вот овощи почти все погибли. Ну, может, сумеем еще откопать, пока они не испортились. Я слышал, что Квен собирается раскапывать закрома с бобами, когда мы покончим с более срочными делами. — Он неожиданно остановился. — Но я не представился. Меня зовут Вессел. Мое дело — продовольствие, и должен признать, что землетрясение серьезно нарушило наше обычное снабжение. Но наво-

днения здесь не было. Как вы, наверно, знаете, ничто так не портит зерно, как сырость. Теперь, когда река переместилась, не думаю, чтобы мы должны опасаться наводнений, кроме сильных весенних дождей. Но я не даю вам возможности говорить. Простите меня. Тут в последнее время такой хаос, что я не знаю, что делаю. Попробуйте ячменного отвара. В жару он очень освежает.

Нолар улыбнулась этому искреннему, хотя и суетливому стремлению помочь. Накормив Элгарет, она сказала:

— Ты очень добр, позаботившись так быстро о наших нуждах. Наш путь был долгим и утомительным. Меня зовут Нолар из рода Мерони, а это моя тетя Элгарет. — Она замолчала, думая, насколько можно быть откровенной. Все равно что решение скрывать лицо. Остбор заверял ее, что в Лормте высоко ценят знания и честность. Еще не входя в Лормт, Нолар решила, что не будет здесь закрывать лицо. Из всех городов Эсткарпа Лормт больше всего подходит для тех, кто ищет исцеления. «И если мое лицо не понравится его жителям, — мрачно подумала девушка, — пусть не смотрят на меня». Но оказавшись за стенами Лормта, она каким-то образом почувствовала, что здесь внешность не имеет того значения, что в остальном мире. Вессел явно не отшатнулся от нее, а зрение у него как будто острое и ясное.

Нолар посмотрела на него и приняла решение.

— Моя тетя волшебница из Эсткарпа, она пострадала от недавнего... решения Совета. Мой покойный хозяин Остбор часто говорил мне, что в Лормте лучше, чем где-то бы ни было, знают способы лечения, поэтому я и привезла ее сюда.

Вессел проницательно взглянул на Нолар.

— У нас в Лормте нет оснований гостеприимно встречать волшебниц. Они ведь никогда не обращались к нам за знаниями. — Он наклонил голову на бок, как любопытная птица, разглядывающая сомнительную добычу. — Наши лекари сейчас перегружены, лечат горожан и тех, кто нашел у нас убежище. В обычных условиях вас принял бы мастер Квен, но сейчас он занят восстановлением города. Так много разрушений. Лекари. — Он посмотрел на неподвижную Элгарет. — Твоей тете нужен лекарь или ученый, чтобы отыскать способ лечения?

Нолар удивилась. Она не задумывалась над этим различием, но теперь, после слов Вессела, поняла его мысль.

— Наружных ран у тети нет, — пояснила она. — Если какой-нибудь ученый сумеет подсказать, где искать выход из нашего трудного положения, мы будем очень благодарны.

Вессел задумался, барабанил пальцами по столу.

— Морфью, вот кого вам нужно увидеть, старого Морфью. С тех пор как месяц назад Кестер упал и повредил бедро, Морфью занимается свитками о лечении и противозаклинаниях.

В столовую вошел Деррен, и Вессел пошел за новой порцией еды и напитка. Нолар быстро изложила услышанное от Вессела.

— Ты вернешься в Эс, мастер пограничник, — спросила она, — теперь, когда благополучно доставил нас в Лормт?

Деррен сухо улыбнулся.

— Сомневаюсь, леди, чтобы мое присутствие там было необходимо. Чтобы справиться с рассеянными остатками армии Пагара, пограничников вполне достаточно. Больше нужны разведчики, которые проникли

бы в горы и отыскивали новые пути... но сомневаюсь, чтобы и это было сейчас возможно. Если не возражаешь, я останусь здесь на несколько дней: может, тебе потребуется охрана для обратной дороги.

Нолар смотрела на его бесхитростное лицо. А про себя подумала: «А куда я пойду, если волшебница придет в себя? Решит ли Элгарет остаться в доме Остбора или потребует, чтобы я отправилась в замок Эс для испытания?» Чтобы получить больше времени для размышлений, Нолар начала прихлебывать ячменный отвар. Нужно просчитать и такой вариант, что помочь Элгарет не удастся. Что ей делать тогда? Но казалось, ее усталый мозг способен сейчас только оставлять вопросы без ответа. Она заставила себя вернуться к словам Деррена.

— Конечно, было бы хорошо, если бы ты и дальше помогал мне заботиться о тете. По крайней мере, пока мы не найдем для нее лечение. — Нолар повернулась к Весселу. — Есть ли для нас место, где мы могли бы остановиться? Наши запасы продуктов почти кончились, но тем, что осталось, мы с радостью поделимся.

Вессел отмахнулся от ее предложения.

— Нет, нет, благодаря предусмотрительности мастера Квена у нас достаточно пищи для всех постоянных обитателей и для тех, кто присоединился к нам недавно. Он как раз перед катастрофой заставил нас провеять все запасы зерна. Мастер Дуратан считает, что мы даже можем еще до наступления зимы засеять поля. И у нас достаточно места для путников. Чего в Лормте всегда было с избытком, так это свободного места. По правде говоря, теперь, когда землетрясение открыло множество потайных помещений, у нас стало его еще больше! Позвольте показать вам, где вы сможете отдохнуть, пока я ищу старого Морфью. Я знаю три самых вероят-

ных места, где он может находиться, а если его там нет, поищу в других местах, менее вероятных.

Вессел провел гостей к двери в оставшейся целой боковой стене, в дальнем конце двора. Нолар поразила огромному пространству внутри стены. Узкие лестницы вели в нескольких направлениях. Виднелось множество дверей, ведущих в кладовые и спальни. Маленькие светящиеся шары и редкие факелы добавляли свет к дневному, пробивавшемуся сквозь узкие окна со стороны двора. На этой высоте наружная стена была очень толстой и прочной, похожей на крепостную. Вессел скоро нашел свободную комнату для Нолар и Элгарет и пошел дальше по коридору в поисках другой комнаты для Деррена.

Нолар быстро осмотрела скудную мебель своей комнаты. Два низких матраца для сна, отделенные от пола грудой свежих приятно пахнущих листьев. Небольшой столик с кувшином и миской для умывания, на каменной полке у стены закрытый сосуд с питьевой водой. Нолар уложила Элгарет на матрац и укрыла простым, но теплым стеганым одеялом. Элгарет закрыла глаза. Нолар и сама хотела спать, но вначале ей нужно было узнать, нашел ли Вессел ученого Морфью. Чтобы слегка освежиться, она плеснула в лицо немного холодной воды из кувшина. И когда вытиралась, в дверях появились Вессел и Деррен.

— Я нашел Морфью, — с явной радостью объявил Вессел, как будто старый ученый был особенно трудной добычей. — Он часто засыпает за работой, так что не стесняйтесь и будите его. Пошли со мной.

Он провел их к длинному зданию у стены. По рассказам Остбора Нолар догадалась, что это главное хранилище свитков и место работы ученых. Ее предпо-

ложение тут же подтвердилось. Они оказались в лабиринте комнатушек и келий, разделенных полками, с бесконечным количеством столов, заваленных рукописями. Помещения хорошо освещались высокими окнами и бесчисленными лампами. Нолар вспомнила замечания Остбора о свечах. Очевидно, основываясь на прошлом опыте, Лормт предпочитал лампы с широким основанием и коротким фитилем, которые вряд ли могут перевернуться и упасть на драгоценные свитки. Нолар с удивлением разглядывала их. Никогда не приходилось ей видеть такого количества рукописей. Ей хотелось остановиться и зарыться в эти стопки, связки и просто груды свитков, но она боялась отстать от Вессела, который неожиданно остановился у узкого прохода между двумя полками.

Просунув в проход голову, он спросил:

— Морфью? — И после паузы повторил громче: — Морфью! МОРФЬЮ!

Этот рев, очевидно, разбудил престарелого ученого, потому что Нолар услышала спокойный голос:

— Не нужно кричать, Вессел. Я тебя отлично слышу.

Вслед за Весселом Нолар вошла в каморку, загроможденную рукописями, лежащими повсюду. «Остбор зря считал себя крысой с рукописями», — с улыбкой подумала Нолар. Очевидно, Лормт привлекает всех крыс с рукописями и склонностями к науке. Морфью сидел за столом для письма, рядом с ним стояла чернильница. Выглядел он старше Остбора, возможно, из-за своих серебристо-белых седых волос; эти волосы напомнили Нолар о сахарном пирожном, которое она как-то видела на пиру в доме отца. Светло-голубые глаза Морфью, ясные, как у ребенка, располагались по бокам тонкого носа, а рот его окружали морщины. «Как Остбор, —

решила Нолар, — этот Морфью прирожденный ученый».

— Вот путники, о которых я тебе говорил, — представил их Вессел. — Нолар из рода Мерони и пограничник Деррен. У девушки ранена тетя, поэтому я и привел ее к тебе, так как Кестер все еще в постели. — Он повернулся к Нолар. — Если сумеешь сама найти путь назад, я вернулся бы на кухню. — И не дожидаясь ответа, Вессел исчез в сгущающихся сумерках.

Морфью покачал головой.

— Вессел всегда торопится, а после землетрясения, боюсь, он ни разу не отдыхал. Попомните мои слова, он как-нибудь упадет с лестницы. Будет читать какой-нибудь отчет и не посмотрит, куда ставит ногу. Но ты должна описать состояние твоей тетушки, чтобы я знал, какие свитки мне искать. — Он взмахом руки указал на огромное количество пергаментов на полках. — Конечно, Кестер с ними лучше знаком, но если ты мне поможешь, мы найдем то, что нужно.

Нолар в тупом отчаянии смотрела на полки. Потребуются годы для того, чтобы просто взять каждый свиток и определить его содержание. Она вспомнила, как Остбор жаловался на отсутствие порядка в Лормте.

— Но ведь должна быть какая-то схема их расположения! — растерялась она. — Остбор говорил мне...

Морфью, который подозрительно клевал носом, словно начинал дремать, неожиданно выпрямился и воскликнул:

— Остбор! Как его дела? Я несколько лет его не видел!

— Он умер прошлой весной, — прошептала Нолар, чувствуя снова боль утраты. — Один из ваших ученых приезжал за его рукописями. Я жила в горном доме Остбора и помогала ему в работе. Он для меня как отец.

Морфью явно огорчила новость.

— Дорогое дитя... Я уважаю твое горе. У Остбора был настоящий талант в создании родословных. Я уверен, что его записи очень ценны и принесут здесь большую пользу. Мне нужно будет выяснить, куда их поместили. Ты, наверно, заметила, что одна стена и башня полностью разрушены землетрясением. К счастью, благодаря полученному предупреждению, мы заранее переместили почти все свитки в другое место. А когда обнажились потайные помещения, мы нашли много рукописей, о существовании которых и не подозревали. Мы все были в большом смятении: сразу после катастрофы получить такие сокровища... Если бы не наша защита... — Он смолк и начал клевать носом.

Деррен негромко кашлянул и, когда это не вызвало никакой реакции со стороны престарелого ученого, крикнул:

— Защита?

Морфью проснулся.

— Да, да, защита. Конечно, это наши шары из железа кван. Без них мы бы совсем пропали. Смотрите. — Он разложил на столе четыре свитка, обозначив внешние стены Лормта. — Когда был построен Лормт — никто не может сказать, как давно это было, — в основание каждой угловой башни заложили большие шары из железа кван. Они предназначались для защиты от злых сил, но мы здесь так изолированы, что с тех пор ни разу на нас не нападали. Когда Квен и Дуратан недавно получили предупреждение, что нужно готовиться к колдовскому ходу Совета волшебниц, они переселили всех жителей за наши стены и постарались обезопасить бесценные рукописи.

Морфью замолк, и Нолар заподозрила, что он соби-

рается снова задремать, однако он, очевидно, просто вспоминал события Поворота.

— Весь тот день прошел очень необычно, — продолжил он. — Никакого ветра, неестественная тишина, хотя все животные беспокоились. Квен и Дуратан настояли на том, чтобы привести за стены и скот, и поэтому, понимаете, у нас стало очень шумно. Я даже отсюда слышал этот шум. К вечеру несколько наших помощников закричали. Железо кван, которое всегда оставалось безжизненным, вдруг засветилось. Я позже сам это видел — поразительное голубое свечение воздуха. Постепенно это свечение расширялось, пока не накрыло куполом весь Лормт. И вовремя. Началась ужасная буря, земля закачалась, словно крыса, которую треплет огромный пес. Было очень страшно. Все рукописи слетели с мест, и я боялся, что упадут полки. Конечно, некоторые упали, но большинство все же устояло. Дуратан, который, как вы знаете, некогда был опытным воином, сказал, что Лормт плыл как щепка в водовороте, под защитой купола, созданного железом кван. Потом земля у внешней стены осела, рухнула и стена, а вместе с ней одна угловая башня и часть другой. Но благодаря нашим предосторожностям никто не погиб. Конечно, было много раненых, но в целом наша община почти не пострадала. Мне говорили, что животные пришли в ужас. Должен признаться, — с обескураживающей откровенностью сказал Морфью, — что вначале я вообще не мог двигаться. Просто сидел, цепляясь за стол. И только много времени спустя выполз, чтобы узнать, не нужно ли кому помочь. С тех пор мы работаем, восстанавливая Лормт. Вы первые путники, добравшиеся до нас после катастрофы.

— Дорога сюда очень пострадала, — заметил Деррен.
— Смена русла реки Эс вызвала большие изменения в

местности. Множество грязевых потоков и оползней перекрыло или совсем уничтожило старую дорогу.

— Народ называет это Поворотом, — сказала Нолар.

— Его вызвал Совет волшебниц, чтобы остановить наступающие армии Пагара.

Морфью серьезно кивнул.

— Не в первый раз были предприняты такие усилия.

— Он, казалось, наслаждался удивлением слушателей.

— Мы сами об этом не знали, — торопливо добавил он,

— но за несколько месяцев до этого... Поворота к нам в Лормт пришел Кемок из рода Трегарта. Он искал в свитках старинные предания. И нашел очень любопытный рассказ.

Морфью помолчал.

— Как вы можете судить по цвету моих глаз, сам я из Ализона, а не из Эсткарпа. Еще с молодости меня увлек поиск знаний. К сожалению, семья не одобрила это мое увлечение, и мне пришлось оставить дом. Со временем я пришел в Лормт и нашел здесь убежище и свой настоящий дом. Я говорю об этом, потому что Кемок нашел указания на то, что Древние блокировали в сознании людей даже мысли о восточном направлении. Это очень странно. Я слышал, как он обсуждал свое открытие с учеными Эсткарпа. Они даже не могли заставить себя посмотреть на карты, которые он чертил, не могли думать об этом направлении. Я не испытывал таких ограничений и потому смог помочь ему в исследованиях, хотя он старался действовать в одиночку. Изучая древнейшие свитки, Кемок обнаружил намеки на предыдущий Поворот, во время которого, очевидно, был воздвигнут обширный горный район на востоке. По его немногим замечаниям и из самих свитков — я изучал их после ухода Кемока — мне стало ясно, что

Эсткарп был огражден от какого-то ужасного зла. А потом само упоминание об этом направлении было стерто, чтобы никто из Древних не мог двигаться в ту сторону.

Нолар загорелась любопытством. Предыдущий Поворот!

— А когда это было? Это сделали тогдашние волшебницы? Как?..

Морфью развел руки.

— Ты говоришь точно как Кемок: множество вопросов и желание узнать все сразу. Он работал как одержимый, а я не смел входить к нему без его разрешения. Но все же, мне кажется, что, несмотря на все свои усилия, Кемок не был полностью удовлетворен, когда уезжал из Лормта. Он уехал от нас дней за десять до Поворота. Я не всегда сплю, как можно подумать, — добавил Морфью с улыбкой. — Во время работы Кемок не раз издавал восклицания, и, как я уже говорил, я знал, что за свитки он изучал. Видите ли, я должен знать, какие исследования ведутся в моей области. В данном случае Кемок интересовался древними свитками о лечении и волшебстве, которые обычно находятся в ведении Кестера. Но так как Кестер заболел, они перешли ко мне. Да, да, я вижу ваше нетерпение, но в делах науки нужно вначале четко определить, когда и где, прежде чем думать — как.

Больше тысячи лет назад Сила в первый раз изменила нашу землю. И так как горы на востоке были воздвигнуты Силой, сделали это, должно быть, волшебницы тех дней... конечно, если в те времена мужчины тоже не могли владеть Силой. Именно этот вопрос больше всего интересовал Квена и Дуратана, когда они стали учеными. А что касается «как», тут,

вероятно, тебе следует расспросить тетю. Если не ошибаюсь, она одна из тех, кто вызвал этот Поворот. Я не прав?

Смушенная, Нолар склонила голову.

— Да, это она. И именно из-за своего участия в Совете она пострадала. — Нолар медленно добавила: — Из-за этого за одну ночь погибли моя двоюродная бабушка и многие другие члены Совета. Возвращаясь к тете... Она дышит, ест и пьет, что я ей даю. Она кажется спящей и не воспринимает окружающий мир. Пожалуйста, сэр, нет ли в свитках указаний, как вернуть ее к жизни?

Морфью переплел пальцы рук на столе и задумался.

— Волшебницы Эсткарпа не очень любили нас, в Лормте. Но по-своему они ценят знания и заботятся об их сохранении. Мы живем здесь ради знаний, и если в свитках есть указания о том, как воздействовал древний Поворот на пораженных и как их лечили, нужно их найти. Ты говоришь, что умерли многие члены Совета. А есть еще пораженные, как твоя тетя?

— Да, — ответила Нолар. — Мне говорили, что уцелевшие волшебницы не могут помочь тем, кого покинул разум, как мою тетю.

Она поколебалась, но решила, что должна рассказать правду.

— Я зову тетю Элгарет. Во время Поворота я была далеко на севере в доме Остбора, а она в замке Эс. Но я получила от нее Послание. Я не обучена, — торопливо добавила она, заметив, что Деррен смотрит на нее подозрительно и внимательно, — я была больна, когда меня должны были испытывать в детстве, поэтому меня никогда не проверяли на возможность стать волшебницей. Послание было для меня совершенной

неожиданностью. Элгарет раньше имела три Предвидения, которые убедили ее, что я должна явиться с поиском в Лормт. Но она не говорила, что я должна здесь искать. В Послании она просила меня прийти к ней, но повторила, что мне нужно также отправиться в Лормт. Поэтому у меня двойной поиск: во-первых, попытаться вернуть разум Элгарет, во-вторых, отыскать то, что я должна тут найти.

Когда она закончила, Морфью и Деррен молчали. Наконец Морфью потер руки и провозгласил:

— Перед нами интересный вызов. Как вы видите, у нас очень много свитков, но по той теме, которая тебе нужна — предыдущий Поворот, — могу рекомендовать только те рукописи, которые читал Кемок, и, может, еще несколько. Возможно, что-то известно Квену. Я попробую поговорить с ним, хотя он очень занят восстановительными работами. — Он замолчал и огляделся, удивляясь наступившей темноте. — Да уже почти ночь наступила, а вы проделали утомительное путешествие. Приходите ко мне утром, и мы начнем поиски. Я подумаю, где еще можно поискать. Желаю вам обоим хорошего отдыха. — Он махнул рукой, отпуская их, и сразу уронил голову на грудь.

Деррен отодвинулся, пропуская Нолар между полками в коридор.

— Я подозреваю, — негромко заметил он, — старый Морфью проспит до утра.

Нолар улыбнулась и серьезно ответила:

— Нужно помнить, что сказал нам Морфью. Он не всегда спит, хотя со стороны можно так подумать. — Она помолчала, вспоминая, что нелепая одежда и отвлеченные манеры Остбора скрывали острый ум и железную волю в стремлении к знаниям.

Потом продолжила:

— Я думаю, Морфью настоящий ученый и гораздо мудрее, чем кажется. И он, несомненно, правильно оценил мою усталость. — Она потянулась онемевшим телом. — Попросим поесть, а потом... я не знаю лучшей постели, чем матрац рядом с Элгарет.

Но когда она наконец легла и укрылась от ночного холода несколькими одеялами, Нолар обнаружила, что, несмотря на физическую усталость, не может уснуть.

Так много нового неожиданно появилось в течение одного дня. Когда-то был еще один Поворот — поразительная новость. Но еще более поразительны следствия этого. Какого масштаба зло должно было существовать на востоке, чтобы заставить волшебниц воздвигнуть горные хребты и преградить доступ в Эсткарп? Живо ли еще это зло на востоке за горами? Не затронет ли новое изменение восточного барьера, а если затронет, то каковы будут последствия? Морфью как будто уверен, что Совет волшебниц в городе Эс не знал о предыдущем Повороте. Своим незнанием далекого прошлого они могли подвергнуть Эсткарп гораздо более серьезной опасности.

Нолар попыталась подавить это предчувствие. Ее должен заботить поиск путей выздоровления Элгарет. Она попыталась оживить надежду, что это каким-то образом возможно, но перспектива не казалась обнадеживающей. А что касается поиска, который предвидела Элгарет, Нолар была в таком же неведении, как и раньше. Придется просто ждать, пока сама Элгарет не сможет дать совет.

По мере того как постепенно расслаблялось усталое тело, Нолар начинала чувствовать, что Лормт охвачен спокойствием. Мирная тишина действовала успокаи-

тельно, как будто сами скалы поглотили и теперь выделяют терпение многих поколений ученых.

Перед тем, как заснуть, Нолар подумала: «Почему Деррен так странно смотрел на нее в келье Морфью?» Это была реакция на какие-то ее слова. О чем она говорила тогда? Сказала, что получила Послание волшебницы. Почему это встревожило Деррена? Потом он выглядел таким же напуганным, когда впервые увидел камень Элгарет и понял, что она волшебница. Нолар сонно решила, что когда будет время, она должна подумать о Деррене. Но несмотря на свое странное поведение, он очень добр.

На следующее утро Нолар принесла тарелку каши для Элгарет. Так проще, чем вести ее в столовую. Девушка решила, что разумнее прихватить с собой Элгарет к Морфью, чтобы старый ученый увидел волшебницу, а Нолар в то же время могла бы за ней присматривать. В здании бесчисленное множество комнат, углов, полок и столов, заваленных пергаменатами, где человек может просидеть спокойно и никто его не потревожит. Вскоре появился и Деррен. Он проверил лошадей и сказал, что с ними все нормально. С его помощью Нолар отвела Элгарет к ученому и удобно усадила в углу. Морфью, казалось, не тронулся с места со вчерашнего вечера. Деррен бросил на девушку красноречивый взгляд: «Я тебе говорил!» Но Морфью довольно проворно встал, вежливо поклонился не видящей его Элгарет и объявил, что обнаружил несколько перспективных свитков и они могут начать поиск. И вручил Нолар и Деррену по пачке рукописей.

Нолар осторожно развернула верхний свиток и принялась читать. Немного погодя она краем глаза заметила, что Деррен ерзает.

— Тебе трудно читать старинный почерк? — спросила она.

Деррен в явном замешательстве посмотрел на стол.

— Я не... то есть... я не умею читать, леди. Меня этому никогда не учили.

Нолар вспомнила собственное болезненное признание Остбору много лет назад.

— Ага, — заключила она решительно, — тогда мы зря тратим здесь твое время, мастер пограничник. Как ты думаешь, Морфью, не сможет ли Деррен помочь кому-нибудь в другом месте?

Морфью оторвался от рукописи.

— Да, конечно, сможет, если захочет. Я уверен, молодой человек, что Вессел подскажет тебе, где нуждаются в помощи. Не задерживайся здесь, если считаешь, что где-то ты нужнее.

Деррен явно почувствовал облегчение.

— Я приду позже и принесу еду для твоей тетушки, — пообещал он, с радостью передавая пачку рукописей Нолар.

Девушка и Морфью напряженно работали весь день. Большая часть наиболее древних материалов была изложена в форме легенд, которые часто бывали сложны и непонятны, потому что рассказывали о героях и силах, совершенно неизвестных Нолар. Часто встречались раздражающие пропуски, и еще чаще физические повреждения свитков делали чтение трудным или даже невозможным. Морфью действительно иногда казался дремлющим, но Нолар убедилась, что как ученый он настойчив и упорен, подобно Остбору. Он всегда с готовностью разглядывал пятна на рукописях и разорванные листки и предлагал свою помощь в толковании архаического запутанного почерка. Последующие дни

прошли так же, как первый. Деррен охотно работал снаружи, переходя от одного дела к другому. Дважды в день он приносил пищу и воду исследователям и Элгарет, потом тихонько уходил, так что те часто этого и не замечали.

К концу четвертого дня Нолар сделала открытие. Она встала, чтобы размять затекшие мышцы, и коленом ударилась о деревянный сундук, засунутый в узкое пространство возле стола Морфью. Нолар даже не заметила бы этого, если бы не своеобразное колющее ощущение в ноге, коснувшейся сундука.

— Морфью, — заинтересовалась она, — что в этом ящике?

Старый ученый оторвался от своего занятия: он обрезал фитиль мигающей лампы.

— Что? А, его мне доставили из новооткрытой кельи. Дуратан принес этот сундук. У меня ноги отекают в жару, и он решил, что мне будет удобно ставить их на него, когда я сижу за столом.

— Но что в нем? — настаивала Нолар. Она никогда раньше не испытывала такого неудержимого любопытства.

Морфью задумчиво пожал плечами.

— Понятия не имею. Кажется, Дуратан что-то говорил о ключе, который подходит к этому сундуку. — Он порылся у себя на поясе, достал связку ключей и принялся разглядывать ее. — Вот этот, мне кажется. Посмотрим. Да, подходит к замку. Очень старый замок, я бы сказал, и к тому же заржавел. Как мои колени... вот! С усилием Морфью открыл крышку сундука.

Нолар принялась разглядывать его содержимое. Даже в пыльном воздухе комнаты Морфью она безошибочно ощутила запах очень древних документов. Осторожно

принялась разбирать ветхие свитки. Под несколькими слоями рукописей она обнаружила резные шкатулки с минеральными порошками и сухими травами, давно превратившимися в пыль. И только собралась чихнуть, как пальцы ее коснулись чего-то теплого. Примерно такое же ощущение она испытала, когда ногой коснулась сундучка. Нолар оглянулась на Морфью. Тот был поглощен древними рукописями, которые она ему передала. Нолар задумалась. Стоит ли показывать находку ему или лучше скрыть и осмотреть позже, когда будет одна? И снова победило убеждение, что в Лормте надо быть правдивой.

— Морфью, — позвала она. — Морфью!

— Да, да, я не сплю. Ты нашла что-то?

— Когда я в первый раз коснулась сундучка, — призналась Нолар, — я почувствовала странное ощущение, и сейчас, у самого дна, чувствую то же самое, только сильнее. — Говоря, она засунула в сундучок руку, и пальцы ее коснулись складок мягкой очень старой ткани. Она извлекла небольшой сверток и, не разматывая, отнесла на стол Морфью, где было больше света.

Ткань, посеревшая от старости, рассыпалась, и оказался кусочек камня, гладкий с одной стороны и неровный с другой, где он, должно быть, откололся от большого камня. Он приятно лег на ладонь Нолар и оказался совсем не холодным на ощупь, как она ожидала. Осколок был теплым, будто девушка коснулась живой плоти. Первоначальное колющее ощущение ослабло. Ослабло ли? Сосредоточив внимание на камне, Нолар поняла, что стимулирующее ощущение с поверхности кожи перешло в ее сознание. Неожиданно Нолар почувствовала с абсолютной уверенностью, что прошла бы

в темноте к этому камню, даже если бы он был спрятан в самом далеком уголке Лормта. Она просто чувствует, где он.

— Морфью, — промолвила она запинаясь, — в этом куске камня какое-то волшебство.

Морфью не казался ни удивленным, ни испуганным.

— Многие предметы, спрятанные в древности в Лормте, имеют отношение к волшебству, — заметил он. — Можно мне коснуться его? — Когда Нолар протянула ему камень, он осторожно взял его в правую руку. На мгновение закрыл глаза, вздохнул и отвел руку. — Боюсь, что для меня это только обломок камня. Приятный на вид, кстати, желтый, с любопытными темно-зелеными прожилками.

Но он ничего не сказал о тепле, и Нолар решила, что для Морфью камень холодный. Очевидно, между нею и осколком существует какая-то связь. Странная мысль пришла ей в голову: она настроена на камень, или, возможно, камень настроен на нее, и это напоминает связь между волшебницей и ее камнем. Остбор говорил Нолар, что, насколько ему известно, камень связан со своей хозяйкой в течение всей ее жизни, и связь эта возникает, когда она становится волшебницей. Нолар одновременно испугала и возбудила эта мысль. Она чувствовала, что прикоснулась к силам, которые не может контролировать, и это неизбежно вело к заключению, что все-таки она волшебница. Но Нолар не хотела быть волшебницей; ей сразу захотелось убежать, скрыться где-нибудь, чтобы ее не раскрыли.

В отчаянии она бессознательно сжала камень и ощутила новую абсолютную уверенность. Именно этот камень она должна была отыскать в Лормте. Элгарет предвидела поиск какого-то неведомого объекта, но не

смогла точно определить его. Теперь Нолар знала, что нашла цель своего поиска. И сразу перед ней возникла новая проблема. Что ей делать с этим осколком? Но тут же Нолар подумала, что, пожалуй, сформулировала неточно. Осколок нашел ее. Ее притянуло к нему, как огонь притягивает мотылька... с более благополучным исходом, как она отчаянно надеялась.

Нолар подняла голову и обнаружила, что Морфью дремлет... или делает вид, что дремлет.

— Морфью... Морфью! Можно мне оставить у себя осколок? Я чувствую, что должна носить его с собой. Но не могу сказать, почему. — Она признавала глупость своих слов, но старый ученый воспринял их совершенно серьезно.

— Как я уже говорил, моя дорогая, я родом из Алисона. Туда редко попадают предметы, связанные с волшебством, и даже если попадают, мало кто из нас может распознать их присутствие. Это не значит, что предмет от этого становится менее могущественным. Если ты чувствуешь влияние этого камня, если он имеет для тебя особое значение, ты должна узнать, что с ним делать. Надо рассказать Квену о твоём открытии, конечно, но не разумнее ли сначала поискать, не содержится ли что-то в рукописях об этом осколке?

Нолар импульсивно коснулась его руки.

— Дорогой Морфью, ты так похож на Остбора. Конечно, мы должны внимательно изучить содержимое сундучка. Должно найтись какое-то объяснение. Не сможешь ли мне передвинуть его к свету?

Они нагнулись, ухватились за сундучок и со значительными усилиями перенесли его на более удобное место. Морфью настоял на том, что сначала нужно осмотреть свитки, под которыми лежал камень.

— Очень может быть, — предположил он, — в свитках что-нибудь говорится о камне, хотя должен признать, что в том, что я успел прочесть, ничего такого нет. Но нужно все тщательно проверить. Возьми эти, а я посмотрю остальные.

Испытывая лихорадочное желание порыться в сундучке, Нолар заставила себя сосредоточиться на ветхих рукописях. Она понимала, что Морфью прав. Нельзя пропустить возможные упоминания, которые хоть в малейшей степени касаются камня. Ее часть рукописей касалась поразительного разнообразия тем. Нолар даже решила, что рукописи просто схватили наобум и сунули в сундук. Она просматривала скучные описания методов осушения полей, за которыми следовало перечисление способов лечения лошадей. Нетерпеливо сворачивая третий свиток, она подумала, что только Остбор мог бы оценить бесконечную родословную какого-то неизвестного вельможи из далекого прошлого. В последнем свитке было множество миниатюрных изображений растений и описание их использования в приготовлении пищи. В другое время Нолар была бы им захвачена: теперь же она просто проглядела в поисках слов «камень» или «осколок». Упоминаний не было. Она подняла голову и увидела, что Морфью тоже просмотрел последний свиток.

— Никаких упоминаний твоего камня, моя дорогая, — заключил Морфью. — Вижу, что у тебя успехи не лучше. Что ж, осмотрим остальные предметы в сундучке.

Нолар показала Морфью резные шкатулки с травами и порошками, которые обнаружила раньше. Вместе они открывали каждую шкатулку, проверяли, не осталось ли внутри обрывков пергамента. Потом Нолар села рядом

с сундучком и принялась доставать и передавать Морфью последнее, что в нем осталось.

— Еще порошки, мне кажется, и небольшой пергамент с описанием лекарственных трав. — Нолар перелистала рукопись, называя вслух своих старых друзей по лугам и лесам. — Лопух, земляное яблоко, окопник, вербена, фенхель, иссоп, крапива. — Ветхая веревка, которой были перевязаны листки, распалась, и Нолар порывлась в сумке в поисках новой. Снова перевязав стопку, она протянула ее Морфью. Дальше в сундучке обнаружился плотный свиток потемневшего от времени полотна. Вдоль всей его длины шел сложный орнамент из листьев ивы и клевера, обнаруживая мастерство древней вышивальщицы. Морфью осторожно положил его на полку.

— Госпожа Бетали будет рада видеть это, — заметил он. — Ее вышивки радуют глаз. Она заботится о нашей одежде, но всегда жалуется, что наши простые вкусы не дают возможности использовать украшения.

Нолар с тревогой заглянула в сундучок.

— В нем почти ничего не осталось. Я вижу только одну или две шкатулки и еще одну связку ткани. О, Морфью! — Голос ее возбужденно задрожал. — В этой ткани рукопись, и я вижу слово «камень»! — Она достала цилиндрический сверток и отнесла на стол Морфью, чтобы развязать.

— Да, он поистине древний, — воскликнул Морфью, осторожно разматывая ткань и стараясь не повредить драгоценный материал. — Пожалуйста, пододвинь лампу поближе. Чернила во многих местах поблекли, но ты права. Текст о камне, обладающем волшебной силой. Вот его название... Он тщательно расправил складку. — Коннард, вот как он называется. Камень Коннард. Морфью замолчал и задумался. — Не помню, чтобы я

раньше слышал это название. Может быть, рукопись объяснит историю твоего обломка. Посмотрим. Мне кажется, это продолжение какого-то другого текста, потому что он начинается с середины строки. «Когда раненого приносят к камню Коннард», — прочел вслух Морфью и нахмурился. — Тьфу! Следующая строка полностью уничтожена сыростью. Он развернул свиток дальше и продолжил чтение: «Повреждения плоти и кости могут быть предотвращены, если соблюдаются соответствующие церемонии. Лечение, какого не бывало никогда...» — Морфью раздраженно остановился. — Еще поврежденное место. Ага, здесь предостережение, по крайней мере, его часть: «...предупредил, что вследствие этого может произойти большое зло и поэтому его нужно полностью уничтожить, но его не послушали... согласились, что осколок должен быть подвергнут дальнейшему изучению, а главный камень Коннард необходимо захоронить вместе с...» Ну, это невозможно выдержать! Но все же как ученый... — добавил Морфью со вздохом, — должен сказать, что повреждения в рукописях всегда приходится на самые интересные места текста. Я иногда думаю, что это сделано нарочно, чтобы научить нас терпению и должной скромности, не говоря уже о настойчивости. Осталось совсем немного... а разобрать трудно. «...Когда были наложены печати, все громко стали выкрикивать слова благодарности: миновало великое зло. И пока свет солнца не упадет на него, все будет в безопасности...» — Морфью беспомощно указал на поврежденную ткань. — Боюсь, это все, что мы сможем прочесть, моя дорогая. Но у тебя, однако, более острое зрение. Попробуй теперь ты, а я возьму перо и мы скопируем текст. Но старайся не притрагиваться к нему при чтении.

С дрожащими руками Нолар нагнулась к поблекшей

рукописи. Камень Коннард, осколок от которого у нее в руках, бесспорно, был прославлен своими целебными свойствами. Если он действительно «предотвращает повреждения плоти и кости» и дает «лечение, какого не было никогда», в таком случае, возможно... Нолар старалась обуздать свою надежду. Она принялась медленно читать рукопись, а Морфью под диктовку писал на новом пергаменте. Они заканчивали последние фразы, когда появился Деррен с ужином.

Нолар рассказала ему, пока кормила Элгарет, о своем волнующем открытии. Она отставила тарелку с ложкой, чтобы показать ему осколок. Но когда протянула ему камень, Деррен торопливо отпрянул.

Явно в тревоге, он пробормотал:

— Нет, спасибо, леди. Я ничего не знаю о волшебных предметах. Пусть они остаются у тех, кто ими интересуется.

Нолар поморщилась из-за собственного невежества.

— Я бы хотела больше знать об использовании этого камня, мастер пограничник. Если бы мы знали, как его использовать, возможно, сумели бы вылечить Элгарет.

— Остается также вопрос, где сейчас находится сам камень Коннард, — негромко напомнил Морфью. — Кажется, его погребли, но это было много поколений назад. Как я уже говорил, я не встречал никаких упоминаний об этом Коннарде, чем бы он ни был — живым существом или местностью.

— Если бы только нам оставили какие-нибудь указания, — раздраженно сказала Нолар.

Морфью задумчиво крутил перо в руках.

— Ты должна понимать, моя дорогая, что иногда волшебные предметы лучше оставить в покое. Вспомни предупреждение о том, какое с ним связано зло и что,

по крайней мере, один ответственный человек в его время настаивал на уничтожении камня.

Пораженная, Нолар вскочила со своей узкой скамьи. Она невнимательно отнеслась к этому предупреждению. Все ее внимание захватили слова о лечебных способностях камня.

— Но ведь если камень мог лечить, — возразила она, — с ним связано добро, а не зло.

Морфью покачал головой, явно вспоминая зловещие прецеденты.

— Я знаю о волшебстве только как ученый. И могу тебе сказать, что судя по наблюдениям всей моей жизни сама по себе Сила не злая и не добрая. Это... просто сила, и от того, как она используется, с какой целью, зависит ее воздействие, злое или доброе. Возможно... я только предполагаю... этот камень Коннард был использован со злыми намерениями. И потому был скрыт, изгнан, чтобы больше никто не мог его использовать. Я читал как-то в древнем пергаменте, что предметы волшебства от долгого использования в злых целях искажаются. Может, таков и камень Коннард.

— НЕТ! — Нолар сама удивилась своему яростному крику. Сжимая осколок, она ощутила его тепло и физически, пальцами, и сознанием. Смущенная собственным порывом, она повернулась от Морфью к Деррену. Ей казалось очень важным убедить его. — Прости меня. Я не могу сказать, откуда мне это известно, но я знаю. Камень Коннард не злой. Он предназначен для лечения, и поэтому... — Она остановилась, поняв неожиданно, что каким-то образом эти слова принадлежат не ей, что она выражает не свои, а чьи-то мысли. Это поразительное ощущение напомнило ей состояние, которое она испытала, воспринимая мысли Элгарет во

время Поворота. И в то же мгновение Нолар уже знала, что ей делать. Она глубоко вздохнула и решительно сказала: — Поэтому я безотлагательно должна найти камень Коннард. Теперь я вижу, в чем мой истинный поиск. Осколок пришел ко мне, чтобы я могла вернуть его камню, от которого он отбит. — Она снова замолчала, неожиданно заметив взгляд Деррена.

Морфью серьезно кивнул, как будто такие заявления не редкость в Лормте.

— Я читал, что такие предметы могут сами создавать свою судьбу, — вспомнил он. — Не верю, чтобы зло могло обмануть невинных. Потому что ты невинна, дитя, и новичок в мире Силы. Камень не может скрыть от тебя свою истинную природу. И не верю, чтобы злой предмет мог находиться здесь, в Лормте, и оставаться незамеченным, хотя, — добавил он со скрупулезной честностью, болезненно напомнив этим Остбора, — нужно помнить, что сундук был зарыт в келье, пока его не принес ко мне Дуратан. Но я думаю, что камешки предупредили бы Дуратана, если бы эти предметы были связаны с Тьмой. Поэтому согласимся с твоим убеждением, что осколок принадлежит Свету и должен использоваться для лечения. Что же нам делать дальше?

Деррен осторожно заглянул в опустевший сундук, не притрагиваясь к нему.

— Там есть еще одна рукопись, — заметил он.

Вскрикнув без слов, Нолар наклонилась, чтобы посмотреть. Ко дну сундучка прилип листок очень древнего пергамента, цвета дерева, и поэтому его почти невозможно было разглядеть. Нолар с предельной осторожностью взяла за краешек и вытащила пыльный лист.

— Теперь я понимаю, почему пограничники ценили

тебя как разведчика, — улыбнулась она Деррену. — Я бы не разглядела этот листок. Тут темно.

Морфью расправил лист на столе.

— Протрем его мягкой тканью... осторожно... и посмотрим, не облегчит ли это чтение. Ага, получилось. «Лига к северу от двух вершин, — прочел он, — от рассвета до полудня по южному берегу реки...» Это как будто указание направления, но к месту или от места? Это очень важно.

Нолар подошла ближе и заглянула через плечо Морфью.

— Это направление к камню Коннард! — воскликнула она. — Я чувствую, что так должно быть!

— Ага, — нейтральным тоном сказал Морфью. — Ученый вначале посмотрит, о чем на самом деле говорится в тексте, прежде чем провозгласит свое открытие, — предупредил он.

— Вот! Вот! — Нолар указала через его руку. — «Так глубоко погребен теперь Проклятый Камень, что больше никакое зло не сможет исходить от него. Но я чувствовал бы себя спокойнее, если бы меня послушались и развеяли его в прах». Он имел в виду камень Коннард. Это, должно быть, тот самый человек, чье предупреждение мы прочли.

Морфью нахмурился.

— Проклятый Камень — мне это не нравится. Но, возможно, этот человек сердился, потому что никто не внял его предупреждению. А что касается направления, то я не вижу никаких географических названий.

Несмотря на явное отвращение к волшебным предметам, Деррен не скрывал своей заинтересованности.

— Я много бродил в южных горах. Может, сумею узнать особенности местности, если вы прочтете весь текст.

Нолар благодарно улыбнулась ему.

— Как ты оказался нам полезен! Пожалуйста, Морфью, прочти указания.

Морфью прочел пространное описание, включая несколько последовательных проходов в горных хребтах, повороты у согнутых деревьев и речные броды, где песок белого цвета.

Когда он кончил, Деррен выглядел очень удивленным.

— Готов поклясться, что прошел пешком и проехал верхом по всем хребтам между Эсткарпом и Карстеном, — признался он, — но вынужден сказать, что эти места мне незнакомы.

— И по очень простой причине, — заметил Морфью. — Мы не знаем, как давно написан этот текст. Может, тогда у этой местности не было названий и путник опирался исключительно на описания. Я должен вам также напомнить, что наши горы сейчас не такие, какими были месяц назад. Не расстраивайся, дитя, — добродушно сказал он, когда Нолар отвернулась, чтобы скрыть слезы. — Наша судьба была бы поистине счастливой, если бы мы в один день нашли и волшебный осколок, и точную карту пути к его исчезнувшему родителю.

Нолар повернулась к нему, вытирая слезы ладонью.

— Добрый Морфью, как ты мудр. Со времени Поворота я не уверена, что кто-нибудь сумеет найти путь в южных горах. На месте вершины сейчас может быть долина или ручей. Глупо было надеяться, что мой путь окажется простым. Благодарю тебя, мастер Деррен, за твое предложение. Если бы ты узнал какой-нибудь ориентир, мы бы уже не сомневались в месте. И так как наш путь лежит на восток, мы не можем справиться по картам.

Деррен кивнул, лицо его стало мрачным.

— Ты права, леди. Может, я тоже слишком переоценил свой опыт. Этот скрытый камень может находиться в южных горах, которые мне неизвестны. Как сказал нам мастер Морфью, когда мы только появились здесь, у народа Древних блокированы мысли о востоке.

Он замолчал. Морфью внимательно и доброжелательно смотрел на него, Нолар тоже.

— Моя... моя мать родом из Карстена. — Деррен торопливо добавил: — Сам я не проезжал на восток дальше Лормта, но могу думать об этом направлении. — Глаза его расширились. — Но ты, леди, ты из Древних, однако говоришь о востоке и...

— Нолар попала под особое воздействие, — негромко прервал Морфью. — Я полагаю, что осколок камня очень эффективно снял в ее сознании барьер против востока. Ведь тебе нетрудно думать о востоке, дитя?

Нолар почувствовала, что у нее слегка кружится голова.

— Нет, но... восток не единственное направление, которое меня привлекает. — Она искала подходящие слова. — Восток, да... но также юг! Туда я должна идти. О, Морфью, откуда я могу это знать?

— Я читал, что в делах волшебства подобное притягивается подобным, — объяснил старый ученый. — По всей вероятности, твой осколок станет проводником, потому что его тянет к родительскому камню.

— Если позволишь, леди, — почтительно сказал Деррен, — я с радостью буду сопровождать тебя в твоём поиске. «Юг, — подумал он. — Мы поедем на юг! Я смогу вернуться домой, в Карстен».

Нолар взглянула на волшебницу, неподвижно сидящую в углу. — Мы должны будем взять с собой Элгарет, — сказала она медленно, словно мысленно пробираясь

сквозь лабиринт. — И если найдем камень Коннарда, Элгарет должна быть там, чтобы он излечил ее.

Деррена это предложение не обрадовало, но он сделал усилие, чтобы скрыть свое отвращение к волшебнице. Спокойным голосом он заметил:

— Твоя тетя не очень большая тяжесть в пути, леди. Но если мы собираемся в горы сейчас, когда становится холодно, нам лучше заменить лошадей на горных пони.

— В наших конюшнях есть пони, и вы сможете взять их на время, — сердечно предложил Морфью, потом повернулся к Нолар. — Я вижу по твоему лицу, что ты хочешь уехать немедленно. Не подождешь ли, пока с тобой поговорит Квен? Он главный ученый в нашей общине, и его совет всегда полезно выслушать.

Нолар импульсивно коснулась руки Морфью.

— Я слышу благоразумие Остбора в твоем голосе, — проговорила она, — и ценю твое понимание, потому что такие происшествия для меня новы... и я испугана. Но я испытываю такое мощное притяжение к востоку и югу, что боюсь, не смогу позволить себе отдыха, пока не отвечу на призыв. Если ты можешь дать нам пони, о которых говорил мастер Деррен, я была бы рада уехать завтра рано утром.

Обрадовавшись поездке на юг, Деррен чувствовал себя обязанным заняться реальностями жизни.

— Мы, по крайней мере, этот день должны посвятить подготовке, леди. Ты имеешь представление, как далеко нам придется ехать?

Нолар вынуждена была признать, что не может реально оценить предстоящий путь.

— Я буду знать, когда мы приблизимся к камню, — твердо произнесла она, потом вздохнула. Ее уверенность явно кончилась этим утверждением. — Но не

знаю, сколько нам придется проехать, чтобы добраться до него.

— Тогда мы должны все тщательно спланировать, — предупредил Деррен, мысленно уже решая, что взять с собой и как упаковать. — Нам понадобится запасной пони или даже два, чтобы вести припасы.

— Вессел поможет вам подготовиться, — заверил их Морфью. — Теперь отдыхайте, потому что, думаю, встанете вы рано. Я попытаюсь поговорить с Квенном, но не могу обещать, что он отложит свои дела и займется вашим.

Нолар сомневалась, что сможет уснуть, но как только сунула теплый осколок под скромную подушку, сразу уснула и спала без сновидений, пока на рассвете Деррен не постучал в дверь.

— У меня вскоре встреча с Весселом в главной кладовой, — сообщил он, когда Нолар откинула одеяло и потянулась за плащом, — но сначала я принесу вам завтрак.

— Спасибо, мы скоро будем готовы, — отозвалась Нолар, передвигаясь к матрасу Элгарет, чтобы помочь волшебнице подняться. Вставая, Нолар машинально взяла в руку осколок камня и не замечала этого, пока не наклонилась, чтобы поддержать Элгарет. Тусклый камень волшебницы выскользнул из-под одежды, и осколок Нолар задел его. И девушке почудился какой-то легкий блеск в камне. Этот блеск появился лишь на мгновение и исчез, и Нолар не смогла бы сказать уверенно, что видела его. Времени на опыты уже не было: в любой момент мог вернуться Деррен. Нолар убрала осколок в карман сумки, а камень Элгарет спрятала под ее платье.

Оставшаяся часть утра прошла в суетливой деятельности. Нолар собрала их небольшой запас одежды,

провела Элгарет в столовую, потом пошла назад за сумками. Когда она проходила мимо кладовой, оттуда вышел Вессел и сразу предложил помочь.

— Мастер Деррен рассказал мне о вашем новом плане, — воскликнул Вессел с большим, чем обычно, энтузиазмом. — Вам понадобится одежда для гор. Теплая обувь у вас есть? А меховые шапки? Запасные одеяла? Позволь представить тебя госпоже Бетали, которая заботится о нашей одежде. Я, наверно, уже говорил тебе: мне кажется, что климат тоже изменился после Поворота. Ты видишь, листья уже опадают с деревьев. Гораздо раньше, чем обычно. Я не удивлюсь, если в горах вскоре выпадет первый снег. Кстати поэтому, — добавил он, опуская на пол сумки и беря Нолар за руку, чтобы отвести к Бетали, — я и подумал о теплой одежде. Сюда.

Час спустя Нолар вернулась в кладовую, тяжело дыша от возбуждения. Бетали оказалась не менее энергичной, чем Вессел. Она принялась рыться в сотнях, как показалось Нолар, шкафов, ящиков, сундуков и собрала целую гору теплой одежды — и для людей, и для лошадей. Нолар только что закончила отбирать и складывать вещи, с благодарностью заполнив несколько корзин, которые тоже дала Бетали. Вессел убежал по одному из множества своих важных дел, а Нолар решила подкрепиться чашкой ячменного отвара, когда кто-то потянул ее за рукав. Она удивилась, обнаружив рядом с собой маленького человечка. Он был плотно закутан в синий плащ с капюшоном, но кожа на руках и лице была темной от загара. Нолар не могла определить его возраст, но у нее сложилось впечатление, что он очень стар, старше даже Морфью. Глаза у него светло-серые, как мелкие горные озера.

— Прошу простить меня за вмешательство, — сказал он низким голосом так тихо, что Нолар пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать его. — Меня зовут Пруетт, я один из травников Лормта. Мастер Вессел сказал мне, чтобы я нашел леди в кладовой, поэтому я здесь.

Вначале Нолар не могла понять, зачем Вессел послал к ней травника, но потом ее усталый мозг нашел объяснение.

— Мое путешествие! — воскликнула она. — Вессел подумал о запасе лечебных трав. Поразительно, как он ничего не забывает.

Пруетт наклонил голову в знак согласия.

— Вессел великолепный работник. Я уверен, что замок, который он покинул, когда ушел в Лормт, все еще сожалеет об его уходе. Если у тебя есть время, не осмотришь ли мой гербарий? Мы отметим растения, которые тебе понадобятся.

Убедившись, что Элгарет сидит в таком месте, откуда она видна поварам и те могут за ней присматривать, Нолар последовала за Пруеттом через двор в проход между зданием архива и развалинами длинной стены. Частично рухнувшая угловая башня завалила этот участок камнями, но почти все небольшие камни уже были убраны. Нолар оказалась в дощатом сарае, где висели и лежали, высушиваясь, множество растений.

— Мой прежний навес был разбит вдребезги, — пожаловался негромко Пруетт, впуская ее внутрь. — Но его оказалось несложно восстановить. Вессел предупредил, что вас трое. У меня есть кожаные сумки подходящего размера. Мне кажется, основное у тебя уже есть. Или тебе нужно пополнение?

Пораженная, Нолар стояла, разглядывая аккуратные

связки, пучки и плетеные нити трав, подвешенные к потолку и стенам и разложенные по деревянным скамьям.

— Никогда не видела такого богатства, — восхитилась она. — Удивительное место, я с удовольствием провела бы здесь очень много времени, рассматривая травы и обучаясь. Но я не могу больше задерживаться, — добавила она с сожалением. Нолар попыталась вспомнить, какие запасы еще есть в ее скромной травяной сумке. — Я взяла бы немного дудника и, может, этот прекрасный клевер.

— Тебе понадобится мазь или сухие цветы? — спросил Пруэтт, осторожно отделяя несколько пучков высушенных трав.

— Немного мази, если сможешь поделиться, — попросила Нолар. Ее внимание привлекли мелкие белые цветки на волосатом стебле. — Это горечавка? Я использую ее при кашле и лихорадке.

— Мы называем ее лихорадковой травой, — пояснил Пруэтт. — А мята у тебя есть? Она полезна для натертой кожи, лечит от ожогов и небольших ран и порезов. Но, конечно, — предупредил он, — ее нужно настаивать, а не кипятить.

Нолар охотно приняла пакет сухих листьев и стеблей. Она вдохнула освежающий запах мяты и притронулась к высохшим фиолетовым цветкам.

— А можно немного свежей? — спросила она. — Мне раньше не приходилось видеть образцы, приготовленные лучше этих. А, вот и иссоп, он очень хорош от укусов насекомых. И фенхель, и горечавка. Большое спасибо.

— Этот прекрасный окопник я собирал сам, — похвастался Пруэтт, протягивая ей вьющееся растение с

большими листьями в прожилках и гроздьями желтых цветов, каждый на коротком стебельке. — Теперь река изменила течение, и его придется искать дальше в полях, где почва влажная.

— И корни, и листья, пожалуйста, — сказала Нолар. — Я слышала, его называют скользкий корень, что очень хорошо отражает его свойства.

— А также срастиковость, потому что ей пользуются при переломах конечностей. В народе одно растение часто называют множеством имен. Когда находят новое применение растению, дают ему и новое название. Если не знаешь все эти названия, можно не догадаться об их применении. Кстати, из этих листьев тысячелистника можно изготовить очень хорошее вяжущее средство.

Нолар осторожно, чтобы не сломать, взяла листья, похожие на папоротниковые.

— Больше ничего в сумки не поместится, — пожалела она. — Я очень благодарна тебе, мастер Пруэтт. Как тебе, наверно, сказал Вессел, я хочу вылечить свою тетю Элгарет, разум который повредился, когда Совет произвел Поворот гор. Мне не известны такие травы, которые помогли бы ей, но некоторые, конечно, будут полезны нам в пути.

Пруэтт изящно поклонился.

— Пожалуйста. Если в пути встретишь неизвестное тебе растение, мы будем очень рады получить образец.

— Конечно, я буду посматривать в дороге, — пообещала Нолар, — но по опыту пути сюда из города Эс боюсь, что трав и деревьев будет мало, особенно в горах.

Пруэтт печально покачал головой.

— Я уже получил несколько таких сообщений от наших местных фермеров, которые ходили на ближай-

шие вершины. Возможно, придется восстанавливать растения из наших запасов. Мы надеемся, что более крепкие виды, особенно те, которые вырастают из корнеплодов, переживут зиму и катастрофу.

Нолар перевязала сумку.

— Надеюсь вернуться с неменьшими запасами, чем те, что ты мне дал.

— Тогда благополучного пути вам и скорого возвращения, — пожелал Пруетт, провожая ее к выходу из сарая.

— Удачи и тебе во всех твоих делах, — тепло ответила Нолар. — Мне очень хотелось бы стать твоей ученицей. Но меня привлекают и свитки мастера Морфью. И вероятно, если бы я могла здесь остаться, я бы разрывалась между вами двумя.

— Может быть, когда твой поиск закончится, ты захочешь присоединиться к нам в Лормте, — спокойно предположил Пруетт.

Нолар осмотрела большой двор.

— Сейчас я должна следовать более сильному зову. Не знаю, куда он меня приведет, но должна узнать его источник. Однако здесь, в Лормте, что-то кажется мне... — она помолчала, удивившись слову, которое пришло ей в голову, потом закончила: — кажется настоящим домом.

Пруетт посмотрел ей в глаза, потом с приглушенным «Подожди!» бросился назад в сарай. Вернулся он с пучком цветов, которых Нолар раньше никогда не видела. На тонких стебельках сидели цветки с девятью лепестками; концы лепестков чисто белые, но к середине они постепенно становились лазурными и наконец темно-синими, как вечернее летнее небо. Принимая цветы, Нолар ощутила легкий приятный аромат.

— Как красиво! — воскликнула она. — Но что это?

— Это очень редкий цветок, — объяснил Пруэтт. — Насколько мне известно, они растут только в одном месте, недалеко отсюда в горах. Пастух, который принес мне это растение, назвал его «полдень и полночь», но я его называю «цветок Лормта». Не знаю, можно ли его использовать для лечения, но он долго сохраняет запах. Он напомнит тебе Лормт.

— От всего сердца благодарю тебя за такой красивый подарок и добрые пожелания, — растрогалась Нолар. — А теперь я должна идти. — Ей так хотелось остаться и поучиться у Пруэтта! Бесконечно слушать его негромкий терпеливый голос. Девушке пришла в голову странная мысль: если бы растения могли говорить, у них, вероятно, был бы голос Пруэтта из Лормта. Но минуты радости тут же сменились тревогой и ощущением, что необходимо спешить. Осколок камня тянул Нолар в дорогу. Она не может больше задерживаться в Лормте: нужно ехать на юго-восток.

Тем временем на Деррена произвели сильное впечатление крепкие горные пони, которых он увидел в обширных конюшнях Лормта. Он попросил четырех — трех для людей и четвертого для перевозки припасов. С помощью Вессела Деррен отобрал необходимое и принялся все упаковывать и увязывать. И, завязывая последние узлы, почувствовал, что ему почему-то не хочется уезжать отсюда. Хотя он все дни был занят тяжелой физической работой, ему было хорошо и спокойно. Казалось, время здесь течет медленно, оно на нем как будто не сказывается. «Должно быть, все дело в ученых, которые день за днем изучали древние рукописи, — размышлял Деррен. — У них более широкий взгляд на жизнь, они помнят события стольких лет, что

нынешние ссоры между герцогами и волшебницами кажутся всего лишь легкой рябью на поверхности обширного пруда прошлого Эсткарпа».

Деррен встряхнулся. Что это с ним? Пагубное воздействие этого места вызывает в нем опасную успокоенность. Чем быстрее он уйдет от этих отупляющих стен, тем лучше. Деррен заставил себя не думать о Лормте и сосредоточился на предстоящем путешествии. Приходится признать, что его пугает волшебный камень, найденный Нолар.

Колдовство — это сфера страшных волшебниц Эсткарпа, и хоть Нолар сказала, что у нее нет подготовки волшебницы, она получила Послание. А теперь завладела обломком древнего камня, который Морфью признал принадлежащим Силе. Что если Нолар приведет их к камню-родителю, и с его помощью волшебница Элгарет придет в себя? Деррену придется просто бежать, пока волшебница не обратила на него внимание.

Он не считал себя трусом, но и не был уверен, что устоит, даже вооруженный, против волшебницы. При мысли о такой ситуации его охватила дрожь. «Нет, — решил он, — нужно реально смотреть на вещи. Вероятность того, что они найдут этот легендарный камень Коннард после стольких лет забвения, ничтожно мала».

«К тому же, — подбадривал он себя, — после Поворота все прежние горные тропы стали непроходимыми». Мешало надоедливое воспоминание. Нолар сказала, что камень притянет ее к себе, несмотря на все преграды. Обеспокоенный, Деррен постарался забыть эти слова. Они все равно не смогут добраться до этого злосчастного камня.

Дело простое: он поведет этих женщин на юг в горы, сколько они смогут пройти, потом, когда они убедятся,

что поиски бессмысленны, передаст их первым же надежным людям, с которыми они смогут вернуться в Эсткарп. А сам направится в Карстен. Деррен испытывал тяжелое предчувствие, что его любимые леса уничтожены, но пообещал себе, что, по крайней мере, сможет отдать все свои силы их восстановлению, чтобы земля снова стала такой, какой он ее помнит: зеленой, цветущей, полной жизни.

Деррен услышал приближающегося Вессела задолго до того, как увидел. Тот с кем-то разговаривал.

— Я вижу, ты нашла Пруетта, вернее, он нашел тебя. Я попросил его об этом и узнаю его сумку. Очень умный человек Пруетт. Никто не может вспомнить, когда он здесь появился. И все знает о растениях, из которых готовят чай или лекарства. А, вот и ты, мастер Деррен. Я говорю госпоже Нолар, насколько надежный и знающий у нас травник.

Нолар передала Деррену прочную кожаную сумку.

— Боюсь, еще один приличный груз в дорогу, — виновато промолвила она. — Но в пути нам эти травы понадобятся, а мастер Пруетт дал мне удивительно разнообразные средства для лечения множества болезней и ран.

— Надеюсь, нам они не понадобятся, — ответил Деррен, прикрепляя сумку за седлом пони. — Но разумней будет все-таки прихватить их на всякий случай. Ты не передумала отправиться немедленно, леди? — добавил он, глядя на солнце и оценивая, сколько еще светлого времени осталось.

— Я попросил повара приготовить для вас обед. Вы можете съесть его сейчас или захватить с собой, — вставил Вессел.

Нолар не смогла сдержать улыбку.

— Дорогой Вессел, похоже, ты ничего не забываешь. Мне кажется, лучше покормить Элгарет перед дорогой. Я позабочусь об этом, мастер Деррен, если ты отведешь пони к воротам.

Деррен кивнул.

— Я поищу добавочный мех для воды, а потом присоединюсь к вам в кладовой.

К полудню все было готово к отъезду. К удивлению Нолар, проводить их пришел к воротам Морфью.

— Ночью был еще один оползень в горах, — сообщил он. — Мастера Квена и Дуратана срочно вызвали помочь семье, ферма которой погибла. Я надеялся, что Квен повидается с вами до вашего отъезда, но теперь придется мне рассказать ему о камне и показать свою копию рукописи. Он будет ждать с нетерпением, я уверен, когда вы вернетесь с новостями о камне-родителе.

Нолар наклонилась и пожала ему руку.

— Ты говоришь об успехе; пусть это будет добрым предзнаменованием.

— Пусть ваша дорога будет легкой, — напутствовал Морфью, — и пусть освещает ее солнце.

— Мне кажется, дороги вообще не будет, а погода ухудшится, — скептически заметил Деррен, — но мы пройдем так далеко, как только сможем.

— Мы будем ждать вашего возвращения, — крикнул Морфью, когда пони выходили за ворота.

Ночь они провели недалеко от Лормта, но Нолар испытывала облегчение от того, что она уже в пути, приближается к камню Коннард. Она постоянно ощущала теплое прикосновение осколка в кармане. Девушка подумывала о том, чтобы подвесить его на шею, но осколок слишком велик и носить его как подвеску неудобно.

Первый же день пути продемонстрировал преимущества пони. Как и предсказывал мрачно Деррен, даже остатки тропы вскоре исчезли, и приходилось пробираться по местности, изуродованной Поворотом. Какими бы сильными и смелыми ни были лошади, они не смогли бы пройти по крутым склонам, по которым спокойно проходили пони. Лишь на самых опасных участках приходилось спешиваться и вести животных на поводу. Пони Элгарет оказался особенно осторожным и умным в выборе безопасного пути. Обычно Деррен вел своего пони впереди, затем следовал пони Элгарет, а дальше вела свое животное Нолар.

Вначале сохранялась ясная погода, но по мере того как путники поднимались в горы, становилось все холоднее. Нолар с благодарностью вспоминала Вессела, который настоял на том, чтобы они взяли с собой теплую одежду. Пока она жила у Остбора, ей приходилось наблюдать несколько случаев серьезных обморожений, когда пастухов и охотников заставляла в горах буря. Часто, несмотря на все усилия врачей, жертва лишалась пальцев, рук или ног. Поэтому несколько раз днем и ночью девушка проверяла Элгарет, заботилась, чтобы ее лицо было защищено от цепящего ветра.

На третий день их пути, началась снежная буря. Деррен немного проехал вперед в густом снегопаде и провел группу в пещеру, недавно образованную сдвинувшимися плитами. В пещере хватило места для людей и животных. Разогревая еду на костре, Нолар еще раз поблагодарила Вессела за предусмотрительность. Он настоял на том, чтобы она захватила древесный уголь на случай дождя или снега, когда нельзя будет найти сухих дров.

Буря задержала их на целый день, но как только небо прояснилось, Деррен отыскал удобный спуск в долину, в которой снега было гораздо меньше и двигаться было легче. Нолар сказала, что, может, теперь их путь станет приятнее, но Деррен только покачал головой и что-то неразборчиво хмыкнул. И вскоре она поняла, почему Деррен не поддержал ее необоснованный оптимизм. «Приятнее» оказалось средним между непроходимым и едва проходимым. Землетрясение значительно затруднило дорогу по долине. После того как ее пони споткнулся в третий раз, Нолар спешила и повела животное. Поразительно, но пони Элгарет продолжал осторожно идти вперед, даже не трясая свою равнодушную всадницу.

Когда остановились на ночь, Нолар подумала, что никогда так не уставала. Деррен набрал ветвей хвойных деревьев, сорванных бурей, и устроил нечто вроде плетня, под защитой которого можно было слегка укрыться от ветра. Он растирал пони, сидя спиной к костру, а Нолар пыталась напоить Элгарет травяным чаем. И на этот раз уже убедилась, что не ошиблась в прошлый раз. Она ясно увидела искру в волшебном камне Элгарет. Убедившись, что Деррен не видит, Нолар достала из кармана осколок и поднесла к камню волшебницы. В полутьме было заметно зеленоватое свечение камня, которое, однако, тут же исчезло. Нолар внимательно посмотрела в лицо Элгарет. Есть ли следы сознания в здоровом глазу? Изменилось ли выражение ее лица? Пришлось признать, что ничего подобного не произошло, но, может, со временем... Что-то происходило с камнем волшебницы, и к этому имел отношение осколок Нолар. Стоит ли рассказать об этом Деррену? Нолар сунула приятно теплый осколок назад в карман. «Нет», —

решила она. По какой-то причине Деррен как будто... боится. Да, это правильное слово: он боится волшебницы. Нолар принялась вспоминать все его предыдущие слова и замечания. Почему пограничник боится волшебницы? И Нолар с замирающим сердцем пришла к единственному возможному выводу: Деррен не пограничник, как утверждает сам. Но почему он говорит неправду? Потому что хочет, чтобы его принимали за пограничника. Потому что на самом деле он враг Эсткарпа, которого Поворот застал по эту сторону южной границы. Нолар ощутила холод, сильнее, чем от ледящего ветра, который обжигал ей лицо. Деррен сказал, что его мать родом из Карстена, вспомнила Нолар. Теперь она была уверена, что Деррен, вопреки своей внешности Древнего, сам карстенец. И тем не менее... не испытывала к нему ненависти. На протяжении всего трудного перехода многие лиги он защищал ее и беспомощную Элгарет. Они полностью были в его руках. Он мог обидеть их, даже убить, если бы захотел. Однако он этого не сделал. Нолар сухо улыбнулась про себя. Если бы только можно было посоветоваться с Остбором, с Морфью или даже с Пруеттом. Она неожиданно сунула руку под плащ и извлекла все еще ароматный букетик цветов Лормта.

— Что это? — поинтересовался Деррен, поворачиваясь к костру.

— Редкий цветок, который дал мне мастер Пруетт, — промолвила Нолар, держа растение так, чтобы он видел цветы.

— Я никогда таких не видел, — удивился Деррен, — а я всегда обращаю внимание на цветы.

— Правда? — с любопытством спросила Нолар. — А почему?

— Там, где есть дикие цветы, леди, можно найти и другие существа, — объяснил Деррен, помешивая угли короткой веткой. — В кишашем жизнью лесу есть что-то вроде... — он поискал нужное слово, — что-то вроде равновесия. Если хватает воды и пищи, достаточно убежищ для зверей, лес содержит и все остальное. К тому же некоторые цветы растут только в таких местах, где либо много, либо мало воды. Если знаешь, это, сумеешь отыскать водоем. Я знаю и о лекарственных свойствах некоторых растений, но ты о травах знаешь гораздо больше.

— Ясно, что ты высоко ценишь лес и все, что в нем растет и живет, — сказала Нолар.

Деррен посмотрел на нее через костер.

— Я жил в лесу, леди. И хорошо знаю его во все времена года.

— А в этом лесу ты бывал раньше? — спросила Нолар. — Когда он был лесом, — печально добавила она, глядя на пни и сухие ветви, покрывавшие опустошенную долину.

— Нет, — с горечью ответил Деррен. — Слишком далеко на восток от наших мест, и сюда я никогда не заходил, но мне печально это видеть. Я вспоминаю свои родные горы, вижу их склоны и ущелья, где бродили мы с отцом. И боюсь туда возвращаться. — Он указал на окружающую их долину. — Сужу по тому, что мы видим здесь. А ведь районы, которые пострадали больше других, мы еще не прошли. Боюсь, что и там все изменилось не в лучшую сторону или разрушено, если вообще сами долины еще существуют. — Он перешел на низкий шепот. — Я думаю, это будет самое страшное. Невозможно все вынести, хотя под грязью и мусором земля еще существует, и, возможно, со временем дожди и

ветры очистят ее и она снова увидит свет. Но очень боюсь, что все, что я знал, исчезло навсегда. Сама земля неузнаваемо изменилась. И если не осталось ни одного старого ориентира, я словно окажусь не в своих родных холмах, а в чужой стране. За одну ночь — одну только ночь! — все, чем мы жили, на что рассчитывали, отнято у нас.

— Я испытала что-то подобное, — негромко проговорила Нолар, когда Деррен смолк. — Из-за своего лица я никогда не знала ни теплоты семьи, ни дружбы. Пока случайно не встретила Остбора, я была отчуждена от мира. И когда он умер, мне показалось, что мой обретенный надежный мир распался вместе с ним. Я не знаю, что нас ждет: никто не знает будущего. Но думаю, ты прав в своих опасениях за свою родину лесов. Поворот изменил жизнь всех нас, потому что изменил мир, в котором мы живем. Но я верю, что время залечит все раны. И такой человек, как ты, знающий и любящий лес, может ускорить его выздоровление. Не могу больше ничем тебя утешить, но верю, что последние мои слова — правда.

Деррен удивленно посмотрел на нее, потом выпалил:

— Тебе видно тоже не безразличен лес, раз ты беспокоишься о нем!

Нолар кивнула.

— Да, потому что я проводила редкие счастливые часы до встречи с Остбором именно в горном лесу... И хоть тебе трудно в это поверить, скажу тебе, что волшебницы — некоторые из них — разделяют твои чувства боли и утраты от разрушений, которые они вынуждены были вызвать.

Деррен колебался. Он как будто хотел что-то сказать, но после короткой паузы занялся костром.

— Я ценю твои слова, — выговорил он наконец сдержанно, и Нолар не стала его расспрашивать.

Позже в тот же вечер, лежа без сна, Деррен яростно спорил сам с собой. Женщины из Эсткарпа — его враги; единственная причина, почему он терпит их общество, — страх, что его раскроют, если он останется один. Так говорила одна его часть, а вторая возражала, что здесь, в дикой, бездорожной местности, такой опасности не существует. В этих суровых горах вряд ли найдется желающий его допрашивать. Почему бы тогда не бросить волшебницу и ее спутницу и не уйти в Карстен? «Потому что я обещал сопровождать их», — возразил самому себе Деррен. Потому что без него в этой глухой и опустошенной местности они погибнут. Если он оставит их здесь без помощи, это все равно, что убьет их. Они могут даже замерзнуть во сне. «Они твои враги, — подбивал его внутренний голос, — а ты заботаешься о них!» «Но они не причинили мне никакого вреда, — горячо возражал он. Ради свой чести я должен доставить их в Эсткарп. Мне не обязательно возвращать их туда самому — мы можем встретить кого-то, кому можно доверять, и тогда уже я отправлюсь домой». Деррен плотнее завернулся в плащ и постарался отбросить терзающие его сомнения. Прошло много времени, прежде чем он уснул тревожным сном.

Медленно, очень медленно продвигались они на юго-восток. Нолар обнаружила, что постоянно прислушивается, в надежде услышать знакомые крики птиц или животных, но над сожженной землей висела немая тишина. Немногие встреченные ими птицы и животные были стервятниками, но даже они казались неестественно медлительными, все еще ошеломленными Поворотом. Деррен тоже заметил это, потому что

однажды утром, когда они спутнули двух стервятников, сидевших на туше горного козла, он нахмурился и остановил пони.

— Я опасался, что мы встретим очень много трупов диких животных, — сказал он, — но должен заметить, что их меньше, чем я ожидал.

Нолар повернулась в седле, разглядывая узкий проход, которым они вышли из одной долины в другую.

— Явно не хватает птиц. В наших горах в это время года я слышала бы и сову, и гусей, и маленьких глупышек-чибисов. Они часами перекликались бы. Но здесь встречаются только вороны и другие любители падали. Можно подумать, что все остальные просто бежали от катастрофы и еще не вернулись.

Деррен заставил пони отойти в сторону, чтобы Нолар могла подъехать ближе для разговора.

— Я слышал, леди, что животные умеют предчувствовать предстоящие землетрясения. Может, они бежали еще до Поворота. Я знаю, что олени за дни и даже за недели до катастрофы уходили, но потом возвращались, когда опасность миновала.

— Очень надеюсь, что это правда, — вздохнула Нолар. — Видеть, что вся эта огромная местность почти лишена жизни, и печально, и тяжело.

Деррен беспокожно принюхался и посмотрел на низкие тучи.

— Возможно, скоро пойдет дождь, леди. Надо пересечь эту долину и поискать убежище в скалах.

Его предсказание вскоре сбылось: первые тяжелые капли дождя упали, когда они еще не поднялись на противоположный склон. Горные пони закрутили головами, когда дождь превратился в ливень. Тревога Деррена все усиливалась. Он только повернулся, чтобы предуп-

редить Нолар, как склон впереди и над ними превратился в груды катящихся камней и земли. Оползень обрушился на них, как отвратительная, серо-коричневая волна, не дав возможности бежать или увернуться.

Только что Нолар пыталась уберечься от холодного дождя, а в следующее мгновение ее вместе с пони понесло вниз, на равнину. Одновременно девушка испытала множество ощущений: оглушающий шум, забивающая горло пыль вместе с проливным дождем, камни били ее по телу, стало трудно дышать. Она смутно помнила, что потеряла своего несчастного пони и покатилась вниз по склону, погрузившись в мелкий щебень и землю, временами высвобождаясь и продолжая неустойчиво сползать вниз. Остановившись наконец, потому что ноги ее застряли в земле, Нолар сначала даже не поняла этого. Голова ее кружилась, она ловила воздух широко раскрытым ртом. Неужели она сломала себе что-нибудь? Девушка осторожно пошевелила руками, потом высвободила ноги. Болели мышцы, тело ее все в синяках и ссадинах, но руки и ноги целы. Благодаря прочной одежде, которую дал Вессел, Нолар отделалась всего лишь царапинами на лице и руках. Можно считать, что ей повезло. И тут она вспомнила о волшебнице.

— Элгарет! — отчаянно закричала Нолар и тут же замолчала: вряд ли волшебница услышит ее и ответит. Поблизости зазвенела упряжь, это пони встал на ноги. Потом, более глухо и дальше, стон.

— Деррен? — Нолар в тревоге ждала ответа. Снова услышав стон, она направилась вверх по склону. Камни не давали идти быстро, но Нолар продолжала упорно подниматься, пока не увидела на фоне почвы темно-зеленую куртку Деррена. Молодой человек лежал на

правом боку, головой вниз по склону. Нолар испугалась: она увидела, что вода, стекающая ручейками с него, окрашена кровью. — Деррен? — снова позвала она. — Ты меня слышишь?

Деррен попытался приподняться, опираясь на правую руку, но снова упал с приглушенным криком.

— Не смотри, леди! — отчаянно воскликнул он. — Это не для девичьих глаз!

Нолар подползла к нему.

— Мое лицо — тоже не очень приятное зрелище, но пока я жива, я буду здесь. Может быть, я сумею остановить кровотечение. У тебя повреждена нога?

Деррен не смог сдержать стон.

— Она сломана — серьезно. Боюсь, кость вышла наружу. О, не смотри!

— Я видела такое и раньше, сэр! — выпалила Нолар. Озабоченность ее была так велика, что прорвалась раздражением. — Ты забываешь: я жила в горах, где люди и животные часто падают и ломают себе кости. Да, ты прав, это нога. Думаю, причина перелома — вот этот большой камень рядом с тобой. Вот он, наполовину погруженный в землю. Прежде всего необходимо остановить кровотечение. Мой плащ как раз разорван, мы воспользуемся его полоской. Сейчас затяну над раной. — Перевязывая Деррена, она оценивающе посматривала на него. Деррен побледнел и закрыл глаза, дождь стекал по его лицу. Надо побыстрее найти убежище, иначе он умрет даже не от потери крови, а просто от холода. Нолар, успокаивая, коснулась его руки. Можно ли оставить его и поискать Элгарет?

Деррен словно услышал ее мысль. Он открыл глаза.

— Оставь меня, леди. Отыщи тетю и найди до наступления темноты убежище. Как только приду в себя, последую за тобой.

Нолар покрепче затянула импровизированный жгут.

— Не думаю, мастер Деррен, чтобы сегодня ты мог ступить на эту ногу. Да и на другую тоже, мне кажется, и она пострадала.

Деррен потерял сапог с левой ноги во время падения, и Нолар видела, что его лодыжка распухла и покраснела. Однако больше внимания сейчас требует правая нога. Несмотря на свои уверенные и решительные действия, внутренне Нолар ужаснулась, осматривая рану. Кости торчали сквозь кожу, вдоль ноги шла резаная рана, которая, несмотря на жгут, продолжала слегка кровоточить. Как можно осторожней, Нолар распрямила правую ногу Деррена и попыталась вправить кости. Деррен ахнул и потерял сознание. Нолар была рада этому: ей предстояло еще приподнять его, чтобы голова была выше тела. Дождь наконец стих, но становилось все холоднее. Нолар проверила повязку, которая все-таки остановила кровотечение. Она припомнила, что один из свитков Остбора советовал регулярно ослаблять жгут, чтобы ткани оставались живыми.

Нолар с трудом встала и осмотрела окрестности в поисках пони и багажа. Она пыталась вспомнить, где находилась Элгарет перед обвалом. Сама она шла за Дерреном и справа от него, потому что помнила, что краем глаза видела Элгарет как раз в то момент, когда Деррен крикнул предупреждение. Вот, дальше справа, у подножия оползня. Там что-то движется? Соскользнув вниз по склону, Нолар увидела, что это пони Элгарет. Животное тычется носом во что-то лежащее на земле. С трудом перебираясь через груды земли и камней, Нолар просто села на остатки своего плаща и съехала вниз. Пони Элгарет кажется невредимым, как ни удивительно, на месте вся его упряжь, хотя сумки сорваны. Нолар склонилась к волшебнице, боясь того, что может уви-

доть. Она не считала себя религиозной, но обнаружила, что страстно молится Нив, богине правды и мира. Осторожно перевернув Элгарет на спину, Нолар почувствовала облегчение, не увидев признаков серьезных ран. Волшебница как будто спала, она ровно дышала, и глаза ее были закрыты от дождя. Нолар решила, что расслабленное состояние, в котором она находится, вероятно, сослужило хорошую службу Элгарет во время падения. Ощупав конечности волшебницы, девушка не обнаружила сломанных костей.

Вспомнив, как Деррен подзывал у ручья пони, Нолар приложила пальцы к губам и резко свистнула. Услышав слабый ответный крик, она повторила свист. Недалеко, слегка прихрамывая, появился ее собственный пони. На седле болталась сумка Пруетта с травами, потемневшая от дождя. Нолар бросилась к ней, успокаивая пони. Животное дрожало, но стояло неподвижно, пока Нолар проводила руками по его суставам и осматривала копыта. С некоторыми усилиями она вытащила из них застрявший камень, надеясь, что теперь он не будет хромать. И повела его к терпеливому пони Элгарет.

Примерно на треть выше по склону внимание Нолар привлекло что-то странное. Девушка оставила двух пони у подножия и направилась к странной фигуре. Ее худшие опасения о судьбе пропавшего пони сразу подтвердились. То, что казалось торчащими палками, на самом деле было ногами пони. Само животное было погребено под камнями. С помощью плоского камня Нолар откопала тело. У бедного пони была сломана шея, но большая часть багажа оказалась невредимой и его можно будет забрать. Негромкое ржание заставило ее посмотреть вниз: к двум пони присоединился третий, животное Деррена. Нолар торопливо спустилась и сня-

ла сумку Деррена и одеяло, чтобы закутать Элгарет. Она заметила, что при падении охотничий самострел Деррена был сорван со своего крепления и исчез.

Когда она добралась до него, Деррен все еще был без сознания. Пояс его порвался, меч исчез, но Нолар заметила, что кинжал уцелел. В глубине долины быстро сгущались сумерки. Нолар расслабила жгут, потому что тело под ним побледнело и стало холодным. Сразу возобновилось кровотечение, и к ноге вернулся нормальный цвет. Нолар начала рыться в сумке с травами, когда совершенно неожиданно услышала сзади чей-то голос.

— Эй! Кто здесь?

Нолар на мгновение остолбенела, потом всмотрелась в полутьму; наступил холодный вечер.

— Мы здесь! — хрипло крикнула она. — Нам нужна помощь! Сюда!

— Держитесь, я иду! — ответил голос, и неожиданно показался его хозяин, он вышел из ущелья, ведущего в одну из соседних долин. Он шел пешком, держа в одной руке посох, а в другой — охотничью сумку.

Нолар ждала, надеясь, что появятся еще люди, может, верхом на пони. Но, по-видимому, их спаситель был один.

Он посмотрел на пони, на закутанную в одеяло волшебницу, положил сумку с дичью, уперся посохом в землю и принялся подниматься к Нолар. Это был крепкий широкоплечий мужчина, со спутанными волосами, в которых просвечивала седина. Его фигура и явная сила напомнили Нолар хозяина гостиницы в городе Эс. На мужчине старомодная одежда, немного похожая на старинные одеяния Остбора.

— Слыхал я твой свист давеча. Поразило тебя, леди,

— сказал он низким голосом, приблизившись к Нолар.
— Что будем творить?

— Благодарю, что откликнулся, сэр, — ответила Нолар. — Как видишь, наш проводник ранен. У меня есть необходимые травы для лечения его ран, но я не могу передвинуть его сама. Нам прежде всего нужно найти убежище на ночь.

— Я был на ловитве, — медленно проговорил мужчина, словно взвешивая возможные действия. — И обиталище мое недалече. Если желаешь, мы до темени туда доберемся.

— Я закреплю сломанную ногу, чтобы не причинить еще больше вреда. — Нолар встревоженно оглянулась. — Не поищешь ли две крепкие палки, по одной на каждую сторону ноги? Надо остановить кровотечение.

Корснастый человек сделал странный полупоклон и двинулся вниз по склону, создавая дополнительный оползень. Вскоре он вернулся с двумя ветками и помог Нолар подвязать их к правой ноге Деррена. Посмотрев вдоль своего посоха, словно измеряя что-то, человек сказал:

— Он выше меня. Я его понесу на спине.

Посадив Деррена, он присел, подставив спину, завел руки назад, поднял пограничника на плечи и встал. Нолар раньше не видела такого способа переноса раненых, но теперь Деррен лежал на спине у спасителя, а ноги его свисали вниз. Уже в долине человек осторожно переложил Деррена на спину пони. Потом помог усадить Элгарет, подвязал свою охотничью сумку к седлу пони Нолар и пошел вперед, ведя животное, так как Нолар настояла на том, что пойдет пешком рядом с Дерреном и будет следить, чтобы не возобновилось кровотечение. На ходу Нолар объяснила, что их осталь-

ной багаж находится возле погибшего пони и его нужно будет забрать.

Коренастый мужчина посмотрел вверх по склону, куда она показывала.

— Ага, — пробасил он, — зрю правую ногу. Вернусь за твоим добром завтра, когда будет светлее.

Было уже почти совсем темно, когда они добрались до его охотничьего лагеря. Охотник протянул веревку между двумя деревьями и соорудил навес из ветвей. Потребовалось немного времени, чтобы развести костер и уложить Деррена и Элгарет в укрытие, подальше от холодного тумана.

Распрямившись, человек прямо спросил:

— Кто ты есть, леди?

Самой Нолар казалось, что она уже давно знакома с этим подозрительным чужаком. Тревога за Деррена вызвала у нее вспышку.

— Сэр, — усмехнулась она, — я сожалею, что нас не представили друг другу должным образом, но сейчас мое единственное желание — спасти жизнь товарища. Не сможешь ли нагреть немного воды? Я должна вскипятить настой травы, сращивающий кости, и добавить чесночного масла от растяжений. О, прошу тебя, не смотри на меня, как рыба! Торопись!

И только когда он отвернулся и принялся возиться с почерневшим котелком, Нолар поняла, что свет костра падал на ее неприкрытое лицо. Человек смотрел на нее, но на его лице не было привычного Нолар выражения отвращения. Впрочем, Нолар не могла точно судить о его реакции. Конечно, глаза его сверкнули знакомым блеском, но слишком многое требовало ее участия, и она не обратила на это внимание. Ей некогда было размышлять. Надо было присматривать за травами. Она

благословляла Пруетта за его предусмотрительность. Только хватило бы срастикости. Если она кончится, придется использовать как кровоостанавливающее и вяжущее средство тысячелистник, к открытым ранам она будет прикладывать красный клевер. Но Деррен серьезно пострадал, и его раны испугали бы даже опытного травника.

Коренастый мужчина грубовато протянул ей котелок с горячей водой.

— Спасибо, мне понадобится еще столько же, — попросила Нолар, — и мелкая миска, если у тебя есть такая, чтобы развести настой. Не принесешь ли чашку из моей седельной сумки? Красная сумка, вон там.

— Я вышел на ловитву, леди, — проворчал охотник, — у меня нет снеди на целое воинство.

— У нас есть кое-что в багаже. Я принесу. — Нолар достала из сумки с травами ткань. — Пожалуйста, нарви ее полосками для перевязки. Примерно в три пальца шириной.

Нолар раздражалась из-за каждой минуты задержки, но все же мелко нарубила корни и листья срастикости, чтобы приготовить мазь. Несколько листьев она положила в чай; он настоится, и Деррен выпьет, когда придет в себя. Девушка знала, что иногда напиток дают и потерявшим сознание, но Нолар казалось разумным подождать, пока больной сам не придет в себя. В таком случае не нужно опасаться, что он захлебнется. На плоскую доску она положила ткань как основание для повязки. Охладила кипяток холодной свежей водой, которую принес охотник, положила в котелок еще корней и листьев срастикости. Клейкие корни помогли связать массу, и она подняла повязку, чтобы немного просушить ее. Коренастый мужчина помог покрыть

теплой повязкой ногу Деррена. Нолар помазала рану мазью, потом аккуратно перевязала ногу. С дрожью сняла свой жгут, тревожно посматривая на повязку, не пойдет ли кровь. Но ткань оставалась чистой. И Нолар облегченно вздохнула.

Тепло повязки привело Деррена в сознание. Чтобы отвлечь его, Нолар заговорила:

— Деррен! Ты должен выпить этого чая. Медленно... вот так, хорошо. Еще немного.

— Сладкая, — прошептал Деррен, облизывая губы. — Острая,

— Да, так мне говорили. Выпей еще немного. Это поможет срастись ноге. Нам повезло, что мастер Пруэтт положил много окопника, или срастикости, как он его называет. Наверно, предвидел, что кто-нибудь из нас может повредить кости. — Она замолчала, увидев, что Деррен закрыл глаза.

— А теперь, сэр, — предложила Нолар коренастому мужчине, который слушал ее с явным интересом, — мы можем познакомиться, пока я натираю мазью растяннутую лодыжку. Меня зовут Нолар из рода Мерони, я из Эсткарпа, как и моя спутница Элгарет. Она пострадала во время недавнего сдвига гор — Поворота, как его называют. Наш проводник и охранник — Деррен, пограничник с юга. Мы встретили его на пути в Лормт, где я искала излечения для Элгарет. — Она прекратила втирать мазь и посмотрела на их спасителя, впервые внимательно рассмотрев его вблизи.

На первый взгляд, у него было мягкое невыразительное лицо с глубоко посаженными глазами, которые в свете костра казались красновато-карими. Он привычно крутил единственную черную металлическую серьгу в левом ухе. И улыбался тонкими губами, обнажая

острые белые зубы. Странное воспоминание возникло в сознании Нолар. Она уже когда-то видела такие глаза, и почему-то они связывались в ее представлении с острыми зубами. Неожиданно в памяти ее возникла картина: несколько лет назад она видела дикого кабана, загнанного в угол охотниками, соседями Остбора. И запомнила свирепые глаза, похожие на пылающие угли, и острые клыки. Прежде чем его прикончили копьями охотники, кабан расправился с несколькими собаками и искалечил трех человек. Раздраженная, Нолар отвернулась. Почему она вдруг вспомнила об этом опасном животном? Она сосредоточила внимание на словах коренастого человека.

— Желаю тебе и твоим спутникам добра, леди. Меня нарекли Смайром. Я подмастерье ученого в этих безымянных горах. Меня вместе с хозяином недавно освободили от длительного... заточения из-за... хвори. Я посмел оставить его ненадолго, чтобы поохотиться... для пропитания. А что ты делаешь в горах?

Нолар не смогла бы ответить, почему, но что-то в этом Смайре ее глубоко встревожило. Глядя на мужчину, она подумала, что в последнюю очередь назвала бы его «ученым». С некоторым раздражением она напонила себе, что и ее мало кто назвал бы «ученым», но тревога ее возрастала. Она слышала о мгновенной, с первого взгляда неприязни к незнакомым людям; больше того, она сама из-за своего лица так часто испытывала подобное отношение, что перестала замечать, как вздрагивают люди, впервые увидев ее. Но сейчас она почувствовала отвращение какого-то другого рода.

Смайр продолжал вертеть пальцами серьгу в левом ухе, и свет костра неожиданно упал на плоское кольцо этого украшения. Нолар увидела вырезанные на туск-

лом металле знаки. И без всякой видимой причины серьга Смайра вызвала у Нолар ощущение холодного ужаса. При мысли о прикосновении к ней по коже поползли мурашки. Она говорила себе, что это глупо, что страхи ее совершенно необоснованы... но омерзение не проходило.

Чтобы выиграть время, Нолар занялась перевязкой лодыжки Деррена, потом закутала его холодную голую ногу в мягкий шерстяной шарф. И неожиданно ощутила, как разогрелся осколок в кармане. И уверенно приняла решение: рассказывать всю правду Смайру не стоит.

— Ученых в Лормте очень встревожил Поворот, — говорила Нолар самым спокойным тоном. — Часть их стены рухнула из-за землетрясения, и знаменитые архивы оказались в беспорядке. Но они все же нашли древнюю рукопись, которая подсказала нам это направление. — Ей в голову неожиданно пришло правдоподобное объяснение, и она продолжила: — В этой местности в уединенном монастыре существует целебный источник, — с трогательной искренностью сообщила она Смайру. — Мы не знали, поврежден ли он во время Поворота, но решили отыскать его, и мастер Деррен согласился сопровождать нас. Конечно, катастрофа очень затруднила наш путь из Лормта.

Смайр кивнул с умным видом.

— Истинно ты глаголешь. Я сам не узнал долину. Мой хозяин — великий мудрец, он может знать монастырь, который ты ищешь. Если твоего проводника можно перевезти, мы тронемся в обиталище моего хозяина как можно быстрее.

— Посмотрим, каково будет состояние мастера Деррена завтра утром, — возразила Нолар, думая, почему

это Смайт так торопится увезти отсюда Деррена. — Как ты знаешь, перевозить человека с такими ранами опасно.

— Благоговею перед твоей премудростью в этом деле, — согласился Смайт. — А как насчет того, чтобы отдохнуть, леди? Разве ты не устала?

Нолар неожиданно поняла, что засыпает на ходу. Она ущипнула себя за руку сквозь рукав.

— Вначале нужно позаботиться об Элгарет. Я уже много часов не кормила и не поила ее.

Густые брови Смайта поднялись.

— Разве она сама не может позаботиться о себе? — удивился он.

Нолар придвинулась к волшебнице.

— Нет, во время Поворота у нее была повреждена голова. Я все за нее делаю сама.

«Что бы ни случилось, — подумала Нолар, борясь со свинцовой усталостью, — Смайт не должен увидеть камень волшебницы». Она немного успокоилась, убедившись, что он надежно скрыт под одеждой. Элгарет с закрытыми глазами дышала ровно и неглубоко; очевидно, падение на нее не повлияло. Нолар заставила себя отыскать в сумке лепешку и приготовить кашу для Элгарет. Закончив кормить волшебницу, она снова проверила состояние Деррена. Разбудив его, заставила выпить еще настойки окопника и убедилась, что на повязке нет крови. И только тогда расстелила свой плащ и легла у костра.

Смайт заверил ее, что будет караулить.

— Не опасайся, леди! Можешь почивать покойно, пока я стою на страже.

Нолар пробормотала слова благодарности и легла на жесткую землю. И, засыпая, подумала, почему это Смайт

говорит таким архаичным языком. Слушать его все равно что читать древнейшие свитки Остбора. И одежда у него тоже древнего покроя. Должна быть какая-то причина... но она так устала, что больше не могла противиться и заснула.

Проснулась она на следующую утро, не сообразив, где находится и что ее подняло. В сознании возникла тень — звон упряжи. Да, это так. Она осторожно открыла глаза. Смайр стоял возле пони Элгарет и рылся в багаже. «Мне не зря сразу не понравился этот человек, — с мрачным удовлетворением подумала Нолар. Теперь вижу для этого, по крайней мере, одну причину». Она громко зевнула и откинула плащ. Смайр торопливо отошел от пони. К тому времени как Нолар села и повернулась к нему, он деловито разжигал огонь под котелком.

— Воспряла ото сна, леди? — спросил он. — Надеюсь, ты почувствовала от вчерашнего.

— Спасибо, мастер Смайр. Я хорошо спала, — ответила Нолар. — Твои приготовления очень своевременны. Мне понадобится сменить повязку мастеру Деррену, и, если возможно, ему хорошо бы попить теплой похлебки.

Смайр улыбнулся, но Нолар заметила, что улыбка не коснулась его глаз.

— Я мыслил, что трапеза ему полезна, и сварил доброго кролика. Это и похлебка, и мясо.

Нолар потрогала лоб Деррена. Более горячий, чем обычно, но такие раны часто сопровождаются лихорадкой. Если понадобится, она воспользуется лежащим в сумке иссопом. В одном из свитков Остбора говорилось, что жар — положительный признак, пока он не становится слишком сильным. Нолар занялась правой

ногой Деррена. За ночь повязка слегка пропиталась кровью, но кровь уже подсохла, да и было ее немного. Нолар принялась готовить чай с окопником.

Солнце уже поднялось высоко, когда она сменила повязку, смазала рану новой порцией мази и разделила кролика между Дерреном и Элгарет. Сама тоже немного поела кроличьего мяса с лепешкой и выпила чашку травяного чая, к которому в качестве укрепляющего добавила дудник.

Температура у Деррена держалась, но не увеличивалась. Ночью его не бросало в пот и холод, как заверил он, когда она его спросила. Нолар обрадовалась, увидев, что он полностью пришел в себя, глаза у него ясные, нет бреда, какой бывает при сильном жаре.

— Нам повезло, мастер Деррен, — успокоилась Нолар, — что ты лесной житель и опытный проводник. В наших горах я видела переломы с самыми серьезными последствиями. Но я надеюсь, твоя нога не даст осложнений, благодаря лечебным свойствам окопника мастера Пруетта. Но если будет сильно болеть, я могу дать тебе настой василька. Он эффективен, хотя вызывает сонливость. А теперь позволь представить тебе нашего спасителя мастера Смайра, который охотился поблизости и услышал, как я свистом подзывала пони.

Смайр наградил их обоих искренней улыбкой.

— Поистине фортуна свела наши стези. Мой хозяин будет рад вас видеть.

— А кто твой хозяин? — небрежно спросила Нолар, думая, не встречала ли она его имя в рукописях Остбора.

Смайр заколебался, почему-то он выглядел взволнованным.

— Верно, ты не слышала его прозвание, — выкру-

тился он, успокоившись. — Изыскания моего хозяина, хоть и знаменательные и достойные, посвящены очень узкой области, и мало кто о них слышал. И к тому же мы так долго были оторваны от людей, что про нас запомнили.

Вместо того чтобы удовлетворить любопытство Нолар, Смайр только усилил его.

— Мой покойный хозяин ученый Остбор много лет вел обширную переписку, — заметила Нолар. — Я думаю, что могла бы слышать имя твоего хозяина. Оно должно быть в архивах Остбора.

— Талл, — неожиданно сказал Смайр. — Имя моего хозяина Талл. Он могущественный мудрец, и дела его должны быть восхваляемы, а не... — Он замолк, очевидно, решив не договаривать. — И вот он в забвении, — продолжал Смайр, — ибо вижу я по твоему лику, что имя его неведомо тебе.

— Боюсь, что так, мастер Смайр, — призналась Нолар, — но я ведь не могу сама называться ученой, я была только помощницей ученого.

— Как и я, дорогая леди. — Смайр преувеличенно вежливо поклонился. — Мои дни посвящены скучным и утомительным занятиям, чтобы мой хозяин мог предаться более важной работе.

— Несомненно, его доверие к тебе оправдано, — сказала Нолар, стараясь скрыть свое непонятное отвращение к Смайру. «Говорить с ним, — подумала она, — все равно что фехтовать словами вместо мечей». Она чувствовала, что нужно следить за каждым его словом, и мечтала, чтобы Смайр куда-нибудь отвел свои кабаньи глаза.

Глаза... Нолар неожиданно уловила недостающее звено. Выражение лица Смайра, когда он в первый раз увидел ее уродство... Она поняла, что это было за

выражение. Насмешливое удовлетворение, самодовольное злорадство. Смайр наслаждается болью и страданиями других людей.

Нолар вспомнила, где она раньше видела такое же выражение. Давным-давно, еще ребенком, она была свидетелем, как городской мальчишка нарочно забил бродячую собаку до смерти. Она все еще видела выражение его лица, усмешку, которая видна была и в глазах Смайра. Нолар заставила себя расслабиться, не выказывать свои чувства открыто.

В голову ей пришла интересная мысль, и она повернулась к Деррену.

— Мы должны быть благодарны, мастер Деррен, тому, что можем извлечь некоторую выгоду из неожиданного несчастья. Хотя оползень повредил твою ногу, вынужденная неподвижность дает нам возможность продолжить разговор о достоинствах лечебных трав. — Она доброжелательно улыбнулась Смайру. — В пути мастер Деррен предложил мне обмениваться полезными знаниями. Он рассказывал мне о растениях и животных своих южных лесов, а я рассказывала, что знаю, о горной растительности. Если хочешь, послушай. Может, в своих путешествиях и от хозяина ты тоже узнал немало полезного и поделишься с нами.

Не дожидаясь ответа Смайра, не обращая внимания на откровенное удивление на лице Деррена, она достала из сумки Пруетта пучок сухих цветов.

— Мне кажется, я еще не говорила о них, мастер Деррен. Это побеги небольшого дерева, которое называется окраинной лещиной. Я слышала также, что в народе его называют дважды плюющим деревом, потому что два семечка из стручка вылетают при малейшем прикосновении и даже сами по себе.

По-прежнему слегка удивленный, Деррен тем не менее понял ее намек. Заняв более удобную позу, он подыграл:

— Я видел такие кусты, леди, в южных горах. Цветок у них ярко-желтый и раетет на голой ветке.

— Именно так. А кору используют для лечения, — продолжала Нолар, протягивая Деррену аккуратный пакет с полосками высушенной коры. — Вытяжка из коры используется как вяжущее средство для остановки крови, а мазь — при растяжениях, таких, как опухоль твоей лодыжки. Я, однако, решила испробовать для твоего растяжения окопник вместе с маслом чеснока, потому что эта мазь рекомендуется при более серьезных случаях.

Она незаметно взглянула на Смайра, который ерзал и вертел свою серьгу. Как надеялась Нолар, рассуждения о лекарственных растениях не соответствовали представлениям Смайра о приятном времяпрепровождении. Приободрившись, она продолжила:

— А если вскипятить настой из корней и листьев окопника и добавить отвар из семян синего василька, получится отличное средство от кашля и боли в груди. Я вспоминаю рассказ Остбора об одном фермере. Его старуха мать сильно кашляла. — Перспектива выслушать рассказ о болезнях фермеров и их многочисленных родственников не обрадовала Смайра. Он неожиданно встал.

— Не во гнев будь сказано, леди, но я должен удалиться и поискать кроликов для твоего недужного, — объявил Смайр. — Если, конечно, он не сможет сегодня пуститься в путь, — с надеждой добавил он.

— Нет. — Нолар решительно покачала головой. — Мне редко приходилось видеть такую серьезную рану.

Неразумно пускаться в дорогу сегодня. Посмотрим, как будет выглядеть нога завтра.

Смайр казался недовольным.

— До обиталища моего хозяина недалеко. Я пойду и поведаю ему о твоём злосчастье. Я уверен, он захочет подготовиться к твоему прибытию. Если можно взять пони, я вернусь до ночи.

— Конечно, — тепло отозвалась Нолар. — Мы здесь в полной безопасности. Я видела, откуда ты приносил воду, и принесу еще, если понадобится.

Как только Смайр исчез из виду, Нолар склонилась к Деррену и сделала вид, что осматривает его повязку.

— Почему... — начал Деррен, но Нолар оборвала его.

— Есть ли кровь на повязке? Надеюсь, нет. Надо взглянуть поближе. — Она еще ближе наклонилась и настойчиво прошептала: — Нас не должен слышать Смайр!

Деррен нахмурился, но тоже понизил голос.

— А что? Разве он еще не ушел?

— Может, да, а может, и нет, — прошептала Нолар, а вслух сказала: — Кажется, только пятна от листьев и мази. Посмотрим, как выглядит лодыжка после ночи.

Деррен послушно наклонился, словно и сам хотел посмотреть.

— В чем дело, леди? — забеспокоился он. — Почему ты боишься Смайра?

Нолар ответила быстрой улыбкой.

— Ты быстро соображаешь. Да, я боюсь Смайра, и, возможно, нам стоит так же опасаться Талла, его хозяина. Согласна, что у меня мало оснований для опасений. Я видела, как Смайр обыскивал наш багаж, когда думал, что все спят. Как только я нарочно зашумела, он тут же сделал вид, что занят каким-то невинным делом. Он не

хотел сообщать имени своего хозяина. Но больше всего я доверяю внутреннему ощущению тревоги. — Нолар заколебалась, передвинула запасную повязку. — Что-то в этом человеке отталкивает меня. Я побоялась рассказать ему всю правду о нас, особенно о том, что мы ищем камень Коннард и что Элгарет волшебница. Вместо этого я сказала Смайру, что в свитке из Лормта говорится о целебном источнике в монастыре, построенном когда-то в этих горах. Я сказала, что ты вызвался сопровождать нас в поисках лечения для Элгарет, но Поворот затруднил наш путь. Смайр принял этот рассказ, но мы должны быть осторожны, когда он поблизости.

Деррен воспринял ее предупреждение без лишних комментариев. Он снова лег, лицо его осунулось. Нолар подумала, а может ли она доверять и ему, но решила, что выбора у нее все равно нет. И если придется защищаться от Смайра, понадобится любая помощь. Если бы Деррен не был ранен... Эту мысль Нолар оборвала. Пока Деррен не сможет самостоятельно передвигаться, придется строить планы с учетом этого ограничения.

Аналогичные мысли, должно быть, пришли в голову Деррену, потому что он сказал:

— До тех пор, как я не смогу ходить, леди, я для тебя обуза. Но если ты права, подозревая Смайра, возможно, я смогу помочь. Я попробую разговорить его. Это не трудно: кажется, он обожает слушать себя.

Нолар кивнула.

— Разумный план. Утром я отведу Элгарет к ручью мыться, и вы останетесь вдвоем. Ты обратил внимание на речь Смайра? Может, это ничего и не значит, но у него старинный говор.

Это не произвело впечатления на Деррена.

— Может, он из уединенного места, где редко слышат современную речь. Я поговорю со Смайром... осторожно, — добавил Деррен, прежде чем Нолар смогла возразить. — Не повредит, если я послушаю его. Хотя он сам или его речь нам могут не нравиться, но сила его нам пригодится.

Нолар занялась Элгарет, переживая, что не сумела убедить Деррена, но надеясь, что он действительно будет осторожным в общении со Смайром.

Уже почти совсем стемнело, когда Смайр вернулся. Он приветствовал Нолар, показывая зубы в хищной улыбке.

— Судьба нам благоприятствует. Я вовремя пришел к хозяину, — провозгласил охотник. — Он раскрыл свои закрома и посылает вам вино и яства. И просил сказать, что ждет с нетерпением вашего прибытия. Он надеется, что раны лесника исцелятся.

Говоря, Смайр распаковал продукты: несколько разновидностей сухих и засахаренных фруктов, горшочки с вареньем, орехи, соленую рыбу, соленую ветчину и бутылки красного вина.

— Ты устроил нам настоящий пир, мастер Смайр, — восхитилась Нолар. — Благодарим тебя и твоего хозяина. — Она надеялась, что удачно скрыла свои подозрения. А где хлеб? Все, что принес Смайр, могло быть заготовлено давно; настоящей свежей пищи не было. Нолар не понимала почему, но это ее тоже встревожило.

Смайр принес также зерно, размолот его на плоском камне и приготовил лепешки, но Нолар, попробовав, нашла их затхлыми, как будто зерно не прошлогоднего урожая. Она тем не менее продолжала хвалить пищу и заметила, что Смайр про себя усмехается, словно радуется какому-то розыгрышу.

После еды он опять стал уклончив и просил Нолар и Деррена рассказать о Лормте и обо всем, что они там видели. Как ни странно, он ничего не знал об ученой репутации Лормта. Нолар полагала, что этот Талл должен знать о Лормте, если справедливы хвалебные слова о нем Смайра. Она с облегчением заметила, что в разговоре Деррен тщательно взвешивал слова и почти не сообщал подлинной информации. Он говорил о том, какой ущерб причинил Лормту Поворот, о том, что он помог восстановить, но благоразумно умолчал о находках Нолар. Нолар, в свою очередь, болтала о гербарии Пруетта, о прекрасной коллекции старинных свитков Морфью. Последняя тема весьма заинтересовала Смайра, поэтому Нолар поторопилась добавить, что она эти свитки не читала, потому что не могла разобрать древний почерк.

— Мой хозяин будет рад внимать тебе, — заявил Смайр, — ибо его очень интересуют предания старины. — Он посмотрел на своих собеседников и громко рассмеялся. — Не сомневаюсь, что он стал бы главным ученым этого твоего Лормта, если бы поехал туда. — Казалось, эта мысль очень позабавила Смайра, потому что он еще долго посмеивался.

Нолар считала, что Смайр очень опасен, когда он серьезен; но теперь, видя, каков он веселый, она решила, что это еще страшнее.

— Кстати, — заметил Смайр, когда Нолар очищала деревянную дощечку для нарезки продуктов, — мастер Талл наказал привести тебя к нему утром. — Он поднял руку, предупреждая возражения девушки. — Я повешу носилки между двумя пони, и лесник будет сидеть, вытянув ногу. Я пойду пешком и поведу первого пони, а ты поведешь пони своей спутницы. Идти недалеко, и дорога нетрудная.

Нолар не понравилось, что ее торопят, но Смайр отбросил все возражения. Девушка чувствовала, что ее загнали в тупик. Но тут вмешался Деррен.

— Благодаря еде, посланной мастером Таллом, я чувствую, что силы вернулись ко мне. Несомненно, утром я справлюсь, если смогу держать ногу прямо. К тому же ветер пахнет снегом. Снег пойдет еще не скоро, но, может, через день-два. Леди, разумно было бы сделать то, о чем ты говорила мне утром: вымыть твою тетю. Мастер Смайр поможет мне здесь устроить носилки, пока ты закончишь собираться.

Нолар с сомнением перевела взгляд с Деррена на Смайра, который довольно ухмылялся. «Но все же, — подумала она, — Деррен прав». Если пойдет снег, ни он, ни Элгарет не смогут здесь долго пробыть.

Чувствуя себя в ловушке, несмотря на все свои усилия, Нолар сдалась.

— Твои предсказания погоды, мастер Деррен, не раз оправдывались в прошлом. Полагаюсь на твои знания в таких делах. Если у твоего хозяина найдется для нас место, мастер Смайр, мы будем благодарны за крышу над головой.

Смайр ответил небрежным поклоном.

— Радущие моего хозяина поразит тебя, — пообещал он с ухмылкой.

Утром они торопливо позавтракали остатками продуктов Талла, потом Нолар отвела Элгарет к ручью, чтобы помыть ее и переодеть. Когда они вернулись к костру, Нолар удивилась, услышав жалобную просьбу Деррена:

— Леди, можно мне немного настоя василька? — попросил он. — Нога у меня словно в огне, и болит сильнее, чем раньше.

Нолар вскочила и взяла сумку Пруетта.

— Нам придется задержаться, — озабоченно сказала она, глубоко встревоженная. — Я приготовлю настой и еще раз осмотрю твою рану.

Когда она наклонилась к его ноге, Деррен прошептал ей на ухо:

— Побереги свой настой, леди. Я хочу казаться больным, на самом деле это не так.

Нолар надеялась, что ей удалось скрыть от Смайра свое удивление. К счастью, тот находился довольно далеко и был занят носилками.

— Опиши мне, что ты чувствуешь, мастер Деррен, — громко сказала она, — чтобы я знала, куда положить лекарство. — И тихонько добавила: — Тебе действительно нужен настой, или ты только сделал вид?

— Сделал вид, — шепотом ответил Деррен, а потом громче стал описывать беспокоящую его боль.

Смайр подошел, посмотрел на ногу Деррена, которая действительно могла испугать человека, не знакомого с врачеванием.

— В чем дело, леди? — встревожился Смайр. — Мы не сможем поехать, как наметили?

Нолар протянула Деррену маленькую деревянную чашку с настоем просвиряка. Она сомневалась, чтобы Смайр мог различить ее содержимое. Деррен выпил и поморщился.

— Может, это и настой, но очень горький, — пожаловался он.

— Зато быстро снимет боль, — пообещала Нолар и повернулась к Смайру. — Мастер Деррен, вероятно, в пути будет спать под действием настоя. Он говорит, что нога у него болит, поэтому нам нужно побыстрее добраться до убежища. Если жар усилится, нужно будет уложить его в постель и укрыть от непогоды.

Смайр взмахнул своим посохом.

— Не опасайся, леди! Я скоро закончу носилки, и мы отправимся, когда пожелаешь. — Он пошел к самодельным носилкам, позволив Нолар пошептаться с Дерреном, который закрыл глаза и лежал расслабленно, словно спал.

— Твоей ноге правда хуже? — все еще беспокоясь спросила Нолар. — Я не вижу ни воспаления, ни омертвления тканей.

— Нет, нет, — прошептал Деррен. — Я только решил, что твои подозрения по отношению к Смайру оправданы, вот и все. Он слишком настойчиво расспрашивает о делах, которые ему должны быть совсем не интересны. Ты права, леди. Ему нельзя доверять.

Нолар сделала вид, что обновляет повязку Деррена.

— В пути ты должен казаться спящим. Я попрошу Смайра почаще останавливаться, будто чтобы проверить температуру. Это убедит его в правдивости твоей болезни.

Снег, который предсказал Деррен, начался во время полуденного привала. Нолар «разбудила» Деррена, чтобы он выпил немного горячей похлебки, и он с беспокойством смотрел на снежные хлопья, растер их меж пальцев.

— Боюсь, снег прекратится не скоро, — сообщил он, качая головой. — Такой снег часто идет часами, если не днями.

Смайр подошел ближе, слушая их разговор.

— Тогда нам нужно поторопиться, — настаивал он. — Осталось совсем немного. Пойдем, пока не замело дорогу.

Нолар казалось, что она бесконечно долго идет за носилками Деррена. Стемнело рано — из-за усилившегося снегопада. Несмотря на снежный покров, Нолар

заметила, что эта местность больше пострадала от землетрясения. Огромные каменные плиты были сорваны со своего места. Похоже на потревоженные берега реки Эс, но в гораздо больших масштабах. Все деревья и постройки, покрывавшие эти камни, были снесены, уничтожены, погребены под горами обломков и земли.

Нолар вздрогнула от порыва холодного ветра. Она оглянулась на Элгарет, чье тело ритмично покачивалось в такт ходу пони. «По крайней мере, — подумала девушка, — Элгарет не замечает трудностей пути». Небольшое утешение, но Нолар была и ему рада. Однако она ошибалась, считая, что Элгарет ничего не замечает. Полная нечувствительность ко всему происходящему, которая так долго владела волшебницей, медленно отступала.

Холодно... как холодно. Не может летом быть так холодно. Мысли медленно текли в сознании волшебницы. Она по-прежнему глуха и почти слепа, даже когда у нее открыты глаза, но на уровне восприятия — восприятии тепла, холода и перемещения — сознание волшебницы все быстрее оживает. Где она? Даже в зимние бури в замке Эс никогда не бывало так холодно. Какое-то движение — она на лошади? Но как это возможно? Она так устала. Единственный источник тепла — ее камень. Нет... нет! Где-то... поблизости, во тьме, сознание ее уловило источник Силы.

Неясный, с размытыми краями, как будто отрицающий собственное существование. Но в нем потенциальная Сила, пусть и запрятанная. И она медленно приближается к этому источнику. Скоро она сможет открыть глаза, сможет снова видеть... но еще не сейчас. Гораздо легче соскользнуть назад, в окутывающую тьму, в которой она находилась... как долго?

Неважно, нужно вернуть себе силы. Произошло какое-то несчастье, у Совета отнята вся Сила. Сознание ее уходило от этого огромного испытания. Сейчас нужно отдохнуть. Уйти назад, в темноту, в мягкую темную тишину...

Нолар устало переставляла ноги, спотыкаясь и скользя по следам, оставленным Смайром и пони. Вначале она только смутно чувствовала изменения в своем мысленном восприятии осколка. Потом, с тем болезненным ощущением, с каким вступаешь в ледяную воду, Нолар поняла, что мощный источник Силы дотянулся до нее через осколок. Камень Коннард! Она приближается к нему! Нет смысла искать его глазами: внутренняя чувствительность безошибочно приведет ее к камню. Он очень близко. Нолар подумала, может, Талл случайно нашел упоминание о нем в каком-нибудь другом архиве. Возможно ли, чтобы он обнаружил камень? Знает ли, как его использовать? Она уверена, что если кто-то попытается воспользоваться Силой камня, она будет это знать. Нолар так глубоко погрузилась в размышления, что вначале не услышала окрик Смайра. Тот остановился у груды обломков, занесенных снегом.

— Леди! — взревел Смайр, возвращаясь к ней. — Мы прибыли! Теперь ты сможешь согреться!

Нолар стиснула зубы, чтобы они не стучали.

— Хорошая новость, мастер Смайр, — призналась она. — Я почти лишилась сил.

Смайр возвышался над ней, явно наслаждаясь своим положением.

— Я обо всем позабочусь, — пообещал он. — Вначале занесу пограничника. Это недолго. Вернусь за тобой и твоей спутницей, а потом позабочусь и о пони. У нас внизу достаточно места для конюшни, там животные

будут защищены от ветра. — Он разметал снег, освобождая Деррена из носилок.

Нолар тупо смотрела на него, потом встряхнулась. Пройти так далеко и позволить холоду овладеть своим телом — потерять Элгарет — это было бы непростительно.

В кармане неожиданно ожил осколок. Да! Камень Коннард здесь, в этом месте! И тем не менее Нолар ощутила ясное предостережение. Она не должна показывать, что знает об этом. Даже если о камне упомянут, она должна сделать вид, что ничего не поняла. Нолар сама была удивлена силой этого предостережения. Может быть, камню угрожает опасность? Странная мысль, но Нолар ощутила подтверждающее пульсирование осколка. Она должна быть очень осторожна, осмотрительна и в своих словах, и в поступках. Похоже, еще раз подтверждается оправданность ее недоверия Смайру. И это недоверие должно быть распространено и на его хозяина. Нолар решила быть особенно внимательной. Она не знала, чем может помочь камню, но была уверена, что любой ценой должна защитить его. А пока она должна делать вид, что ни о чем не подозревает. К тому времени как вернулся Смайр, Нолар уже сняла Элгарет с пони и медленно водила ее по кругу, чтобы восстановить кровообращение.

— Сюда, — сказал Смайр, беря Элгарет за одну руку, а Нолар поддерживала волшебницу с другой стороны.

У Нолар сохранилось смешанное впечатление потрескавшихся каменных плит, наклоненных под всевозможными углами; сугробы снега скрывали первоначальные очертания стен и двора. Путники немного прошли по замерзшему склону и втиснулись между двумя грубыми каменными столбами. Смайр откинул

большую шкуру какого-то зверя, закрывавшую просторный вход. За ним оказался узкий коридор — пройти здесь можно было только по одному, — но за ним открылось просторное, квадратное, почти пустое помещение с несколькими низкими сундуками, столом и единственным креслом. В углу, где природная расщелина в скалах уходила вверх, выводя дым, горел небольшой костер.

Пораженная пустотой помещения, Нолар повернулась к Смайру и спросила:

— А где же мастер Талл?

— Он скоро тебя примет. — Смайр принялся усаживать Элгарет в единственное кресло. Деррена он уложил у костра на самодельный матрац из сухих тряпок.

Глаза Деррена были закрыты, и Нолар решила, что он на самом деле спит. Деррен побледнел, он явно нуждался в отдыхе, тепле и сытной пище. Нолар огляделась в поисках кухни. Но не увидела.

— Если принесешь наш багаж, мастер Смайр, — вздохнула Нолар, — и покажешь мне кухню, я приготовлю поесть для всех.

Смайр отозвался не сразу. Он поигрывал своей серьгой.

— Достаточно костра, — раздраженно проворчал он наконец. — Нельзя тревожить мастера Талла. Я принесу ваш багаж и присмотрю за пони.

Как только Смайр вышел, Нолар бросилась к Деррену. Потрогала его ледяные руки и попыталась разбудить.

— Мастер Деррен! Проснись!

Деррен заморгал, приходя в себя, потом разглядел низкий каменный потолок и стены. Хриплым голосом он спросил:

— Где мы, леди?

— Смайр доставил нас в жилище своего хозяина, — сухо ответила Нолар. — Похоже, ему недостает комфорта, но нам подойдет любое убежище. Я осмотрю твою ногу и лодыжку. Боюсь, они могли пострадать в носилках. Смайр не часто убирал снег.

— Нет, леди, — возразил Деррен. — Я не чувствую никакой боли.

— Это меня и тревожит, — возразила Нолар. — Обычно при обморожении наступает потеря чувствительности. О, твоё тело холодное... но мне кажется, обморожения нет, хвала Нив. Если бы только костер был побольше...

Ее прервал поток холодного воздуха, сопровождавший появление Смайра. Тот сбросил заснеженные сумки и склонился к огню, грея руки.

— Можно ли принести еще дров, чтобы огонь был побольше? — попросила Нолар. — У мастера Деррена замерзли ноги, и я опасаясь за них. Мазь сегодня утром совсем застыла.

— У нас мало топлива, — признался Смайр. — Я собирался после охоты нарубить дров, но помешала встреча с вами.

— Мы принесли с собой из Лормта немного древесного угля, — предложила Нолар. — Если более теплого места здесь нет, надо воспользоваться углем.

Смайра ее слова словно ударили.

— Мой хозяин ждет тебя. Я думал, что ты предпочтешь отдохнуть сначала, но ошибся. Сейчас сообщу о твоём приходе. — Резко кивнув, он отбросил другую шкуру в дальнем углу комнаты и исчез в узком проходе за ней.

— Я попытаюсь найти для нас помещение потеплее, — пообещала Нолар Деррену.

Снова отодвинулась шкура, и Смайр поманил Нолар.

— Идем, — приказал он.

Впервые с тех пор, как Смайр злорадствовал, глядя на ее лицо, пальцы Нолар невольно легли на осколок. Она встала, подчеркнуто опустив руки, и направилась к проходу. Какой бы ни была его реакция на ее уродство, решила Нолар, мастеру Смайру придется принять ее такой, какая она есть.

Она сразу заметила, что внутреннее помещение обставлено несравненно лучше и в нем гораздо теплей. На благоразумном удалении от покрывающих стены роскошных занавесей стояли две большие металлические жаровни. Однако у Нолар не было времени осмотреться, потому что ее внимание сразу привлекла величественная фигура, сидящая в центре комнаты.

Смайр подобострастно остановился в стороне.

— Госпожа Нолар из рода Мерони, хозяин, — провозгласил он.

Темные глаза Талла сверкнули огнем под густыми изогнутыми бровями. Худое аскетическое лицо обрамлено капюшоном царского пурпура. Никаких украшений, кроме тяжелой цепи из темного металла. Сложное переплетение звеньев этой цепи напомнило Нолар серьгу Смайра.

Нолар выдержала пронизательный взгляд Талла. Она решила, что у него красивое лицо, но какое-то холодное, словно мраморную статую одели в человеческое одеяние. Он разглядывал ее, и Нолар почувствовала странное желание встать на колени. Раздраженная этим, она только коротко кивнула.

— Мастер Талл, — начала она, — возможно, ты слышал о моем покойном хозяине ученом Остборе.

Талл грациозно отнял руку с длинными пальцами от резной рукояти своего кресла.

— Я поистине сожалею, достопочтенная госпожа, но ни твое имя, ни имя твоего хозяина мне неведомы. Я был... отъединен... от остальных ученых долгое время. Но поговорим о тебе. Смайр поведал мне о твоих горестях. Я рад, что могу предоставить тебе свое скромное жилище.

Нолар подумала, что голос Талла напоминает струю темного горного меда, гладкого и очень сладкого. Голос, обманывающий слух, прельщающий... Она незаметно сунула правую руку в карман, коснулась осколка пальцами, и тут же дымка, окутавшая ее сознание, рассеялась и сменилась отчетливой мыслью: ловушка. Голос Талла должен обмануть и усыпить подозрения неосторожного слушателя.

Удивленная, Нолар интуитивно сжала осколок и подняла голову, встречая пронизательный взгляд Талла. То, что она увидела, на мгновение лишило ее дара речи: внушительное кресло занимали две фигуры, очертания одной перекрывали и заслоняли другую, как будто два тела стремились занять одно и то же место.

Талл словно сразу заметил ее настороженность. Он наклонился вперед и сочувственно спросил:

— Что приключилось, леди? Тебя постиг недуг?

Нолар не обратила внимания на благостный голос.

— Кто ты такой? — требовательно спросила она. — Только одна внешность может передать твою истинную сущность. Мне не нужны твои иллюзии, сэр, меня ими не обманешь. — Как и в Лормте, Нолар ощутила мощный поток энергии, исходящий из осколка камня Коннард.

Талл нахмурился, лицо его гневно вспыхнуло, стало подозрительным.

— О чем ты говоришь, женщина? — прошипел он.

— Я вижу две фигуры, занимающие твое кресло, — твердо ответила Нолар. — Я думаю, сэр, ты не просто ученый, как объявил Смайр. Я думаю, ты опытен в делах магии и иллюзии, хотя в наши дни ни один мужчина не способен на это.

— Эсткарп! — Талл выплюнул это название, как ядовитую горечь изо рта. — Меня обмануло твое жалкое лицо, но теперь я вижу твою истинную кровь — волшебница!

Талл вскочил, глаза его сверкнули. Нолар отшатнулась. Две фигуры в кресле зарыбились, соединились, слились, как стекающий со свечи горячий воск, и образовали одну. Вот подлинный Талл — с ужасом Нолар осознала это.

Элегантный наряд Талла не изменился, но уменьшился в размерах и покрывал теперь человека небольшого роста, не выше Нолар. Бледная кожа утратила свой благородный мраморный блеск; теперь можно было подумать, что Талл долгие годы скрывался от солнца в душной пещере. И Нолар почему-то почувствовала, что коснуться Талла — все равно что притронуться к холодному влажному брюху выловленной накануне рыбы. Рыба...

Совершенно неожиданно в сознании Нолар возникло ее давнее детское впечатление. Выражение узкого лица Талла напомнило ей одного торговца рыбой, который часто стучался в заднюю дверь городского дома отца Нолар. Повар тогда обвинял этого торговца в том, что тот недовешивает и приносит несвежую рыбу. Они ничем не похожи, но ненависть во взгляде, расчетливая злоба — это у них одинаковое. И Нолар знала, что как бы ни хотел сейчас Талл произвести величественное впечатление, она всегда, глядя на него, будет думать «нечестный торговец рыбой».

— Ты не просто ученый, — повторила она. — Ты... — Тут ей пришло в голову подходящее слово, и она уверенно и обвиняюще произнесла его: — Ты маг!

— Я — не просто ученый, а маг? — Медовый голос Талла исчез, исчезла и прежняя аскетическая внешность. Настоящий голос у него скрипучий, особенно сейчас, когда Талл возвысил его. — На колени передо мной, волшебница! Я Талл посвященный, Талл Великий! — Он развел руки и громко произнес несколько слогов. С его пальцев сорвались темно-красные искры.

Нолар отшатнулась в испуге, но внутренне ухватилась за прочное основание, за силу осколка. Девушка неожиданно поняла, что, несмотря на языки пламени вблизи самого ее лица, воздух не нагрелся. «Если огонь Талла не вызывает тепла, — подумала Нолар, — это иллюзия». Она взяла себя в руки и осталась на месте.

— К несчастью, сэр, — заметила она, — этот щедрый огонь, вызванный твоими фокусами, не может нас согреть. Он очень пригодился бы двум моим больным спутникам.

Пламя мгновенно исчезло. Талл повернулся к Смайру, который отскочил на несколько шагов.

— Приведи их, — рявкнул Талл. — Посмотрим, каких еще гостей занесло под мою крышу.

Смайр выбежал и тут же вернулся, неся Элгарет вместе с креслом, в котором она сидела. Через мгновение он привел и Деррена — просто протащил его матрац по неровному полу.

Талл посмотрел сначала на Деррена, потом внимательно на Элгарет.

— Ты превзошел самого себя, Смайр, — заметил он обманчиво добродушным тоном, который сразу сменился гневным ревом. — Я зрю пред собой бесполезного калеку и еще одну тлетворную волшебницу!

Обычно смуглое лицо Смайра побледнело, он дважды открыл и закрыл рот, прежде чем нашел слова оправдания.

— Хозяин... я не ведал... клянусь своей серьгой! Я никогда бы не...

Талл нетерпеливым жестом заставил его замолчать.

— Дело сотворено! Каковы бы ни были твои намерения, ты расстроил меня этой троицей. — Он оперся о локоть и посмотрел на Элгарет. — Что-то странное в этой старшей волшебнице. Что это, а? От нее несет прежней Силой, но теперь она пуста, как шелуха.

Не выдержав усталости, страха и откровенной насмешки над Элгарет, Нолар подошла к волшебнице. Она сильно рассердилась.

— Какое тебе дело? — вскипела она.

Талл оскалил зубы в неприятной усмешке.

— Значит, уродливой хватает духа защищать своих спутников? Я скажу тебе, какое мне дело, волшебница. Меня несправедливо заточили здесь, но теперь я снова свободен и могу возобновить свою деятельность. А ты мне поможешь. Возможно, я получу помощь и от этой слепой карги.

Слова Талла вызвали страх у Нолар. Остбор говорил ей, что бесчисленные века тому назад мужчины тоже обладали Силой, но Нолар и подумать не могла, что они могут быть так отвратительны, как этот Талл... и так явно опасны.

Нолар невольно сжала кулаки, в левом, в кармане, находился осколок.

— Я ни в чем не стану тебе помогать, — поклялась она.

Талл насмешливо улыбнулся, снова сел и положил руки на резные рукоятки.

— Она непокорна, Смайр. Я не терплю непокорнос-

ти, волшебница. Это мое единственное предупреждение. Тот, кто противится мне, испытает мой гнев. — Он со свистом перевел дыхание, негодуяще раздул ноздри. — Мне оставили только это — это ничтожное кресло! Сказали, что я заслуживаю «определенного положения». Теперь я покажу, чего заслуживаю! Это кресло станет моим новым тронem, и все ниспровергнутся перед ним, моля меня о милости!

Нолар смотрела на него, и ужасное подозрение возникло в ее сознании. Устаревшая речь Смайра и его хозяина, это древнее одеяние, пища из давних запасов — все эти детали неожиданно встали на свои места. Нолар отшатнулась от своей догадки. Но она должна знать.

— Ты сказал, что тебя заточили, — неуверенно проговорила она. — Не расскажешь ли об этой несправедливости? Остбор о ней ничего не знал.

Торопясь заслужить одобрение хозяина, Смайр начал хвастать достижениями Талла:

— Мой хозяин обнаружил легендарный камень Коннард, — торжественно сказал он. — Презируя опасность, он привлек его Силу и творил чудеса. Все посвященные дивились им и завидовали.

Нолар заставила себя казаться невозмутимой. Подтверждались ее худшие опасения: камень Коннард действительно во власти Талла. Надо попробовать выручить его... но как? Талл был явно польщен похвалами Смайра.

При упоминании других завистливых посвященных рот Талла презрительно скривился.

— Глупцы! — Он провел пальцами по цепи у себя на груди; это движение странно напомнило привычку Смайра гладить свою серьгу.

Чем больше вглядывалась Нолар в тусклые звенья, тем большее отвращение испытывала. Что-то грязное было в цепи Талла, хотя эта грязь не имела никакого отношения к обычным нечистотам. Нолар считала, что цель этой цепи — зло, что она сознательно была изготовлена со злыми намерениями.

— А эти завистливые посвященные, — подталкивала она, — они вас заточили? Разве не Совет волшебниц Эсткарпа?

Талл презрительно отмахнулся.

— Некоторые докучливые карги когда-то совали свой нос в мои дела, но это им дорого обошлось. Однако ни о каком Совете я не знаю. Нет... Меня схватили другие маги. Тупицы! Труссы! У них не хватило смелости желать того же, чего пожелал я, они не хотели рисковать всем ради беспредельной власти! — Он вытянул руки, сжал пальцы, как будто сжимал спелый плод.

Камень — в сознании Нолар возникло это слово. Не подумав, она выпалила:

— Но ведь камень Коннард предназначался для жизни — для лечения!

Быстро, как нападающая змея, Талл наклонился вперед в своем кресле.

— Что ты знаешь о камне?

Мысли Нолар заметались. Она должна хоть частично сказать Таллу правду.

— Как только что сказал мастер Смайр, камень стал легендой. Я читала в свитках Лормта, что с его помощью совершались чудеса излечения.

— Вздор! — Талл презрительно ударил по рукояти кресла. — Камень мой, и я сделаю с ним, что хочу. Никто не подозревал, какие в нем глубины. Кроме меня! Глупцы, перечившие мне, только начинали дога-

дываться, чего может достигнуть посвященный, которого не сдерживают сомнения и страхи. — Он задумчиво посмотрел на своих пленников. — Я начинаю понимать, как можно использовать тебя и твоих спутников для моего праведного гнева. Ты соединишь свою Силу с моей, волшебница, и мы вместе извлечем, что сможем, из этих двоих.

Нолар встала между ним и своими друзьями.

— Никогда, — сказала она негромко, но решительно.

Талл усмехнулся, Смайр потерял свою серьгу и тоже понимающе ухмыльнулся.

— Смайр, — замурлыкал Талл, — мне кажется, эта волшебница нуждается в демонстрации моего воздействия на камень Коннарда.

Талл встал и поднял руки. «Он похож, — решила Нолар, — на тощую летучую мышь, нелепо закутанную в пурпурный бархат». Она не получила никакого предупреждения: Талл испустил поток хриплых непонятных звуков, и тело Нолар потеряло всякую чувствительность. Она могла дышать, моргать глазами, но не могла ни двигаться, ни говорить.

Талл указал на Деррена, который оказался тоже парализованным. Нолар видела муку в его глазах, он пытался пошевелиться, но не мог. Смайр откинул покрывало, открыв ноги Деррена. Взял кинжал у пограничника и сунул себе за голенище.

Талл сморщил нос, ощутив слабый запах трав Нолар.

— Выбрось повязки и травяной мусор волшебницы, — приказал он. — Я хочу осмотреть эти раны.

Глаза Нолар заполнились слезами боли и сочувствия: Смайр грубо сорвал повязки, обнажив ноги.

Талл наклонился, его жестокое лицо приобрело заинтересованное выражение.

— Ага, довольно серьезная рана на одной ноге и растянутая лодыжка на другой — тем лучше. Смотри, волшебница! — Он указал на Деррена и произнес какое-то заклинание.

К ужасу Нолар, ноги Деррена потеряли нормальный цвет, они постепенно стали тускло-серыми. Деррен потрясенно смотрел на них: его тело проходило через какое-то преобразование, и он этому не мог помешать.

Талл ткнул пальцем в сторону Нолар и отдал новый приказ:

— Подойди, волшебница! Зри силу моих рук, познай мои возможности!

Освобожденная, Нолар подошла к Деррену. Ее дрожащие пальцы коснулись неестественного цвета раненой ноги Деррена, и девушка тут же отдернула их.

— Это камень, а не плоть! — воскликнула она, отказываясь верить собственным глазам и ощущениям.

— Ты очень чувствительна к очевидному, — насмеялся Талл. — Действительно, твое знакомство с камнем Коннард очень поверхностное. Ты не знаешь его основной способности: преобразовывать живую плоть в другие формы.

Нолар с явным отвращением посмотрела на него.

— Обратить целительную Силу в такое зло! Тебя нужно было не заточить, а уничтожить!

Талл оскалил зубы.

— Молчать! Мне не интересны твои безмозглые суждения. Слушай меня: заклинание может подействовать в обратном направлении. То, что стало камнем, может снова стать плотью... если ты подчинишься моим желаниям.

Нолар заставила себя коснуться холодной твердой поверхности того, что раньше было ногой Деррена. Она

не может обречь его на жизнь разделенного на две части чудовища.

Подняв глаза, она не признавала, что по щекам ее катятся слезы.

— Что я должна сделать, — с горечью спросила она, — чтобы ты пощадил моих товарищей?

— Значит, мозги у тебя все же есть, — засмеялся Талл, потирая руки. — Ты узнаешь Силу, гораздо большую, чем твоя. Внемли мне, волшебница! Мне нужно подготовиться: это высокие дела, недоступные твоему невежеству. Тобой займется Смайр. Ты будешь жить здесь, пока не потребуешься мне там, где находится камень. Тогда мы обратимся к камню и завершим мою месть.

— Ты сказал, что заклинание ног мастера Деррена можно обратить, — упрямо напомнила Нолар.

— Ну, это пустяк. — Поворачиваясь, Талл сделал небрежный жест, и Деррен закричал от внезапной боли.

Нолар склонилась к нему, погладила его ногу, стараясь разглядеть, наступила ли какая-то перемена. Очень медленно, но твердая холодная поверхность начала смягчаться и нагреваться. Нолар облегченно рассмеялась, увидев легкое кровотечение из самой глубокой раны.

— Держись, мастер Деррен, — подбодрила она. — Сейчас принесу сумку и смену твои повязки.

Деррен еще не оправился от шока, который испытал, видя, как часть его тела превращается в камень. Боль, вызванная возвращением жизни была сильнее всего, что он когда-либо испытывал, и он едва не потерял сознание. Но в его ногах появилось что-то странное, хотя он не мог определить, что именно. И решил, что лучше не говорить об этом, пока не сможет обдумать все наедине. Он лежал измученный, а Нолар торопливо меняла повязки и нанесла свежий слой мази. С боль-

шим усилием Деррен открыл глаза и осмотрел комнату. Смайр и Талл ушли, но Деррен заговорил так тихо, чтобы слышала только Нолар.

— Леди, — извинился он, — боюсь, что мы попали в дурное общество.

К его удивлению, Нолар от всего сердца рассмеялась.

— О, мастер пограничник, — прошептала она, как только перевела дыхание, — это очень скромное заявление, ты слишком снисходителен к нашим хозяевам. Прошу простить мой смех: у меня голова кружится от усталости. — К ней быстро вернулось обычное серьезное выражение лица. — Разумеется, ты прав. Нам угрожает смертельная опасность, и должна признаться, что я не вижу выхода. Возможно, подвернется какой-нибудь случай... Нам нужно оставаться настороже и следить за каждым их шагом, словом. Талл — опасный враг, а Смайр помогает ему беззаветно. — Она встала, стряхивая пыль с юбки. — А пока лучше восстановить силы едой. Я покормлю Элгарет, а потом помогу тебе.

Помогая Элгарет встать, Нолар едва не закричала. Впервые с той самой первой встречи в доме отца — как давно это было — девушка ощутила ответное легкое пожатие руки волшебницы.

Прикрывая свое потрясение кашлем, Нолар пробормотала:

— Пойдем, тетя, — и отвела волшебницу в покинутую прихожую, таща за собой свободной рукой стул.

Усадив Элгарет, Нолар наклонилась к ней, словно поправляя ее платье.

Элгарет проговорила еле слышно:

— Опасность, сестра в Силе! Над нами нависла ужасная опасность. — Она помолчала, словно сожалея о сказанном. — Я чувствую присутствие поблизости Тем-

ного и его меньшего помощника. Они принадлежат Тени, берегись их!

Поправляя платье волшебницы, Нолар на мгновение увидела ее камень и ахнула. Прежде мертвый, камень теперь пульсировал слабым зеленоватым свечением.

Элгарет едва заметно кивнула.

— Да, мой камень снова служит мне, но я не решаюсь использовать его. Только в крайнем случае, если не будет выбора. Всякое использование Силы привлечет его внимание. Разумнее делать вид, что я еще не пришла в себя. — Она заговорила еще тише. — Тут присутствует великая Сила. Я чувствую ее... она старая, очень древняя... тронута злом, но сама не зло.

— Это камень Коннард, — прошептала в ответ Нолар. — Он здесь, а мы во власти Талла, злого мага, и Смайра, его помощника. В древности камень использовался для лечения, но Талл осквернил его, заставил превращать плоть в камень.

Элгарет содрогнулась, услышав эту ужасную новость, но ничего не сказала, а Нолар торопливо продолжала:

— Я отвезла тебя в Лормт в поисках лечения и нашла там в древних свитках упоминание о камне, который мы должны были найти. Мастер Деррен... — Нолар замолчала. Она не хотела говорить о своих подозрениях относительно Деррена. К тому же она чувствовала, что в этом опасном месте он — их единственный возможный союзник. Внутреннее чутье говорило Нолар, что она может доверять Деррену, и она не чувствовала предупреждения осколка, которое противоречило бы этому чувству.

— Деррен, — продолжила она, — достойный доверия пограничник, который помог нам благополучно добраться до Лормта и согласился сопровождать нас в

поисках камня Коннарда. Два дня назад мы попали в обвал, и он сломал ногу. — Дрожащим голосом она описала отвратительное заклинание Талла и его стремление заручиться поддержкой Нолар в своей мести магам, которые заточили его и Смайра.

Боясь говорить дальше, девушка отвернулась к огню и поставила на костер котелок. Она принесла Элгарет травяной напиток, потом налила в чашку теплой воды и добавила фруктовой пасты.

Когда она начала кормить Элгарет, волшебница отчетливо произнесла:

— Камень Силы принадлежит глубокой древности. Мы всегда считали, что и ужасные Темные, несчастья нашей земли, тоже в прошлом. Но почему я чувствую здесь присутствие одного из них? Он не должен существовать.

Нолар почувствовала, как оживают ее страхи перед Таллом и Смайром.

— Леди, у меня есть ужасная разгадка этой тайны. И Талл и Смайр говорят древним языком, соответствующим их одежде. Пища, которой они поделились с нами, очень долго хранилась где-то. Смайр ничего не слышал о Лормте, а Талл только что сам сказал мне, что не знает о Совете волшебниц. — Она остановилась, чтобы перевести дыхание. — Один ученый в Лормте рассказал мне, что был предыдущий Поворот гор, тысячу или больше лет назад. Он сказал, что тогда страшное зло было ограждено от Эсткарпа восточными горами, и даже мысли об этом направлении в сознании Древних были заблокированы. Ты можешь считать меня сумасшедшей, но боюсь, что Талл и Смайр действительно принадлежат прошлому, что они вместе с другими темными силами были закрыты первым Поворотом. Я подозре-

ваю, что Поворот, вызванный вашим Советом, чтобы опрокинуть южные горы на армии Карстена, мог каким-то образом освободить Талла и Смайра из заключения.

— Но Темный и его помощник ничего не знают о том, что произошло за это время, — размышляла Элгарет. — Мне есть о чем подумать. Но предупреждаю тебя: не предпринимай ничего больше, пока у нас не будет ясности. Как я сказала, я не смею использовать свой камень, а Сила другого камня — он рядом — влияет на меня. Очень странно; но Сила камня кажется ограниченной, связанной, почти приглушенной... Теперь иди и позаботься о пограничнике. Мы должны помогать друг другу, потому речь идет не только о сохранении собственных жизней.

Нолар взяла флакон и пакеты с фруктовой пастой и сушеным мясом и пошла к Деррену.

— Ты с кем-то разговаривала? — спросил он с тревогой.

Нолар колебалась. Рассказать ему, что Элгарет пришла в себя? Но если Деррен действительно шпион Карстена, он не обрадуется, а придет в отчаяние от того, что к волшебнице возвращается ее Сила. К тому же, если Талл снова будет угрожать Деррену, тот не сможет сказать то, чего не знает. Пока разумнее держать в тайне состояние Элгарет.

— Ты слышал мой голос, — смутилась Нолар. — Как ты знаешь, я часто разговариваю с тетей, когда кормлю ее. Вот немного сушеного мяса, попробуй поесть. Неизвестно, когда придется подкрепиться в следующий раз.

Неожиданно в комнате появился Смайр.

— Где вторая волшебница? — спросил он, но не стал ждать ответа, а заглянул в прихожую.

— Я отвела ее туда, чтобы покормить, — объяснила Нолар. — Пожалуйста, будь так добр, приведи ее назад. Здесь теплее.

Смайр усмехнулся.

— Добр? Отличное слово, хотя ко мне оно не подходит, волшебница. Но лучше следить за пойманными птицами, когда они в одной клетке, верно? — Смеясь своей шутке, он принес Элгарет в ее кресле. Волшебница закрыла глаза и выглядела такой же отчужденной, как всегда.

— Внемлите мне, — приказал Смайр. — Мастер Талл обнаружил, что для заклинания нужны солнечные лучи, поэтому придется подождать до утра. Ты будешь спать здесь, чтобы я смог за тобой следить.

— А мастер Талл? — поинтересовалась Нолар. — Где будет спать он?

— Это не твое дело, — отрезал Смайр, но потом передумал. — А какая разница, если я скажу тебе? Моему мастеру пристало одиночество у камня, волшебница. Мы, меньшие твари, должны ждать его повелений. — Он принюхался. — Ты не приготовила горячую еду?

Нолар раздраженно ответила:

— Наши припасы подходят к концу. Я размочила немного фруктов для Элгарет, а мастер Деррен съел остатки сушеного мяса. Если у тебя есть другая еда и ты хочешь, чтобы я ее разогрела, принеси.

Смайр улыбнулся, как острозубый хорек.

— Давай сюда сушеные фрукты. Что еще у тебя есть для голодного человека? Конечно, как только камень совсем оживет, нам вообще не понадобится еда.

Сердце Нолар дрогнуло. Элгарет сказала, что чувствует странную ограниченность камня. Вероятно, Талл на самом деле не такой уж владелец камня, как хваста-

ет? Иначе зачем бы ему дополнительная Сила от Нолар и ее друзей? Девушка занялась остатками пищи.

— Осталось немного муки, — сказала она, — и орехи, мне кажется... Да, и еще горшочек сливового джема. Наши лепешки раскрошились при падении, но их можно есть.

Смайр принялся пожирать пищу, а Нолар пыталась извлечь из него полезные сведения.

— Ты сказал, что камень должен ожить. Но мне казалось, что мастер Талл свободно пользовался его Силой, чтобы... произвести впечатление на мастера Деррена.

— Лучше действует на солнце, — пробормотал Смайр с полным ртом. Нолар передала ему фляжку с вином. Смайр двумя глотками осушил ее.

Нолар вдруг услышала голос Морфью, читающего текст, написанный на ткани: «И пока солнечный свет не падает на него, все в безопасности». Остбор очень мало рассказывал Нолар о предметах, связанных с Тенью. А Элгарет только что сказала, что такие предметы находятся в далеком прошлом и могут быть забыты. Только... Нолар вздрогнула, начиная осознавать, какая ноша возложена на нее. Если она права, Талл и Смайр пришли из далекого прошлого.

Но вот то, что касается солнца, — эта часть словно вывернута наизнанку. Свет противостоит Тени и всем ее злым проявлениям. И если камню Коннарду требуется солнечный свет, чтобы проявить Силу, значит камень еще не принадлежит полностью Тени. И все же Нолар уверена, что Талл намерен использовать его в злых целях. Что ей делать? Что они все могут сделать?

У Элгарет есть ее камень, но его Сила, конечно, меньше Силы камня Коннарда. Собственный осколок Нолар отколот от большого камня, и девушка чувствует

его в кармане, он мягко пульсирует теплом. Пока это тепло поддерживает ее, возможно, не все еще потеряно. Если бы только она знала больше! Нолар уверена, что истинный хозяин камня мог бы изгнать Талла, нанести ему полное поражение и вернуть камню его настоящее предназначение — излечивать.

Она заставила себя небрежно взглянуть на Смайра. Тот как будто дремал, держа в руках фляжку с вином. Может ли она вытащить кинжал Деррена из-за голенища сапога Смайра? Вряд ли.

Смайр зевнул и бросил пустую фляжку на пол.

— Лучше отдохни, волшебница, — насмешливо рявкнул он. — Завтра хозяину Таллу потребуется вся твоя энергия.

Нолар достала запасные одеяла, устроила Элгарет на безопасном расстоянии от одной из жаровен, потом сама закуталась в плащ и легла рядом с Дерреном.

Смайл воровато огляделся и пристроился в кресле Талла. К отчаянию Нолар, теперь он выглядел так, словно совсем не собирался спать. Достав из-за голенища кинжал Деррена, он принялся наносить зарубки на обломке носилок.

Нолар ненавидела свою беспомощность. Она думала, что Деррен попытается защитить ее и Элгарет, но его оружие было потеряно при обвале и отнято Смайром. А с поврежденной ногой он мало что может.

Встревоженная, Нолар свернулась под плащом: от пола шел холод. Теперь, когда она закрыла глаза, тепло осколка стало ощутимо, в сознании ее горел постоянный огонь, словно осколок стал источником мысленного света. Нолар сосредоточилась на этом и ощутила второй «свет» в окружающей темноте. Свет более ясный жесткий хрустальный. Конечно! Это камень Элгарет!

Это должен быть камень Элгарет! Но... в пространстве мысли есть и третий источник света. Слабый, ненаправленный, испускающий маленькие зеленоватые искорки. Этот свет не может исходить от Смайра. Но-лар мысленно попыталась нащупать Смайра и тут же отпрянула: ощущение невероятно холодного отсутствия всякого света. Нет, третья искра мысленного света должна исходить от... Деррена.

Но прежде чем Нолар собралась осторожно прикоснуться к этому источнику, болезненная дрожь пробежала по ее нервам. Маг сосредоточивал свою Силу на камне Коннард. Постепенно привыкая к этому необычному царству мысли, Нолар все больше распознавала искусную технику Талла. Он обращался к камню Коннард, пробуждал его, как будто уговаривал живое существо. Он льстил, ублажал. Нолар хотелось закричать: «НЕТ! Не слушай! Он хочет украсть твою Силу и использовать ее во зло!» Но само это желание было отброшено давлением заклинаний Талла. Нолар лишилась мысленного голоса, оказалась немой, точно так же как раньше была парализована чарами Талла. В ее сознании возникло непрошеное изображение огромного шара из тускло-серого камня, который неумолимо катится вперед. Перед ним лежат светящиеся сущности ее собственной жизни, жизни Элгарет и Деррена, но камень неотвратно надвигается на них. Отчаяние и чернота окружили Нолар, погрузили в оцепенение без отдыха и в сон без сновидений.

Разбудил Нолар Смайр, он грубо тряс ее за плечо.

— Вставай, волшебница! — приказал Смайр. — Сегодня ты поистине послужишь моему хозяину и его желаниям. Нет, не корми старую каргу. Я должен немедленно привести вас троих к хозяину.

Деррен лежал неподвижно. Спит или притворяется? Нолар хотелось поговорить с ним укладкой, но Смайр поднял пограничника на руки.

— Следуй за мной, — приказал он. — И веди с собой старуху. Быстрее!

Нолар осторожно подняла Элгарет. Волшебница укладкой сжала ей руку, внешне продолжая сохранять равнодушное и бессмысленное выражение.

Смайр провел их узким коридором, едва освещенным слабым утренним светом, проходящим откуда-то. У Нолар не было возможности пошептаться с Элгарет, потому что Смайр все время оглядывался, чтобы убедиться, что они не отстали.

Вход в помещение камня не был завешен ни тканью, ни шкурой. Огромные каменные плиты стояли по обе стороны входа, одна из них была наклонена. Нолар решила, что во время Поворота эти плиты сместились со своих мест. Войдя в комнату, она сразу поняла, что Поворот буквально обнажил камень Коннард. Он был хорошо освещен: во время Поворота провалилась крыша, и в отверстие теперь видно холодное бледное небо. И девушка поняла, что теперь солнечный свет снова может попасть непосредственно на камень.

Войдя в помещение, Нолар сразу увидела, откуда отбит ее осколок, — слева внизу, у самого основания. Она почему-то считала, что камень затребует осколок назад, но не почувствовала никакого притяжения к его массе. В то же время она ощутила присутствие огромной энергии камня. Это поистине камень Коннард! Осколок действовал только как слабый отголосок могущества главного камня. Девушка часами могла бы смотреть на сложный рисунок жилок под его чистой полированной поверхностью, но Смайр, уложив Дерре-

на на грубом каменном полу, схватил Нолар за руку и потащил в сторону.

Потом взял Элгарет за обе руки и усадил на каменный блок, упавший с крыши. В комнате не было ни стульев, ни другой мебели, кроме низкого стола черного дерева, стоящего прямо против камня.

Нолар с любопытством взглянула на три предмета, лежащие на столе, ахнула и отвела взгляд.

Смайр заметил ее реакцию и рассмеялся.

— Не нравятся тебе инструменты хозяина, волшебница?

Нолар только покачала головой, не доверяя своей способности говорить. Три предмета казались достаточно невинными: маленький колокольчик, кинжал с длинным лезвием и резной рукоятью и небольшая жаровня с горстью углей. Но все они сделаны из тусклого черного металла, который вызывал у Нолар невероятное отвращение. Эти предметы исключительно злые, и Нолар испытывала к ним омерзение. У нее возникла мысль: когда прозвенит этот отвратительный колокольчик, она сойдет с ума.

Смайр небрежно махнул в сторону предметов, но Нолар заметила, что он их не коснулся.

— Мастеру Таллу потребовались серьезные усилия, чтобы достать эти полезные вещи, — заявил Смайр. — Когда нас поместили сюда, — продолжал он, поморщившись от воспоминаний, — у хозяина отняли все волшебные инструменты. Позволили только обставить мебелью одну комнату.

«Вот объяснение скудности помещений и отсутствия обстановки», — подумала Нолар. Она почувствовала подступающую дурноту, поняв, что пища, которую послал им Талл, не из прошлогодних запасов. Ей не менее тысячи лет, и сохранена она силой волшебства.

Неожиданно в комнату влетел Талл. Такое непредставительное появление он компенсировал всплеском агрессивной энергии.

— Час мой настал! — воскликнул он. — Пора начинать!

Несмотря на то, что говорил он уверенно, Нолар показалось, что выглядит он утомленным. Глаза его лихорадочно блестели, как у тяжелобольного.

Талл занял место за столом, ласково провел пальцами по лезвию кинжала.

— Ночь была долгой, — провозгласил он, — но привела к великолепным достижениям. Я провел Поиск и обнаружил полное отсутствие надоедливых паразитов, с которыми боролся. Теперь я свободно могу достигнуть своей цели. Никто мне больше не мешает.

Нолар перевела дыхание и спокойно сказала:

— С твоего времени прошло больше тысячи лет. Все изменилось. Второй Поворот гор разрушил державшее тебя заклинание. Те, кто одолел тебя, действительно исчезли.

Она не думала, что Талл может побледнеть еще больше, но лицо его при этом известии стало совершенно белым.

Смайр тоже выглядел потрясенным.

— Тысяча лет? — хрипло прошептал он. — Хозяин! Что нам делать?

Талл пришел в себя, лицо его превратилось в жесткую фанатичную маску.

— Так вот почему я не мог ощутить их: они все сгинули! — Он дико рассмеялся. — Разве ты не понимаешь, Смайр? Теперь я единственный Великий! Мир принадлежит мне. С помощью камня я открою Врата, и Сила моя не будет знать пределов!

Талл ткнул пальцем в жаровню, которая тут же вспыхнула тусклым пламенем. Он запел, и Нолар снова ощутила ужасный паралич. Из последних сил она извлекла осколок из кармана, сжала в правой руке. Тепло прошло по ее ладони, распространилось на всю руку. Смертоносное онемение отступило. Неужели Сила осколка противостоит заклинаниям Талла? Успеет ли чувствительность вернуться всему телу?

Талл сделал жест в сторону Элгарет, и та медленно поднялась с пола. Левой рукой она коснулась шеи, и неожиданно открыто сверкнул камень на цепи, поверх одежды. Смайр вздрогнул, но Талл казался невозмутим. Он, очевидно, считал, что полностью контролирует обстановку.

«Были ли у волшебниц времен Талла камни? — подумала Нолар. Способен ли он оценить Элгарет как своего противника?»

Как ни удивительно, но Деррен тоже задвигался, вот он сел. Нолар не понимала, как он способен вообще что-то делать без поддержки, но вот он тоже поднес руку к груди.

Талл уловил это движение и всмотрелся в пограничника.

— Что у нас здесь? Еще один амулет? Достань, — приказал он, — чтобы мы могли разглядеть.

Деррен достал серебряный медальон в форме листа, висший на цепи. Рука его упала, утомленная усилием.

Талл презрительным движением пальцев отмахнулся от амулета.

— Несомненно, символ какого-то лесного божества. Мало пользы принесет он тебе! Больше не отвлекай меня: я приближаюсь к самой сути заклинания.

Его прервал спокойный решительный голос:

— Не выйдет.

Это была Элгарет, но Элгарет преобразившаяся. Но-лар чувствовала исходящую от нее Силу. Глаза волшебницы были открыты, один ясный, другой затуманенный, руками она сжимала свой камень.

— Ты не в своем времени, маг, — твердо произнесла Элгарет. — И ты, и твои отвратительные планы принадлежат прошлому.

Разгневанный, Талл заскрипел зубами и выпалил:

— Как смеешь ты противиться мне?

Элгарет подняла свой камень. Звонким голосом она провозгласила:

— Я олицетворяю Эсткарп! Я отстаиваю Свет, я представляю Свет, и меня защищает Свет. — Ее камень ярко сверкнул.

Смайр отшатнулся от ослепительного блеска, и даже Талл скорчился, но быстро пришел в себя. Кинувшись к столу, он схватил кинжал.

— Ничтожная волшебница не устоит перед мощью Тени, — взревел Талл. — Ничто не защитит от вечной Тьмы, которая окутает все. Смайр! Дай мне крови этого человека!

Смайр послушно протянул руку и сжал рукоять кинжала.

— Подожди! — послышался чистый голос. Это говорил Деррен, очевидно, полностью владеющий собой. — У меня тоже есть что сказать. — К полному удивлению всех присутствующих, он встал на ноги. — В одном отношении я благодарен твоему заклинанию, — заметил он. — Когда камень снова стал плотью, все мои кости срослись. Кажется, камень Коннард сохранил свою целительную силу, как ты ни старался натравить его на меня.

С ревом Смайр бросился на Деррена, но погранич-

ник, явно опытный боец, легко уклонился, оглядываясь в поисках оружия.

Жестикулируя, Талл возобновил свои заклинания. Элгарет противопоставила им собственные чары, и из ее камня вырвалось ослепительное пламя.

Нолар обнаружила, что может двигаться, но ее что-то сдерживает. Она движется словно в вязкой массе. Девушка протянула правую руку, демонстрируя свой осколок, который тоже начал светиться, отражая свечение большого камня.

Тем временем Смайр загнал Деррена в угол и готовился нанести решительный удар. Талл и Элгарет молчали, оба они явно напрягали силы, стремясь воздействовать на схватку.

Смайр бросился вперед, но в этот момент Деррен коснулся амулета и громко произнес Имя. Его серебряный амулет сверкнул ярче сотни полных лун. Свободной рукой Смайр заслонил глаза, потом закричал в ужасе: злой кинжал вырвался из его руки, повернулся в воздухе и по самую рукоять вонзился в его грудь. Смайр, дергаясь, упал на пол, и у всех на глазах тело его исчезло. Время, обманутое заклинаниями, тысячу лет лишенное возможности действовать, в считанные секунды превратило Смайра в прах, каким он давно должен быть. Древняя одежда разделила участь своего хозяина. Ошеломленный, не в силах пошевелиться, Деррен смотрел на то, что осталось от Смайра.

Талл что-то крикнул и протянул руку к зловещему колокольчику. Нолар, стремясь помешать, искала возможность остановить Талла. В сознании ее возникло детское воспоминание о торговце рыбой, и Нолар устремилась к Таллу вместе с остальными своими воспоминаниями и впечатлениями. Она вложила в свое Послание, которому никогда не училась, все свои по-

давленные страхи, все горести, все отвращение к тому, что он сделал с Дерреном, чем угрожал беззащитному миру.

Талл пошатнулся, когда его достигло Послание Но-лар. Чтобы его сравнили... с торговцем рыбой! Его, Талла Темного, Талла Великого! Это невыносимо! Он сожжет наглуую волшебницу на месте... но ритм его заклинания был нарушен.

— Поддержи меня, сестра, — воскликнула Элгарет. — Пусть твой осколок освободит камень от этого грязного палача.

Нолар подняла свой осколок и сосредоточила всю его мощь на камне Коннарда.

Талл в нерешительности остановился. Его превосходство кончилось. В глазах мелькнул страх.

Элгарет запела, свет ее камня окутал Талла, и тот задергался в муках. Нолар видела, что его руки, протянутые к проклятому колокольчику, больше не двигались. Постепенно его бледная кожа начала сереть. Нолар уже видела этот странный оттенок раньше, когда ноги Деррена превращались в камень. Девушка посмотрела Таллу в лицо. Оно застыло в маске злобы. У нее на глазах оно менялось, глаза потускнели, и Нолар поняла, что заклинание Талла обратилось против него самого. Талл стал безжизненной каменной статуей. На мгновение его пурпурные одежды обвисли, потом потемнели и сморщились, превратившись в обрывки тряпок.

Сияние камня Коннарда медленно погасло. Почти невыносимое напряжение Силы, пронизавшей помещение, постепенно спадало.

Со вздохом Элгарет опустила свой камень.

— Сестра, — улыбнулась она, — мы хорошо поработали сегодня. Мастер Деррен, прошу тебя, найди

подходящую дубинку и разбей эту отвратительную фигуру.

Деррен, обретя способность управлять своим телом, разминал руки. Он посмотрел на серую массу, еще недавно бывшую Таллом, и воскликнул:

— С удовольствием, леди! — походил по помещению и нашел металлическое крепление для факела, которым, должно быть, Талл пользовался по ночам. Закутав металл в ткань, Деррен пинал им статую Талла, пока та не потеряла равновесие и не разбилась. Только одна вытянутая рука осталась целой. Мощными ударами Деррен превратил статую в грудку мелких камней и пыли.

Элгарет с отвращением посмотрела на эти останки.

— Если в этом месте есть метла, надо избавиться от мусора.

Нолар вспомнила прочный веник, который дал ей с собой Вессел, и достала его из багажа. Элгарет одобрительно кивнула. И как домохозяйка, занятая весенней уборкой, принялась энергично выметать остатки Смайра и Талла. Пыль она собрала на плащ, который расстелила на полу. Картина была такая мирная и домашняя, что Нолар рассмеялась, но скоро слезы сменили смех, и она опустилась на колени.

Элгарет бросила веник и обняла Нолар за дрожащие плечи.

— Мастер Деррен, — попросила она настойчиво, — если снаружи отыщется проточный ручей с чистой водой, лучше пустить эту пыль по течению. Мы, в Эсткарпе, так давно не подвергались нападению Тени, что я не знаю подходящих способов уничтожения этой грязи, но считаю, что текущая вода не позволит снова восстать... этим двум.

Деррен почтительно поклонился.

— Леди! — Он сложил края плаща, чтобы получился прочный мешок, и вышел в коридор.

Элгарет погладила волосы Нолар и мягко сказала:

— Дитя, плакать не нужно. Худшее позади. Ты помогла предотвратить большое зло от Эсткарпа и других известных нам земель.

Нолар подняла голову, на щеках ее блеснули слезы.

— Я так боялась, что Талл позвонит в колокольчик, — призналась она.

Элгарет посадила Нолар на ближайший камень.

— Вполне оправданное опасение, — заметила волшебница. — Теперь нужно покончить с этими злыми инструментами. — Кинжал, убивший Смайра, лежал в стороне на полу. Элгарет завернула руку в полу одежды и осторожно положила его на стол. — Смайр сказал, что Талл призвал эти злые предметы, поэтому их следует отправить назад, но так, чтобы их нельзя было снова использовать в злых целях. Если камень Коннард позволит, я думаю, их очистит пламя.

Нолар почувствовала утвердительное биение своего осколка.

— Да, камень согласен, — подтвердила она, почувствовав это бессловесное разрешение.

Элгарет положила руку на свой камень и произнесла певучую фразу. Стол охватило белым пламенем, которое вначале расплавил, а потом совсем уничтожило колокольчик, жаровню и кинжал. Пламя погасло, оставив только следы на полу, а Элгарет поднесла дрожащую руку ко лбу и опустилась рядом с Нолар.

Озабоченная ее состоянием, Нолар коснулась руки волшебницы и воскликнула:

— Твой камень! Смотри!

Туманный кристалл, висящий над сердцем волшеб-

ницы, пожелтел, в нем появились зеленоватые прожилки.

— Кажется, совместные с камнем Коннارد действия сделали их похожими, — предположила Элгарет.

Нолар осмелилась коснуться щеки волшебницы.

— Камень исцелил ногу Деррена, — сказала она голосом, дрожащим от надежды. — А ты можешь видеть своим слепым глазом?

Элгарет улыбнулась и в ответ погладила Нолар по щеке.

— Нет, моя дорогая, я по-прежнему полуслепа, а ты все еще носишь на лице знак, который так давно обособил тебя от других. Нет, не отворачивайся. Мне кажется, я знаю, почему мы не исцелились. Заклинание Талла позволило срастись костям Деррена, но, конечно, это не входило в намерения Талла. Я считаю, что Талл своим нечистым использованием камня лишил его целебных свойств. Чтобы они вернулись, его нужно перенацелить, а это потребует долгих исследований и помощи тех, кто обладает большей Силой, чем я.

Нолар посмотрела на волшебницу.

— Но он вернул тебя нам. А остальные, те члены Совета, что также были поражены во время Поворота... Если они явятся сюда, может, быть, тоже исцелятся?

— Поверят ли они нашему рассказу? — засомневалась Элгарет. — Ты должна помнить, что Совет Стражниц больше не существует. Те немногие волшебницы, которые сохранили Силу, могут не прислушаться к нашим словам. Посмотри на мой камень. Такой же он, каким был раньше? Сочтут ли другие волшебницы меня по-прежнему своей сестрой?

Нолар пыталась справиться со смущением и жгучим сознанием, что должна поделиться новостью.

— Могу ли я... — Она помолчала: мысль о том, что

придется смотреть в лицо волшебницам в замке Эс, привела ее в ужас. — Могу ли я вернуться и быть свидетельницей... в одиночку, если потребуется? Я могла бы все объяснить... Хотя должна признаться, что больше всего боюсь: они задержат меня в замке и заставят быть волшебницей. — Смутившись, она закрыла лицо руками.

Элгарет мягко взяла руки Нолар в свои и отвела их, так что девушка могла смотреть на нее.

— Ты волшебница, дитя. Ты рождена, чтобы быть волшебницей. Ты не можешь отказаться от этого, не можешь надеяться отбросить свои способности. Но ты больше, чем волшебница, и в этом твоя судьба. Ты нашла... или, может быть, правильное будет сказать: ты была найдена великим камнем Коннард для целей, которые нам неведомы. Думаю, маловероятно, — сухо добавила она, — чтобы волшебница, член Совета или нет, могла бы заставить тебя делать что-то вопреки твоему желанию. Но именно по этой причине, — с серьезным лицом продолжала она, — подозреваю, что Совет не будет тебе рад и не станет тебя слушать. Ты другая, ты отличаешься от остальных из-за камня. Это объект Силы из далекого прошлого, недоступный пониманию современных волшебниц. Должна сказать тебе вот что: я думаю, что из-за вмешательства Талла в жизнь камня теперь силы Света и силы Тьмы знают, что камень ожил, что он появился вновь. Он больше не может лежать здесь в полном забвении. Тебя привлекло сюда благодаря твоему осколку, дару камня. Но теперь другие — по причинам и добрым, и злым — обратят свое внимание на это место.

Нолар сидела, лишившись дара речи, пытаясь постигнуть значение слов Элгарет.

— Значит, мы не можем надеяться убедить Совет послать сюда пострадавших волшебниц? — расстроилась она.

— По крайней мере, не сразу, — вздохнула Элгарет. — Может быть, позже, когда станет больше известно о камне.

— Что же нам делать? — Слезы заполнили глаза Нолар. — О, Элгарет, что нам делать?

Волшебница нахмурилась.

— Как ты назвала меня? — настороженно проговорила она.

— Мне нужно было как-то называть тебя в присутствии других, — ответила Нолар, поглощенная своей тяжелой ношей. — Я назвала тебя своей тетей Элгарет.

Волшебница смотрела на нее с явным ужасом, поэтому Нолар торопливо добавила:

— Мне просто пришло в голову это имя, когда я объясняла твое присутствие Деррену.

Волшебница невесело улыбнулась.

— Да, имя пришло тебе в голову, но пришло — невольно — от меня, потому что мое Истинное Имя Элгарет.

Глаза Нолар широко раскрылись в ужасе: она поняла, что это может означать.

— Я часто пользовалась этим именем в Лормте, а Остбор говорил мне, Истинное Имя может быть опасным оружием, если его узнает враг.

Строгое выражение волшебницы смягчилось.

— Не расстраивайся.

Нолар пыталась заговорить, но слова не шли к ней. Как могла она совершить такое предательство? А волшебница спокойно продолжала:

— Ты пользовалась им открыто, и поэтому я чувствую себя защищенной. — Теперь она улыбалась тепло и

искренне. — Разве те, кто пытается проникнуть в дела волшебниц, не знают, что свои Истинные Имена они хранят в глубочайшей тайне? Имя, которым пользуются открыто, не может быть истинным.

— Я сказала, что так мы решили называть тебя в нашей семье, — вспомнила Нолар, испытывая облегчение оттого, что не подвергла сознательно волшебницу опасности. — Я должна была сказать, что ты моя тетя, чтобы увезти тебя из замка Эс.

— Больше не думай об этом, — приказала волшебница. — Но можешь и дальше называть меня тетей, просто из предосторожности.

— Но ты не моя тетя, — жалобно и с сожалением сказала Нолар.

— Не по крови, — согласилась волшебница, — но по мысли мы связаны, как кровные родственники. Может, мы даже ближе родственников, которые в жизни часто ничего не значат друг для друга. Как ты знаешь, мы, волшебницы, называем друг друга сестрами, и это не простая формальность. В царстве Силы мы сестры, ты и я.

— Я так мало знаю, что означает эта связь, — промолвила Нолар плача, не в силах прервать слезы. — Но это большая честь, что ты считаешь меня сестрой.

— Ты заслужила и эту честь, и мое уважение, — объявила волшебница. — И давай радоваться этой связи. Это не простое знакомство. Сила своеобразно повела себя с нами. Она дала мне Предвидение, которое заставило тебя отправиться в Лормт. А там ты отыскиала осколок, и тебя потянуло сюда. Я подозреваю, что конец еще не близок. И знаю, что мы не можем свернуть с дороги, открывшейся перед нами. — Она помолчала. — Я слышу, возвращается пограничник.

В комнату медленно вошел Деррен. Смыв в ближайшем ручье пыль с плаща, он долго стоял у входа в логово Талла, раздумывая над своим положением. Его сломанная нога излечилась, лодыжка тоже. Путь в Карстен открыт перед ним: взять пони и уйти... но он остался. Вернуться в логово Талла — никогда и ничего не давалось Деррену с таким трудом. Он заставил себя сделать это и вот снова стоит перед двумя волшебницами из Эсткарпа. Сердце у него колотилось, и он с трудом удерживал себя от того, чтобы не убежать.

— Леди, — заговорил он наконец, обращаясь к Элгарет, — я выполнил то, о чем ты просила. Остатки мага и его слуги смыты чистой водой ручья. Плащ я пустил по воде вместе с пылью.

Элгарет кивнула.

— Хорошо сделано. Сейчас мы как раз решаем, что нам делать дальше.

Деррен стиснул руки, чтобы они не дрожали.

— Я... я должен сказать вам кое-что, — начал он и остановился.

Нолар догадалась о его намерении. Может быть, ей удастся его успокоить и уменьшить тревогу.

— Ты хочешь сказать, что ты не настоящий пограничник? — она торопливо опередила его. — Я заподозрила это еще в Лормте и убедилась на пути сюда. Я думаю, ты разведчик из Карстена.

Деррен смотрел на нее, разинув рот.

— Ты знала? Но не выдала меня. — Он повернулся к Элгарет. — А ты не сожгла меня.

Элгарет выглядела недовольной.

— Молодой человек, до того, как камень Коннарда восстановил мои силы, я ничего не могла сделать. А по словам Нолар, ты был очень надежным проводником и

охранником. Зачем нам причинять тебе вред за честную службу?

— Но... но это правда. Я из Карстена, — признался Деррен. — Я был передовым разведчиком. Поворот застал меня в Эсткарпе. Я подумал, что если буду сопровождать вас в Лормт, меня никто не заподозрит, а позже надеялся отправить вас с надежными людьми в Эсткарп, а самому пойти своим путем.

— Тогда судьба действительно улыбнулась тебе. Ты можешь свободно вернуться домой, в Карстен, — сказала Элгарет, словно уговаривая непослушного ребенка.

— Но я не могу оставить вас здесь! — воскликнул Деррен. — Вы не найдете обратной дороги в Эсткарп.

— Подумай, — уговаривала Элгарет. — Ты должен понять наше положение. Мы с Нолар только что согласились, что из-за нашей неожиданной связи с камнем Коннард нас встретят не очень приветливо в замке Эс. Это объект великой Силы, как ты сам видел... и почувствовал на себе. Он привлекает внимание и Света, и Тьмы. По этой причине я чувствую, что должна остаться здесь, присматриваться и наблюдать — по-своему — к любой деятельности, враждебной камню.

Нолар молча встала и подошла к камню. Сначала неуверенно, потом более решительно она коснулась ладонью его блестящей поверхности, прижала руку. Почувствовала такое же тепло, как от осколка, и одновременно надежду. И неожиданно поняла, что ей делать.

— Лормт, — убежденно сказала она. — Я должна рассказать в Лормте о камне Коннард, о том, что произошло здесь. Морфью и остальные прислушаются ко мне и поверят. И те, кто нуждается в целительной Силе камня Коннард, узнает о ней.

Элгарет одобрительно кивнула.

— Ведь твой осколок и хранился там. Да, ты должна донести эту новость в Лормт. Ученые будут искать новые сведения о камне и о том, как он использовался. Но прежде всего они должны быть внимательны к действиям Света и Тьмы, которые вызвал камень.

— Отправиться в Лормт надо немедленно, — торопливо вставил Деррен. — Уже начались зимние бури. — Он замолчал, видя, что обе женщины смотрят на него. — Я хочу сказать... мне сначала нужно несколько дней поохотиться. Надо оставить достаточный запас продуктов для твоей тети. — Он снова замолчал, не менее волшебниц удивленный собственным словам.

Элгарет встала.

— Я буду признательна, молодой человек, если ты вырежешь мне подходящий посох, взамен потерянного. Жаль: этот посох долго хранился в нашей семье.

— Он остался в замке Эс, тетя, — вспомнила Нолар. — Мне пришлось оставить его вместе с другими твоими вещами, когда мы отправились в Лормт.

— Я постараюсь вернуть его себе в будущем, — пообещала Элгарет. — Ну, а пока мне нужен другой посох. Пойдем, Нолар, посмотрим, какие запасы еды и прочего есть в этом странном месте. Я думаю, что пробуду здесь некоторое время, и хотела бы знать, что можно предпринять, чтобы жить было удобней. — Она плотнее запахнулась в плащ. — Здесь очень холодно, с этой открытой крышей. Пойдем. Где-то там я видела жаровни, верно?

— Мне кажется, у нас еще осталось немного лепешек и другой еды. Смайр не все съел, — сказала Нолар, беря Элгарет за руку.

Деррен пошел за ними.

— Если бы нашлась еще одна шкура, я бы завесил

проход от сквозняка. — Он быстро перешел от слов к делу, сняв нарядное покрывало со стены тронного зала Талла и повесив его поперек прохода, ведущего к камню.

Сделав это, Деррен нервно посмотрел на своих спутниц.

— Вы правда принимаете мою помощь? — заволновался он. — Должен откровенно сознаться, что волшебницы Эсткарпа всегда считались страшными фигурами в Карстене.

— Уже в дороге стало ясно, что тебе не по себе в присутствии тети, как только ты узнал, что она волшебница, — проговорила Нолар.

— Но она защитила меня! — взорвался Деррен. — Когда я вынужден был призвать... Клянусь богом леса, этот злой кинжал отвернулся от меня, но я сам не мог двигаться. Я оцепенел. Если бы ты, леди, не помогла своим камнем, мы бы погибли. Я в долгу перед тобой и отплачу службой, если смогу.

— У тебя обостренное чувство долга, — заметила Элгарет, — но ты мне ничего не должен. Все мы вместе противостояли Таллу, вооруженные своими верованиями. И благодаря милости Тех, кто заботится о своих, мы победили. Теперь мы свободны идти каждый своим путем. Я верю, что должна остаться здесь, быть хранительницей камня Коннард. Я постоянно ощущаю его Силу, и мне не терпится разгадать его тайны. Нолар точно так же влечет в Лормт — сообщить новость о камне.

Деррен остановился перед Нолар.

— Леди, — искренне пожаловался он, — боюсь, что меня никто не ждет в Карстене. Мы уже говорили о моем возвращении, и ты дала мне великую надежду на

восстановление лесов. Но я подумал об этом и о том, что знаю о людях. Карстен сейчас в смятении. Армии Пагара погибли в Повороте. У людей теперь нет времени для посадки деревьев и восстановления дикой жизни. Все будут стараться воспользоваться положением, никто не подумает о нуждах живых. Мне сейчас лучше там не показываться. Я тоже вернусь в Лормт, леди. Я думаю, ученые там смогут воспользоваться моей помощью, как раньше. Я чувствую... что мое место там. — Он помолчал, лицо у него покраснело. — И еще я хотел бы научиться читать, если это возможно.

Нолар схватила его за руку, вспомнив собственное желание и благожелательную помощь Остбора.

— Если захочешь, я с радостью научу тебя. Ты говоришь правду: я тоже чувствую, что мое место в Лормте. Для меня это редкое чувство, и я боюсь ему доверять. Если ты проводишь меня назад в Лормт, я уверена, что Морфью и Вессел примут тебя с радостью и в тот же день дадут работу. Идем со мной, как только устроим тут тетю.

Деррен взял другую руку Нолар.

— Леди, от всего сердца, — поклялся он.

— А теперь, когда все решено, — вмешалась волшебница, — не будете ли вы добры отыскать мне посох и плащ, если такой остался в багаже? Маги, заточившие в старину сюда Талла, не подумали, как холодно будет тем, кто не подвластен их чарам.

Нолар почувствовала себя счастливой. Вслед за ранней зимой наступит весна, и снова зацветут луга вокруг Лормта, распустятся полуденные и полуночные цветы. Возможно, она сумеет собрать их для мастера Пруетта. Она повернулась к Элгарет.

— Тетя, возьми мой шарф. Не думаю, чтобы теперь

мне понадобилось прятать лицо. Приехав в Лормт, я буду среди товарищей, а сейчас я тем более среди самых верных друзей.

Летописец

Время от времени мы получали известия от волшебницы Элгарет. Деррен отвозил ей припасы, несмотря на особенно сильные зимние бури. Однажды я поехал с ним. И когда смотрел на камень Коннар, произошли две вещи. Во-первых, перестала болеть нога, которая раньше постоянно тревожила меня. Конечно, рана заросла не совсем, потому что одна нога была короче другой. Но что гораздо важнее, я почувствовал (вначале я испытал страх, потому что встреча с неизвестным всегда пугает), что передо мной открываются двери. И мой дар необыкновенно усилился, я теперь мог без слов общаться не только с животными, но и с людьми. Зная, что это небезопасно и кое-кому может показаться вторжением в частную жизнь, я пользовался своим новым даром только в случаях крайней необходимости.

И только однажды использовал я этот дар в гневе: ведь я знал, что гнев ослабляет владение им.

Произошло это, когда в Лормт приехала молодая девушка и объявила, что она Арона, дочь Бетиша. Она была хранительницей архивов в одной из женских деревень фальконеров. После падения Гнезда жительницы деревни вынуждены были переселиться в другое место. В этой деревне ненавидели мужчин. Девушка потребовала, чтобы ее проводили к «ученой», и проявила величайшее отвращение к представителям мужского пола. Нолар проводила ее к Нарет, которая тоже не любила нас, хотя сама жила среди ученых.

Нолар вернулась очень молчаливой, а я встрево-

жился. Девушка села напротив меня за стол, за которым я работал. Потом, словно говоря о чем-то неприятном, она поведала:

— Дуратан, вместе с ней пришла горечь. Может, она и оправдана ее прошлым. Но мы не должны допустить, чтобы она воздействовала на нас. Испытай ее!

Я задумался. Потом решил, что она права. Такой глубокий гнев может означать серьезную опасность.

— Но как она может повредить нам? — спросил я — и Нолар, и себя самого. — Горечь выедает нутро тех, кто ее носит.

— Это правда, однако... — Она помолчала и спрятала руку в карман, в котором, как я знал, всегда носит осколок камня Коннарда. Для нее он словно камень для волшебницы. — Однако я чувствую.

Больше она не сказала ни тогда, ни много времени спустя, а Арона, дочь Бетиша, продолжала жить у леди Нарет, мы ее почти не видели, особенно после появления фальконера, который изучал историю своего народа. Арона даже не встречалась с Пирой. Иногда я вообще о ней забывал, потому что в Лормте множество комнат и коридоров. Можно прожить год, ни разу не встретив того, кого не хочешь видеть.

Нолар отыскиала записи, привезенные от Остбора. Нам пришлось искать их долго, потому что их сложили вместе с недавно найденными сокровищами. Мы вместе искали то, что могло бы помочь птичьему воину, который мне нравился и которого я искренне уважал.

Арона могла бы помочь нам, но не захотела, хотя Нолар пыталась что-нибудь разузнать у нее. Она откровенно сказала, что когда попросила Арону о помощи, та посмотрела на нее с презрением, как некогда мачеха: словно она запачкана. А меня девушка вообще отказалась слушать.

Однако я продолжал надеяться. До того утра, когда, думая о фальконере, бросил свои камешки и вскочил.

Появилась стрела, указывающая на меня — а может, на Лормт, — красная стрела, цвета крови.

Я выслал ищущую мысль. Телесная боль... боль мысленная... невероятная поспешность в попытках уйти от смерти. Я позвал Пиру, потому что мне потребовалась помощь, любая, какую мне смогут оказать. И в это время к нам вторично явился фальконер.

П. М. Гриффин

НАДЕЖДА СОКОЛА

Глава первая

Тарлах низко склонился в седле, чтобы уберечься от ветра, и крепче прижал к себе женщину, вероятно, умирающую.

Он ехал так уже два дня, почти три, не останавливаясь даже для того, чтобы поесть и напиться или отдохнуть, кроме нескольких минут, необходимых для смены лошади, когда та уже больше не выдерживала.

Мозг его так затянут туманом усталости и страха, что он не мог бы сказать, сколько времени провел в пути — часы или недели, если бы не было необходимости потом во всех подробностях сообщить о случившемся. А для этого все нужно сохранить в памяти, и только эта необходимость и ужас остались в сознании. Не скоро

сумеет он избавиться от ужасной картины перед глазами: огромный камень срывается с казавшегося устойчивым склона горы и обрушивается на владелицу Морской Крепости.

Он не придавил леди Уну — никто не смог бы выжить в таком случае, но задел ее, и задел сильно. Когда фальконер с товарищами добрались до пострадавшей, стало очевидно, что у нее серьезные внутренние повреждения. Она жива, но не приходит в себя и не придет без той помощи, которую они не способны ей оказать.

Сердце Тарлаха сжалось, как в тот момент. Эти волшебницы! Эти трижды проклятые волшебницы! Да, конечно, они спасли Эсткарп, спасли, повернув горы, но уничтожили жизнь в этих горах, уничтожили Гнездо фальконеров, которое было их гордостью и утрата которого могла означать их конец как народа. А теперь они затронули его будущее и убили женщину, которую он тайно любит, вопреки обычаям своего племени, вместе с которой они задумали спасти его народ от исчезновения.

Тарлах снова взял себя в руки, как не раз поступал во время этой кошмарной поездки. Именно с такой целью они приехали в Эсткарп и пересекли эти предательские горы в поиске знаний, любых сведений, которые смогли бы убедить старших офицеров фальконеров — и их ошеломленных, вечно боящихся женщин — в необходимости того необычного плана, который он предлагает. Целью их был Лормт, хранилище древних знаний. Он сравнительно близко к тому месту, где произошел несчастный случай. Тарлах, придерживаясь обычаев своего народа, держался в стороне от жителей гор, и потому сейчас не мог даже сказать, получит ли нужную помощь. Но разум подсказывал ему, что община такого

размера должна иметь целителя, и поэтому он и решился на этот шаг, бросая вызов Мрачному Командиру. Пока Уна из Морской Крепости жива, пока есть хоть малейшая надежда на то, что целитель ей поможет, он не сдастся, не дрогнет в борьбе за ее жизнь.

С этой решимостью он сел в седло, держа перед собой женщину и ведя на поводу ее жеребца: сменная лошадь понадобится, когда начнет уставать Леди Гей.

Тарлах ожидал, что их эскорт отправится за ним на более безопасной скорости, и удивился, увидев, что Бреннан, его старший помощник, тоже сел в седло, прихватив запасную лошадь. Она послужит ему, как Брат Орла Тарлаху. Командир не пытался отговаривать его. Рассказывали, что в этой проклятой волшебницами земле обитают опасные звери и еще более опасные люди, и Тарлах, у которого заняты руки, даже не сможет защититься.

Еще трое совершали с ними этот марш: Бросающий Вызов Буре, Солнечный Луч и кошка Брейвери, которая для Уны был тем же, чем боевые птицы для мужчин, хотя об этом никто не знал, кроме самой женщины и Тарлаха. Птицы сидели на специально для них сделанных насестах на седлах, для Брейвери тоже было устроено сидение — подушечка за седлом лошади Уны.

Этим троим, конечно, нельзя было отказать. Их связывали с избранными ими людьми такие прочные узы, что такая незначительная причина, как неудобства и трудности пути, не испугала бы их. Особенно это касалось Брейвери, которая не желала остаться, хорошо понимая, что, возможно, больше никогда любимая рука не погладит ее черепахового цвета шерсть.

Долгие часы пути мужчины почти не разговаривали: они сосредоточились на необходимости ехать как мож-

но быстрее, несмотря на усталость своих измученных лошадей и неровную местность.

Неожиданно Бреннан окликнул Тарлаха. Его кобыла споткнулась и не могла идти дальше.

Тарлах натянул поводья. Леди Гей тоже едва не падала. Снова нужно менять лошадей.

Лейтенант спешился первым и поторопился принять жительницу долины из рук командира, чтобы она не почувствовала возможных толчков. Тарлах заторопился к Орлу, но прежде чем он уселся в седло, все вокруг внезапно закачалось, и фальконер вынужден был ухватиться за жеребца.

Он удержался на ногах, но ему пришлось всей тяжестью повиснуть на лошади. Глаза его закрылись, он пытался восстановить самоконтроль.

Сильные руки поддержали его.

— Послушай, Тарлах. Нам нужно отдохнуть.

— Нет...

— Это необходимо и нам, и леди тоже.

На это Тарлах поддался и позволил уложить себя на землю.

Только через несколько минут земля перестала раскачиваться. Подождав еще несколько секунд и убедившись, что мир остается неизменным, Тарлах сел. Его товарищ склонился к Уне. Тарлах видел, как Бреннан отогнул край плаща и вытер розовую пену с губ женщины.

— Как она?

Бреннан овернулся.

— Хуже ей не стало.

— Но и лучше тоже?

Увидев ответный кивок, командир фальконеров опустил голову. Не очень много они могут для нее сделать...

Его товарищ оставил Уну и взял с седла фляжку с водой. Принес ее капитану.

— Она не испытывает страданий. Выпей. На нас начинает действовать жажда.

Тарлах выпил почти половину, прежде чем отнял фляжку от губ. Вода приносила одновременно удовольствие и мучения, проходя через пересохшие рот и горло, и он удивился тому, что до сих пор не сознавал, какая его мучила жажда.

Возвращая фляжку, он слабо улыбнулся товарищу.

— Я поражен. На тебя ничего не действует!

Это не совсем правда. У лейтенанта напряженное осунувшееся лицо, глаза покраснели от ветра и недостатка сна, хотя плечи у него по-прежнему прямые, движения уверенные и сильные. О себе самом Тарлах этого сказать уже не может.

— Я тоже устал, друг. Просто у меня не было твоей ноши.

Бреннан проницательно разглядывал товарища.

— Позволь мне взять леди. У тебя руки уже онемели.

— Я смогу удержать ее, — отказался тот.

Но почти тут же смягчился.

— Я не хотел обидеть тебя, Бреннан, — извинился Тарлах, — но ты должен охранять нас. Ни один фальконер в этом не сознался бы, но я сейчас не способен защищаться.

Товарищ глубоко вздохнул. Это и так очевидно.

— Пусть будет так.

Тарлах не стал больше отдыхать. Он сел на лошадь и снова взял на руки Уну из Морской Крепости.

Посмотрел ей в лицо. Оно совершенно неподвижно, как будто вся ее воля, все силы сосредоточены только на том, чтобы сделать еще один вздох.

— Продержись еще немного, моя леди, — нежно прошептал он, хотя понимал, что она его не слышит. —

Еще совсем немного. Мы уже близко, если в спешке не сбились с пути. Скоро эта пытка для тебя кончится.

Глава вторая

Двое наемников ехали еще с час, пока не оказались на идущей под уклон тропе, которая заканчивалась у подножия небольшого холма. Перевалив через него, они увидели узкую долину, а в конце ее крепость, вернее, то, что когда-то было крепостью. Подобно окружающим горам, она сильно пострадала во время Поворота и последующих изменений.

Из четырех башен, некогда охранявших ее, сохранились две и часть третьей. Четвертая исчезла, как и две стены, примыкавшие к ней. Одна стена просто рухнула. Другая и недостающая башня буквально были погребены, когда под ними провалилась земля. Обломки — вернее, их часть, потому что другая, несомненно, пошла на постройку и ремонт, — лежали у подножья утеса.

В одной из уцелевших стен — ворота. Тропа, не очень торная, но относительно ровная, вела к ним, и Тарлах повернул на нее свою уставшую лошадь.

Очевидно, кто-то заметил их появление и то, что передний всадник везет раненого. Во всяком случае люди, вышедшие им навстречу, прихватили с собой носилки.

Подъехав к встречающим, Тарлах натянул поводья.

— Есть среди вас целитель? — хрипло спросил он. — В нашей группе...

— Я целительница, — сразу отозвалась женщина, стоявшая рядом с носилками. Капитан с удивлением узнал в ней ту самую, которая хранит материалы, интересовавшие его самого. — Пусть мои помощники заберут его, птичий воин.

Два молодых носильщика в одежде полевых рабочих или торговцев подошли к нему, и он опустил не приходящую в сознание владелицу долины в их протянутые руки.

Несмотря на свою грубую внешность, они очень осторожно уложили раненую на носилки.

Целительница из Лормта, принадлежавшая к древнему народу Эсткарпа, склонилась над пациенткой. Она успела прикрыть лицо, но Тарлах заметил, что она удивилась, увидев перед собой женщину. Но никак не прокомментировала это и ничем не проявила своего удивления. Возможно, для нее этот факт не имел особого значения по сравнению со многими другими более неотложными делами.

Говоря быстро и сжато, отвечая на вопросы, фальконер описал происшествие, в котором пострадала Уна, и как можно подробнее охарактеризовал ее раны. Потом он рассказал, как везли ее сюда, чтобы мудрая женщина или волшебница смогла определить степень серьезности повреждений и принять меры для лечения.

Капитан не замечал взглядов, которые бросали на него слушатели. Он смотрел, как подняли носилки и унесли их внутрь, чувствуя в глубине души, что, возможно, больше никогда не увидит Уну из Морской Крепости. Он опустил голову, и на него навалилась вся тяжесть усталости и безнадежности.

Все кончено. Он сделал все, что было в его силах. Теперь судьба Уны в руках других — странных ученых и тех Великих, кто распоряжается жизнью и смертью.

Тарлах взял себя в руки. Он не должен сдаваться. Подняв голову, двигаясь медленно, словно во сне, он спешился. Усталое тело, казалось, восставало, сопротивляясь любому движению.

Тут командир наемников впервые обратил внимание на собравшихся у ворот.

Одного он сразу узнал, высокого человека, чьи седые волосы говорили о долгих годах жизни. Никакой усталости не было в его серых глазах, стройная фигура, а походка была молодая, стремительная и решительная. Что касается остального, то у него была внешность старика, хрупкого, но здорового умом и телом. Кожа у него не морщинистая, но бледная, почти прозрачная; казалось, легкий ветерок может ее порвать. Лицо и тело у него худые, а рука, которую он поднял в приветствии, перепоясана голубыми венами. Черты лица приятные; когда-то, наверное, он был красив; лицо живое, пронизательное и доброе. Серое его одеяние мало чем отличалось от одежды полевых рабочих и ремесленников, хотя Квен и возглавлял общину Лормта. Но здесь трудно получить что-то особенное, да и никто об этом не заботился.

Другой знакомый фальконеру человек стоял рядом с Квеном, он гораздо моложе, тоже принадлежит к народу древних, высок и худ. Одет Дуратан так же, как и престарелый ученый, только одежда коричневая, а осанка у него солдатская. Это человек, знакомый с войной. Причем не только знаком, но и пострадал на ней. Он опирался на палку, которой пользовался привычно, и хотя обут он в сапоги, заметно, что одна нога короче другой.

Остальные собравшиеся, судя по их внешности, представляли множество городов и крепостей. В основном это были мужчины, большей частью старики, но было и несколько относительно молодых, что свидетельствовало о том, что это поселение еще не умерло и не умирает.

Седовласый старик заметил направление взгляда Тарлаха и выступил вперед.

— Лормт снова приветствует тебя, птичий воин, и твоих товарищей, — произнес он удивительно мягким голосом.

Тарлах не удивился, что его узнали. Высокий шлем, скрывающий лицо, делал трудным делом для других народов отличить одного фальконера от другого, но никто не мог бы забыть коня из Морской Крепости. Леди Гей сразу показала, что он именно тот гость, который отыскивал сведения в огромном мире знаний Лормта и потом неожиданно уехал, сказав только, что вскоре он вернется, и вернется не один.

Сердце фальконера дрогнуло от воспоминаний. Он отправился на берег для встречи корабля Уны, как они договорились, когда он покидал Высокий Холлак. Как правительница крепости, она не хотела оставлять свою долину в такое напряженное время года, и они решили, что он отправится раньше и узнает, что сможет, а она присоединится к нему осенью, когда у нее будет меньше дел. Она хотела помочь ему завершить его исследования и обсудить то, что он... что они найдут, прежде чем Тарлах обратится к своему народу. А вместо этого встретила со своим роком. Он позволил этому случиться, он, который поклялся защищать ее...

— Благодарю тебя за этот прием, лорд Квен, — ответил фальконер, заставляя себя говорить спокойно. — Мы пришли, как ты видел, в надежде на помощь, а также потому, что надеемся продолжить наши изыскания. Мой товарищ и еще восемь человек, которые следуют за нами, останутся ненадолго, чтобы отдохнуть и восстановить силы лошадей, а потом уедут в лагерь нашего народа у Эса. Конечно, мы за все заплатим.

— Я не лорд, я только Квен, птичий воин, — строго возразил старик, — как ты знаешь, а что касается платы,

то здесь не гостиница, хотя мы с радостью и благодарностью примем всякое пожертвование. — Тут он улыбнулся, и всякая напряженность исчезла, словно по колдовству волшебниц. — Мы с радостью примем тебя и твой отряд. — Он слегка наклонил голову в сторону открытых ворот. — Входите. Ваши лошади нуждаются во внимании, да и сами вы должны отдохнуть. Твоя комната свободна, а другая готовится для твоего товарища.

Тарлах поклонился.

— Еще раз благодарю. Дому приветствие, — произнес он ритуальную фразу гостя, — а живущим в доме — удачи! Дню — доброго рассвета и заката, а всем ищущим — поиска без помех!

Квен и Дуратан провели гостей через ворота и двор к похожему на казарму зданию, стоящему у второй уцелевшей стены. Они вошли в него и поднялись без каких-либо задержек, несмотря на возраст одного хозяина и хромоту другого.

— Большинство стариков живет внизу, потому что лестница для многих в Лормте была бы тяжелым испытанием, — объяснил Квен, — но гости и те, кому не трудно подниматься, живут здесь. Тут спокойней. По той же причине на этом этаже находится лазарет.

— Для нас это хорошо, — ответил капитан за своего лейтенанта, как требовал обычай их народа. — Наши люди предпочитают держаться обособленно.

Старый ученый долго вел их по бесконечному скупому освещенному коридору, но наконец остановился перед тяжелой дубовой дверью. За ней оказалась небольшая спальня с квадратным столом и несколькими грубыми стульями и другая обычная мебель, позволяющая ис-

пользовать эту комнату как кабинет. В очаге весело горел недавно разоженный огонь, и воздух в комнате уже начал нагреваться.

— Подойдет, птичий воин? — спросил Квен.

— Более чем подойдет.

Быстро, почти инстинктивно осмотрев комнату, Тарлах снова взглянул на хозяина.

— Надеюсь, ваши люди простят наше отсутствие сегодня вечером. Я очень долго просидел в седле...

— Мы бы рассердились, если бы ты считал, что должен выйти к нам до того, как отдохнешь. — Квен помолчал. — Сумки твои и твоего товарища, естественно, принесут к вам, а сумки леди...

— Я беру на себя ответственность за них.

Маленький темный зверек последовал за людьми в здание и теперь потерся о ноги Тарлаха. Тот поднял Брейвери.

— Кошка тоже будет со мной.

— Все ваши животные, пушистые и пернатые, найдут у нас приют.

Капитан наемников хотел побыстрее закончить этот разговор и остаться один, но их приняли хорошо и без всяких расспросов, и теперь настала пора немного рассказать о себе, хотя бы просто назвать род приехавших. Обычай помог ему во время первого приезда. Фальконеры не называют свои имена людям из других народов и не обсуждают с ними свои дела, не говорят они и о делах тех, кому продают свои мечи.

— Женщина, о которой вы заботитесь, леди Уна, владелица Морской Крепости. Это в Высоком Холлаке, — добавил он, зная, что в Эсткарпе плохо знают названия долин. Они хорошо известны только салкарам, купцам и наемникам, у которых имеются дела на континенте.

— Та, кому отданы ваши мечи? — догадался Дуратан.

— Да, — коротко ответил Тарлах, — но как я вам уже говорил раньше, у меня здесь есть и свое дело, и я начну его, как только отдохну и выполню остальные свои обязанности. Конечно, если у вас найдется что еще показать мне.

— Есть еще записи, некоторые непосредственно о вашем народе. Они очень древние...

— Чем старше материал, тем он ценнее для меня.

— Осталось совсем немного, чего ты еще не видел, — предупредил Дуратан, — да и материалы эти отрывочные. Ваш народ никогда не делился щедро сведениями о себе...

— Ты сможешь увидеть все, что у нас есть, — торопливо прервал Квен. — Мы и сами искали для тебя материалы. Поворот открыл для нас огромные запасы, и мы пока даже сами не знаем, что теперь доступно для изучения. Мы и половину не успели каталогизировать.

— Мне понадобится все, что вы сможете дать.

— Мы сделаем для тебя все возможное. Твоя просьба для нас радость. Многие в нашей общине радуются подобным поискам и видят в них пользу для себя.

Капитан кивнул в знак благодарности. Поколебавшись, он взглянул на дверь и на полутемный коридор за ней.

— Вы мне сообщите, к какому заключению пришли ваши целители?

— Конечно, как только получим отчет, — заверил Квен.

После этого хозяева ушли. Они провели второго фальконера к его комнате, которая во всех отношениях оказалась такой же.

Бреннан поблагодарил их, но сразу же вышел в коридор.

— Я побуду немного с капитаном. Можно принести нам поесть? И вина?

— Все уже готовится.

Тарлах посадил Брейвери в ноги своей постели. Кошечка очень маленькая, вряд ли крупнее полугодовалого котенка, хотя на самом деле она уже взрослая. И казалось, что состоит она исключительно из пушистой шерсти. Само ее туловище весило не больше двух фунтов.

Сейчас она казалась еще меньше, съежившаяся и больше не скрывавшая своего горя. Брейвери знала, что фальконер понимает истинную суть ее отношений с хозяйкой, и потому не скрывала от него своих страданий.

Он сел рядом с ней, начал гладить, но она, видимо, не утешилась этим, и Тарлах убрал руку. Какую надежду он может внушить ей, если сам ее совершенно лишен?

Бросающий Вызов Буре негромко гортанно крикнул и подлетел к кошке. Начал чистить ее клювом, как поступает одна птица с другой, испытывающей боль или потерю.

У фальконера стиснуло горло. Он снял шлем и, осторожно отставив его, закрыл лицо руками. Как будто его крылатый товарищ сообщил о смерти леди долины...

Услышав стук в дверь, Тарлах выпрямился и потянулся за шлемом. Он не хотел разговаривать с жителями Лормта с открытым лицом, особенно сейчас. Но расслабился, потому что сокол сообщил, что это Бреннан.

К удивлению обоих мужчин, в комнату влетела и Солнечный Луч и села на кровать рядом с Брейвери. Она казалась такой же встревоженной и опечаленной, как и Брейвери. Кошка высунула розовый язычок и принялась вылизывать грудь и горло птицы.

— Она тоже понимает, что означала бы для всех нас смерть хозяйки крепости, — проговорил лейтенант, хотя его поразила глубина горя птицы. Он никогда не видел, чтобы самка сокола так печалилась даже из-за смерти воина, с которым связана дружбой.

Но сейчас у него было о чем тревожиться, помимо этого. Бреннан, как и Тарлах, снял шлем и со вздохом облегчения поставил его рядом с командирским. Приятно немного побыть без его тяжести.

— Нужно несколько часов отдохнуть, — предложил он.

— Да. — Тарлах заставил себя улыбнуться. — Я поспал бы. Ты хорошо разместился?

— Достаточно удобно. Моя комната — двойник твоей. Бреннан взглянул на кровать.

— Почему бы тебе не полежать? Я попросил, чтобы нам принесли еды, но думаю, тебе больше нужен сон.

— Я не усну. Вероятно, переутомился.

Тарлах посмотрел на огонь.

— Если владелица долины умрет, вместе с ней умрут наши надежды. — Губы его сжались. — Она, как всегда, была права. Без нее и слов поддержки с ее стороны мы не можем обращаться к деревьям.

— Может, женщины все-таки к нам прислушаются, — надеялся лейтенант. — Иначе они погибнут вместе с нами.

— Прислушаются, но вряд ли поверят, — горько сказал Тарлах. — Да и почему они должны нам верить? Что знают они о нас, а мы о них? Раз в году мы приходим к ним, чтобы зачать детей, как животные в распоряжении скотника.

Бреннан нахмурился.

— Тарлах...

— Нет, дай мне договорить. Я только пытаюсь пред-

ставить себе, как они отзовутся. Пока у нас были Гнездо и горы, мы могли держать женщин поблизости, но даже и тогда, я думаю, одна-две время от времени сбегали в Эсткарп в поисках лучшей — иной жизни. Когда Поворот вынудил нас спуститься на равнины, перемены стали неизбежны. Надо было это предвидеть. Теперь наши женские деревни совсем рядом с владениями волшебниц. Мы уже потеряли многих женщин. Еще одно, максимум два поколения, и останется слишком мало женщин детородного возраста, чтобы наш народ продолжил свой род.

— Они сознают это не хуже нас, но все же будь я на их месте, я бы тоже не хотел снова оказаться замурованным в какой-нибудь высокогорной крепости, где был бы еще более прочно связан, как и мои потомки вслед за мной. Присутствие леди долины — тот факт, что мы действуем совместно, ее рассказ о том, что мы стремимся создать, — даже этого, возможно, было бы недостаточно. Без нее мы совершенно безоружны.

Бреннан нахмурился.

— Колонны по-прежнему контролируют деревни и смогут заставить...

— Наш договор с Морской Крепостью не допускает этого.

— Рейвенфилд принадлежит тебе.

— Это большая долина, но ее одной недостаточно. Нам нужен свободный доступ к землям Морской Крепости, которого мы лишимся, если нарушим договор с леди. — Глаза Тарлаха сузились. — Даже если бы клятва ничего для нас не значила, все равно мы не могли бы выступить ни против Морской Крепости, ни против любой другой долины. Высокий Холлак слишком хорошо помнит вторжение Алисона, и его лорды очень

быстро объединятся и подавят всякую подобную попытку. Даже в расцвете своих сил мы не смогли бы завоевать себе королевство там, где потерпели неудачу Псы с поддержкой оружия колдеров. И если мы попытаемся, то сами себя обречем на предательство. Кто после этого будет нанимать наши мечи?

— Я не предлагал предательство...

— Конечно, нет. — Тарлах вздохнул. — Это все моя усталость, вероятно. Я, кажется, вижу все только в мрачном свете.

Бреннан колебался.

— Ты прав. Нам нужно получить поддержку женщин, если мы хотим достичь успеха, но не забывай, что нужно иметь и согласие командующих. Если поведем себя слишком необычно, добьемся только того, что станем отверженными.

Тарлах бросил на него быстрый взгляд. Это замаскированное предупреждение? Он выдал себя, показал, что для него значит леди долины? Выражение лица товарища ни о чем подобном не свидетельствовало, однако...

В том, что произошло между ним и владелицей крепости, нет никакого бесчестья, и будь он человеком из любого другого народа, будь связывающие его обстоятельства иными, они бы уже поженились, но он фальконер, командир одного из немногих сохранившихся отрядов, за ним идут, от него зависят пятьсот человек. Он мог бы отказаться от этого, назначив командиром отряда Бреннана и получив на это одобрение командующего, но случай и щедрость леди Уны дали ему возможность спасти свой народ от почти неминуемого уничтожения. Он не смеет сейчас нарушить обычаи, чего бы ни желал в глубине сердца. Своего сердца и ее.

Фальконеры живут обособленно от всех, отгороженные своими странными обычаями. Когда в далеком прошлом корабли салкаров привезли их в эти северные земли из южных крепостей, их сопровождали женщины и дети, вместе со стадами домашнего скота. Фальконеры расселили их в нескольких разбросанных деревнях, каждая под контролем одной колонны, а мужчины, ставшие наемниками, построили свое Гнездо и навещали женщин, только чтобы дать жизнь новому поколению.

Гордость, стыд и страх заставляли их молчать о причинах изгнания, и за долгие годы они еще больше замкнулись, еще больше отделились от подруг и потомства, и постепенно у них осталась только дружба товарищей и соколов.

Они не всегда жили так, но в один черный день у них появилась Древняя, женщина из Древней Тьмы, и поработила их так тяжело и жестоко, что память об этом по-прежнему горит в сердцах фальконеров.

Джонкара могла навязывать свою волю только через женщин, и любая женщина фальконеров становилась ее потенциальным орудием. Большинство из них отказывались подчиняться ее приказам и платили за это жизнью, но некоторые сломались, а немногие служили ей добровольно в обмен на часть власти, которой она с ними делилась. И каждая, поддавшаяся Джонкаре, менялась, становилась жестокой и злобной, радовалась боли и унижениям окружающих. Через эти совращенные тени Джонкара приобрела полную власть над мужчинами, которые были связаны с этими женщинами.

В конце концов ее власть удалось отчасти сбросить, хотя досталось это дорогой ценой, а уцелевшие оставили свой край и бежали, потому что Джонкару не убили,

ее только заковали, и все знали, что она ждет, ждет женщину, которая прольет ради нее кровь и снова освободит ее. Освободит, чтобы она смогла жестоко отомстить потомкам тех, кто заковал ее.

И вот из-за угрозы нового рабства фальконеры мужчины предприняли единственный, как они думали, возможный шаг, чтобы избежать рабства у Джонкары, если она снова вырвется. Они отказались от всяких привязанностей, от забот и страсти, от любых чувств к своим женщинам, полностью отгородившись от них, за исключением редких случаев.

Тарлах всегда знал это, но только после того как принял службу в Морской Крепости, стала ему известна и другая сторона дела: почему женщины его народа, не менее гордые и доблестные, чем мужчины, приняли наказание и так долго терпят его. Мужчины были рабами Джонкары, с ними обращались жестоко, но они оставались мужчинами. А женщины утрачивали бесконечно больше, они становились инструментом страшного зла. Они гораздо больше боялись возвращения рабства, и этот страх заставлял их — во всяком случае большинство — оставаться пассивными долгие века после бегства на север. И даже сейчас, когда необходимость вынудила искать иной, лучшей жизни и наконец преодолела груз древней истории, женщины не пытались соединиться с мужчинами, напротив, хотели совершенно обособиться от них, возможно, в последнем усилии спасти их.

Робкий стук вывел Тарлаха из задумчивости. Мужской голос сообщил, что еда готова.

Бреннан снова надел шлем и подошел к двери. Кивком поблагодарив хозяев, он принял нагруженный поднос и снова закрыл дверь.

— Прислали еду и для соколов с Брейвери, — одоб-

рительно заметил он, поставив большую тарелку на стол. — Еда простая, но выглядит съедобной, и ее вполне достаточно.

Таралах без интереса посмотрел на стол.

— Бери, что нравится. Мне не хочется есть.

Лейтенант и слышать об этом не хотел. Он заставил командира поест и выпить вина, чтобы тот смог наконец забыться.

Убедившись, что Тарлах лег, Бреннан отправился к себе. Он тоже очень нуждался в отдыхе.

Комната Квена была немного больше и чуть богаче обставлена, чем те, что отвели фальконерам, но это было одновременно и жилым помещением, и рабочим кабинетом престарелого ученого. Аден, целительница Лормта и сама настойчивая искательница знаний, думала, что найдет там и Квена, и Дуратана в ожидании отчета.

Серые глаза беспокойно устремились к ней.

— Как та бедная женщина?

— Она без сознания и ничего не чувствует. Пока другого сказать не могу, но повреждения у нее очень серьезные. С ней сейчас Пира, и кто-нибудь будет находиться там постоянно, пока не минует кризис — к лучшему или худшему. — Аден покачала головой в удивлении и восхищении. — Женщине тяжело досталась поездка, но птичий воин правильно поступил, что привез ее сюда так быстро, как только было возможно. Удивляюсь тому, как эти воины понимают свою службу.

— Не удивляйся, — ответил ей Дуратан. — Я сражался рядом с фальконерами, когда служил пограничником. Действительно, они редко отдают свои мечи женщинам, но если клятва дана, они выполняют

ее, выполняют полностью, даже если это им неприятно. Во время бегства от Карстена среди беженцев были женщины и девушки, и ни разу мне не пришлось быть свидетелем невежливого обращения с ними или нарушения той клятвы, которую приняли на себя фальконеры.

И даже помимо клятвы, они всегда проявляют сочувствие. Если бы встретили в пути раненую женщину, несомненно, сделали бы то же самое, хотя, может быть, и не ехали бы так быстро.

— Они, по крайней мере, дали ей шанс выжить, — сказала целительница. — Но нам придется иметь дело с ними или с их предводителем. Как же нам с ними обращаться?

— Как и раньше, оказывая гостеприимство, какое можем и какое они примут, — удивленно ответил Квен. — А также позволив командиру изучать наши записи, как только он отдохнет.

— Квен! Учитель, ты хорошо понимаешь, что я имею в виду! В первую очередь он займется моим кладом. Пира принадлежит к его народу, а она изучает те же самые материалы.

— Ей придется поделиться с ним. Вряд ли им одновременно будут нужны одни и те же записи.

— Я говорю не об этом! — раздраженно воскликнула Аден. — На тебя совсем не похоже, Квен.

— На тебя тоже, — пробурчал он.

— И для Пиры необычен страх, который я в ней увидела, когда она узнала о приезде отряда! — Аден взяла себя в руки. — Она не хочет, чтобы ее утащили назад в деревню, прежде чем она не познакомится со всеми сведениями о лечении. Она вообще не хочет возвращаться. И не хочет быть убитой за свой побег, а это вполне возможно, судя по рассказам наших предыдущих гостей.

Она переводила взгляд с одного собеседника на другого.

— Достаточно плохо, что мы дали приют одному наемнику. Но через несколько дней здесь их будет десять. Как мы можем помешать им узнать, что у нас одна из их женщин? Как помешаем убить ее? Мы не сможем остановить даже одного воина с этой его птицей!

Это вопрос нашей безопасности и безопасности наших собраний. Раньше ни один фальконер мужчины не приходил к нам, было лишь несколько женщин. Одной из них не понравилось то, что она прочитала, и она даже попыталась разорвать рукопись. Манускрипт спасло только вмешательство Джерро, который случайно там оказался. Но если он встретится с одним из наемников, сможет ли помешать ему тоже или будет убит?

Дуратан позволил ей закончить, потом поднял руку.

— Нам нечего бояться, и твоей подруге Пире тоже. Как я тебе говорил, я знаю этих людей. По нашим меркам, они жестки и холодны, но у них есть честь. Они не применяют насилие ни к кому, кто под нашей защитой, после того как мы их приняли. И можешь быть уверена, что их не выведет из себя прочитанная новость. Фальконер не попытается уничтожить рукопись, которую читает. Для них немыслима потеря самообладания.

Аден вздохнула.

— Надеюсь, ты прав, друг мой. Я сама не смогла бы отказать командиру наемников после того, что он сделал, но мне страшно подумать о войне в Лормте, а ведь это его занятие и занятие его народа. По крайней мере, мужчин.

— Верно, но они же часто и спасают жизни людей, как случилось во время бегства из Карстена или при защите Эсткарпа и Высокого Холлака. Они не служат Тьме и Тени, не подчиняются злу, не остаются на службе тех, кто проявляет себя сторонником зла. Мы принимали здесь и гораздо худших людей, друзья мои, и они не причинили нам вреда. Эти птичьи воины не обидят нас, а их предводитель уже внес свой вклад в наше хранилище знаний. И, возможно, внесет еще немало.

Глава третья

Оба фальконера проспали почти двадцать четыре часа. Последующие три дня Тарлах был занят размещением своих людей для кратковременной стоянки и пополнением припасов для последнего этапа пути — к лагерю колонны, к которой принадлежал их отряд и которая подчинялась Варнелу, главнокомандующему народа фальконеров. Хотя в его группе было всего девять человек — десять, включая его самого, — потребовалось много времени и энергии, потому что фальконеры, строго придерживаясь обычая, предоставляли всю одному, своему командиру, вести все дела с жителями Лормта.

Но для Тарлаха это было хорошо. В состоянии леди Уны заметных изменений не было. Целители считали ободряющим признаком то, что она еще жива, но помимо этого ничего не говорили и не подавали надежды.

Тарлах заходил к ней ежедневно под предлогом, что в его обязанности входит забота о жизни и благополучии нанимателя, но эти мучительные краткие посещения не приносили ему утешения. Женщина долины еще больше похудела, ее хрупкость бросалась в глаза. К ней

вернулась ее красота, но она приобрела неземной вид, как будто ее тело и душа готовились к последнему дальнему путешествию в Залы Доблестных.

У Тарлаха разрывалось сердце, когда он видел ее такой. Ему хотелось прижаться губами к ее губам или даже просто коснуться маленькой руки в шрамах, но он никогда не оставался с ней наедине и потому вел себя так, как предписывал обычай и обстоятельства. И каждый раз, покидая комнату Уны, он был уверен, что видел ее в последний раз.

Отчаяние и боль невосполнимой утраты пожирали его, как болезнь, но капитан не позволял себе целиком погружаться в отчаяние. У него не было желания заниматься изысканиями, но на четвертое утро, как только Бреннан и остальные фальконеры покинули Лормт, Тарлах заставил себя начать эту работу. Он принял на себя ответственность за судьбу своего народа и должен продолжить исследования. Да и ради самого себя он не смел поступать иначе. Если ему нечем будет занять мозг, горе и бессилие сведут его с ума. Хотя потребовалась вся сила воли, чтобы заставить себя работать.

На четвертый день в Лормте Уна уснула естественным сном, а на следующее утро впервые открыла глаза.

Удивленно осмотрелась, потом к ней вернулась память, и она насторожилась.

Пира, женщина из народа фальконеров, подруга Аден и тоже целительница, сидела рядом с постелью. Она быстро положила свою руку на руку Уны, успокаивая больную.

— Спокойно, миледи. Ты в безопасности. Это Лормт, меня зовут Пира, я целительница и здесь тоже гостя.

Женщина долины кивнула в знак того, что поняла,

но не расслабилась. Глаза ее обежали маленькую комнату в поисках кого-то.

В ее теле словно повернули копье.

— А как капитан? — спросила она, стараясь говорить спокойно, хотя каждое слово давалось ей с трудом. — Командир моей охраны? Он здоров? Я видела, как он бросился ко мне, когда упал камень...

— С ним все в порядке, — заверила ее Пира. — Он привез тебя к нам. Почти три дня ехал безостановочно, держа тебя на руках, задерживаясь только для смены лошадей, — добавила она с неожиданной гордостью, которая удивила ее саму.

Уна из Морской Крепости снова кивнула. Она больше ничего не сказала, но страх не покинул ее. Она не сомневалась, что Тарлах сразился бы ради нее с самим Мрачным Командующим, но эта незнакомая женщина может ей лгать и держаться этой лжи, пока не решит, что пациентка достаточно окрепла, чтобы выдержать правду.

Пира встала. Мысли владелицы долины легко было прочесть, и женщина приняла решение. Этот страх, разрывающий Уну, замедлит ее выздоровление.

Пира направилась к двери. Как она и ожидала, не один, а два молодых человека сидели снаружи в коридоре. Многие местные жители посылали своих детей в Лормт. В обмен на приобретаемые знания они помогали в работе. Большинство оставались недолго и уходили, чтобы заняться своими делами, но немногие, как эти двое или как когда-то Аден, проявляли способности и склонность к наукам и потому формально принимали на себя обязательство служить Лормту. Однако молодость остается молодостью, как бы сильно ни было стремление к знаниям, и в этих длинных извилистых

коридорах расцветала дружба, как и в крепостях лордов, и этих двоих редко видели порознь в их свободное время.

— Хорошо, — неожиданно сказала Пира. Она была уверена, что прервала обсуждение плана бегства. Недалеко от Лормта есть ручей с глубокими омутами, в которых водится крупная и хитрая форель. — Вы мне поможете. Мерон, ты изучаешь искусство исцеления. Оставайся с леди Уной. А ты, Луки, разбуди Аден. Скажи, что наша пациентка пришла в себя.

— С радостью! А ты сама?

— У меня есть дело. Вернусь, как только его закончу. Идите, и побыстрее.

Тарлах сидел за столом, но не видел свитков, разложенных перед ним. Он думал о Морской Крепости, о том, как его товарищи и жители долины перенесут предстоящую зиму.

Сами они вернутся туда не раньше весны. Когда он закончит свои дела. И очень вероятно, что ему придется возвращаться в одиночестве.

Он всегда возвращался к этой мысли!

Тарлах встал и принялся расхаживать по комнате. Большинство членов этой странной общины ученых, в которой он оказался, давно в постелях и вообще скоро уже пора вставать, а он продолжал бодрствовать и даже не раздевался. Отдохнув от бешеной гонки сюда, он спал мало. Здесь нечем было утомить тело, и он не мог справиться с душевным смятением больше чем на несколько часов в сутки.

Может быть, если он всерьез займется поисками, сон быстрее будет приходить к нему. Тарлах надеялся на это, потому что предстоящие часы бодрствования не принесут ему радости.

В дверь постучали. Капитан удивился, но быстро надел свой крылатый шлем и разрешил войти.

Женщина Пира. Та, что ухаживает за Уной. Вот оно! Тарлах напрягся и со страхом посмотрел ей в лицо.

Потом отвернулся, опасаясь выдать себя. Но она не похожа на вестницу смерти.

Женщина подошла к нему, хотя не очень близко.

— Прошу прощения за вторжение, капитан, но ты просил немедленно известить тебя об изменениях в состоянии леди Уны.

Командир фальконеров снова посмотрел на нее.

— Было изменение? — Голос его казался спокойным, словно он спрашивал о погоде на завтра.

Женщина кивнула.

— Кризис миновал. Она пришла в себя и будет жить. Тарлах наклонил голову. Хвала Рогатому Лорду...

— Благодарю за новость, — сказал он и словно забыл о ней.

«Бесчувственный дикарь!» — разозлилась Пира. Но ведь она пришла сюда не ради него.

Уна из Морской Крепости не выдала себя даже в бреду дихорадки, и сейчас она хорошо контролировала свой страх. Просто сильная и заботливая женщина тревожится о человеке, который верно служил ей. А что касается Тарлаха, то Пира понимала, что может совершенно неверно истолковать его спокойствие.

Но очевидно, что все это имеет глубокий смысл. Раздевая пациентку, они с Аден обнаружили две подвески, каждая на своей цепочке. Женщина носила их под одеждой. Маленький золотой амулет Ганноры они не стали снимать, потому что приветствовали помощь Великой, покровительницы женщин, в борьбе за жизнь Уны. Вторая подвеска серебряная, тоже маленькая, но

искусно выполненная, изображение сокола с кроваво-красным камнем в когтях.

Этот предмет оказался амулетом Силы. Когда вначале Пира, а потом Аден попытались снять его, серебряная птица мягко, но решительно выскальзывала у них из рук. Видя, что она каким-то образом связана с правительницей долины и спокойно соседствует рядом с символом Ганноры, они оставили и ее.

Связь между этой женщиной из долины Высокого Холлака и наемником казалась невозможной, сама мысль об этом на первый взгляд нелепа, но еще более невероятно считать, что здесь простое совпадение. Пира знала, что в обычаях фальконеров делать такие амулеты и их невозможно отобрать у тех, кто их создал или кому они добровольно подарены.

Она не сказала о своих подозрениях и, по-видимому, правильно поступила, потому что если какое-то чувство и существует, то только со стороны леди долины. Поэтому она и прятала так амулет.

Все может быть! Пира не могла утверждать, что понимает этого мужчину или мужчин вообще. Она знала, что могла неверно прочесть чувства, отразившиеся на полускрытом лице фальконера, когда тот смотрел на лежащую без сознания женщину.

Чутье говорило ей, что она не ошибается. Боль есть боль и в той или иной степени свойственна любому человеку. Никакой народ или человек не может избежать ее.

Пира незаметно внимательно разглядывала фальконера. Действительно ли этот человек так спокойно воспринял новость? Или испытывал такой ужас, что боялся поддаться малейшему проявлению чувств, чтобы не выдать себя?

— Прости, капитан, но я должна попросить тебя об

услуге. Леди Уна помнит, что ты спасал ее от камня, и боится, что при этом пострадал сам. И этот страх может помешать ее выздоровлению.

Тарлах выпрямился.

— Мое присутствие поможет?

— Да. Чем скорее она перестанет волноваться, тем лучше. Тебе не нужно оставаться долго. При таком серьезном ранении это вообще непозволительно.

— Идем, — отрезал он. — Мы тратим время.

К этому времени наемник уже хорошо знал дорогу к лазарету, хотя при первом посещении был рад присутствию проводника. Внутри обманчиво простого здания, как и во всех остальных сооружениях Лормта, находился настоящий лабиринт коридоров и переходов. Требуется длительное знакомство с этим древним городом, прежде чем можно было не опасаться заблудиться, по крайней мере, временно, в его извилистых коридорах.

Аден ответила на стук своей подруги. Она перевела взгляд с Пиры на фальконера и одобрительно кивнула.

— Прекрасно. Я сама бы утром послала за тобой, птичий воин, но так, вероятно, лучше. Заходи.

— Леди крепости, наверно, захочет поговорить с ним наедине, — сразу же сообразила Пира. — Дела Морской Крепости нас не касаются.

Целительница Лормта поколебалась, потом сдалась.

— Ты права. Хорошо, птичий воин, но предупреди ее, что у вас только несколько минут. Она еще не в состоянии по-настоящему заниматься делами.

Когда капитан вошел в слабо освещенную комнату, в которой лежала леди долины, у него гулко стучало сердце.

Он остановился у двери. Уна сидела, опираясь на подушки. Она была очень бледна и так похудела, что ее изумрудные глаза казались огромными. Но, увидя его, она ослепительно улыбнулась.

— Тарлах, — прошептала Уна.

Он двумя шагами приблизился к постели и сел на стул, стараясь не касаться женщины, чтобы не повредить ей. Прикоснулся пальцами к ее прекрасной щеке и отвел их.

— Мне так много хотелось тебе сказать, — хрипло произнес он, — а теперь я не нахожу слов.

— Слова не нужны. Пира рассказала мне, что ты сделал для меня. — Она смотрела ему в лицо, вернее на ту часть, которая видна из-под шлема: он не решался снять его, опасаясь появления целительниц. Даже и так заметно было, как он осунулся, и у Уны сжалось сердце: ведь она виновата в этом.

«Но это в прошлом, — убеждала она себя, — сейчас Тарлах здоров». И Уна испытала новый страх. Она не одна могла пострадать тогда от камня.

— Был ли еще кто-нибудь ранен? — с тревогой спросила она.

— Нет. Кроме тебя, всем остальным повезло.

— Как Брейвери?

— Очень скучает по тебе. Не хотела даже присесть, пока я не достал из седельной сумки твое платье и не постелил ей. Твой запах успокоил ее.

— Бедняжка!

— Но сейчас она устроилась хорошо. Бросающего Вызов Буре тут побаиваются, а она со всеми перезнакомилась и подружилась.

Женщина кивнула. Так и должно быть. Брейвери — спокойная кошка, она всегда рада вниманию и должна

понравиться и престарелым ученым Лормта, и их молодым помощникам.

Тарлах улыбнулся.

— Большинство, я думаю, хотели бы предостеречь Брейвери от моего общества. — Он негромко рассмеялся, видя, как омрачилось ее лицо. — Вряд ли кто-нибудь считает меня очень плохим, просто я для них слишком свиреп. Теперь, когда ты к нам вернулась, ей, вероятно, позволят проводить часть дня здесь.

— Очень хочу этого! — Уна поудобнее устроилась на подушках. — Как продвигается твой поиск?

— Я еще не возобновил его. — Видя, что она нахмурилась, он поторопился добавить: — Первые сутки я проспал, а потом был занят со своими товарищами. Они недавно уехали.

— Ваши фальконерские обычаи обременительны для старших офицеров, — сухо заметила она.

— Иногда, — признал он, — хотя в данном случае я был рад, что у меня есть чем заняться.

— Наверно, хорошо, что ты задержался. Теперь я смогу помогать тебе, как мы и планировали.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Женщина, ты в своем уме? Неужели ты воображаешь, что я позволю...

— Я могу читать в постели не хуже, чем за столом, и мне станет лучше, когда появится конкретное дело. Лежать и бездельничать, раздражаясь — это не принесет мне пользы.

— Посмотрим, что скажут твои целительницы.

Уна из Морской Крепости рассмеялась.

— Это, птичий воин, трусливое бегство!

Он собирался ответить, но ему помешал стук в дверь. Повернувшись, Тарлах увидел, что в комнату вошла женщина, которая боролась за жизнь Уны.

— Прости, миледи, — прервала их беседу Аден, всматриваясь в лицо пациентки, не переутомилась ли она, — но теперь ты должна отдохнуть. Тебе нельзя переутомляться.

Тарлах встал и, отдав владелице долины полагающееся приветствие, вышел из комнаты с легким сердцем.

Глава четвертая

Фальконер вскоре после рассвета направился в читальный зал, который указала Аден. Несмотря на то, что оба не спали всю ночь, Аден была уже там.

Эта комната напоминала многие другие такие же — и не только в зданиях Лормта, но и в его толстых стенах. В центре несколько прямоугольных столов, достаточно больших, чтобы на них помещались огромные тома, свитки и материал, необходимый для их копирования или ремонта. Стулья удобные, они сконструированы так, чтобы на них можно было, не уставая, проводить долгие часы. Свет проходил через длинные узкие окна в правой стене, а также горели свечи в многочисленных тяжелых широких подсвечниках: такие подсвечники трудно случайно уронить или пролить с них воск на драгоценные рукописи.

Вдоль стен от пола до потолка устроены полки с рядами книг и свитков. Некоторые тома переплетены в яркую новую кожу, другие свидетельствовали о глубокой древности.

Тарлах в отчаянии покачал головой. Это всего лишь одна комната, да и предназначенная для работы в ней людей, а не как книгохранилище. Как много материалов, как много знаний на самом деле хранится в Лормте? Видя это, Тарлах вполне осознал слова Квена о том, что его люди даже не каталогизировали все, чем владеют,

особенно те записи, которые обнаружили после Поворота. Забота о сохранности рукописей занимает большую часть времени ученых, тех, кто может внести свой вклад в дела общины. Не все на это способны. Возраст в большей или меньшей степени сказывается на уме и возможностях самых пожилых. К ним относятся с уважением и добротой, поручают легкие дела, чтобы они не считали себя бесполезными, но в действительности они мало чем способны помочь товарищам.

Этот зал посещается часто, и потому в нем относительно мало пыли и признаков заброшенности, которые видны в других уголках Лормта.

Целительница уже выложила на стол, возле которого стояла, когда вошел Тарлах, несколько томов. Были на столе и бумага и другие материалы для письма.

Аден указала на стол.

— Кроме тех свитков, которые я дала тебе вчера — это все недавно сделанные копии, — остальное должно оставаться здесь. Некоторые из этих книг такие старые и хрупкие, что мы сами боимся их трогать.

— Понятно.

— Это подлинные записи фальконеров. У нас мало подобных, и когда просмотришь это, придется искать лишь случайные упоминания и обрывки сведений. — Она внимательно смотрела на Тарлаха. — Ты не один интересуешься этими записями. Когда леди Уна достаточно поправится, чтобы не нуждаться в постоянном присмотре, записями займется Пира. Мы не хотим никаких неприятностей из-за этого.

— Никаких неприятностей не будет, — пообещал наемник.

Он уже собрался отвернуться, но остановило любопытство. Тарлах продолжал смотреть на Аден.

— Почему она интересуется записями о фальконе-рах? И почему именно она их хранительница? Мне казалось, что хранителем истории народа-воина скорее мог бы стать Дуратан или кто-то похожий на него.

Аден улыбнулась.

— Писарь из вашего народа, который сделал эти записи, был целителем. Я нашла этот клад несколько лет назад и сама его изучала. Искала другие подобные, но, к сожалению, безуспешно. В них много сведений о лечении, которого мы раньше не знали.

Тарлах серьезно смотрел на женщину.

— То, что я прочла, помогло мне заставить снова действовать легкие моего брата, когда прошлой весной я спасла его из западни Тьмы. Я могла бы в случае необходимости оживить и его сердце.

Видя, что он заинтересовался, она описала лечение и средства, с помощью которых Джерро был возвращен к жизни.

Тарлах молчал несколько секунд.

— К нашему стыду, мы сами забыли об этом, — горько сказал он наконец. — Прежде чем я начну свою работу, не покажешь ли, как помогать восстановлению легких? Если мы будем обладать этими знаниями, каждый год или даже каждый месяц можно будет вырывать жизни из объятий Мрачного Командующего.

Аден посмотрела на него, удивленная признанием превосходства ее знаний. Даже среди своего народа, хорошо знавшего ее умение и искусство, не часто встречала она такое отношение и надеялась только спустя много лет после практики и опыта приобрести достаточное уважение к своему делу. Как ученый, она никогда не получит признания за стенами Лормта.

— Я с радостью научу тебя, птичий воин. Давай

подождем, пока я позову Джерро в качестве нашего предполагаемого пациента. Это довольно болезненный процесс, а у здешних моих друзей слишком хрупкие и старые ребра.

Время в Лормте проходит медленно, но приятно. Выздоровление Уны, начавшись, шло поразительно быстро, учитывая серьезность ран. Тем не менее прошло утомительно много дней, прежде чем она смогла вставать с постели, и еще больше до того, как она вышла за толстые стены лазарета.

Началась зима, но ее прикосновение было еще поверхностным, и даже самые престарелые и ослабевшие жители Лормта редко из-за непогоды оставались в своих комнатах. Как только целительницы подтвердили, что женщина из долины может ездить верхом, Тарлах предложил ей осмотреть окрестности. Когда зима наступит по-настоящему, у них не будет такой возможности, а им обоим нужно оторваться от тусклых переходов и пыльных книг.

Нужно было также развеяться от разочарования. Хозяева говорили правду: в Лормте действительно было очень мало сведений о фальконерах, да и те в основном об их методах лечения. Тарлах и Уна потратили немало времени на изучение этих записей, потому что очень многие рецепты и способы лечения фальконеры забыли, а Уна вообще никогда не знала. Особенно полезными оказались методы лечения легких и сердца, и оба они не только их записали, но и запомнили.

С самого начала Уна работала, помогая Тарлаху. Вначале, не вставая с постели, потом в зале рядом с ним и оказалась очень искусной в поисках информации в самых маловероятных местах. Но все равно узнали они

немного, и почти ничего нельзя было использовать для помощи фальконеру. «По-видимому, — время от времени с растущим унынием думал Тарлах, — предание о том, что записи о временах до рабства у Джонкары и во время этого рабства были спрятаны в тогда еще молодым хранилище Люрмта, оказалось неподтвержденной легендой».

Тарлах верил в это предание, потому что его народ всегда внимательно относился к своему прошлому, не поддаваясь желанию сочинять легенды. Фальконеры всегда были историками, они тщательно записывали все происшествия и важные для них события и обычаи, даже те, от которых добровольно или вынужденно отказывались. Однако, собираясь на север, они решили, что часть записей опасно брать с собой, они могли вызвать у потомков тоску по прежней, более спокойной и безопасной жизни; и потому было решено оставить их в месте, специально предназначенном для хранения знаний на время войны между Светом и Тьмой, которая тогда только еще затихала. Уничтожить записи — такое деяние показалось отвратительным и недопустимым людям, которые гордились своим прошлым, несмотря на постигшую их катастрофу.

Уна с готовностью согласилась на предложенную экскурсию, и на следующее утро, очень рано, они выехали. В воздухе чувствовалась зима, но тепло одетых людей, которые к тому же двигались, это не пугало. Они радовались свежему воздуху, оживились также кошка и сокол, им тоже надоела скучная жизнь в закрытых помещениях.

Капитан наблюдал за своей спутницей с нежным и счастливым выражением лица. «Наконец-то она стала похожа на себя, — подумал он, — вернулся здоровый

цвет лица, глаза горели прежним живым огнем». И Тарлах понял, что Уна, как и заверили его Аден и Пира, вполне здорова.

Он улыбнулся про себя. Об этой перемене говорили не только эти слова целительниц. Их уже не просили не переутомляться, не давали перечень симптомов болезни, за которыми нужно следить. Никаких условий, только предупреждение, которое такому опытному горцу не нужно: не уезжать слишком далеко, чтобы можно было вернуться в случае резкой перемены погоды. И еще одно предупреждение, более настойчивое: ни при каких обстоятельствах не заходить в пещеры, глубокие и мелкие, которых множество в окружающей местности.

Глаза мужчины сузились и потемнели. Аден была очень настойчива в своем предупреждении и подкрепила его вызывающим ужас объяснением.

В это время года в подземных лабиринтах вокруг Лормта скрывается угроза, древняя опасность, которая не покидает эти земли почти с самого начала их заселения в отдаленном прошлом, так давно, что подлинной истории этого заселения уже никто не помнит.

В этих лишенных света переходах бродит некое существо, очевидно, только зимой, дитя-женщина, маленькая, судя по всем рассказам, и очень красивая, но несущая смерть всем, кому не повезет с ней встретиться. Дитя-призрак, привидение, известное, сколько помнит история, устремляет свои как будто невидящие глаза на пришельца, которого встречает в пещерах, и пытается обнять его своими маленькими ручками. Если это ей удастся, она на мгновение прижимается и тут же исчезает, заполнив воздух детским плачем. Через час после ее прикосновения плоть жертвы начинает распадаться, она гниет прямо на костях, как у трупа.

Это не просто страшная легенда, которую рассказы-

вают в безопасном месте, у уютного очага. Три года назад Аден сама столкнулась с таким случаем. Странник пытался найти укрытие от непогоды в пещере и встретил там живую смерть.

Когда его обнаружили, болезнь зашла уже далеко, но у него хватило сил рассказать свою историю. И Аден смогла только дать ему снадобье, которое погрузило его в сон, пока он не расстался с жизнью, которая для него стала кошмаром. И воспоминание об этом человеке по-прежнему мучает по ночам целительницу.

Тарлах вздрогнул, заставляя себя не думать об этом смертоносном ребенке. Эта встреча им совершенно не нужна, и он не позволит никому омрачить этот день себе и своей спутнице.

Существовали и другие опасности, о которых он знал, и поэтому оба они были вооружены, хотя выехали вовсе не в поисках неприятностей. В горах бродят дикие звери, одичавшие люди и, как рассказывали, другие существа, пробужденные войной между Светом и Тьмой. Эта война давно бушует в этой многострадальной земле.

Меч на боку женщины — совсем не украшение. Отец Уны настоял на том, чтобы она научилась владеть им, а Тарлах за то время, что они провели вместе, сам учил ее и фехтованию, и разным способам защиты. Уна оказалась хорошей ученицей, а сам Тарлах всегда был известен как прекрасный, хотя и требовательный учитель. И теперь Уна из Морской Крепости превратилась в соратника, от которого не отказался бы ни один человек в здравом уме, в бойца, чью вражду никто знающий ее не захотел бы вызвать.

Несмотря на наслаждение хорошим днем и обществом владелицы долины, настроение Тарлаха почему-то ухудшалось по мере удаления от Лормта.

Мир вокруг совсем не казался безжизненным. Стало гораздо лучше, чем восемь лет назад, сразу после Поворота. Жизнь очень упорна и устойчива.

Даже в первый год несколько маленьких растений, должно быть, пробилась к свету на отдельных участках почвы и начали снова заселять опустошенную землю. Этот процесс ускорялся в тех местах, где находились мелкие фермы и где фермеры не только спаслись сами, но и сумели сохранить семена и снова засеять поля. А к этому времени появились даже деревья. Конечно, еще маленькие и слабые, совсем не тот могучий лес, что рос здесь до вызванной волшебницами катастрофы, но и они давали убежище местным животным. И даже зимой земля свидетельствовала о возрождении жизни и о надежде.

Тарлах понимал это сердцем и умом, но не испытывал утешения. Горе, какого он давно не чувствовал, заполняло его. Он вспоминал то, что было некогда, вспоминал величественное великолепие Гнезда...

Крик Бросающего Вызов Буре вернул Тарлаха к действительности. В крике звучали гнев и предупреждение о близкой опасности. Сокол взлетел, но скоро вернулся и снова крикнул, на этот раз призывая к себе.

Фальконер послал Леди Гей вперед, вынимая по пути меч. Уна, которая тоже обладала способностью обмениваться мыслями с птицей, с такими же предосторожностями последовала за ним.

Они перевалили через невысокий холм и увидели то, о чем предупредило сокола его более острое чутье: трех мертвых животных и человека.

Тарлах спешил к ближайшей корове. Обычный домашний рыжий скот, какой держат местные фермеры. Корова мертва уже сутки. Горло у нее разорвано.

Они пошли дальше вниз по склону. Еще две коровы были убиты таким же способом. Определить, как встретил свою смерть пастух, оказалось невозможно. Одна из коров была наполовину съедена, но в первую очередь нападающие сожрали человека. У него отсутствовали горло и все внутренности, сорвана большая часть плоти с груди и бедер.

— Клянусь Янтарной Леди!

Тарлах быстро повернулся и увидел, что Уна смотрит на обезображенный труп. Свободной рукой воин обнял ее за плечи и отвел в сторону.

— Тебе не нужно было подходить, леди, — негромко произнес он. — Даже для меня это неприятное зрелище.

— Я... я целительница, — мужественно проговорила она, почти не разжимая губ. — Нужно было убедиться, что он мертв.

Женщина овладела собой.

— Кто мог это сделать, Тарлах? Волки?

— Не знаю. — Он нагнулся. — Следы тут плохо видны.

Осмотрев площадку в нескольких местах, Тарлах снова присоединился к Уне.

— Возможно, и волки, — с сомнением сказал он спутнице, — но я никогда не видел следы таких размеров. Тут была также лошадь, но она, кажется, убежала.

Воздух разорвал боевой клич Бросающего Вызов Буре. Одновременно ветерок донес зловоние, которое вызвало у обоих людей тошноту. Такой запах обычно сопровождает Тьму и ее союзников.

Они побежали к своим лошадям и в то же время услышали сверху, со склона, низкий, приводящий в ужас вой. Его мгновенно подхватило еще множество зверей. Владельцы этих голосов отрезали путников от лошадей.

Это не знакомый вой охотящихся волков. Больше похоже на собачий лай, но в то же время и не совсем. Вопль, ужасающий своей абсолютной жестокостью.

Уна попыталась подавить панику. Она знала, что редко кому из людей приходилось слышать такое. А те, кто слышал, не выживали, чтобы рассказать об этом.

Схватка невозможна. Они действительно были отрезаны от своих лошадей. Теперь звери прекрасно видны, их больше двух десятков, большие звери, выше и тяжелее мастифа, с плотным сильным телом. Четырехлапые, с большими головами и длинной пастью, а на лбу три коротких рога. Глаза у них красные, и не от отраженного света, а сами по себе. Тело покрывала очень короткая шерсть, смешанного коричнево-черного цвета.

Одно из животных, уверенное в своей победе, прыгнуло на Тарлаха. И на мгновение наемник испугался, что его меч окажется бессильным, но предсмертный вопль напавшего рассеял его сомнения.

Гибель одной твари ничего не решает. Они окружены, отрезаны от лошадей, на которых нападающие не обращали внимания, очевидно, предпочитая иную добычу.

— Защищай спину! — крикнул Тарлах, когда второй зверь набросился на него. Крикнул без необходимости, потому что Уна из Морской Крепости уже встала за ним. Твари не возьмут его сзади, пока она стоит на ногах.

Нападавший на Тарлаха зверь упал, сзади послышался неожиданно стихнувший вой — это Уна убила своего первого противника.

На Тарлаха набросилась массивная самка, она оскала клыки, похожие на кинжалы, собираясь разорвать ему горло. Тарлах ударил ее в брюхо и вспорол его.

Одновременно он отпрыгнул в сторону, но не избежал удара тяжелого тела.

Еще одна тварь набросилась на него, торжествующе рыча. Тарлах успел прийти в себя и встретить это нападение.

Прыжок, который спас Тарлаха от падения, в то же время отделил его от Уны. Ужас охватил ее, когда один из зверей проскочил мимо, чтобы зайти Тарлаху за спину, но меч женщины взвился словно по собственной воле и разрубил зверю шею.

В это мгновение прыгнули и на нее. Крупное животное не пользовалось при этом мощными челюстями, оно опустило голову, пустив в ход рога, острые, как копыя.

От сильного удара женщина упала. Ударила снизу вверх, вогнав меч в тощее брюхо.

Она не может встать! Ей не дадут на это времени! Уна откатилась в сторону, едва избежав челюстей, нацелившихся ей в плечо, но знала, что следующим прыжком собакоподобный зверь доберется до нее.

Так и случилось бы, но теперь не только люди приняли участие в битве. Конни Морской Крепости славились по всему континенту, а эти два прошли особую выучку у фальконеров. Окованные железом копыта обрушились на спину зверя и сломали ее, словно пруттик. И в этот же момент со спины Брата Орла спрыгнуло маленькое животное, вцепилось когтями в морду ближайшего зверя, рвало его красные глаза, пока от них ничего не осталось, висели только кровавые клочья нераспознаваемой плоти.

И Леди Гей сражалась зубами и копытами, она отбросила одного зверя от фальконера, одновременно вцепившись зубами в шею другого.

Бросающий Вызов Буре расправился еще с двумя

нападающими, но второй успел задеть его рогом, когда бил в агонии ослепленной головой. Рог не проткнул птицу, но отбросил ее. Сокол отлетел от места битвы и тяжело ударился о землю. И когда попытался снова подняться, одно крыло больше его не слушалось.

Тарлах знал, что даже с помощью союзников они ведут последний бой. Слишком много зверей еще оставалось, а потери словно добавляли им решимости прикончить добычу. Еще несколько минут, и один из них упадет. И как только это случится, за ним последует и второй...

Одна из тварей перед ним завывала и упала со стрелой в шею.

Множество стрел обрушилось на нападающих. Тарлах поднял голову и увидел стреляющих из луков Пиру и Джерро. С ними были еще люди. Некоторых из них Тарлах видел в Лормте, другие, вероятно, местные фермеры.

Он мог разглядывать их без помех. Неожиданное нападение привело в смятение тварей, число которых и так уменьшилось, и они бежали, спасая свою шкуру.

Наемник почувствовал, как пошатнулась рядом с ним Уна, и повернулся, чтобы поддержать ее, но не выпустил меч из руки. Еще рано его убирать в ножны.

Так же поступила и женщина из долины. Она на мгновение прижалась к Тарлаху, потом распрямилась.

— Я не ранена, хвала Янтарной Леди. А ты?

— Тоже. Я тоже не ранен.

Но их спутникам повезло меньше. Уна сняла Брейвери с убитого стрелой зверя. Кошка еще цеплялась за тварь. С ее правой передней лапы капала кровь.

Бросающий Вызов Буре... он не мертв, это Тарлах знал, но он упал и не смог ответить на призыв человека.

Леди Гей заржала. Она стояла в стороне от места схватки, прочно поставив ноги в позе часового.

Уна подняла голову.

— Иди, — отпустила она своего спутника. — Там сокол. Брейвери в безопасности, а остальные скоро подойдут. Тем временем я посторожу.

И словно подтверждая ее слова, вернулась с преследования Пира. Она спускалась по склону быстрым шагом, который перешел в бег, когда она приблизилась к ним.

— Идем, миледи. Сядь здесь, тут трава. Я должна проверить...

Уна из Морской Крепости подняла голову.

— Я тоже целительница, и мои товарищи ранены. Принеси воды, а я тем временем осмотрю Брейвери.

Женщина внимательно посмотрела на нее, потом кивнула и пошла за мехами с водой, которые остались на лошадях. А Тарлах тем временем поторопился на помощь своему крылатому брату.

Осмотр раны и ее обработка причиняли кошке боль, но она переносила ее терпеливо, поверив в мысленное заверение Уны, что это необходимо для ее же пользы. Однако когда Уна перевязывала лапу, Брейвери замаякала, и женщина, подняв голову, увидела подходящего к ним Тарлаха. Внутри у нее все сжалось. Фальконер прижимал к себе сокола, а губы у него были мрачно сжаты.

— Насколько плохо? — испугалась она, когда он подошел.

— Крыло, возможно, сломано, хотя сам он не считает так. — Говорил Тарлах спокойно, но Уна, хорошо изучившая его, почувствовала в его голосе жалость и опасения.

Она закончила перевязывать рану Брейвери, передала кошку Пире и взяла у Тарлаха боевую птицу. Принимая ее, она на мгновение сжала его руку, уверяя, что все обойдется, в чем сама не была уверена. У птиц хрупкие кости, и немного нужно, чтобы сломать или раздробить их.

Уна долго осматривала Бросающего Вызов Буре, осторожно прощупывая его крылья и бока.

Наконец она подняла голову и улыбнулась.

— Удача с нами, птичий воин. У сокола, вероятно, немало ушибов, но переломов я не обнаружила. Если внутри не разовьется воспаление, твой товарищ вскоре поправится, хотя еще несколько дней не сможет летать.

— Слава Рогатому Лорду, — радостно прошептал Тарлах.

Он торопливо взглянул в сторону Пиры и нагнулся к Брейвери, глядя ее по голове.

Кошка подняла мордочку навстречу его руке и замурлыкала, довольная лаской. Тарлах, вопреки своему настроению, улыбнулся.

— Ты во всяком случае кажешься здоровой, маленький дружок.

— Ей тоже повезло. Самое главное — не давать ей срывать повязку, пока я сама не сменю ее. Ты проверил лошадей?

Тарлах кивнул.

— Да. Обе невредимы, как и мы.

Он повернулся к Пире, которая пока единственная из жителей Лормта вернулась к ним. Вдали слышались звуки схватки, крики людей и лай охотничьих собак-волкодавов. Остальные продолжали преследование. Очевидно, ни одной из этих странных тварей не удастся спастись.

— Наша благодарность не может быть выражена в словах, но как вы узнали, что мы в опасности?

— Мы об этом не знали, просто сами искали чудовищ. — Худое лицо Пиры затвердело. — Этот бедняга ехал за своим скотом, держа перед собой в седле сына. Когда на них неожиданно напали, он бросился на землю, чтобы задержать их, и ударил пони по крупу. Он знал, что ребенок умеет ездить верхом, а ужас и привычка приведут лошадь домой.

Мальчик, естественно, был в истерике, но сумел внятно рассказать матери о случившемся, и она подняла тревогу. Злобные твари и раньше появлялись в этих местах, а в последнее время количество их очень увеличилось. Местные жители готовы были к встрече с ними, опасаясь, что вскоре их земля станет непригодной для жизни.

Мог потребоваться и целитель, и так как я хорошо владею луком, а Аден нет, вместо нее поехала я.

Воин кивнул.

— Храбрый человек, — сказал он, поглядев на труп и вздрогнув при воспоминании об этих тварях. Пастух пожертвовал собой, спасая сына. — Тяжело будет ребенку об этом вспоминать, хотя самого ужасного он не видел.

— Да, это так, — отозвалась женщина из народа фальконеров. Ей нравился Тарлах, несмотря на все, что она знала о поведении фальконеров. — Шум охоты затихает, — заметила она. — Скоро мы сможем вернуться в Лормт и попытаемся оставить позади события этого дня.

— Да, хорошо, что он скоро кончится, — согласился Тарлах, но слова его прозвучали тяжело. Нужно нечто большее, чем сытный ужин и спокойный сон, чтобы снять тяжесть с его сердца.

Глава пятая

Капитан фальконеров придвинул стул ближе к ревущему огню. Тепло стало наконец проникать к нему, хотя он еще не снял свой тяжелый плащ.

Этот невыносимый холод — последствие плохо заживленной раны, которую он получил в самом начале своей карьеры, когда Псы все еще осаждали Высокий Холлак. Конечно, это не болезнь, а просто неудобство, и в обычных условиях он не снисходил до того, чтобы замечать его. Однако сейчас настроение у него плохое, и он поддался требованиям организма.

И тепло наконец подействовало. Тарлах ощутил сонливость, физическую расслабленность, и только вялость помешала ему отправиться в постель. Огонь в комнате разожгли заранее, перед его возвращением.

Неожиданно лицо его напряглось. По правде говоря, спать он еще не хотел. Он слишком хорошо знал себя, чтобы надеяться быстро заснуть, когда его не оставляет ощущение поражения и чувство вины.

Глаза у него стали мрачными, как свинцовое небо, грозящее снегом. Снова Уна из Морской Крепости доверилась ему, и снова он не сумел уберечь ее от опасности. Сколько раз еще смогут они уходить от гибели? Сколько еще?..

Послышался стук, Тарлах отвернулся от огня, неохотно потянулся за шлемом, разрешив войти. Дверь у него не заперта, хотя ему никого не хотелось видеть сегодня вечером. Да он и не ждал никого. Может, что-то произошло в Лормте или с хозяйкой долины?

Вошел Дуратан. Получив разрешение, он открыл дверь, но остановился возле нее.

— Надеюсь, я не побеспокою тебя, птичий воин, но я увидел у тебя свет и понял, что ты не спишь.

— Не сплю. Входи, добро пожаловать. Чем я могу быть полезен?

— Просто хотел посмотреть, как ты себя чувствуешь, прежде чем лечь самому. Сегодня тебе пришлось выдержать нелегкое испытание.

Глаза ученого сузились. Несмотря на сравнительно мягкую зиму, ночи холодные, и огонь разожгли рано. Маленькая комната хорошо прогрелась, и здоровому человеку не нужен в помещении плащ.

— Ты ранен, капитан? — озабоченно спросил Дуратан. — У нас есть опытные целители, хотя не такие искусные...

— Я здоров, — торопливо ответил фальконер, сбрасывая плащ. Ему стало стыдно того, что его застали в таком состоянии. — Если я доверил леди Уне своего товарища, то доверился бы ей и сам. Целительницы — это обычно женщины, и мы привыкли к встречам с ними, хотя мудрых женщин предпочитаем избегать. В их делах много колдовства.

Дуратан кивнул. Так было и до падения Гнезда, когда наемники оказывались далеко и не могли своевременно вернуться в свою крепость за помощью.

— А как себя чувствует твой крылатый? — поинтересовался он.

— Хорошо, как и сказала владелица крепости. Через несколько дней сможет летать. А как Брейвери?

— Отдыхает и наслаждается всеобщим вниманием. — Дуратан удивленно покачал головой. — Она заслужила такое имя (Брейвери по-английски — храбрость). От твоего сокола я не ожидал меньшего, но никогда не слышал, чтобы кошка так вела себя.

— Большинство животных будет мужественно сражаться, если угрожают тем, кого они любят. — Тарлах

внутренне напрягся, хотя понимал, что Дуратан не стал бы так говорить, если бы у него были дурные новости. — А как сама леди? — Было бы странно, если бы он не спросил о ней, учитывая, какую роль она играет в спасении его народа. Он рассказывал об этом Дуратану перед тем, как выехать ей навстречу.

— Никаких последствий, и можешь быть уверен, что целительницы о ней хорошо заботятся.

Тарлах улыбнулся.

— Удивляюсь, как они тебя к ней допустили.

— Она больше не больна, и не думаю, чтобы Уна из Морской Крепости позволила распоряжаться собой.

— Да, это точно.

— Вдобавок к решимости она обладает редким мастерством. Джерро рассказал, что она сражалась, как леопард, когда появились наши люди.

— Для нее хорошо, что она это умеет, не правда ли? — с горечью проговорил фальконер. — Надежда на долгую жизнь была бы у нее слабой, если бы она полагалась только на мою защиту.

Ученый взглянул на него.

— Не думаю, чтобы любой другой воин смог сделать для нее больше.

— Мы серьезно относимся к данным клятвам. Я поклялся защищать Морскую Крепость и ее владелицу от опасностей, а не только сражаться, когда нет другого выхода, но после того как началась моя служба, мы переходим от одной катастрофы к другой.

Дуратан нахмурился. Ему показалось, что он заметил озабоченность владелицы крепости, и теперь он видел, что эта озабоченность оправдана. У ее товарища мрачное настроение, гораздо хуже, чем в тот вечер, когда он рассказывал, зачем приехал в Лормт. Возможно, это

просто реакция на неожиданное нападение после напряжения прошедших недель и почти полной неудачи поиска.

— Леди Уна не глупа, — спокойно возразил Дуратан, — и не робка. Если бы твоя служба ее не устраивала, она отказалась бы от нее.

Сокол, сидевший в гнезде, устроенном для него Тарлахом, выпрямился и с недовольным криком расправил крылья. Капитан быстро протянул руку, успокаивая его.

Дуратан внимательно смотрел на него, вспоминая его рассказ о том, что произошло с тех пор, как его отряд начал службу в Морской Крепости.

Несколько лет назад в долинах Высокого Холлака бушевала эпидемия, которая сильнее всего поражала молодых, полных сил мужчин, хотя заранее невозможно было сказать, где она ударит больнее.

Хуже всего пришлось Морской Крепости и ее соседям; погибли почти все мужчины, уцелевшие в войне с Ализоном. Только одна долина — Рейвенфилд — отделалась легко, и хозяин этой долины оказался смертельным врагом всех остальных.

Уна из Морской Крепости лишилась одновременно своего лорда и отца, ей угрожал человек, который был гораздо сильнее и ее, и любого из ее соседей; он намеревался завладеть ее долиной и особенно гаванью, единственной удобной пристанью, к тому же достаточно большой на всем северном побережье до Линны. Считая, что у нее нет иного выхода, кроме капитуляции, Уна отправилась на поиски наемников в нужном количестве.

И нашла отряд капитана. Фальконеры, сражавшиеся с Ализоном в Высоком Холлаке, были в долгу перед ее отцом лордом Харвардом. Другого способа выплатить этот долг у них не было, и потому они подавили свою

нелюбовь к женщинам и приняли службу у дочери Харварда. К тому же ее соседа, лорда Огина, подозревали в том, что он предательски заманивает и грабит корабли. Таких разбойников, которые убивают моряков, чтобы завладеть грузом корабля, фальконеры особенно ненавидели, потому что им самим часто приходилось служить на море.

Наемник опустил недели спокойной службы, но подробно рассказал о большой буре и крушении торгового корабля, которому был свидетелем. Рассказал, как нырнул с утеса в бурное море с тросом, который стал дорогой к спасению для выживших, как трос порвался, когда уставшие моряки начали подниматься по нему. Уна из Морской Крепости увидела это, перехватила веревку, обмотала ею руки и прижалась к камню, к которому та была привязана.

Мысли Тарлаха тоже вернулись к той ночи и к событиям, которые он так ярко описал, и ему стало холодно при воспоминании о мужестве Уны. Она соединяла веревку, выдерживая тяжесть каждого моряка, пока об этом не узнали фальконеры и не сменили ее. Шрамы на ее руках — след той ночи, и одна Янтарная Леди знает, как Уна не стала калекой.

Тарлах рассказал, как удалось подтвердить подозрения о грабителях кораблей, описал страшное путешествие, которое привело к гибели трех человек и корабля, но дало необходимые доказательства против Огина. Уне, ему и еще двоим морякам пришлось выдерживать еще одну, правда, не такую сильную бурю и весь последующий день провести в маленькой открытой лодке. Наконец рассказал он и о поражении лорда Рейвенфилда и его приспешников.

Поколебавшись, Тарлах довел рассказ до конца. Этого требовала его работа здесь, хотя он понимал, что,

рассказывая, подвергает свою цель опасности, если Дуратан будет слишком болтлив. Квен, Аден и бывший пограничник, с помощью нескольких ученых, отыскивали в записях сведения о борьбе между силами Света и Тьмы — и в прошлом, и в настоящем. Во всех известных землях этого мира старое равновесие было нарушено, и становилось очевидным, что древняя, почти потухшая война готова вспыхнуть с новой силой. Любое оружие, которое может помочь в борьбе за жизнь, необходимо, оно позволит помешать Тьме захватить мир в свою прожорливую пасть. Тарлах рассказал о женщине-призраке, ставшей подругой Уны, о предупреждении, которое сделал этот призрак: о том, что место их схватки — это почти открытые врата Тьмы, и нужно лишь еще немного крови, чтобы тварь, прикованная в этих вратах, разорвала последние путы и явилась в мир. Фальконер описал, как открылись эти врата и как призрак вступил в бой, который привел к поражению Тьмы и снова запечатал врата. Но победа стоила самому призраку его существования.

Но о другом Тарлах не смог говорить. Не мог рассказать Дуратану о том, какие отношения возникли между Уной из Морской Крепости и им самим, как они все больше и больше сближались, вначале в мирной обстановке, а потом в общей опасности, как эта близость завершилась клятвой, которую они дали друг другу на берегу Рейвенфилда, когда перед ними медленно раскрывались врата и они считали себя обреченными. И даже если бы такое откровение было возможно, Тарлах не смог бы описать их последующее свидание в Круглой башне Морской Крепости, когда они подтвердили, что в глубине души стали друг для друга лордом и леди, хотя оба признавали суровую реальность: вероятно, им ни-

когда не удастся стать мужем и женой в действительности и перед всем миром. Если бы он был свободен в своих действиях, у него хватило бы храбрости противостоять обычаям своего народа, но такой свободы у него нет, и они оба связаны одной и той же цепью.

Другое дело — причина, по которой он явился в Лормт. Ее можно было не скрывать, хотя это дело касалось всех фальконеров. Дуратан и его товарищи хорошо отнеслись к Тарлаху и оказывали всяческую помощь, не задавая лишних вопросов. Они заслуживали правдивого рассказа, и вежливость требовала, чтобы он объяснил причину своих поисков.

Тарлах рассказал, как они вместе с Уной поняли, что над его народом нависла угроза исчезновения, рассказал, какой невероятный поступок она совершила, чтобы предотвратить это исчезновение.

Ученый пораженно смотрел на него несколько секунд.

— Она... отдала тебе долину? — прошептал он наконец, потрясенный великодушием дара.

Тарлах ответил, гордо подняв голову:

— Она не хотела владеть Рейвенфилдом, доставшимся ценой крови, но главным образом не могла бездействовать и позволить целому народу исчезнуть из вселенной, когда у нее появилась возможность помешать этому. По той же самой причине она заключила со мной договор о передаче нам необитаемых земель долины Морской Крепости, потому что только в таком случае у нас было бы достаточно места для создания нового Гнезда и деревень.

Тут Тарлах замолчал, собираясь с мыслями. В соглашении был пункт об отношении к женщинам, которых фальконеры приведут в Высокий Холлак, потому что

Уна не хотела увековечивать древнее зло. В отношениях мужчин и женщин его народа неизбежно произойдут изменения. Это он тоже поведал, как мог, но большинство подробностей пока оставалось только на стадии замыслов.

Когда фальконер закончил свой рассказ, Дуратан долго молчал.

— Итак, ты явился в Эсткарп, чтобы добиться одобрения своих старших офицеров и товарищей, а также согласия женщин, чтобы основать жизнеспособную общину?

— Да.

— Ты понимаешь, какая опасность тебе грозит?

Капитан мрачно кивнул.

— Если все сочтут меня изменником, я могу погибнуть. Большинство отрядов отвергнет меня. Если даже я получу разрешение побывать в деревнях, нет никакой уверенности, что мне удастся убедить достаточное число женщин сопровождать меня, хотя присутствие и клятва леди Уны подкрепят мои слова.

— Да, у нее тоже жизнь будет не очень приятная, если ты добьешься успеха, — заметил Дуратан. — Твоим товарищам придется постоянно иметь с ней дело, и некоторые из них примут такую необходимость нелегко.

— Как лорд и владелец Рейвенфилда, я буду представлять свой народ в делах с Морской Крепостью и ее жителями, — твердо произнес наемник. — Мы с Уной доказали, что можем работать вместе. — Он слегка пожал плечами. — То, что придется вынести, мы вынесем. Нельзя избегать войны из опасения вражеского меча.

В ответ на вопрос ученого он объяснил, что приехал в Лормт в поисках знания — всего, что может подкре-

пить его доводы. Он также надеялся найти сведения о жизни своего народа до того, как он переселился на север. Эти сведения могли помочь в создании нового образа жизни, такого, который устраивал бы большинство мужчин и женщин. Но несмотря на все свои усилия и помощь хозяев, тогда ему не удалось найти ничего значительного.

Дуратан видел, как омрачилось лицо его собеседника, и догадался о причине.

— У вас с леди Уной тоже нет успехов? — спросил он. — Я надеялся, что вы что-то узнали, потому что работали с самыми древними материалами.

— Почти нет. Вы не могли бы больше помочь нам, чем помогли, но в Лормте таких сведений почти нет. Если не считать методов исцеления, которые сами по себе достойны поисков, я не обнаружил почти ничего полезного для себя.

Он не сказал, что в одном из свитков он нашел сведения, испугавшие его. Там подробно рассказывалось о талисманах фальконеров. И Аден, и Пира должны были прочесть это, и они сразу узнают о его даре Уне из Морской Крепости.

Но постепенно он успокоился. Личные взаимоотношения между фальконером и женщиной из долины кажутся такими невероятными, и он считал, что целительницы не поймут значения его подарка. Во всяком случае они никак не показывали, что подозревают: Уна для него не просто нанимательница.

— А почему ты считаешь, что у нас должны храниться такие записи, птичий воин? Вы, фальконеры, всегда держались обособленно и замкнуто и не распространялись о своих делах с того времени, как появились на нашем континенте.

— У нас рассказывают, что вскоре после своего

приезда сюда мы оставили в Лормте большое количество документов о своем прошлом. Но либо это неправда, либо эти документы не сохранились.

— Возможно, они еще просто не обнаружены.

— Я это понимаю, — согласился Тарлах со вздохом, — но больше искать мы не можем. До сих пор зима была мягкой, но нельзя рассчитывать, что и дальше будет так. Если не уедем вскоре, можем застрять здесь до весны. К тому времени большинство командующих будут уже связаны клятвой и начнут службу. — Он покачал головой. — К тому же владелица долины не может надолго оставлять свои земли, а я отвечаю за свой отряд. Если он сохранит мое положение командира.

Дуратан кивнул.

— Я знал, что ты придешь к такому решению теперь, когда леди Уна выздоровела. Когда вы уедете?

— Через несколько дней, как только я увижу, что мои товарищи готовы к дороге.

— Ты уедешь с нашими добрыми пожеланиями. А мы продолжим поиски, и, если обнаружим что-нибудь интересное, я пошлю сообщение в Морскую Крепость.

Фальконер удивленно посмотрел на него.

— Ты это сделаешь?

— Я не отличаюсь от других и предпочитаю иметь цель своих усилий. Твой поиск нелегок, птичий воин. Боюсь, что достигнуть твоей цели не легче, чем вернуть горы в прежнее состояние, но чем можно будет тебе помочь, я помогу. Хотел бы только, чтобы твое посещение Лормта окончилось приятно.

— Кажется, я приобрел здесь доброго друга. А это большая удача.

Брейвери лежала на спине, сражаясь с рукой Уны одной перевязанной и тремя здоровыми лапками.

— Ты, горе мое маленькое! — воскликнула женщина.
— Так я никогда не закончу тебя перевязывать! И не смогу причесаться, чтобы встать.

Стук заставил ее посмотреть в сторону двери. Движение было инстинктивное, но именно такой возможности ждала кошка. Когда Уна повернула голову, ее распущенные волосы упали ей на плечо, и Брейвери потянула за них когтями и пастью.

Глаза у Тарлаха были мрачными, но, увидев кошку, смотрящую на него сквозь поток волос — видны были только лапы и мордочка с широко раскрытыми глазами, — воин рассмеялся.

Уна сердито посмотрела на него, освобождаясь от кошки.

— Если бы так тянули за твои волосы, ты бы не смеялся, — пожаловалась она.

— Может быть, и нет, — с улыбкой ответил он, — но в таком виде она очень забавна. А твоего взгляда достаточно, чтобы вознаградить меня за визит.

Она с любопытством посмотрела на него. До сих пор фальконер старательно избегал приходить в ее комнату, и она гадала, что привело его так рано.

Он прочел ее мысли.

— Я хотел убедиться, что с вами обеими все в порядке, прежде чем встанут твои стражницы и снова заставят меня быть более осмотрительным.

Ее зеленые глаза затуманились.

— Дуратан не разговаривал с тобой вчера вечером?

Воин насторожился.

— Ты послала его ко мне, сказав, что у меня неприятности?

— Нет. Он сам намеревался навестить нас обоих. Когда мы вчера расстались, ты выглядел побежденным.

По крайней мере, мне так показалось. Мне не нравится, когда ты так выглядишь. Мы ведь даже еще не обратились к вашим колоннам.

— Дело не в отсутствии успеха, — быстро возразил он. — Мы оба знаем, что его может и не быть.

— Я понимаю это. — Она отвернулась от него, чтобы скрыть лицо. — Я тебе только в тягость!

Тарлах подошел к ней.

— Что ты хочешь сказать этим, Уна из Морской Крепости?

— Я видела, как ты смотришь на меня, словно я вот-вот разобьюсь на кусочки. Ты считаешь себя виновным. Такой вины никто из твоего народа не принял бы на себя.

— Стали ли мы от этого богаче? — Он взял ее за плечи и повернул к себе, чтобы она смотрела ему в лицо. — Это правда, что у нас нет опыта в заботе о других, и я только учусь этому, но я не жалею, что полюбил тебя. Это я ценю выше, чем даже обладание тобой.

Он прижал ее к себе и закрыл глаза.

— Мысль о том, что я могу тебя потерять, пронзает меня, словно копьем. Я могу выдержать то, что приходится держаться в стороне от тебя, но ради собственного здравого рассудка мне нужно знать, что ты жива и здорова в этом мире.

Она ничего не ответила, только крепко прижалась к нему. Губы его нежно коснулись роскошных каштановых волос, он уловил нежный запах трав, которыми она моет волосы. Тело у нее мягкое и теплое, и он почувствовал, что под домашним платьем на ней ничего нет. Платье ей, вероятно, дала взаймы Аден.

Она казалась такой отзывчивой и уязвимой, прекрасной и женственной.

Тарлах отыскал ее губы, но поцелуй его был нежным, и он тут же неохотно отодвинулся от нее, пока чувства не поглотили его окончательно. Он знал, что на это много времени не потребуется: он отчаянно любит эту женщину.

В этот момент он ненавидел все, что есть в нем и что лежит на нем, потому что из-за этого не мог открыто провозгласить, что горит в его сердце и сознании. Взять Уну из Морской Крепости как-то по-другому, как девушку, хотя никто об этом не узнает, никто даже не подумает, — все равно это не для него, пока он сохраняет свою честь и контроль над собой.

Он отошел и с горьким удовлетворением увидел, что она разделяет его чувства. Не случайно, понял Тарлах, она одевается и ведет себя с ним как товарищ.

Владелица крепости печально улыбнулась. Они оба измучились, но теперь, по крайней мере, его настроение улучшилось.

Она махнула головой: мгновение миновало.

— Я не часто отдаю тебе приказы, птичий воин, — начала Уна, — но сейчас собираюсь это сделать. Немного времени спустя мы покинем Лормт, и ты не скоро вернешься в эти горы. Я наблюдала за тобой вчера. Ты страдал из-за опустошений в горах, и тебя интересует восстановление в них жизни. Поезди по горам несколько дней, побудь с ними наедине, обрети уверенность, что однажды они снова станут такими, какими ты их знал, хотя мы оба этого не увидим. Я останусь здесь и буду следить за выздоровлением наших товарищей.

Она увидела, что промелькнуло у него во взгляде, и нетерпеливо покачала головой.

— Неужели тебе всегда в любом вопросе видится лишь его темная сторона, фальконер Тарлах? Я не

больна, не ранена, не устала. Я просто хочу, чтобы ты отдохнул.

Уна снова улыбнулась — успокаивающе и повелительно одновременно.

— Лети, Горный Сокол. Становись снова самим собой. — Зеленые глаза сверкнули. — Но будь осторожен. Я не хочу проводить зиму в Лормте, какими бы гостеприимными ни были хозяева, только из-за того, что ты во время прогулки сломал себе ногу!

Глава шестая

Отъехав от Лормта, Тарлах почувствовал, как улучшается его настроение, и понял, что Уна была права. Ему действительно нужно время, чтобы освободиться от бремени ответственности, побыть наедине с собой, заняться наблюдениями и исследованиями природы. Его удовольствие омрачал только тот факт, что рядом нет ни Уны, ни Бросающего Вызов Буре, чтобы разделить с ним радость нескольких дней, украденных из обычного распорядка жизни.

Первый день он потратил, осматривая склоны вокруг старой крепости, и здесь же заночевал, но на рассвете следующего дня направился к подлинным высотам, какие знал и любил с детства. Когда-то в похожем месте располагалось Гнездо...

Быстро отогнав от себя эти воспоминания и тень, которую они набрасывали на него, Тарлах откинул голову и глубоко вдохнул холодный чистый воздух. По крайней мере, его не затронуло злое заклинание волшебниц.

Здесь последствия Поворота были еще заметнее, чем внизу, где более мягкие условия способствовали возро-

ждению жизни, но первобытное великолепие природы трогало и завораживало.

Местность была необыкновенно дикая. Каменное царство, мрачность которого лишь подчеркивали немногие чахлые растения, чудом сумевшие вырасти здесь. Этот мир околдовывал, вопреки — а может, именно благодаря — своей дикости и свирепости. Он необыкновенно привлекал тех, кого не отпугивал холод девственных скал.

Фальконер знал, где хотел начать свои поиски, и направился туда — к подножию большого утеса, который возвышался за меньшими высотами, на которых расположен Лорнт и окружающие его фермы. Снизу Тарлах видел его многочисленные выступы и карнизы и хотел осмотреть их внимательней. Теперь у него появилась такая возможность, и он решил не терять ни минуты.

Сколько можно было, Тарлах проехал верхом, потом спешился на небольшом лугу вблизи того места, где наметил свой подъем. Он опустил поводья, чтобы Леди Гей знала, что может свободно пастись. Но далеко она не уйдет. На лугу хорошая сочная трава, небольшой быстрый ручей даст воду, и фальконер знал, что в его отсутствие лошадь ни в чем не будет испытывать недостатка.

Он проследил за неровной линией склона. Глаза его горели от возбужденного предчувствия. Подъем будет трудным, и для него потребуется все его мастерство горца. И Тарлах наслаждался этим вызовом. Давно не приходилось ему испытывать такое.

Трудность восхождения быстро возрастала, как только он начал подниматься, но это по-прежнему был вызов, а не непреодолимая преграда, и Тарлах продол-

жал подъем, пока наконец не оказался в месте, которое выбрал для поисков в первый день.

Тело его было упругим, дыхание вскоре снова стало нормальным.

Воин огляделся. Отсюда видна только небольшая часть высокогорья. Он поднялся высоко, но вершины окружающих гор по-прежнему возвышались над ним.

Это неважно. Он пришел сюда не для покорения вершин, а чтобы осмотреть их склоны.

Тарлах поворачивался, разглядывая запретный миниатюрный мир, в котором оказался. Сам подъем сюда принес ему радость. Он поднимался не спеша, а преодоление препятствий доставило ему удовольствие и подбодрило его. Сейчас он снова свеж и готов к волнующим открытиям.

Место не очень приветливое. По правде сказать, трудно представить себе более непривлекательную и суровую местность. Он назвал это склоном, но на самом деле оказался на карнизе, выступающем из почти отвесной стены, которую неопытный человек счел бы непреодолимым препятствием.

Эта часть горы никогда не зарастала лесом и потому особенно страдала от ветров. И сейчас здесь не было папоротников, трав и жестких кустарников, которые покрывали склоны пониже. Там, внизу, даже начинали расти деревья.

Скудность растительного мира делала немногие существующие здесь растения еще более при привлекательными. Капитан склонился у приземистого извилистого дерева, всматриваясь в изгибы ствола и ветвей и пытаясь определить, насколько глубоко уходят его корни. Он не хотел копать землю или предпринимать какие-то другие усилия, чтобы ответить на этот

вопрос, боясь повредить цепляющемуся за жизнь организму.

Да, это упорное дерево. Тарлах с уважением коснулся его искривленных ветвей. Оно выросло здесь не за последние восемь лет. Одно из немногих, которое каким-то чудом пережило Поворот. Вероятно, пережило и немало других катастроф, с тех пор как впервые произошло из семени.

Негромко насвистывая песню, известную в отряде, Тарлах направился к другому клочку зелени, который привлек его внимание.

Полчаса фальконер неторопливо переходил с места на место, радуясь возвращению к жизни, которую вел много лет.

Даже за такое короткое время он убедился, что горы, которые кажутся такими безжизненными, на самом деле полны жизни. Конечно, растений было не очень много, они были небольшими, и их легко проглядеть, но там, где почва позволяла укорениться, их сразу же появлялось множество. Везде он видел растения, знакомые с юности, проведенной в горах. Их пока еще немного, отдельные участки, а не сплошной ковер, но они возвращаются и цветут. Постепенно горы обязательно станут такими же, какими были до Поворота.

Ветер, который создавал так много удобных мест для семян и корней, оказался менее благоприятным для человека. Много попадалось отдельных камней и неустойчивого гравия, и Тарлах переставлял ноги очень осторожно. Сломанная нога, о которой говорила Уна, может оказаться такой же реальностью, как и падение вниз. Здесь никто не придет на помощь.

Тарлах думал просто посмотреть растительность на склоне и оглядеть окружающие плоскогорья. Но когда он присел возле кучки особенно заинтересовавших его растений — первых представителей своего вида, которые он обнаружил, — его внимание привлек сам склон горы. Неожиданно Тарлах понял, что меняет положение, стараясь уйти от холодного сквозняка.

Удивленный, он осмотрел каменную стену за собой и обнаружил черную щель. Приложив влажный палец, убедился, что тянет именно из нее.

Он осторожно вложил руки в трещину и начал исследовать ее, но небольшое доступное для него пространство не давало возможности найти достаточно большой вход.

Тарлах удивленно смотрел на трещину. Потом улыбнулся. Причин для удивления нет. Разве Аден не говорила, что горы вокруг Лормта прорезаны лабиринтом пещер? Это просто часть обширной системы.

Тарлах встал и отступил, разглядывая утес в поисках других признаков населенного призраками подземного мира.

Это движение было неосторожным и слишком поспешным. Споткнувшись о камень, Тарлах тяжело упал.

Он инстинктивно ухватился руками за землю, хотя на самом деле опасность скатиться с карниза ему совсем не грозила.

Неожиданно земля ушла из-под его ног. Казалось, весь мир исчез в зияющей пропасти.

Тарлах отчаянно цеплялся руками, пытаясь подтянуться, но ослабевшая поверхность подалась еще больше, и он упал с потоком гравия и мелких камней.

Ударившись о дно, воин не сразу потерял сознание. Он смутно сознавал, что вокруг продолжают падать

камни, видел широкое пятно света над собой и отполз подальше в темноту. И уже там потерял сознание.

Сознание возвращалось к Тарлаху медленно, но постепенно фальконер начал понимать свое положение.

Он сел, схватившись за голову, и на несколько минут прислонился к каменной стене, плотно закрыв глаза, пока все вокруг не перестало вертеться и он смог осмотреться. Физически он оказался в неплохом состоянии. Могло быть гораздо хуже. На теле множество ушибов, ужасно болит голова, но Тарлах не обнаружил сломанных костей или каких-либо серьезных увечий. Нет ни кровотечения, ни проникающих ран, иначе он вряд ли был способен так рассуждать. Нет признаков шока, свидетельствующих о внутренних повреждениях, хотя в этом можно будет убедиться только со временем.

«Пожалуй, этим и ограничивается моя удача», — горестно подумал Тарлах, продолжая рассматривать место, куда он попал.

Полуосознанный инстинкт, который заставил его отползти глубже в пещеру, спас ему жизнь или, по крайней мере, продлил ее. На месте его падения образовалась большая груда камней. Яма заполнилась почти доверху. Оставалось только несколько дюймов, ведущих во внешний мир. Пробивавшийся луч солнца не давал сильного освещения, но этого было достаточно. Постепенно глаза Тарлаха приспособились.

Воздух оставался свежим, не похоже, что он проходит через маленькую щель вверх. Тарлах решил, что упал в относительно большую пещеру.

Он не мог сказать, соединяется ли она с внешним миром. Но сейчас это не особенно важно. Он не может проползти мили, вероятно, по запутанному лабиринту

проходов, в которых может встретиться множество опасностей, — проползти без пищи и воды: у него с собой лишь небольшой запас, который он прихватил из седельной сумки, надеясь вскоре вернуться к Леди Гей. Даже не вспоминая о призраке, Тарлах считал, что не справится с этим. В таких условиях шанс отыскать другой выход слишком ничтожен, чтобы обдумывать его.

Что же тогда? У него есть с собой оружие. С его помощью нетрудно освободиться от голода, жажды и ужаса медленной смерти.

Но рука его не стала искать меч или кинжал. Это позже, когда не останется никакой надежды и он начнет по-настоящему страдать. Гораздо лучше будет немного изучить это царство вечной ночи, чем преждевременно избавиться от жизни.

Но есть и другой вариант.

Он находится не очень глубоко под поверхностью, в каких-нибудь пятнадцати футах, и отверстие вверх свидетельствовало, что потолок не очень прочен. Возможно, удастся пробить его.

Тарлах осмотрел то, что последовало за ним в яму. В основном небольшие камни, гравий и почва, которые скопились в углублении и образовали непрочную корку над трещиной. В груде почти не видно крупных камней.

Такой материал может оказаться неподатливым, но Тарлах считал, что справится с ним с помощью орудий, которые у него есть или которые он сумеет изготовить. Теоретически он может подняться на эту груду и оттуда выбраться на поверхность.

Конечно, это будет нелегко. Скорее он будет не подниматься, а выкапываться. Придется сделать ряд ступенек, грубую лестницу или леса, которые позволят

двигаться относительно безопасно в каждой фазе операции.

Тарлах облизал пересохшие губы. У него есть одна попытка, в лучшем случае две. Если не откажут слабеющие руки, может подвести крыша и то, что осталось от корки. Его действия приведут к тому, что обрушатся остатки слабой поверхности и вся масса сорвется. Он либо будет погребен под ней, либо навсегда отрезан в яме, которая станет его могилой.

Возможно, это все и не имеет значения. Здесь, в подземном мире, бродит ужас, который страшнее оползней, бесконечной ночи и физической боли. Сколько времени пройдет, прежде чем призрак, о котором рассказывала Аден, коснется его своим разлагающим дыханием? Через сколько времени плоть его начнет распадаться на все еще живом теле, словно оно превратилось в труп, давно покинутый душой?

Тарлах постарался не думать об этой угрозе, потому что никак не мог отвратить ее, и принялся за работу со всей скоростью и силой, какие позволяли не потревожить груду обломков.

Задача, которую поставил перед собой фальконер, оказалась гораздо более трудоемкой и утомительной, чем он предполагал. Трудно оказалось копать землю ножом и плоским камнем, который он приспособил в качестве лопаты. Влажная осень и зима сделали гравий вязким, и все равно прошло несколько часов, а Тарлах чувствовал, что почти не продвинулся.

Он был готов впасть в панику. Темнело, а он сможет работать только при свете, который проникал в пещеру лишь через небольшое отверстие.

Тарлах со страхом посмотрел вверх и покачал голо-

вой. Теперь, с наступлением вечера, ночь придет совсем быстро. Невидимое солнце уже заходит.

А что потом? Он с трудом распрямился, поднимая очередную груды высвобожденного влажного гравия. Тогда придется сесть у какого-нибудь камня и ждать, пока небо не посветлеет. И копать, копать...

День снова наступит, если новый обвал не отрежет его полностью от света, но Тарлах в глубине души чувствовал, что дитя-призрак доберется до него раньше.

Он пытался убедить себя, что этот район безопасен, всего лишь яма в земле, но знал, что это не так. Это часть системы пещер, и ему не следует ждать милости, когда здесь снова воцарится тьма.

Глаза его закрывались, и ему приходилось заставлять себя работать. Слишком выразительно рассказывала целительница. Конечно, смерть в битве тоже нежелательна, но она, по крайней мере, часть того пути, который он для себя избрал, к которому готовился; в этой же смерти слишком большой ужас. И вся решимость Тарлаха не помогла ему сохранить спокойствие.

Усиливающийся ужас действовал против него, делал его движения резкими и торопливыми, лишал их координированности, но выше его сил было подчинить их себе. Он мог только стискивать зубы и продолжать работать, сражаясь с самим собой и со временем, чтобы неподдающийся материал принимал необходимую форму.

Вскоре, как он и предполагал, стало совсем темно.

И хотя Тарлах ожидал этого, отсутствие света его доконало. Он бросился на груды камней и гравия, тело его содрогалось от тяжелых рыданий. Через несколько мгновений волна истерии схлынула, и Тарлах снова

смог взять себя в руки. Он опустился на колени и начал нащупывать дорогу к более удобному и устойчивому месту.

Отступив в глубину, он лег, снял свой побитый шлем, решив отдохнуть и поспать, если сможет. Кратковременный срыв устыдил его, но он в то же время был ему благодарен. Он высвободил нараставший ужас. Страх сохранялся, но паники больше не было. Если в последующие часы Тарлах сможет с ней справиться — и избежать участи, в ожидании которой он и почувствовал панику, — он на следующее утро или, в крайнем случае, к полудню сможет закончить свою работу. Тогда, конечно, придется заняться кровлей.

Он знал одно: ему отчаянно хочется жить и он будет сражаться за жизнь из последних сил до самого конца.

Глава седьмая

Тарлах застонал и открыл глаза.

Мягкий свет заполнил каменное помещение, а на фальконера смотрело с любопытством детское лицо. В нем сочетались озорство и веселье, и это действовало так заразительно, что, еще не проснувшись полностью, Тарлах рассмеялся и со смехом постучал себя по носу, как часто в Морской Крепости играл Руфон со своей маленькой внучкой.

И тут же сердце у него дрогнуло, он отшатнулся, чувствуя, как на него наваливается ужас.

Это не лицо ребенка из долины, со смеющимися глазами и загоревшими на ферме отца под летним солнцем щеками. Девочка, которую увидел Тарлах, необыкновенно прекрасна, с массой спутанных каштановых волос и огромными светло-зелеными глазами, но она не может быть живой. Жители Лормта

правильно называли ее призраком. Ничем иным она не может быть.

И свет исходит от нее.

Призрак протянул к нему руку, но остановился, когда Тарлах отшатнулся. Теперь девочка смотрела на него удивленно и обиженно.

Тарлах быстро сел.

— Прости, — тихо проговорил он, пытаясь справиться с дрожью в голосе. Он слышал, что тот, кто заговорит первым, приобретает в такой встрече преимущество. — Мне показалось, что ты моя знакомая маленькая девочка.

— Твоя маленькая девочка?

— Нет, не моя. Просто знакомая.

— О!

Девочка как будто разглядывала его, наклонив голову набок.

— Тебе холодно? — спросила она наконец.

— Не очень. А что?

— Ты дрожишь.

Тарлах посмотрел на нее, потом, вопреки своему желанию, улыбнулся.

— Наверно, ты меня испугала, — честно признался фальконер.

Призрачный ребенок весело рассмеялся.

Девочка села рядом с ним, тщательно расправив платье. Тарлах впервые обратил на него внимание и решил, что оно какое-то нескладное. Такую одежду он не видел у женщин или девочек Эсткарпа или Высокого Холлака. Наверно, оно очень древнее, если верить легенде. Но Тарлах ничего не понимал в женской моде и не мог определить по фасону платья время.

Девочка подняла свое маленькое личико и посмотрела прямо на воина.

— Ты долго спал. — Ей пришла в голову новая мысль.
— Я тебя разбудила?

— Нет, я так не думаю. Вероятно, я просто выспался и проснулся сам по себе.

Скорее всего чувство опасности, присущее воину, разбудило его.

— Я рада! Я старалась не шуметь. Катрин говорит, что я всегда слишком много болтаю и не должна беспокоить людей.

— А кто такая Катрин?

— Моя сестра. Она большая и очень умная. — Лицо девочки осветилось гордостью. — И очень красивая.

— Не сомневаюсь, если она похожа на тебя.

Призрак энергично кивнул.

— Меня зовут Адила, — представилась девочка, как будто вспомнив правила приличия, которым ее когда-то учили.

Фальконер заколебался. Он не хотел пугать ребенка, не хотел причинять ей боль, но ведь знание имени давало владеющему волшебством власть над человеком, носящим это имя. Он не собирался открывать его этому призраку или любому другому. К тому же это противоречит обычаям его народа. Только Уна...

Неожиданно он вспомнил, как называет его владельца долины.

— Меня зовут Горный Сокол, — сказал он и склонил голову, как делают лорды долин. — Рад познакомиться с тобой, Адила.

И тут же замолчал, не зная, смеяться ему или плакать. Он понял, что сказал правду.

Адила на этот раз не заметила в нем перемены. Она с любопытством оглядывалась, как будто видела все окружающее ее вокруг впервые.

Потом снова повернулась к Тарлаху.

- А почему ты спал?
- Потому что у меня закрывались глаза.
- Нет! — раздраженно воскликнула она. — Я спросила, почему ты спал здесь?
- Я упал и очень устал, пытаюсь выбраться наружу.
- Ты ищешь алмазы?
- Нет, — с некоторым замешательством ответил он.
- Я провалился в дыру.

Призрачная девочка надолго замолкла. Продолжала осматриваться, прижимаясь к Тарлаху, как будто чего-то боялась. Он обнял ее за плечи и почувствовал, как она расслабилась.

— У тебя есть двоюродные братья? — неожиданно произнесла она тихим голосом.

— Вероятно. А что?

— Мне не нравятся двоюродные братья. Но-эль — мой двоюродный брат.

Тарлах почувствовал холод в желудке. Ему не хотелось знать, за что девочка не любит этого Но-эля.

Однако она была захвачена воспоминаниями и продолжала, почти забыв о его присутствии:

— Но-эль сказал нам, что мы найдем алмазы для мамы в пещере. Это будет нашим сюрпризом, и мы никому не должны говорить об этом, пока не вернемся с ними. Но пещера была такой темной, а вход в нее таким узким, что я заплакала, а Катрин сказала, что мы найдем алмазы и снаружи, если хорошо поищем.

Ее большие глаза стали еще больше, девочка вдруг посмотрела прямо на Тарлаха.

— Но-эль взял камень и стал бить Катрин по голове, пока вся голова не стала красной. Потом он протолкнул ее в пещеру, а меня за ней и прикатил большой тяжелый камень, которым закрыл вход. Он его не убирал, и я не могла выйти, как ни старалась.

Губы ее дрожали, слезы потекли по щекам, но она слишком была захвачена воспоминаниями и старым страхом, чтобы вытирать их.

— Катрин спала. Я ее звала, звала, но она не просыпалась. Я звала всех, но никто не пришел.

Адила маленьким кулачком потерла глаза.

— Я очень хотела есть и пить, хотела, чтобы мама пришла и забрала нас из этой ужасной тьмы...

Воин закрыл глаза. Взял ребенка на руки и прижал к себе. Тело девочки показалось ему осязаемым, вполне реальным, но оно было холодное, и он не чувствовал биения сердца.

Но сейчас он не думал об этом, поглощенный ее страхом и отчаянием.

— Мама не могла тебя услышать, Адила, — негромко сказал он, — и... Катрин тоже. Поэтому они тебе не помогли.

Она перестала плакать.

— Мама осталась внизу, в большой крепости, в которой мы остановились, но ведь Катрин была со мной...

Она замолчала и посмотрела на него.

— Катрин умерла? Как бабушка?

— Да.

Девочка опустила голову на грудь.

— Ее убил Но-эль?

— Да.

— Он, наверно, очень плохой.

— Невероятно плохой.

Она немного отодвинулась от него.

— Его наказали?

— Наверно, — предположил Тарлах. Он погладил ее густые мягкие волосы и вздохнул. — Это было очень давно, Адила. Мама и Катрин не хотели бы, чтобы ты плакала.

Он пытался подавить горящую внутри него ярость. Девочке не нужны гнев и ненависть. Она еще совсем ребенок и слишком много страдала...

И не заслужила такие страдания. Не заслужила того, кем стала.

Вспомнив о том, какую участь несла эта девочка людям, Тарлах только крепче прижал ее к себе. Если он умрет из-за нее, пусть. Она не виновата, и он не будет ее ненавидеть. К тому же у него есть средство избавления, прежде чем начнутся страдания. А тем временем он не может отказать ей в утешении, в котором она так нуждалась. Даже ужас не сделает его настолько жестоким.

Девочка постепенно затихла, и Тарлах подумал, что она уснула.

Он посмотрел на нее, и страх оставил его. Адила — ребенок, несмотря на свое физическое состояние. Ужасная смерть, неисполненное стремление отомстить тому, кто так с ней поступил, и может быть, тем, кто не помог ей, покорили незрелую душу, заморозили сочувствие и человечность и в свою очередь превратили ее в орудие уничтожения. Но теперь проклятие снято. В этом он был уверен.

Капитан надеялся, что каким-то образом сумеет освободить девочку, и думал, что для этого просто настало время. Иначе он не мог объяснить, почему уцелел. Может быть, зрелище человека, спокойно спящего в таком состоянии, вернуло Адиле искорку замершей человечности.

Тарлах размышлял, что же теперь будет. Вероятно, она сможет наконец совершить свое последнее долгое путешествие. Теперь она свободна и снова обрела себя. А девочка по-прежнему находилась рядом с ним.

Он нежно улыбнулся. Вероятно, она просто нуждалась в отдыхе после бесчисленных веков блужданий.

Тарлах и сам задремал и уже погружался в крепкий сон, когда Адила вырвалась из его объятий.

— Катрин! Это Катрин! Ты разве не слышишь ее?

Тарлах покачал головой, но выпустил руку своей маленькой спутницы. Он не сомневался, что она обладает неведомыми ему чувствами.

Сердце его забилося чаще. Очевидно, приближается момент ее освобождения!

— Ищи сестру! Быстрее! Она очень долго тебя ждала.

Адила кивнула без споров и побежала. Ее маленькое тело словно задрожало и пропало.

Вместе с ней исчезло бледное свечение, и снова вокруг сомкнулась тьма.

Но наемник не расстраивался. Ночь подходит к концу, и он знал, что очень скоро утро принесет свет.

Он опустил голову на грудь. Он рад за Адилу, но — именем Рогатого Лорда! — ему бы хотелось, чтобы она осталась с ним еще немного. Он по-прежнему может здесь погибнуть, и теперь одиночество, казалось, усилилось тысячекратно.

Глава восьмая

Вскоре после отъезда капитана из Лормта Пира разыскала Уну в длинном читальном зале.

Она села рядом с женщиной из долины.

— Дуратан рассказал мне о цели твоего приезда, — начала она после недолгого колебания. — Он узнал о ней из уст твоего фальконера, перед тем как тот поехал встречать тебя.

— Ему следовало бы рассказать раньше, — ответила Уна, скрывая свое удивление от темы, выбранной цели-тельницай.

— Цель благородная, но я боюсь, что она обречена на неудачу. Что бы ни сказали командиры и товарищи фальконера, сомневаюсь, чтобы он достиг успеха в деревнях. Ведь ему нужно добиться и согласия женщин.

— Да. Если он применит силу, то не получит доступа в Морскую Крепость. А без этого невозможно сооружение постоянного Гнезда.

Пира покачала головой.

— Но как это возможно, леди? Фальконеры такие, какие они есть. Они не изменяют своих обычаев. Их страх слишком силен, а со временем к этому добавились и иные соображения.

— Но мне кажется, они постепенно меняются с тех пор, как потеряли свою крепость. Теперь им приходится надолго поступать на службу, больше времени находиться среди других людей. Они не глупы, и все, что они видят, производит на них определенное впечатление. Те, кто служит у меня, никогда не сталкивались с неуважением, а в Морской Крепости почти все работы выполняются женщинами, потому что война и эпидемия погубили большинство наших мужчин. Мы старались уважать обычаи фальконеров, но взаимодействие все равно неизбежно.

— Ты веришь, что они готовы осесть, как все остальные? — презрительно спросила Пира.

— Нет, конечно, нет. Это в больших масштабах невозможно еще в течение нескольких поколений, если вообще когда-нибудь станет возможно. — Глаза Уны сузились. — И я не уверена, что это было бы наилучшим

выходом для мужчин и женщин. Женщины в этих деревнях тоже долгие века живут своей особой жизнью. Они тоже могут не увидеть преимуществ обычной жизни для своих дочерей и внучек. Той жизни, которую женщины ведут во всех частях мира.

С другой стороны, новое Гнездо может послужить наилучшим, если не единственным способом продолжить тот процесс, который уже начался.

Целительница нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Подумай! Деревни постепенно гибнут, по мере того как все больше и больше женщин уходит из них, чтобы жить нормальной жизнью. Многие удовлетворятся тем, что будут растить сильных сыновей и прекрасных дочерей, но что станет с теми, кто принесет с собой свое мастерство? Целительница всегда встретит приветливый прием, ткачиха и белошвейка тоже. Но как будут приняты женщины кузнец или плотник? Как их примут жители Эсткарпа? А также женщин, которые выращивают и тренируют лошадей? А разводят коров, а не просто доят их?

— Я знаю, о чем говорю, Пира. Обстоятельства заставили меня выйти далеко за рамки той роли, которую обычно играет леди долины.

— Так поступали многие.

— Да, в те времена, когда Псы терзали Высокий Холлак, но когда они потерпели поражение и мужчины вернулись домой, большинство женщин снова заняли свое привычное место. Мой отец вернулся безногим и не мог пользоваться правой рукой. Он вынужден был положиться на мою маму и на меня, а позже только на меня, чтобы справляться с управлением Морской Крепостью. Потом болезнь унесла и его, и моего мужа, и я

стала правительницей долины. Соседние лорды научились уважать мои способности, но большинство по-прежнему считают меня кобылой, ушедшей со своего пастбища.

— Возможно, в твоих словах есть правда, — продолжила после недолгого молчания Пира, — но подумай и о других ситуациях. Большинство наших деревень не страдает от посещения мужчин. Правда, эти посещения не приносят радости ни мужчинам, ни женщинам, но воинам нужны сыновья, а их временным подругам — дочери, и то, что происходит, совершается без насилия. Большинство деревень держит у себя мальчиков до пяти-шести лет, и они редко подвергаются насилию. Только когда рождаются уроды.

Но бывают исключения. Мужчины иногда буквально насилуют женщин. Мальчиков они забирают в годовалом возрасте, а женщин и их потомство убивают по своей прихоти. С такими никто не хочет связываться.

— Капитан рассказывал мне об этом, — мрачно сказала Уна. — Он объяснил, что каждая деревня относится к определенной колонне, и обычно фальконеры не бывают грубы. Даже перед падением Гнезда, когда необходимость увеличения численности своего народа заставляла их выходить за пределы привычных районов, за ними внимательно наблюдали, чтобы предотвратить насилие, о котором ты говорила. Он сам видел, как фальконер напал на девушку только потому, что ему не понравился цвет ее волос. Командующий фальконеров лично обезоружил его и приказал увести, а девушку велел отправить домой и не трогать ее, потому что она была очень молода и потрясена случившимся.

— Ты хочешь, чтобы и остальные подвергались такой же опасности?

— Такая власть над жизнью других людей должна кончиться. Она уже почти кончилась — из-за сокращения и даже исчезновения самих деревень. К тому же я сомневаюсь, чтобы такие люди согласились жить в новом Гнезде. Судя по словам капитана, большинство из них слишком привыкли к прежним обычаям.

— Вплоть до того, что готовы скорее погибнуть, чем изменить их?

— Да. — Глаза Уны потемнели. — Я только надеюсь, что они не сумеют переманить на свою сторону большую часть людей. Если им это удастся, капитан за свой план будет отвергнут, лишен командования и дружбы своих товарищей.

Пира смотрела на нее.

— Он ведь не останется без места, так? Большинство решит, что обладание двумя долинами гораздо предпочтительней судьбы наемника.

Владелица долины вздрогнула.

— Большинство — это не фальконеры! — отрезала она. — У фальконеров в жизни нет ничего важнее дружбы с теми, кто их обучал и с кем рядом они сражались. И еще дружбы с их крылатыми товарищами. Не знаю, сможет ли чужая земля и отношения с людьми других народов восполнить потерю этой дружбы, если фальконер будет опозорен и изгнан.

Она сжала край стола, так что побелели пальцы.

— Это хороший и гордый человек. Я не хочу видеть, как он потерпит поражение, как станет жалок в глазах тех, кто понимает его замысел. — Уна пристально посмотрела на Пира, глаза ее словно превратились в копыя. — А что касается твоего намека, то мы обе женщины, а не девушки с мечтательными глазами... Об этом не стоит говорить, даже думать, возможно ли это

в реальности. Он не мальчик, который отвечает только за себя, за свою лошадь и своего сокола. Если хоть одно слово дойдет до его командира и других товарищей до нашего приезда, все надежды рухнут навсегда, а он в их глазах превратится в бешеного пса. Что бы я ни чувствовала по отношению к нему, я не могу рисковать и так поступить с ним.

— Конечно, нет, — согласилась Пира. — Прошу прощения, леди. Я говорила, не подумав как следует. Очевидно, что вы привязаны друг к другу, очевидно и твое беспокойство и предельная осторожность. Прежде всего у меня не было права поднимать этот вопрос — в разговоре с тобой или с кем-то еще.

— Мы часто говорим то, что не следует, когда защищаем близких, — спокойно продолжила Уна. — Ты ведь сама из народа фальконеров, Пира?

Лицо целительницы застыло и превратилось в маску.

— Ты шутишь, но невесело, — предупредила она.

— Каждый народ имеет свои приметы, и фальконеры больше других, потому что долгое время производили потомство только в ограниченном кругу. Несмотря на эти высокие шлемы, я хорошо их изучила. У тебя те же черты лица, хотя, конечно, ты женщина.

— А что бы ты сказала, если я действительно из фальконеров?

— Ты могла бы помочь нам, если захочешь, поговорить со своими. Ты обладаешь авторитетом, он окутывает тебя, словно плащом. Я думаю, твои сестры прислушаются к тебе, как не стали бы слушать чужака, мужчину или женщину.

Снова женщина из народа фальконеров замолчала. Молчала долго, а когда заговорила, было видно, что она тщательно подбирает слова.

— Ты мне нравишься, Уна из Морской Крепости, я уважаю тебя, мне нравится твой капитан, хотя сначала я его опасалась. Как ты сказала, он хороший человек, и это невозможно не заметить, хотя манеры его холодны по обычаю всех фальконеров. Это я вижу, но разве я могу слепо звать других в какое-то иное место, снова быть прикованными к горной крепости, когда я не знаю почти ничего, не знаю даже условий там и многое другое?

Женщина из долины наклонилась вперед.

— Тогда узнай. Возвращаясь с нами, и сама увидишь Морскую Крепость и Рейвенфилд. Мы и так потеряли много времени из-за несчастного случая со мной, но можем подождать следующего года, если ты пообещаешь нам помочь. Я могу гарантировать, что никто и ни к чему тебя принуждать не будет, — добавила она, видя, как целительница задумалась в напряжении.

— В это я верю. — Пира свела брови. — Я должна подумать, прежде чем дать ответ, — закончила она немного погодя. — Я серьезно обдумую твоё предложение. Кроме этого, ничего обещать не могу.

Она встала и быстро ушла от своей прежней пациентки.

Остаток этого дня и начало следующего прошли без происшествий, но незадолго до полудня Бросающий Вызов Буре начал беспокоиться, а к вечеру его тревога стала еще очевидней.

Постепенно она передалась Брейвери и наконец самой Уне, которая тоже начала думать, что с Тарлахом что-то случилось. Несколько раз она расспрашивала боевую птицу, но та не могла общаться со своим другом на расстоянии в несколько миль, и сокол смог только

подтвердить, что с капитаном фальконеров что-то неладно.

Женщина пыталась подавить свою тревогу. Тарлах прирожденный горец, мало кто сравнится с ним в опыте и мастерстве, с его мужеством в битве, но Уна хорошо понимала, что даже самого доблестного воина может постигнуть несчастный случай. Однако если она отправится за ним без всякой необходимости, он будет недоволен...

До середины следующего дня можно еще подождать, решила наконец она, но если Тарлах к тому времени не появится, а сокол или все трое не успокоятся, она отправится на поиски, что бы ни говорила ее и его гордость.

Владелица долины радовалась наступлению времени ужина: она надеялась, что общество и разговор с руководителями Лормта отвлекут ее от беспокойства, грызущего ее голову и сердце.

Она была благодарна Квену, который пригласил ее поужинать не в большом зале, а в сравнительно небольшой комнате. Так поступали, когда за едой необходимо было обсудить что-то серьезное. Многолюдье и шум всей общины сейчас помешали бы ей.

Уна пришла к столу последней. Здесь был старый ученый, а вместе с ним Аден, Дуратан и два относительно молодых человека, которые проявляли серьезный интерес к поискам. Присутствовали также Пира и Джерро, который не выезжал сегодня из Лормта для охоты на свору убийц. Уна уже знала, что он так часто посещает Лормт, что более или менее считается членом общины.

Хотя ни она, ни сокол, которого она прихватила с собой, не очень интересовались едой или разговором, Уна постаралась поддерживать беседу, которая касалась

не только планов ее друга, но и ее самой, а также истории Морской Крепости. Собравшиеся очень внимательно выслушали рассказ о ее приключениях и о том, что делали нанятые ею солдаты без девиза.

Тем временем солнце зашло. Неожиданно Уну охватил такой ужас, что она вскочила. Сердце ее бешено заколотилось. Чисто инстинктивно она стиснула зубы, чтобы не закричать. Одновременно боевой клич сокола подсказал ей, каков источник страха.

— Мне нужно ехать! Капитан в опасности!

Но возбуждение, охватившее ее и боевую птицу, поразительно быстро схлынуло. Квен стальной хваткой сжал ее руку.

— Подумая, дитя! — успокаивал он. — Куда ты поедешь? Что случилось с твоим другом? Он ранен? Жив ли вообще? Ты получила предупреждение и каким-то образом можешь с ним общаться. Что ты узнала?

Уна заставила себя успокоиться.

— Он жив, иначе сокол тоже был бы поражен. Самец сокола ненадолго переживает смерть фальконера.

— А птица знает, где капитан? — быстро спросил Квен.

— Нет, но может отыскать его. Я должна идти! Я уже говорила, как обязана этому человеку, помимо тех услуг, которые он оказал мне. Я не могу позволить ему умереть или страдать в одиночку. Нужно помочь ему!

— Я поеду с тобой, — отозвалась Пира. — Может опять понадобится мой лук, если не искусство целительницы.

— Я тоже, — подхватил Джерро тоном, который свидетельствовал, что он не примет отказа.

Его сестра хотела также предложить свою помощь, но сдержалась.

— С вами уже есть два целителя. Я подниму людей в

Лормте и по соседству, и утром мы начнем более широкий поиск. Все вместе мы сумеем найти твоего друга, если позволит Янтарная Леди.

Уна из Морской Крепости держала в руках повод своего Орла. Они медленно продвигались вперед. После первого приступа страха, после того, как Бросающий Вызов Буре установил связь с Тарлахом и с нею, эта связь исчезла или настолько ослабла, что была почти неощутима. Приходилось ощупью пробираться по крутому склону, надеясь, что этот хрупкий контакт не прервется совсем.

Постепенно птица утрачивала эту таинственную связь, и только совместные усилия сокола, Уны и кошки позволяли снова ее уловить, но продвижение все больше замедлялась.

Небольшой отряд ехал в ночи осторожно и напряженно, все молчали, опасаясь, что шум отвлечет внимание тех, кто отыскивает след пропавшего воина.

Через час после полуночи Уна неожиданно выпрямилась в седле, ее товарищи животные тоже насторожились. Страх! Снова ее охватил ужас, еще более сильный.

Но он прошел, как и первое послание фальконера, и Уна заставила себя подавить собственный страх. Тарлах все еще жив, он вполне отдает отчет в происходящем и своем окружении, но он в трудном положении.

Она рассказала о своем втором контакте, снова скрыв его природу, и сосредоточилась на предстоящей задаче. Лицо ее побледнело и осунулось. Она ужасно боялась, ее охватила уверенность, что ее лорду грозит страшная опасность, но она поклялась про себя, что найдет командира наемников, и найдет вовремя, как бы далеко он ни ушел.

Глава девятая

Тарлах не уснул снова. Он спокойно ждал в кажущейся вечной черноте, пока не осветился восточный край горизонта.

Прошло некоторое время, прежде чем начало светать, и наконец сероватый луч прорезал темноту.

Как только он пробился в темницу воина, Тарлах вскочил. Перед ним вполне реальная задача, реальная, как голод и ограниченный запас воды.

Самая большая опасность — недостаток воды. Когда она кончится, Тарлах долго не протянет. Его способность работать продержится еще несколько часов после этого, и тогда ему останется выбирать между милосердной смертью от кинжала и долгой агонией. Сама смерть в таком случае кажется несомненной.

Однако Тарлах выпил почти весь свой запас воды и немного поел. Предстоящая работа требует большой сосредоточенности и осторожности, точности движений. Обезвоживание способно коварно сказаться и на том и на другом.

Оставалось подняться примерно на четверть груды. Фальконер начал работу немедленно, зная, что она будет тяжелой и займет немало времени. А потом только нужно будет осторожно раскапывать корку потолка.

С обломками справляться было не труднее, чем накануне. Груда немного осела, часть пропитывавшей ее влаги испарилась, Тарлаху приходилось все больше опираться на предательскую поверхность.

Тем не менее он продвигался довольно быстро. Ужасный цепенящий страх исчез, и Тарлах лучше владел собой — и физически, и умственно.

К тому же и работал он с большей сноровкой. Вче-

рашний день его многому научил, и он не повторял сделанных ошибок.

Этим утром ему везло. Неизбежных ошибок и случайностей было немного, и ни одна не вызвала серьезной задержки. Работа была тяжелой и неприятной, но он продолжал трудиться и примерно к полудню добрался до крыши.

Здесь фальконер передохнул, сделал первый большой перерыв после начала работы.

Он прислонился к стене и закрыл горящие глаза. Ему хотелось расслабиться, полностью забыть об усталости. Он не поверил бы, что возможна такая боль в теле.

Все больше хотелось пить. Он вздохнул и потянулся к своему ничтожно малому запасу воды. Сколько ни думай над трудностями, меньше их не станет.

Он потряс фляжку и с сознательной безрассудностью выпил половину оставшейся воды. Если удастся выбраться, на поверхности много питьевой воды. Если не удастся... В любом случае дальнейшее сбережение крошечного запаса питья бессмысленно.

Тарлах несколько минут смотрел на пробку из земли, которую называл крышей, смотрел неподвижно.

Он боялся ее, боялся, что малейшая ошибка, малейшее недоброжелательство судьбы принесут с собой не задержку, а неминуемую смерть.

Но оставаться здесь — это тоже смерть, и потому Тарлах заставил себя подняться на грудь. Наконец он оказался в месте, где можно было начинать следующую работу.

Но прежде чем взяться за свои орудия труда, он внимательно осмотрел крышу, стараясь спланировать свои действия. Только чудо спасет его, если он начнет копать бездумно и беспорядочно.

Под ним груда камней и гравия. Над ним кора, такая же, как та, что подалась под его тяжестью вчера. Сзади камень самой пещеры.

Он должен добраться до этого каменного края отверстия, но прямо с этого места сделать это невозможно. Импровизированная лестница на груде обломков нигде не приближалась к стене.

Совершенно непрактично копать кору и потом пытаться выползти. Гравий снова не выдержит его веса, и Тарлах опять упадет, как накануне.

Он покачал головой. Чтобы спастись, он должен найти относительно устойчивое и надежное место и оттуда прыгнуть к камню.

Прыжок должен быть огромным и решающим, потому что от него зависит жизнь, но выполнить его вполне возможно. Тарлах знал, что в прошлом не раз совершал такие прыжки, даже не задумываясь.

Работа продвигалась очень медленно. Вероятно, можно было бы действовать и побыстрее: груда слежалась и держалась достаточно прочно, но Тарлах зашел уже так далеко и ценой таких усилий, что не хотел рисковать всем ради нескольких минут.

Осторожно, бесконечно осторожно скреб он почву, пока наконец последний слой не раскрошился под его легкими ударами и над головой показалось голубое небо.

В тот же момент Тарлах вскрикнул и закрыл глаза руками от яркого света. Согнулся, пряча лицо, пока не прекратились слезы. Потихоньку он подпускал свет все ближе к глазам, давая им возможность постепенно привыкнуть к ослепительному сиянию.

Он попытался представить, что произошло бы с ним, если бы все эти часы он находился в полной темноте, и

только покачал головой. Вероятно, ослеп бы, пусть даже временно.

Когда Тарлах смог наконец нормально выдерживать дневной свет, он ползком выбрался из ямы и лег на плотную массу обломков, затыкавшую ее.

Полежал так недолго, наслаждаясь ощущением утреннего воздуха на коже. Вслух рассмеялся, когда сквозь одежду начал пробиваться холод. Тяжелая работа помогла ему до сих пор сохранять тепло.

Но вскоре фальконер отрезвел. Почувствовал близость приступа истерии и заставил себя успокоиться. Он еще не совсем освободился.

Тарлах осмотрелся и сразу стал серьезным. Граница между непрочной коркой и крепким камнем, хорошо видная снизу, здесь незаметна. Все кажется одинаковым, и даже его падение не обозначило ясно, где кончается опасное место и начинается прочная почва. Он должен надеяться на свою память и чувство направления, так как граница между камнем и корой неровная. Рука его протянулась к фляжке — движение более нервное, чем подсказанное жаждой. Однако ощутив первое прикосновение жидкости к губам, Тарлах тут же закрыл фляжку и заткнул ее себе за пояс. Если снова упадет и останется жив, ему придется ликвидировать повреждения, причиненные его самодельной лестницей, и совершить вторую попытку вырваться на свободу. Вид ясного неба делал мысль о самоубийстве гораздо менее привлекательной, чем в темных проходах внизу.

Тарлах посмотрел в ту сторону, куда должен прыгнуть, пытаясь по каким-нибудь признакам определить расстояние.

И не разглядел ничего, никаких примет камня.

Тарлах неожиданно улыбнулся и отступил на несколько шагов. «Лучше прыгнуть подальше, чем пожалеть

силы и снова упасть в яму», — подумал он, разбегаясь на хрупкой почве. И с силой прыгнул с относительно безопасной груды.

Уже в воздухе ему показалось, что он никогда не достигнет цели, что такой слабый прыжок доставит его только к середине корки.

Он упал, прежде чем успел ощутить панику и отчаянно вцепился в благословенно прочную почву.

Частично прочную. Земля под его правой ногой подалась, прихватив с собой окружающий кусок. Тарлах почувствовал, что начинает сползать, но пальцы его вцепились в прочный край, он подтянулся и пополз, пока не оказался в месте, откуда ему не грозила опасность упасть.

Здесь воин лежал, пока его сердце не начало биться спокойно. Он был полон радости жизни и свободы и согласен был лежать неподвижно очень долго, поражаясь случившемуся чуду.

Но вот эмоции схлынули, вернулась способность мыслить рационально, и мозг подсказал, что само это облегчение может навлечь новую беду.

Тарлах почувствовал, что достаточно отдохнул и успокоился. Он встал и начал осторожно спускаться с этого высокого и опасного места.

Радостный крик Бросающего Вызов Буре прогнал усталость Уны. Она крепко держала сокола, чтобы тот не повредил еще не зажившее крыло, и сжала коленями бока Орла. Сокол снова уловил след, Уна тоже.

Потом ей уже не нужен был проводник. Им навстречу ехал Тарлах. Он был невероятно грязен, одно крыло его шлема согнулось вдвое, но сидел он в седле Леди Гей прямо и, казалось, без труда.

Уне не нужны были призывы птицы, чтобы бро-

ситься вперед, все остальные тоже поскакали и почти одновременно достигли фальконера.

Он изумился, увидев их, но владелица долины в ответ на его вопрос только пожала плечами.

— Твой крылатый брат встревожился, и мы серьезно отнеслись к его беспокойству, очевидно, не без оснований. Что случилось?

— Я встретился с ребенком-призраком...

Пира негромко застонала, поднесла руку ко рту, а Джерро отвернулся.

Уна из Морской Крепости не издала ни звука, но лицо ее смертельно побледнело, даже посерело, и ее лорд сразу понял, какую боль причинил ей.

Фальконер быстро протянул к ней руки. Сжал ее ладони, которые конвульсивно сжимали поводья.

— Какой же я дурак! Я невредим, думаю, что и дальше ничего со мной не случится.

Он посмотрел на целителей.

— Аден сказала нам, что разложение начинается быстро, через час, а я встретил призрак прошлой ночью или под утро. К тому же я не слышал плача, который всегда, как говорят, сопровождает нападение призрака.

— Ты прав, птичий воин, — ответил Джерро, — но как ты смог спастись, если встретился с ней?

Фальконер наклонил побитый шлем.

— Прошу прощения, — извинился он, — и за то, что не подумал прежде чем напугал вас, и за то, что прошу вас потерпеть еще немного, пока к нам не присоединится Квен. Остальные тоже должны это выслушать, а я очень устал и не смогу рассказывать несколько раз.

Никто не возражал. Все тоже устали и погрузились в свои мысли.

Тарлах продолжал гладить сокола, успокаивая его, но голова его была опущена, и мысли, очевидно, были далеко.

Уна ехала рядом с ним. Вина и горе от возможности беды с ним заполняли ее сердце, она не могла не смотреть на него, пытаясь разглядеть признаки разложения, которое всегда наступает после встречи с этим смертоносным призраком.

Наконец он почувствовал на себе ее взгляд, повернулся к ней и слегка улыбнулся. Нетрудно было догадаться о причине ее страха.

— Я думаю, что я вполне здоров, леди, только все тело болит. — Глаза его затуманились, голос упал. — Если... если окажется, что я не прав...

— Тебе будет позволено уйти, — прошептала она. — Как мужчине. Клянусь в этом. — Она подняла голову и заставила себя улыбнуться. — Однако я верю, что ты здоров, что спасся от проклятия призрака.

Подгоняя лошадей, все вернулись в Лормт еще до захода солнца. Все устали невероятно, но сразу пошли в комнату Квена, где вместе с престарелым ученым ждали их возвращения Дуратан и Аден. Тут капитан фальконеров наконец рассказал о том, что с ним произошло.

Он не стал говорить о своем страхе и отчаянии, но не упустил ни одной подробности из встречи с девочкой-призраком, хотя говорил негромко и краснел при этом. Его поведение не соответствовало тому, что ожидают от мужчины его народа.

Закончил он своей теорией о состоянии Адилы и о том, что вызвало ее освобождение. Ответив еще на несколько вопросов, он попросил разрешения уйти.

Ему хотелось побыстрее смыть с себя грязь и лечь в постель.

После его ухода в маленькой комнате на несколько минут воцарилось мертвое молчание. Потом все разошлись, позволив Квену тоже лечь.

Уна медленно шла в свою комнату. На сердце ее было тяжело от мысли об опасности, которой избежал ее лорд. Она погрузилась в мрачные размышления и потому вздрогнула, как юная девушка, когда перед ней появилась Пира.

Женщина из народа фальконеров извинилась и молча пошла рядом, пока они не добрались до дверей комнаты Уны. Здесь Пира распрямилась, сбросив с плеч груз усталости.

— Я приняла решение, Уна из Морской Крепости. Я поеду в Высокий Холлак с тобой и Горным Соколом.

Глава десятая

— Вставай, капитан, или ты намерен проспать всю жизнь?

Тарлах повернулся на спину в ответ на знакомый голос и застонал от боли в мышцах.

— Бреннан! Когда ты приехал?

— Только что. — Лейтенант сел на край постели. — Судя по рассказам, ты был занят. Сражался с рожденными Тьмой псами-убийцами, знакомился с призраком. У тебя появилась привычка становиться местным героем.

— Где ты обо всем этом слышал?

— Все здесь возбуждены твоими приключениями настолько, что даже не испугались нашего появления. К нам обратился старик по имени Морфью, как только

мы спешили, и довольно бессвязно рассказал о твоих подвигах. Потом к нам подошел еще один местный, больше похожий на торговца, чем на ученого, но он не менее красноречивый, чем остальные. Он дал нам более полный и связный отчет.

— Это, должно быть, Джерро. — Капитан на мгновение встревожился, но обычно он хорошо оценивает людей и не думает, что Джерро стал бы сообщать подробности, которые встревожили бы подчиненных Тарлаха.

Откинув одеяло, он сел, храбро встречая холодный воздух комнаты.

Глаза Бреннана устремились на синяки и ссадины, покрывающие грудь и руки командира.

— Что, во имя Рогатого Лорда, с тобой произошло?

— Я упал в яму, если помнишь. Тут не над чем смеяться, лейтенант.

— Конечно, нет, — согласился его товарищ с широкой улыбкой, — но не могу не улыбнуться, вспомнив твою славу лучшего скалолаза.

— Может быть, именно поэтому я еще здесь и могу выслушивать твои насмешки, — спокойно ответил Тарлах.

Неожиданно капитан услышал негромкий крик Бросающего Вызов Буре и посмотрел на сокола. Он ожидал увидеть, что сокол встречается со своей самкой, но вместо этого увидел красивого молодого сокола самца, который, заметив взгляд капитана, тут же приветствовал его по-своему.

Тарлах удивленно посмотрел на Бреннана.

— А где Солнечный Луч?

Бреннан опустил глаза, чтобы скрыть боль в них.

— Крылатый Воин подлетел ко мне, как только я въехал в наш лагерь, а она меня покинула, будто я для

нее ничего не значу. Нет, конечно, это неправда, она по своей воле передала меня ему.

— Прости, друг мой, — негромко сказал капитан. — Самки всегда ведут себя не так, как самцы.

Это действительно так. До падения Гнезда самки вообще не присоединялись к людям, они сопровождали колонны, только чтобы не расставаться со своими самцами и каждый год обзаводиться потомством. Они приспособились к меняющимся условиям быстрее, чем их более медлительные друзья люди. Тем не менее их связь с избранным воином была не такой тесной и прочной, как у самцов. Потеря глубоко печалила и самку, и человека, но они не умирали вслед за потерей партнера, и в каждом отряде всегда бывало несколько самок, потерявших воинов. Со временем они выбирали себе нового фальконера, хотя никто не заставлял их этого делать, в результате часто спасали жизнь человеку, спасали ему рассудок и помогали молодым воинам скорее влиться в ряды ветеранов.

Нетрудно было понять их относительную отчужденность. Некогда самки соколов становились партнерами женщин народа фальконеров, но после прихода Джонкары разорвали эту связь, чтобы спастись от порабощения. Предполагалось, что разрыв этот временный, и самки соколов сражались вместе с мужчинами и не поддавшимися женщинами, чтобы покончить с рабством, но слишком далеко они отошли от своих прежних друзей, временно служивших силам Тьмы. Поведение самок послужило примером для освободившихся мужчин и привело к решению, как защитить себя в будущем от повторных попыток утвердить над ними господство.

— Она осталась в лагере? — спросил немного погодя Тарлах.

— Нет. Солнечный Луч сопровождала нас в Лормт, где быстро связалась с нашей нанимательницей.

— Что?

— Леди не в чем винить. Хотя мы поражены, в этом все готовы поклясться. Мы сами были свидетелями. Все произошло до того, как Уна осознала случившееся.

— Не нужно клясться, — спокойно ответил Тарлах. Он знал, что Уна может общаться с боевыми птицами, но даже не думал о том, что одна из птиц предпочтет сражаться рядом с женщиной, тем более что у той уже есть Брейвери.

Тарлах потянулся к одежде, которая была аккуратно сложена на стуле. «Все вычистили и починили, — заметил он, — выправили даже шлем и привели в порядок остальное боевое снаряжение». Должно быть, он крепко спал, если не слышал, как все это вынесли и принесли обратно. Бросающий Вызов Буре, конечно, это заметил, но тревоги не поднял.

— Я должен увидаться с хозяйкой долины, и немедленно.

Бреннан с интересом посмотрел на него.

— Можешь называть ее по имени, — заметил он. — Мы все так ее называем между собой. Слишком долго произносить титулы. — Тут веселость его покинула, голос стал серьезным. — Ты должен знать вот что, Тарлах. До нашего отъезда из Морской Крепости мы собрали весь отряд и провели голосование. Результат единодушный. Мы хотим строить Гнездо и именно в том месте, которое ты выбрал. Что бы ни решил главнокомандующий и другие командующие, мы с тобой.

Тарлах покачал головой, но Бреннан быстро продолжал:

— Пятьсот воинов. Это не то, что тебе нужно, но это и не те разбежавшиеся отряды, которые надеются найти

для себя временное убежище. Нас не могут заставить вернуться, а если повезет, мы сможем добиться своего и сохранить остатки нашего народа.

— Но не без женщин, — напомнил Тарлах.

— Мы обсуждали и это. Морской Крепости не хватает мужчин, и ее население тоже, как и мы, не хочет исчезнуть. Возможно, мы смогли бы договориться с ними, хотя они и жители долины. Мы не настолько чуждые партнеры, как Всадники-Оборотни.

Потомки будут отличаться и от нас, и от них, но они будут сильными людьми, и мы сможем передать им то, что для нас главное. К тому же смешение крови может вывести нас из-под власти Джонкары, и мы больше не будем опасаться снова пробудить ее.

— Это правда, — со вздохом согласился командир, — но если мы будем вынуждены пойти по этой дороге, боюсь, нас ждут более серьезные компромиссы. — Тарлах пожал плечами. Все это, возможно, преждевременные суждения. — Я могу не дожить до переговоров, если меня осудят.

— Тогда я приму на себя командование и продолжу твое дело, а Рорик готов занять мое место, если паду и я. Не удивляйся так, друг мой. Не один ты озабочен судьбой народа фальконеров и не один ты готов riskнуть собой ради этого дела.

Капитан опустил голову.

— Принимаю поправку. Я недооценил тебя, вас всех. Прошу прощения за это.

— Да, ты стал жертвой своей привычки принимать на себя все трудности. Я заговорил об этом только для того, чтобы ты знал, что ты не один.

Тарлах был глубоко тронут, но не хотел, чтобы товарищ заметил это. К тому же он замерз.

— Ты считаешь, что мне нужно это знать? — негромко спросил он. — Варнел принял тебя плохо?

Невозможно представить себе, чтобы главнокомандующий фальконеров не знал уже о судьбе Рейвенфилда и обстоятельствах, сопровождавших его завоевание. Эльфторн и другие спасенные салкары принесли эту новость в Эсткарп раньше его доклада. А несколько его воинов во главе с Бреннаном после этих событий тоже отправились в главный лагерь. В течение нескольких месяцев о событиях узнает каждый фальконер в Высоком Холлаке. И по размерам отряда легко догадаются, кто его возглавлял.

— Нет, не плохо, но он был не очень разговорчив, по крайней мере, с незначительным лейтенантом.

— Что он сказал о договоре с Морской Крепостью? — встревожился Тарлах. Он хотел сам доложить об этом, прежде чем дойдет слухи.

Бреннан покачал головой.

— Ничего, и сомневаюсь, чтобы он об этом знал. Мы молчали, и можешь мне поверить, что я ни о чем не рассказывал. И был счастлив поскорее убраться от него.

Командир улыбнулся, несмотря на свою озабоченность.

— Варнел не так уж плох. Просто его рывканье производит сильное впечатление.

— Возможно, но ты был единственным молодым воином, которого он захотел называть своим сыном. Мы все предпочитаем держаться на расстоянии от главнокомандующего. — Голубые глаза воина снова стали серьезными. — Он спросил, намерен ли ты остаться фальконером или хочешь осесть в долине как ее лорд. Его как будто обрадовало мое удивление. Я заверил его, что ты и не думаешь расставаться со своим отрядом и нашим народом.

— Главнокомандующий обладает очень богатым воображением, — мрачно заметил Тарлах. — Если ему в голову пришла такая мысль, мне следует отправиться к нему...

— Его там больше нет, Тарлах. Поэтому мы сюда и вернулись. Варнел созвал Совет. Должны присутствовать все наши силы. Такой Совет созывается впервые с тех пор, как погибло Гнездо. Всякий фальконер, способный ответить на призыв, получил приказ отплыть вслед за главнокомандующим.

— Отплыть?

— Варнел направляется в Линну. Призыв отправили в долины Высокого Холлака еще до того, как он отплыл. Это было недель шесть назад. Мы должны будем присоединиться к нему, как только леди сможет вернуться, а мы сумеем найти корабль.

Даже с деревень частично снята охрана, чтобы сопровождать Варнела. Хотя он понимает, что если оставить их совсем без охраны, многие деревни к нашему возвращению опустеют.

— Варнел ничего не упускает, — подтвердил Тарлах. — Почему ты, во имя Гнезда, не сообщил мне об этом раньше?

— Потому что Варнел очень подчеркнуто запретил это. Он приказал нам оставаться в опустевшем лагере, чтобы мы не забыли его запрет. Он сказал, что мы все равно сразу не сможем двинуться, а он не хочет, чтобы ты беспокоился раньше времени.

Выражение лица капитана стало еще более мрачным. О чем еще знает или догадывается главнокомандующий фальконеров?

— Леди Уна готова отправиться в путь, — заверил он. — Мы можем выехать почти немедленно. — Губы его сжались. — То, что нужно вынести, мы вынесем, но

надеюсь, клянусь Рогатым Лордом, что не мы послужили поводом для созыва этого Совета. Если это так, у меня не остается надежды на исполнение нашего плана. Или на свою собственную судьбу.

Тарлах целеустремленно прошел по знакомому теперь коридору и резко постучал в дверь Уны. Она отозвалась почти немедленно, подтвердив, что ждала его.

Он вошел и увидел Солнечный Луч, которая терпеливо сидела на столе, а Брейвери тщательно вылизывала самку сокола.

— Я уже думал, как эти двое сойдутся, — сказал Тарлах владелице долины, которая с явным отчаянием смотрела на пару животных. — Кажется, беспокоиться не стоило.

— Конечно. Они всегда нравились друг другу. Прости, Тарлах. Я даже не знала, что подобное возможно. Он улыбнулся.

— Знаю, миледи. Бреннан в этом совершенно уверен.

— Это... принесет неприятности?

— Не знаю, — откровенно ответил наемник. — Посмотрим, как будут развиваться события.

— Значит, мне позволено быть связанной одновременно с Брейвери и Солнечным Лучом?

— Насколько мне известно, такого никогда раньше не случалось. Как и во многих других отношениях, моя леди Морской Крепости, мы, кажется, и здесь идем по совершенно девственной тропе.

Глаза воина на мгновение потемнели.

— Опасность для вас троих велика. Потеря одного отразится на двух остальных, хотя выжившие смогут и поддержать друг друга так, как это невозможно для нас.

— Он вздохнул. — Надеюсь, что на этот вопрос никогда не понадобится ответ.

— Я тоже надеюсь на это, товарищ.

Тарлах приветствовал боевую птицу своего лейтенанта и почесал Брейвери за ухом. После этого, глядя в глаза леди из Морской Крепости, передал ей сообщение Бреннана.

— Я могу выехать через час, через полчаса, если понадобится, — успокоила его Уна, — хотя предпочла бы как следует попрощаться с нашими хозяевами.

Она поколебалась, но решила говорить откровенно, поскольку получила на это разрешение.

— С нами поедет Пира. Она обещала связаться со своими сестрами в ваших деревнях и рассказать о своем впечатлении от Морской Крепости и Рейвенфилда.

Фальконер остолбенел.

— Женщина фальконер?

— Да. Естественно, ей не хотелось раскрывать свое происхождение.

Тарлах кивнул, но лицо его было мрачно. Он сердился на себя за свою слепоту и еще сильнее ощутил тяжесть возложенной на него задачи. Он хорошо понимал, насколько важно его дело для судьбы всего народа фальконеров. Он готов защищать право женщин на выбор, готов смягчить сложившиеся столетиями обычаи, и в то же время он почти не обратил внимания на эту женщину, помогавшую Уне. А ведь ее внешность должна была многое сказать ему при первой же встрече. Придется, как видно, еще многому научиться и обращаться с собой так же строго, как обращаются с упрямыми воинами в известной своей строгостью колонне командующего Ксорока.

— Расскажи ей об этих новостях, — попросил Тарлах.

— Возможно, она не захочет рисковать, встречаясь с

таким количеством наших воинов и в такой близости. Если бы у меня был выбор, я бы не разрешил ей ехать. Что могут сделать пятьсот человек против целой армии?

Уна нахмурилась.

— До этого не дойдет.

Наемник опустил голову.

— Не должно, но... Я понимаю, что выгляжу трусом, но когда между нами и большей частью фальконеров океан, наши планы кажутся мне более осуществимыми. Расстояние в три недели марша — совсем не защита.

Он расправил плечи.

— Что бы ни случилось, мы не должны допустить, чтобы Морскую Крепость и Рейвенфилд втянули в войну и опустошили.

— Никакой войны не будет! — прервала его Уна. — Слушай меня, Тарлах, и больше доверяй своему народу и вашим командующим. Ты увидел опасность гибели своего народа и все, что ты делал — верно или ошибочно, — было направлено на устранение этой опасности. Может быть, твой союз со мной и приведет к твоему осуждению, но неужели этот Варнел будет мстить двум невинным долинам? Неужели он так глуп, чтобы это сделать? Ведь фальконеры, чтобы их нанимали на службу, должны пользоваться доверием. Владелец крепости будет в отчаянном положении, если решится пригласить в свои владения горящую бочку с порохом.

— Конечно, нет. Это ответ на оба твоих вопроса. Варнел справедлив и мудр. Иначе он не мог бы занимать пост командующего и пользоваться нашим уважением в течение восьми лет.

Тарлах улыбнулся.

— Ты права, Уна из Морской Крепости, права, как обычно. Я напрасно пытался прибавить себе забот. Теперь оставляю тебя, чтобы ты могла собраться. Нуж-

но уезжать так быстро, как только позволяет вежливость.

Глава одиннадцатая

Не прошло и часа, как все фальконеры вместе с леди Уной и Пирой собрались на продуваемом ветром дворе. Их окружили ученые и работники, вся община вышла пожелать им удачи и доброго пути.

Тарлах попрощался с Квеном и всеми, кто так помогал ему, и положил руку на шею Леди Гей, собираясь сесть верхом.

Но остановился, услышав негромкий возглас. Кто-то с вопросительной интонацией звал его по имени, данным ему Уной.

У ворот стояли двое детей. Он сразу узнал одну из девочек, ту, что ближе к нему.

— Адила!

Услышав его голос, девочка буквально полетела к нему.

Взглянув в отчаянии сначала на Уну, потом на Бреннана, Тарлах опустил на колено и протянул руки.

Адила бросилась к нему в объятия и весело обняла.

— О, Горный Сокол, я так рада тебя видеть! Мы боялись, что не застанем тебя здесь, а нам нужно предупредить тебя о султанитах.

Он через плечо посмотрел на спутницу девочки, другую маленькую девочку, примерно десяти или одиннадцати лет.

Если Адила не понимала, с кем имеет дело, вторая девочка, очевидно, это знала. Она сделала отчаянную попытку перехватить Адилу и теперь смотрела в ужасе.

— Ты Катрин? — догадался Тарлах. Но вряд ли стоит

удивляться такой догадливости, учитывая обстоятельства и поразительное сходство двух девочек. Не такая изящная, как сестра, вторая девочка тоже очень красива. Если бы ей позволили вырасти, она стала бы редкой красавицей.

— Да. Прошу прощения, птичий воин. Моя сестра не знает...

— Никакого оскорбления не было, — быстро ответил Тарлах. — Не пугай ее. Она достаточно настрадалась.

Все смотрели на девочек. Уну явно очаровал прекрасный ребенок на руках Тарлаха. Нетрудно было понять обычную доброту и теплое гостеприимство Квена. И еще любопытство и стремление к знаниям, такое острое, что почти причиняло физическую боль. Надо отдать Квену должное: вопреки желанию расспросить гостей, он сохранял молчание.

Товарищи Тарлаха тоже никак не проявили своих чувств. Просто ли ошеломлены случившимся или скрывают ярость, дожидаясь, пока останутся одни?

Капитан поднял голову. Призраки — совершенно очевидно, что обе девочки призраки, — пришли к нему без его приглашения, он не напрашивался на такую встречу, но проявит вежливость и всю теплоту, на какую способен.

— Это не живые дети, — объяснил он товарищам, потом все внимание обратил на старшую девочку. — Адила сказала о предупреждении, — поторопил он.

Катрин с недетской серьезностью кивнула.

— Мы... вернес, я принесла очень серьезное сообщение, но большинство из тех, кто вас окружает, например, моего дорогого Морфью, оно лишь испугает. Нельзя ли нам поговорить наедине с тобой и руководителями Лормта?

— Конечно, дитя, — сразу откликнулся Квен. — Входи в дом. Там тебе будет удобней рассказывать.

Бреннан пошел рядом с Тарлахом.

— Мне казалось, был только один призрак, да и того ты отправил в долгую дорогу.

— Это верно, товарищ, — подтвердил командир. — Но какова бы ни была причина их возвращения, боюсь, их новость нам не понравится.

Вскоре они все узнали. Квен провел наемников и своих помощников в один из маленьких кабинетов, который предпочитал другим. Младшие коллеги принесли стулья, и Квен пригласил всех садиться.

Адила начала капризничать, когда капитан опустил ее, но Уна подошла к ней с Брейвери в руках.

— Ты поможешь нам, Адила? Мы должны серьезно поговорить с Катрин, а моя Брейвери очень сердится, когда на нее не обращают внимание. Поиграй с ней немного, она будет очень довольна.

Глаза девочки вспыхнули, она погладила кошку.

— О, да, леди! Я не буду ее обижать.

Вскоре она уже сидела в углу с Брейвери и играла тетивой от лука, которую дала ей Пира.

Вернувшись к столу, владелица крепости увидела, что все уже заняли свои места. Подобно остальным, она сосредоточила внимание на старшей девочке, которая сидела, опустив голову, и как будто не знала, с чего начать.

Наконец Тарлах нарушил молчание.

— Адила рассказала, что случилось с вами, но, может, ты расскажешь подробней, если у тебя есть время.

Катрин кивнула.

— Времени у нас достаточно. Что ты хотел узнать?

— Вы жили в Лормте или в одной из окрестных ферм? — спросила Аден.

— Нет. Тогда тоже перевернулись горы, и многие переселялись с одного места на другое. Лормт был только построен, но уже стал сильным городом, в нем было безопасно жить, и путники останавливались там передохнуть и подготовиться к дальнейшему пути.

Отцу со всей семьей тоже пришлось менять место жительства: какие-то темные существа отравили нашу землю в отместку за то, что он не присоединился к ним, и на ней больше ничего не росло. Мы ненадолго остановились в Лормте.

Она вздрогнула.

— С нами был Но-эль. Он сын младшего брата нашего отца и был гораздо старше нас. До моего рождения он был наследником и моего отца.

Слезы заполнили ее глаза.

— Я не знала, как сильно он нас ненавидит. Никто этого не знал. Он играл с нами и забавлял всю дорогу, особенно Адилу...

Когда мы пошли к пещере, я подумала, что это будет новая игра, в которой он спрятал яркие камешки, чтобы Адила их нашла. Он так делал и раньше, к ее радости.

Она подняла голову. Горе ее было таким явным, что Уна чуть не попросила ее замолчать и забыть об этом, пойти по долгой дороге с ясным сознанием и умом и никогда не вспоминать о том, что произошло раньше.

— Ты решила остаться здесь, после того как он убил тебя? — мягко спросила Уна.

Все: и жители Лормта, и фальконеры — напряженно ждали ответа. Такое путешествие рано или поздно предстоит каждому, но до сих пор оно считалось совершенно неведомым. Теперь же перед ними та, что испытала, по

крайней мере, первую ступень этого пути, и они хотели узнать как можно больше.

С усилием девочка-призрак справилась с собой. Ей предстояло выполнять роль взрослой, и она хотела с ней справиться.

— После того как Но-эль... после моей смерти я знала, что должна уйти, но не могла оставить сестру. Она была такая маленькая и так испугалась в темноте.

Катрин опустила глаза на руки, которые лежали на коленях.

— Она не понимала, что случилось, не знала, что делать, все бегала и бегала по пещере, даже не чувствуя, когда ударялась или падала. А когда слишком уставала, ложилась у выхода, плакала и звала меня, родителей, даже Но-эля.

Я пыталась остановить ее, удержать, но... она меня не видела. — Девочка прикусила губу. — Я подумала, что это оттого, что Адила еще слишком мала и расстроена, но когда пошла домой, там было то же самое. Я не могла заставить родителей понять, что я с ними. Ни к кому не могла даже притронуться. Мои руки проходили прямо сквозь них.

Тарлах посмотрел на Уну, потом закрыл глаза. Быстрая смерть воина в битве — одно дело, но это... и то, что последовало, несравненно хуже. Он не мог даже представить себе, что стало бы при таких обстоятельствах со взрослым мужчиной, тем более с этим чувствительным любящим ребенком.

Сама девочка не заметила его реакции. Она выполняла трудное задание и намерена была довести его до конца.

— Так как я ничем не могла им помочь, я вернулась к Адиле и стала ждать, пока она не присоединится ко

мне. Вероятно, надеялась как-то связаться с ней, предупредить, чтобы она не боялась.

К концу она стала такой тихой, что мне показалось, будто она уже может почувствовать мое присутствие, но когда она освободилась, то словно стала одержимой или взбесилась. Она всегда была худенькой, и до того, как нас закрыли в пещере, но теперь ее лицо... — Катрин нахмурилась в поисках соответствующих слов. — Лицо ее больше не играло, не сияло, как будто это была не Адила.

Я попыталась поговорить с ней, но она как будто не замечала меня. Бегала по пещерам, ничего не видя вокруг.

Девочка снова вздрогнула и замолчала. Ей не хотелось рассказывать дальше, но это часть их истории и она должна быть рассказана до конца.

— Проходили дни, нас искали. Но-эль испугался, что найдут наши тела или, что еще хуже для него, Адилу найдут еще живой, и потому вернулся, чтобы лучше скрыть следы содеянного.

Адила... Адила была там. Она почувствовала его присутствие под землей и пришла к нему. Он ясно видел и ее, и ее лежащее тело. Никто не знает, что она тогда сделала, только Но-эль закричал и побежал.

Ничего хорошего это ему не принесло. Адила погналась за ним. Она бежала быстро, быстрее любой лошади. Она не смотрела на него, скорее сквозь него, но догнала и обхватила его руками. А потом словно утратила к нему всякий интерес. — Катрин пристально смотрела на стол. — Он... он начал умирать, еще не добравшись до Лормта.

Сначала я решила, что все ужасное уже кончилось, что Адила отомстила за нас и больше не будет убивать людей, но, к сожалению, получилось не так. Она боль-

ше не была моей младшей сестрой, она вся превратилась в гнев и ненависть. А ведь Адила была самой нежной и доброй девочкой в мире. Она никому не причиняла вреда, что бы с ней ни сделали.

— Но почему ее можно было видеть? — спросил Дуратан, впервые прервав рассказчицу. — Ведь ты-то оставалась невидимой.

— Адила так и не стала настоящим духом, пока ее не освободил Горный Сокол.

— Это ты плакала после каждого ее нападения?

Катрин кивнула.

— Я не могла этого вынести. Большинство этих бедняг не заслуживали смерти...

— А почему она пощадила меня? — быстро прервал ее командир фальконеров.

— Я думаю, она застала тебя спящим в темноте. Когда я нашла ее, она смотрела на тебя со странным любопытством. Все остальные пугались, некоторые даже пытались убить ее.

— Я так и думал, что причина должна быть такой. Ты попыталась с ней связаться?

— Да, но она по-прежнему меня не слышала, и я ждала в надежде.

У Аден перехватило горло.

— Ты все это время, все эти столетия провела в темноте? — удивилась она.

— О, нет! Я много раз бывала на поверхности, в Лормте и в окрестных фермах. Мне нравилось слушать ваши разговоры, как вы обсуждаете разные проблемы, даже когда не понимала, о чем вы говорите.

Женщина пораженно взглянула на нее.

— Ты была здесь, в наших комнатах, и мы позволяли тебе уйти, не предложив помощь?

— Но вы не знали, что я здесь, — тактично возразила Катрин. — Мне так нравилось в Лормте. Зимой бедная Адила всегда спала. — Губы Катрин задрожали. — Она... она не знала, что натворила, когда просыпалась.

— А почему ты не оставалась с нами подольше, дитя? — спросил Квен. — Ты ведь все равно ничем не могла помочь сестре.

— Могла! Я удерживала ее от выхода из пещер. Понимаете, она не могла пройти сквозь меня, а я всегда успевала к ней, когда она собиралась выйти наружу. Только в темноте я не могла справиться с ней.

— Вы обе должны были освободиться, — недоумевал Тарлах, — но вы по-прежнему в нашем мире, и мы вас видим.

— Вы не могли бы разговаривать с нами, если бы не видели нас, поэтому Янтарная Леди наделила нас даром видимости. Вы ведь знаете, она многое может.

— Ганнора? — прошептала Уна. — Вы ее видели?

— Да, и она замечательная! — Девочка улыбнулась, вспоминая эту встречу. — Она нас обняла и встретила так хорошо, что мы почувствовали себя как дома, хотя я знала, что перед нами еще долгий-долгий путь.

Мягкость покинула ее, сменилась встревоженной целеустремленностью.

— Она знала, что ты сделал для Адилы, Горный Сокол, каким ты был добрым, несмотря на страх, как ты понял, что она невинна, несмотря на причиненное другим зло. Хотя и знал, что она может принести тебе ужасную смерть. Леди сказала, что вознаградить за это невозможно, но всему вашему миру грозит ужасная опасность, и она может, по крайней мере, предупредить тебя. Я... я сказала, что так как ты помог моей сестре, я хочу предупредить тебя, и она согласилась.

Ганнора все мне подробно рассказала. Я не очень хорошо все поняла, но она сказала, что это неважно, лишь бы я правильно пересказала тебе.

— Говори, Катрин. Рассказывай и не бойся за нас.

— Много врат ведут в этот мир. В сущности все его жители прошли через такие врата. Ну, мы все оказались подходящими для этого мира и друг для друга, но некоторые врата ведут в другие места, где люди очень плохие.

— Тьма! — прошептал Бреннан.

— Нет, просто плохие люди. Вернее, плохие по отношению ко всем, кроме самих себя. Эти люди все воины и служат повелителю — они называют его Султан. Они считают его богом и уверены, что у других людей нет никаких прав, и они завоевали весь свой мир.

Это произошло очень давно по их времени, больше четырехсот лет назад, и они решили, что в покоренных людях, которых они превратили в рабов, не осталось духа борьбы. Но они ошиблись, а люди сговорились и готовились действовать совместно. Они смогли сохранить все в тайне, потому что господа их ничего не опасались и не следили за ними. Хотя, конечно, восстание готовилось осторожно, в глубокой тайне.

И когда все было готово, напали одновременно повсюду, по всему миру. Султаниты были захвачены врасплох, многие их армии были уничтожены, остальные бежали, прихватив с собой всех, кто был с ними в завоеванных местах.

Сейчас они вернулись в свою собственную страну и пытаются удержать ее. Они храбры и искусны в бою, их еще много, и защищать им нужно только небольшой участок границы. Остальные отдыхают в крепостях, выходящих на океан, а у их врагов нет ни кораблей, ни умения управлять ими. Но все же султаниты понимают,

что победить не смогут. Их земля очень сухая, мало что может вырасти на ней, им не хватает пищи. Страна их расположена на равнине, которую трудно будет защитить, как только враги прорвут границу.

— Положение у них трудное, и они, судя по твоему рассказу, вполне это заслужили, но почему их беда касается нас? — удивился Тарлах.

— Некогда у них были люди, которые могли призывать некую Силу. Султан того времени боялся их и перебил большинство вместе с семьями, но некоторые, самые могучие, сумели создать врата и уйти в другие миры. Не настоящие врата, так как их можно было использовать только дважды, по одному разу с каждого конца, да и то с большим трудом, но я думаю, это было даже хорошо для них. Потому что враги не могли последовать за ними.

Но двое, два брата, были убиты до того, как сумели уйти, и все это время их врата оставались открытыми. Их не использовали.

— Врата ведут в наш мир?

— Да. Братья хотели жить вместе. Никто больше не умеет делать такие врата, да и эти, действующие, один ученый открыл только год назад. Их со временем использовали бы все равно, однако у султанитов сейчас такое отчаянное положение, что они отправили через одни врата своих разведчиков. Разведчики побывали здесь, передвигались они в основном в лодках, так как врата открываются прямо в океан. Незаметно осмотрели землю, всегда высаживаясь по ночам, потом вернулись домой. Это было самым рискованным, но для них все закончилось благополучно, и они доложили, что местность подходит. То есть они считают, что смогут легко захватить ее.

— Они пройдут через оставшиеся врата, — произнес предводитель фальконеров. — А каковы их планы?

— Они собираются послать большой флот и всех солдат, которые не будут нужны в данный момент. А когда захватят достаточно земли, призовут всех остальных, оставив врагам свою собственную страну.

— Они высадятся в Эсткарпе?

— Нет, не в Эсткарпе. В Высоком Холлаке. Они выбрали гавань Морской Крепости, Горный Сокол. Она ближе всего к месту их врат, и они считают, что там мало защитников, они всех сумеют перебить и закрепится, прежде чем распространится эта новость.

— Морская Крепость! — воскликнул Бреннан.

— Вполне разумный выбор, — проанализировал командир. — Гавань небольшая, но удобная. И она единственная на всем берегу. Гавани к югу, если султаны их разведали, всегда забиты кораблями, там зимуют большие отряды наемников. Я, вероятно, прав, Катрин, предполагая, что им на первой стадии нужна не схватка, а безопасная высадка?

— Да. У них только три месяца на то, чтобы снова открыть врата, и переход сюда займет не менее четырех недель, если пройдет без помех. К тому же им нужно оказаться на прочном высоком месте, чтобы привлечь достаточно Силы, которая продержит врата открытыми, пока они проведут всех людей, скот и имущество. Я на самом деле не понимаю, как действуют эти врата...

— Мы тоже, — заверил ее Квен. — Но нам это и не нужно, верно, капитан?

— Да. Главное — не дать этим султанитам добраться до горного района Морской Крепости. У них обычное вооружение? — Колдеры обладали неведомым ужасным оружием и снабдили им Ализон. Возможно, здесь то же самое.

Катрин энергично кивнула.

— Леди Ганнора особо подчеркнула это. Они вооружены мечами и копьями, словом, обычным оружием. Никакого колдовства.

— А сколько солдат на борту кораблей, Катрин? Наверно, Янтарная Леди и это говорила тебе.

— Сказала, — сразу ответила девочка. — Шестьдесят тысяч.

Для нее это было просто число, более или менее лишненное какого-то значения, но слушатели были ошеломлены. Многие народы, населяющие их мир, не были так многочисленны даже до войны, опустошившей местность.

— Сколько бы их не было, их нужно остановить, — решительно сказал Тарлах. — Если они сумеют захватить Морскую Крепость и пройти в высокогорья за ней, потребуется много лет и бесчисленные жизни, чтобы снова изгнать их. Особенно если они привезут еще подкрепление.

— Мы понимаем это, — ответил Бреннан. — У нас достаточно желания бороться, но не хватает реальных сил.

— Возможно, — отозвался капитан.

Он неожиданно задумался. Резко встал и принялся быстро расхаживать по комнате. Товарищи давно знали его привычку, так он поступает, когда перед ним трудная задача.

Все несколько минут следили за ним и молчали, чтобы не мешать ему думать.

Наконец он остановился и оглядел своих спутников.

— При таких обстоятельствах нам не победить, но мы могли бы удержать захватчиков, сдерживать их довольно долго, если бы у нас было время для подготовки. Катрин, ты можешь сказать, когда они высадятся?

— Янтарная Леди сказала, что это произойдет через две недели, Горный Сокол.

Фальконер снова отвернулся. Плечи его обвисли. Им конец, конец еще до начала. Они не могут добраться до Высокого Холлака раньше, чем через два месяца, даже если сразу найдут корабль, добравшись до берега.

Уна некоторое время наблюдала за ним. Она ясно видела, что он считает положение безнадежным, и соглашалась с ним, но вот в ее глазах вспыхнуло пламя. Она повернула голову к девочке.

— Врата привели нас в это трудное положение, но врата могут и вывести нас из него! Катрин, возвращаясь к Ганноре и скажи ей, что ее предупреждение бесполезно. Нет, что оно жестоко, если она не даст нам возможности им воспользоваться. Пусть откроет для нас врата в Морскую Крепость, прямо в Круглую башню, чтобы мы смогли обдумать план и сразу, не теряя времени, начать его осуществлять.

Тарлах резко повернулся.

— Добавь мое имя к этой просьбе и спроси также, можно ли открыть вторые врата, ведущие в Линну.

Он улыбнулся, заметив, как нахмурилась владелица крепости.

— Не хмурься, леди. Если ты согласна рискнуть гневом Великой ради нашего дела, не думай, что я этого испугаюсь. Если султаниты вторгнутся в Высокий Холлак, погибнут не только жители долин, но и фальконеры.

Он посмотрел на дитя-призрак.

— Иди с нашей благодарностью, Катрин, и пусть твое и Адилы путешествие закончится хорошо.

Адила с сожалением оставила Брейвери и подошла к сестре, как только та позвала ее. Прощально помахала маленькой ручкой Тарлаху. Вторая девочка стояла, не

шевелилась, но в следующее мгновение они обе пропали, исчезли с глаз и из мира живых.

Глава двенадцатая

В комнате воцарилась тишина, никто даже не шевелился. Секунды ползли, как часы.

Ничего не происходило и, казалось, ничего и не произойдет. Но вот воздух в центре комнаты засветился и появился как будто длинный туннель, перед которым разошлись освещенные сзади облака.

Капитан подождал еще немного, потом перевел дыхание. Только одни ворота, но вторых он и не ожидал. Янтарная Леди и так сделала очень много. Остальное в руках людей, в их мечях.

— Быстрее, — заторопил он товарищей. — Приведите лошадей и соберите все наше имущество. Я думаю, у нас на это есть время, но леди Уна и лейтенант останутся здесь со мной на случай, если ворота начнут закрываться. Мы, по крайней мере, пройдем в них.

К счастью, комната находилась на первом этаже, а коридор и двери были достаточно широки, чтобы пропустить лошадей.

Пира спокойно встала рядом с тремя оставшимися.

Тарлах покачал головой.

— Оставайся здесь. Мы отправляемся в бой и, вероятно, на смерть, а не строить новую жизнь, как я полагал.

— Тем более вам надо иметь еще одну целительницу. Леди Уна в этом сможет вам мало помочь, я думаю, так как у нее будет много других обязанностей. А что касается остального, — она пожала плечами, — что надо выдержать, мы выдержим.

Она видела, как он поднял голову, и улыбнулась.

— Я слышала, что ты так говоришь, Горный Сокол, но в нашей деревне тоже так говорили. Мы ведь из одного народа в конце концов.

— И одинаково упрямы, — пробормотал он, но не пытался больше разубедить ее.

Вскоре вернулись их товарищи, но когда все было готово, люди остановились перед затянутым туманом проходом, не решаясь вступить в него.

Дети-призраки не затронуты Тьмой, это подтвердили соколы, и совершенно очевидно, что Катрин верила в каждое свое слово. Она, очевидно, заучила свою речь почти наизусть, но что если готовила ее не Ганнора? Можно ли обмануть призрак?

Что если это могучее существо вовсе не принадлежит Свету и эти врата ведут в немыслимую темницу в какой-нибудь населенной демонами крепости? В проходе тоже не чувствовалось зла, он казался надежным, но чувствам не всегда можно доверять, когда имеешь дело с иллюзией. Это волшебство высшего разряда...

Брейвери потянулась и вошла в проход, высоко подняв хвост. Она мяукнула раз — нетерпеливо, прыгнула и исчезла внутри. Солнечный Луч тоже крикнула раз и полетела за кошкой.

Уна расправила плечи. Крепко взяла в руки повод Орла.

— Остальные могут отправляться морем, а я последую за кошкой и соколом.

Капитан опередил ее. Если они встретятся с гибелью, он защитит ее, пусть хоть на мгновение.

Его подхватило какое-то захватывающее дух движение, и он совершенно потерял ориентировку. Трудно было понять, в каком направлении он движется, стоит или лежит.

Кто-то был рядом с ним и своей рукой сжимал его руку. Он почувствовал шрамы на запястье, крепко сжал пальцы, и они вместе понеслись в бесконечный, бесформенный туман.

Жуткое перемещение кончилось так же неожиданно, как началось. Фальконер споткнулся, пошатнулся, но быстро восстановил равновесие.

Осмотрелся и обнаружил, что они с Уной стоят в населенной долине Морской Крепости, у начала дороги, ведущей к Круглой башне. Тарлах сразу выпустил руку владелицы долины и начал успокаивать лошадей своих товарищей, которые один за другим появлялись за ними.

Он делал это с высоко поднятой головой и с глазами, пылавшими от гордости и возбуждения. Эти люди пошли бы за ним против любого врага, он это знал, но пройти этим странным туннелем — для этого им пришлось вступить в контакт с тем, чего они больше всего боятся, с могучим волшебством, таким же сильным, как то, что некогда поработило и едва не погубило их предков. Никогда он так не гордился своими людьми, как в этот момент, никогда сильнее не сознавал, насколько они преданы своему долгу и насколько преданы ему.

Он внутренне вздрогнул. Его приказы, война, на которую он посылает их, вскоре слишком многих приведут к смерти.

Но времени размышлять об этом у Тарлаха не было. Их появление оказалось очень драматичным, и со всех сторон к ним спешили люди и всадники, задержавшиеся только для того, чтобы узнать, что случилось.

Первый, кто подбежал к нему, схватился за повод его лошади.

— Капитан, что...

— Объяснения потом. Позови Рорика и Руфона в башню, если они не там. Нам предстоит совет. Военный совет.

Вскоре все трое предводителей фальконеров, а также Уна и Руфон, ее ближайший помощник и поверенный, собрались в небольшом помещении, в котором правительница Морской Крепости встречалась со своими советниками и обсуждала дела.

Тарлах пересказал все, что произошло в Лормте, в заключение подробно описав предупреждение ребенка-призрака.

Закончив, он развел руки.

— Я бы хотел получить более точные военные сведения, но надо быть благодарными и за это и действовать исходя из известного.

— Действовать? — взорвался Рорик. — Неужели проход через этот туннель лишил тебя разума? Никакая армия не доберется до нас за две недели, даже если она была бы готова и ждала нашего призыва.

— Мы должны использовать все, что имеем, и задержать врага.

— Нас пятьсот воинов, шестьсот, если считать и гарнизон Морской Крепости. Но там большинство женщин, правда, обученных, но весь их боевой опыт — схватки с несколькими бандами.

— За последние месяцы их обучали фальконеры, — напомнила Уна. Это была часть договора, не самая важная, но Тарлах настоял на том, чтобы начать обучение немедленно в качестве жеста доброй воли.

— Леди, даже если бы все они были фальконерами, это ничего бы не изменило! Против нас шестьдесят тысяч воинов! С таким соотношением им даже не

нужны хорошие бойцы, чтобы смести нас. Они даже не заметят, что мы тут были.

— Может быть... — Руфон сражался с Псами Алисона рядом с лордом Харвардом. Он знал бойцов и тех, кто их водил в бой, и теперь все его внимание сосредоточилось на капитане. — Ты как будто на что-то надеешься, Горный Сокол? — спросил он, сразу инстинктивно подхватив это имя, как и остальные, кто хоть раз его слышал.

Тарлах кивнул.

— Долина на всем протяжении тянется узкой лентой, а к берегу и в месте причала сужается еще больше. Если бы мы могли воздвигнуть там стену, к ней удалось бы подойти одновременно совсем немногим воинам, а мы могли бы треть своих сил держать в резерве на случай неожиданности и для возмещения неизбежных потерь. А тем временем Морской Крепости придут на помощь соседи.

— Не очень много, боюсь, — вмешалась Уна. — Я знаю соседних лордов. Они хорошие, храбрые люди. Но эпидемия оставила им не больше боеспособных мужчин, чем мне, и они должны держать их при себе. Хотя, конечно, они поверят, что главная опасность здесь и все остальные долины будут тоже покорены, если захватчики победят нас. Точно так же было с Алисоном. Лорды не могут послать к нам то, чего не имеют. Не забывай, у них нет обученных женщин, как у нас.

— Единственная долина, обладающая значительным мужским населением, Рейвенфилд, но Огин постарался, чтобы в ее мужчинах не сохранился боевой дух. При первом же появлении внушительного врага они обратятся в бегство, и нам от них будет больше неприятностей, чем помощи.

— Может быть, лорды будут щедрее с продуктами?

— Да. Они не откажут в нашей просьбе.

— Это тоже существенно. Но я больше надеюсь не на помощь из долин.

Леди Морской Крепости нахмурилась.

— На кого же тогда?

— На фальконеров. Помнишь вызов главнокомандующего? Его корабли достигнут Линны примерно одновременно с нашим курьером, и большинство фальконеров из Высокого Холлака уже собрались на его призыв. Даже если соберутся все колонны, у нас будет меньше трети численности захватчиков, но если у нас здесь будет хорошая позиция для обороны, а противник понесет большие потери, мы можем надеяться на победу. И даже если мы погибнем, за это время успеют объединиться все долины.

— А отзовется ли твой народ? — заволновалась хозяйка долины. — Фальконеры собираются в Линну не для войны, а одни долины, даже самые большие, не могут заплатить столько...

— Забудь о плате! — Тарлах взял себя в руки. В конце концов фальконеры — народ наемников. — Это Призыв Крови, леди. Нападение направлено не только против тебя, но и против нас всех, и против захватчиков выступит весь мир, как было в войне с колдерами.

— Но пройдет много времени, прежде чем помощь дойдет до нас. По морю путь не так далек...

— Здесь нам тоже не повезло, — предупредил Уну Руфон. — «Крачка» только сегодня утром получила пробоину. Мы вытащили ее на берег, а что касается меньших лодок, то в такое время года...

— О море нужно забыть, — заверил Тарлах. — К тому времени как прибудет главнокомандующий, захватчики уже будут здесь, и никто не сможет пройти сквозь их

флот без боя. Они слишком превосходят нас количеством, чтобы мы могли пойти на такой бой. Я хочу, чтобы все корабли Морской Крепости вытащили на берег и расположили рядом, чтобы их легко было уничтожить, если наша оборона будет прорвана. Нет смысла увеличивать мощь наших врагов.

Фальконер чуть покраснел.

— Ты согласна, леди?

Уна только рассмеялась.

— Ты наш военный предводитель, капитан, а не я. Тебе принадлежит право отдавать приказы.

— Что нам еще сделать, капитан? — спокойно спросил Руфон.

— Немедленно начинайте воздвигать преграду. Разделите людей на две смены, нет, на три, чтобы работа не останавливалась. Нельзя терять ни часа.

Затем — все, что можно увести, включая скот, и то, что нам здесь не пригодится, отведите в горы. В случае нашего поражения захватчикам не должно достаться ничего ценного.

— Кроме нас самих.

— Мы отдадим жизни недешево и, умирая, будем знать, что те, кто полагался на нас, не будут сразу же убиты или порабощены.

По этой же причине и чтобы поддержать оставшихся в живых в случае поражения, все, кто не сможет участвовать в битве, должны тоже немедленно уйти в горы, как только будет закончена стена. Там они должны разбиться на небольшие группы, чтобы конец одной из них не означал кончины всех.

— Мы будем продолжать сражаться из укрытий, как партизаны, если этим султанитам удастся победить здесь. Пусть никто не забывает об этом, когда будет устраи-

ваться в горах. В будущем они понадобятся нам, всему нашему миру. — Он поджал губы. — Это все на случай прорыва нашей обороны. Те, кто не способен сражаться, будут нам помогать, доставляя припасы и заботясь о раненых. Так они будут избавлены от непосредственной опасности, а мы не будем о них беспокоиться.

— Дарии это не понравится, — сухо заметила владелица крепости. — Она не из трусливых.

Тарлах улыбнулся.

— Скажи ей и ее помощникам, что их дар и их клятвы требуют от них службы, а ее можно исполнять и далеко в горах. Туда пойдут все, за исключением немногих, которые будут оказывать помощь здесь, на месте.

— А что, если мы не успеем закончить стену, когда появится флот султанитов? — забеспокоился Бреннан.

— Мы отступим и постараемся не позволить им выйти из долины. Башню в таком случае нам не удержать. То же самое, если оборона будет прорвана, и мы не сможем ее восстановить. Нужно, чтобы всегда наготове был особый отряд, который будет прикрывать отступление. Он должен дать остальным возможность отойти. Если же потеряем и проход в горы, что вполне вероятно, перейдем к партизанской войне, пока не сумеем изгнать захватчиков.

— План разумный, — согласилась Уна.

Она посмотрела на Тарлаха.

— Не вижу смысла скрывать это от своих людей.

— Конечно. Это не менее опасно, чем мечи султанитов.

— Сколько курьеров мы должны послать? — спросил Бреннан. — Их поручение очень важно, но мне не хочется терять ни один меч.

— Пошлем только одного, в крайнем случае двух. Больше нельзя.

— Могу сделать предложение, капитан, — быстро проговорил Руфон. — Мы не можем рисковать, посылая к вашему главнокомандующему женщину или девушку. Очень многое зависит от его ответа. А вы не можете лишиться ни одного воина. — Он рукой похлопал себя по пустому рукаву. — В схватке на мечах от меня мало проку, но я здоров и хорошо владею конем, не хуже твоих товарищей. Позволь мне быть твоим посланцем. Переход будет трудным, а я к нему готов лучше стариков или мальчишки, который слишком молод для битвы.

Наемник немного помолчал, как будто не хотел соглашаться с рассуждениями Руфона, но наконец кивнул.

— Хорошо, Руфон. Я подготовлю отчет о положении в долине и прикажу одной из соколиных вдов лететь с тобой, чтобы подтвердить твое сообщение.

Он замолчал и как будто погрузился в свои мысли. Но когда немного погодя очнулся, выражение лица у него было очень серьезное.

— Я попрошу еще кое-что у своего отряда. Нас связывают с нашими крылатыми братьями мощные узы, и в паре один недолго живет после гибели другого. Но теперь, на время битвы, я должен попросить отказаться от этого обычая, если возможно. Мы просто не можем потерять второго бойца, а погибших будет немало. Людям придется вынести боль утраты. От соколов требуется более трудное самопожертвование. Они должны сохранять жизнь и продолжать сражаться.

— Вдовы, конечно, могут сразу же соединиться с одинокими воинами.

Он вздохнул, как будто почувствовал сокрушительную тяжесть ответственности, которая легла на его плечи, потом поднял голову.

— Нужно начинать немедленно. Леди Уна, товарищи, идите к нашим людям и расскажите им все. Позаботьтесь, чтобы немедленно начали строительство стены, а также, — неожиданно добавил он, — разрушение причала. Пусть наши непрошенные гости переправляются на лодках, так как помешать их высадке мы не можем.

Я присоединюсь к вам, как только закончу отчет для главнокомандующего.

Уна пришла в комнату, которую отвела для Тарлаха, когда отряд наемников впервые появился в Морской Крепости. Некогда в этой комнате жил сам лорд.

Капитан сворачивал законченный отчет. Он запечатал его и сочувственно улыбнулся Уне.

— Рассказала?

— Да, — ответила она. — Новость приняли спокойно.

— Я так и думал. Руфон готов?

— Почти. Сейчас как раз готовит седельные сумки. — Женщина серьезно посмотрела на фальконера. — Я рада, что ты согласился отправить его, хотя мне его будет не хватать. Я боялась, что ты пошлешь меня вместо него.

— Он прав. Нельзя давать такое поручение женщине.

— Я в любом случае не поехала бы, — заупрямилась Уна. — Ты это знаешь, Тарлах. Лорд крепости был бы обязан остаться, и я не могу поступить иначе.

— Остаться, чтобы умереть?

— Если понадобится.

Он отвернулся от нее.

— Хотел бы я набраться смелости и отослать тебя отсюда, хоть ты и правительница долины.

Тарлах взял себя в руки и снова посмотрел на женщину.

— Я не очень храбр, Уна. Мне очень хотелось бы отослать тебя, но знаю, что не выдержу, если тебя не будет рядом. Не хочу видеть, как ты уезжаешь отсюда, зная, что, вероятно, больше никогда тебя не увижу. Не хочу умирать, не чувствуя твое присутствие. — Он замолчал и закрыл глаза. — У меня даже нет сил промолчать и не расстраивать тебя еще больше. У тебя хватает забот и без моих слабостей, а я должен давать тебе только силу.

— Я знаю о твоей человечности, мой лорд, — прошептала она, — но и сама достаточно слаба, так как очень нуждаюсь в твоей близости.

Уна заставила себя улыбнуться и говорить легко, хотя тяжесть не оставляла ее сердце.

— Идем, мой лорд. Мы достаточно задержались. Приезжают гости, и нам нужно подготовиться к их приему.

Глава тринадцатая

Жители долины и фальконеры с равным усердием занялись подготовкой к встрече захватчиков. Все понимали, что их успех или поражение определяют судьбу не только их долины, но и всех окружающих земель и, вероятно, всего мира.

Работа предстояла трудная, огромная и как будто безнадежная, но стена, которой предстояло стать их защитой, поднималась с волшебной скоростью.

Материала у них было достаточно, природа об этом позаботилась. Все камни, все булыжники и обломки собрали с берега и с мелководья, чтобы никакое убежище, никакие метательные снаряды не могли помочь султанитам в их темных замыслах. Много больших камней спустили с окружающих склонов, некоторые были

похожи скорее на миниатюрные скалы, чем на отдельные камни. Для их перевозки потребовалась сила всех лошадей и быков. Их перевозили на полозьях и потом перекатывали на место. Огромные камни стоили таких усилий, потому что их невозможно пробить никаким тараном. Пространство между ними заполняли камнями меньших размеров. Стена росла гораздо быстрее, чем если бы строители использовали обычные для строительства материалы.

Длинная приземистая стена, выроставшая из камней, которые громоздили защитники, была совсем не красива, но крепка, и строители считали, что она выполнит свое назначение.

Она была относительно низкой, но высота ее не позволяла человеку перепрыгнуть через нее, даже если он использует для этого копье. Султаниты не ожидают встретить сопротивление и вряд ли привезут с собой тяжелые осадные машины.

Обращенная к морю сторона стены ровная и гладкая, чтобы по ней трудно было подниматься и чтобы не было опоры для крюков, используемых для подъема. Та сторона, что обращена к крепости, скорее напоминала груду обломков, круто уходящую вниз от платформы, на которой будут стоять защитники. Платформа была рассчитана так, чтобы на ней могли стоять лучники и стрелять сквозь щели, не показываясь сами, а воины могли пользоваться мечами и другим оружием, прикрываясь щитами.

Офицерское звание не избавляет фальконера от работы вместе с отрядом, и капитан и оба его лейтенанта трудились и потели вместе с подчиненными, когда это им позволяли их другие обязанности.

Все утро Тарлах и Бреннан были очень заняты и страшно устали. Они сели на огромный камень, кото-

рый поставили на место; тяжело дыша, закрыли глаза. Хорошо отдохнуть хоть несколько минут, вобрать в болящие легкие холодный соленый воздух.

Но вот Горный Сокол открыл глаза и посмотрел в серое небо.

— Если на нас не нападут султаниты, то это сделает непогода. Эти тучи предвещают бурю.

— Это все, что нам нужно.

Тарлах оперся на локоть. Он провел взглядом вдоль стены.

— В сущности нам везет. Работа закончена, а отдыхать в непогоду можно так же хорошо, как в солнечный день. Интересно, когда начнется дождь?

— Трудно сказать. Может, вечером. А может, завтра. Во всяком случае до настоящей бури есть еще некоторое время.

— Мы не можем жаловаться на ее приход. Сейчас самое время бурь, и погода еще проявила милость, что до сих пор нас не беспокоила.

— Наш предполагаемый враг тоже. Возможно, так будет и дальше, и султаниты решат высаживаться где-нибудь подальше от этого берега. Признаюсь, я чувствовал бы себя лучше в другом месте, где у нас было бы побольше воинов.

Командир сочувственно улыбнулся.

— Мы мыслим одинаково, друг мой. Я даже не стал бы жалеть об усилиях, которые мы затратили, готовясь к встрече.

Оба воина выпрямились, увидев приближающуюся фигуру.

Пира быстро и легко двигалась среди работающих. Она несла глиняный кувшин, который протянула сперва Тарлаху, потом Бреннану.

Лейтенант выпил добрую половину содержимого, прежде чем вернуть кувшин.

— Спасибо, — искренне поблагодарил он. — Никакое другое вино не бывает слаще.

— Еще одно из богатств Морской Крепости, птичий воин. Ты выбрал хорошее место для Гнезда, — одобрила она, обращаясь к капитану. — Надо отдать тебе должное.

— Жаль, что ты не видела это место в мирном состоянии, — с искренним сожалением ответил ей Тарлах. — Эти люди искусны и храбры, но они предпочли бы работать на земле, ухаживать за скотом, ловить рыбу в море, чем готовиться к войне.

— Ну, хотели или нет, а в чрезвычайных обстоятельствах они проявили себя отлично. Они мне нравятся, и я их уважаю. — Женщина улыбнулась, может быть, чуть мрачновато, но все равно ее резкие черты лица стали более приятными. — По крайней мере, один из наших предрассудков может уйти. Мы считали, что фальконе-ры способны только на военную службу, конечно, помимо обучения птиц и лошадей. Но я вижу, что вы и работать можете.

— А кто, по-твоему, содержит в порядке наши лагерь, а до того Гнездо? — возмутился Бреннан. — У нас нет слуг, и рабов мы не держим.

— Откуда нам было это знать? — ядовито парировала Пира. — Вы постарались сделать так, чтобы ваша жизнь была для нас загадкой. — Она удобно устроила тяжелый кувшин на коленях. — Леди Уна выглядит так, что отдохнуть ей явно не помешает. Мне лучше подойти к ней.

— Скажи, чтобы она лучше рассчитывала свои силы, — мрачно приказал Тарлах. — Я не хочу, чтобы она загнала себя, соревнуясь с моими воинами.

Женщина только рассмеялась.

— Владелица долины не так глупа, уверяю тебя. Задачи, которые она берет на себя, она в состоянии выполнить.

Немного погодя Пира подошла к женщине из долины. Уна приняла вино с такой же благодарностью, как и мужчины.

— Тебе следовало бы отдохнуть, — предложила она, возвращая кувшин. — Ты почти всю ночь не спала.

— Кому-то приходится это делать.

Изумрудные глаза разглядывали ее.

— Ты начинаешь по-новому смотреть на нас.

— Почти то же самое сказал мне твой Горный Сокол.

— Я рада, — довольно проговорила правительница долины. — Это означает, что у него еще есть надежда на будущее.

— Это значит также, что он по-настоящему беспокоится о твоих людях. И о тебе тоже. Он считает, что ты работаешь слишком много.

Уна фыркнула.

— Не заметила, чтобы он себя щадил! — Глаза ее снова потемнели. — Я хотела бы поговорить с тобой о Морской Крепости, Пира. Как тебе у нас понравилось? — Пока фальконер Тарлах сохраняет надежду на то, что жизнь сохранится и можно будет еще что-то создать, она не сдастся.

— Твои люди мне очень нравятся, — откровенно призналась Пира. — Ваши женщины похожи на нас, а ваши мужчины и юноши естественны и удовлетворены тем, что имеют. Уникальное положение, насколько я могу судить, и достойное зависти. Я бы с большой осторожностью приглашала сюда мужчин из соседних долин, хотя ваши женщины и нуждаются в мужьях.

Теперь мало кто согласен вернуться к прежней жизни.

Труднее понять твоих наемников. Они никогда не теряют вежливости и хорошо сработались с твоими людьми, но они еще не ваши товарищи, пока еще нет.

— Конечно, нет, но разве можно было ожидать большего за такое короткое время?

— Я не виню их, леди. Я сама не ожидала от них этого и даже не поверила бы тому, что вижу здесь ежедневно.

— Остальное тоже придет, конечно, если мы выживем. — Уна печально покачала головой. — Время интересное, конечно, но я знала, что меня ждет, когда нанимала их.

— Правда?

— Ну, конечно, не все, — ответила она с улыбкой. — Я не думала, что они останутся с нами так надолго или что станут нашими постоянными соседями.

Она распрямилась. Тарлах вопросительно посмотрел на нее, как будто хотел поговорить, поэтому она попрощалась с Пирой и направилась к нему.

Бреннан поприветствовал правительницу долины, потом ушел. Тарлах улыбнулся, когда они остались одни, и Уна видела, что он доволен тем, как продвигается работа.

— Мы опередили твои расчеты, Горный Сокол, — с такой же удовлетворенностью сказала она.

— Да, леди.

Она провела взглядом вдоль стены.

— Закончена?

— Да. Остается немного выправить платформу, но ничего существенного.

— Значит я могу отводить своих людей, тех, кто не

будет сражаться. Они заберут с собой остатки имущества.

Тарлах кивнул.

— Как можно быстрее. Невозможно отблагодарить тебя за то, что ты сделала. Мои товарищи не выполнили бы и половины без помощи твоих людей, и только ты могла с ними справиться. Этого одного достаточно, а ты еще организовала и отход на высокогорье.

Она серьезно посмотрела на фальконера.

— Тебя удивляет, что я оказалась способной на это? — улыбнулась она.

— Нет, леди, — после недолгой паузы задумчиво ответил наемник, — больше не удивляет. Ты наследница, и это твои обязанности, а умение брать на себя ответственность — это у тебя врожденное. И тебя к этому готовили. — На его губах появилась улыбка. — Но это не уменьшает моей благодарности.

— Рада слышать, — с легким вздохом ответила Уна. — Я не чувствую себя очень компетентной, когда думаю о том, что нас ждет.

— Ты справишься со своей частью, Уна из Морской Крепости. Может быть, одинокий воин перед битвой и чувствует себя спокойным и сильным — если такие дураки существуют, но тот, на ком груз ответственности, такого никогда не испытывает. С того момента, как мы узнали об угрозе, я боюсь за свой отряд.

Она посмотрела ему в глаза и увидела, что он не просто успокаивает и утешает ее.

— Спасибо за эти слова, — прошептала она. — Думаю, в предстоящие дни я часто буду их вспоминать, когда меня начнет покидать храбрость.

— Все мы будем держаться воспоминаниями, леди.

Уна опустила глаза, чтобы скрыть выражение жалости. Она никогда не поймет, как эти наемники

выдерживают свой образ жизни, постоянную опасность, каждодневную угрозу утрат и сами утраты. Когда-то она считала их черствыми людьми, поддерживающими только самый поверхностный контакт с окружающими. После знакомства с Тарлахом она поняла свою ошибку и теперь знала, что фальконеры глубоко привязаны друг к другу, и вздрогнула в глубине души, подумав о том, что означает предстоящее сражение для человека рядом с ней. Удивительно, как он может так мягко и мудро обращаться с ней. Он прекрасно понимает необходимость вселять уверенность в других, что-то оставить в резерве и использовать его, когда вокруг воцарится ужас.

Она положила руку ему на плечо, слегка сжимая его.

— Будь сильным, Горный Сокол, но не взваливай все только на себя. Необходимо, чтобы ты и все мы отдавали без остатка все, что можем. Позволь нам, позволь мне разделить твою тяжесть в предстоящем.

Глава четырнадцатая

Всю ночь бушевала буря, и новый день оказался мрачным и холодным, но сухим. Дул сильный ветер. Море свидетельствовало о предстоящем усилении бури, волны были необыкновенно высокие, большая часть береговых скал скрылась под водой. И бились волны о берег сильно и грозно.

Тарлах стоял у окна помещения, в котором собрались все руководители Морской Крепости, и смотрел на беспокойный океан. Большую часть утра он молча простоял так, и товарищи с Бросающим Вызов Буре оставили его одного.

Неожиданно он выпрямился: принял решение.

— Убрать часовых со стены, — приказал он, не

поворачиваясь. — Пусть они останутся только у Круглой башни. Когда протрубят тревогу и покажутся корабли, только немногие жители долины должны выйти на стену. Пусть бегают там в явном смятении и растерянности. Стена низкая, и с корабельных мачт будет видно, что творится за ней. Я хотел бы, чтобы враг напал, не подозревая о наших истинных силах и намерениях.

Рорик улыбнулся и пошел передавать приказ одному из часовых в коридоре. Это входило в его обязанности.

— Быстрей!

Все повернулись, услышав голос Горного Сокола. Тарлах застыл у окна, схватившись руками за раму.

Лейтенант передал приказ, потом присоединился к остальным, которые теперь собрались вокруг командира.

На горизонте виднелся целый лес мачт.

Они быстро росли, стали видны паруса, потом сами корабли, боевые и транспортные, судя по наружности, все окрашены в пурпурный цвет — очевидно, цвет их бога Султана. И над всеми кораблями высоко и гордо плыли знамена с полумесяцем, наводившие ужас на мир, в котором они родились.

Слезы показались на глазах Уны, как ни старалась она сдержаться.

— Как их много, как невероятно много!

Она не стыдилась своей слабости. Окружавшие ее воины побледнели: в действительности сила, противостоящая им, оказалась еще страшней, чем они себе представляли.

Владелица крепости почувствовала, как по всему телу капитана прошла неудержимая дрожь: они на мгновение прижались друг к другу. Но что бы ни чувствовал в тот момент сероглазый мужчина, внешне он сохранял

полное спокойствие и казался вполне уверенным в себе.

— Вот и они, товарищи, — негромко сказал Тарлах. — Освободившиеся люди изгнали их из царства, которое они считали своим. Посмотрим, какой прием здесь смогут им оказать свободные люди.

Высокомерие султанитов наполнило защитников — и фальконеров, и жителей долины — холодной яростью. Невозможно было скрыть оборонительный характер стены, которая отделяла берег от большей части долины, спрятать стоявших за ней немногих воинов, однако захватчики вели себя так, словно стены не существовало. Они спокойно стали располагаться на расстоянии полета стрелы.

Возможно, эта уверенность — и презрение — вызывались отсутствием сопротивления. Не было задано ни одного вопроса, ни слова возражения. Тарлах приказал, чтобы ничего не предпринималось, пока вражеское войско не начнет нападение. И в соответствии с его приказом немногие защитники старались вести себя тихо и незаметно.

Внимание врага привлекало не возможное сопротивление, а состояние погоды. Оно постоянно ухудшалось. Еще не настоящая буря, но грозовые порывы дождя и ветра прокатывались по хорошо защищенному заливу, и поэтому высаживаться в небольших лодках было трудно и опасно.

Но султанитов это не остановило. Они хотели до наступления темноты высадить большую часть армии. С темнотой им придется прекратить высадку, и корабли встанут на якорь до рассвета. Тогда, если позволит буря, можно будет высаживать людей опять.

Офицеры обороняющихся весь день следили за высадкой врага из высокого окна башни. На берегу число

вражеских солдат все увеличивалось, теперь они напоминали внешне суматошную, но на самом деле действующую в строгом порядке армию муравьев в муравейнике.

Мрачное утреннее настроение сохранялось, и Горный Сокол, и его товарищи не могли от него отделаться.

Наблюдая за этой гордой, кажущейся бесконечно большой армией, Тарлах начинал понимать волшебниц Эсткарпа. Обладая он их Силой, он обрушил бы на захватчиков окружающие горы, погрузил бы в море всю землю за стеной, чтобы спасти долину и ее жителей, которых любил.

Лишь к вечеру он поделился своими мыслями с окружающими.

— Эти солдаты действуют не просто из соображений долга, им нужно захватить плацдарм для своего народа. Время для них имеет большое значение. Возможно, они решат уплыть отсюда, если обнаружат, что с Морской Крепостью трудно справиться, и нацелятся на другую, ничего не подозревающую долину.

— Мы никак не сможем помешать этому, — ответил Бреннан, вздохнув про себя. Если такая возможность существует, капитан ее отыщет. И лейтенант боялся, что предсказание Тарлаха сбудется.

— Но если мы уничтожим их корабли, они вынуждены будут остаться здесь.

Лейтенант посмотрел на командира так, будто тот сошел с ума.

— А как это сделать?

— Рогатый Лорд посылает нам бурю. Возможно, мы сумеем ее использовать.

— Как?

— Их моряки не знают ни наших морей, ни особенностей погоды. Тем более не знакомы они с лабиринтом

скал и сильных течений у побережья Морской Крепости. Если они поверят, что их корабли на якоре в безопасности, а в разгар бури суда неожиданно сорвутся, они окажутся во власти бури и будут серьезно повреждены или совсем затонут.

— Перерезать якорные тросы? — прошептал Рорик голосом, полным ужаса.

— Частично перерезать. Их окончательно разорвет буря, а в бурю моряки вряд ли смогут что-то сделать.

Лицо капитана застыло, в нем не было ни легкости, ни особой надежды.

— Наши люди должны действовать в полной тайне и так же незаметно вернуться. Любой намек на то, что мы делаем, все погубит.

— Но как это выполнить? — ахнула Уна, не менее других пораженная этим предложением.

— Мы спустимся, как только стемнеет, на веревках с утеса в том месте, где спасали моряков с «Прекрасной русалки», и так же поднимемся, закончив работу.

Тарлах встретился с Уной взглядом.

— Как ты думаешь, леди? И твои люди, и мои умеют действовать в воде, но сумеем ли мы добраться до цели в таких условиях, выполнить задачу и вернуться? Нельзя, чтобы пловцов обнаружили раньше времени. Буря может разыгаться в полную силу только к середине ночи.

— Да, — подтвердила владелица долины, немного подумав. — Задача нелегкая, но я думаю, мы с ней справимся.

— Так и сделаем. Начнем, как только стемнеет.

Единственная свеча освещала комнату Тарлаха, хотя плотно закрытые ставни не дали бы захватчикам с берега и с воды разглядеть и целый пожар на таком расстоянии. Фальконер лежал на кровати одетый, при-

крывая рукой глаза от этого неяркого света. Он не хотел ничего ни видеть, ни слышать.

Но от мыслей так легко не избавишься, и снова дрожь прошла по его телу.

Воин приказал себе успокоиться. «С этим я справлюсь, — мрачно настраивал он себя, — и справлюсь быстро». А если не получится, нечего и думать о спуске с утеса.

Он испытывал ужас. И хорошо понимал это. Наемник хорошо знал эти воды и опасность, которую они представляли. Рогатый Лорд видит, как часто он тренировался вместе с товарищами и жителями долины в воде, и обычно при сильном волнении.

Но сейчас другое дело. Его задача вполне реальная, как и буря, как и в ту ночь, когда он доставил трос на борт «Прекрасной русалки», как была реальна и ужасна на борту «Звезды Диона».

Услышав негромкий стук, Тарлах испытал облегчение. Вошел Рорик, и капитан сел, приветствуя лейтенанта.

Тот присел, дожидаясь, пока капитан вымажет лицо сажей и наденет черные перчатки.

— Ты поспал хоть немного? — спросил он Тарлаха.

— Нет.

«Можно позволить себе правду, — подумал Тарлах. — Вряд ли остальные отдохнули лучше».

Рорик кивнул.

— Пожалуй, я даже рад это слышать. Если бы ты был спокойнее остальных, я бы начал волноваться. — Он внимательно посмотрел на своего командира. — Ты уверен, что леди должна рисковать, участвуя в этой прогулке?

Командир повернулся и взглянул на него.

— Она плавает, как тюлень. Никто из ее людей и мало кто из наших сравнится с ней в этом.

— Но если она погибнет, нас могут обвинить...

— Возможно, мы все погибнем, — выпалил Тарлах, — если не сегодня, то чуть позже. — Потом успокоился. — У меня нет выбора. Нужно использовать лучших пловцов, и, к несчастью, Уна среди них. Плохо то, что я не могу рискнуть всеми офицерами и взять с собой тебя и Рорика. Мы вернемся. Это не самоубийство.

— Не дразни судьбу! Если Мрачный Командующий не владеет всем океаном, здесь он обладает полной властью.

Тарлах улыбнулся.

— Ну, сегодня он распоряжается только неосторожными, друг мой. Я надеюсь, никто из нас не окажется в этом виновным.

Капитан был готов. Он проверил два ножа на остроту, повесил их на пояс и взял плащ.

Теперь он почувствовал себя лучше. Ужас его не уменьшился, но последние приготовления и необходимость говорить с товарищем позволили ему отвлечься, и он обнаружил, что снова владеет собой. А когда войдет в воду, сумеет справиться со всем, что пошлет ему судьба.

Глава пятнадцатая

На широком карнизе собралась многочисленная группа. В нее входили и те, кому предстояло плыть к кораблям, и те, кто будет держать веревки и помогать пловцам спуститься в воду и подняться обратно.

Никто не разговаривал, не было никаких лишних движений, которые по какому-то капризу судьбы могли бы выдать их присутствие морякам кораблей, пытав-

шихся выбраться из бурного моря: из-за крутого поворота утеса карниз оставался совершенно невидимым для воинов на берегу.

Уна поежилась под тяжелым плащом. Буря разыгралась; казалось, с каждой минутой она набирает силу. Женщина надеялась, что они не затянули сборы, и буря еще не слишком сильна. Тарлах был прав. Им всем просто необходимо достигнуть цели и благополучно вернуться.

Хозяйка долины поискала взглядом темную фигуру капитана. Он стоял в нескольких футах от нее, без шлема, конечно, и готовился к предстоящим испытаниям, она с трудом узнала его, настолько глубокая темнота накрыла берег.

Он держался немного скованно, а лицо его было напряжено, когда они покидали Круглую башню. Она подумала, что слишком велика для него эта тяжесть. Судьба континента, всего мира — слишком большая ответственность для одного человека. И, несомненно, он не меньше других нервничал перед предстоящим. Ни один человек в здравом рассудке не станет без дрожи бросать вызов океану.

Тарлах закрыл глаза, и Уна заставила себя подавить страх. Они не умрут, но им предстоит выполнить трудную и опасную задачу, и пришло время приступить к ней.

Тарлах напряженно ждал, пока подготовят и проверят тросы. Он должен был спускаться в первой группе. Пора!

Тело его, казалось, потеряло способность координировать движения, и он опасался, что у него подогнуты ноги, когда прошел вперед, чтобы взяться за канат.

Еще не поздно. Он может отказаться...

Пальцы сжали грубую поверхность веревки — его дороги к ужасу и к спасению от него.

Фальконер опустился на колени и пополз вперед, пока не добрался до края естественной платформы. Почти сухим языком облизал пересохшие губы. Самое трудное — спуститься в эту черную пустоту, отдать себя пугающей силе, которая стала его целью.

Закрыв глаза, он повернулся лицом к утесу. Почти конвульсивно сжал веревку и медленно перевалился через край.

Казалось, он повис в пустоте. На мгновение его охватила паника, но он подавил ее, поднял ноги и коснулся ими твердой скалы.

Улучшение его физического и психологического состояния произошло мгновенно и было очень значительным. Ветер оказался не таким уж сильным. Прижимаясь к стене, воин больше не вертелся бессильно с каждым новым порывом.

Странное ощущение вызывал этот спуск по почти отвесной скале. Словно гигантский паук спускался по нити паутины. Тарлах мог бы почти наслаждаться этим необычным ощущением, если бы не помнил, что ждет его в конце.

Море теперь совсем близко. Капитан слышал рев, с которым волны обрушивались на берег. И уже ежилась под случайными фонтанами брызг. Даже дождь, сильный и холодный, не вызывал такого ощущения.

У воина перехватило дыхание, когда на него обрушился поток ледяной воды. Это все еще принесенная ветром пена, но отчасти и волна, обрушившаяся на камни.

Несмотря на неожиданность, Тарлах не выпустил канат. Падение с такой высоты не очень опасно, но фальконер предпочитал постепенно привыкнуть к хо-

лодной воде, прежде чем полностью погрузиться в нее, в тот водоворот, который образовался на месте встречи моря и суши.

Тарлах оставался на месте, пока через него не перекатились вторая и третья волны, потом выпустил трос и погрузился в бурную тьму.

За доли секунды своего падения он испытал страх, слепой примитивный ужас, как бы разум ни старался убедить его, что вода внизу без препятствий, хотя в нескольких футах отсюда они уже начинались.

Воин ударился о воду и глубоко погрузился в нее. Он погружался все глубже и глубже, чтобы уйти от беспокойной поверхности в более спокойные слои. Добравшись до них, он принял горизонтальное положение.

Капитан наемников был сильным и опытным пловцом и теперь использовал весь свой опыт. Ему необходимо было отплыть как можно дальше от белой пенной воды и сильных неожиданных потоков, которые окаймляют прибрежные утесы, прежде чем подняться на поверхность и глотнуть воздуха.

Наконец легкие предупредили его, что пора подниматься. Он пошел вверх, осторожно прощупывая дорогу, чтобы не наткнуться на камень или не быть унесенным отступающей от берега волной. К тому же в воде полно обломков, и ему не хотелось удариться о них или о скалы, усеивавшие весь этот участок. То, что на суше стало бы незначительным происшествием, в воде может оказаться смертельно опасным.

Фальконер вырвался на поверхность. Торжествующая улыбка появилась на его лице. Он действительно отплыл достаточно далеко и занял прекрасную позицию для приближения к первой цели.

Еще несколько мгновений он оставался на по-

верхности, лишь столько, чтобы глубоко вдохнуть. И сразу опустился в безопасную глубину.

Его охватило возбуждение, когда ему удалось ловко увернуться от острого камня, поднимавшегося со дна. В эту ночь наконец оправдались долгие часы тяжелых тренировок, которым он подвергал себя и своих товарищей. Даже сейчас, когда волнение наверху очень сильно и он вынужден держаться глубже, чем обычно, действует он так же привычно, словно справлялся с горячей норовистой лошадью. Теперь он знал, что они выполнят свое задание и благополучно вернутся, если, конечно, не вмешается особая прихоть судьбы.

Тарлах не был излишне оптимистичен, он хорошо знал, через что ему предстоит пройти, и потому не надеялся выйти совсем невредимым. Вода слишком темна, ее покрывали слишком много обломков, так что даже при полном спокойствии плыть было бы опасно.

Но ему удалось избежать препятствий даже удачнее, чем он смел надеяться. Четыре раза он ударился о скалу, когда был недостаточно быстр или силен, чтобы избежать столкновения, но все это были лишь царапины, даже плотная ткань, покрывавшая тело, оставалась целой. Во время второго такого происшествия он на мгновение испытал страх, когда вынырнул на вершине поднятой ветром волны. Волна подхватила и понесла его, но у фальконера хватило духа и сил снова нырнуть и спастись внизу от ярости волны, прежде чем та смогла ударить его об один из трех островков, среди которых он барахтался.

Наконец совсем рядом с фальконером показался темный корпус корабля. Выглядел он огромным и зловещим — пятно непроницаемой черноты на фоне чуть более светлого неба.

Сердце Тарлаха бешено забилося. Теперь его подго-

нял не страх, во всяком случае не тот цепенящий ужас, который он испытал в первые минуты спуска. Его охватило знакомое возбуждение перед битвой.

Он нырнул и, когда снова вынырнул, оказался под изогнутым бортом первого из отведенных ему трех кораблей.

Тарлах, оставаясь в тени корабля, подождал, пока его зрение привыкнет к темноте и станет чувствительным к малейшим вспышкам света вверху. Это нужно, чтобы относительно быстро отыскать якорный канат.

Вот он! Фальконер устремился вперед быстро и бесшумно, как акула, и схватил канат. Потом глубоко вдохнул и опустил до того места, где должен сделать надрез.

Ухватившись за канат левой рукой и ногой, чтобы получить опору, он вытащил один из кинжалов и начал пилить трос.

Волокна оказались прочными и плотно сплетенными, и даже острое лезвие перерезало их очень медленно и с трудом. Задача осложнялась тем, что ее приходилось выполнять глубоко под водой, так, чтобы случайное перемещение корабля или воды не обнаружило бы надрез преждевременно.

Относительно медленное продвижение не пугало Тарлаха. Он не опасался, что его обнаружат. Даже если бы человек с самым острым зрением посмотрел на него с палубы, он не увидел бы ни его, ни легкие движения каната. Ведь и сам корабль покачивался на волнах под ветром. Что касается лишних звуков, то Тарлах действовал бесшумно, но даже если бы они и были, он тоже не тревожился бы: он сомневался, чтобы можно было что-то услышать, кроме шума ветра и ударов волн о борт.

Наконец он убрал кинжал в ножны. Небольшая часть троса осталась нетронутой, этого было достаточно, чтобы

недолго удерживать корабль на месте. Когда буря еще усилится, всего немного, трос лопнет.

Должен быть еще один якорь. Султаниты не такие дураки, чтобы доверять в бурю единственной опоре.

Вскоре капитан обнаружил второй трос и подверг его той же операции, как и первый, только на этот раз он оставил совсем немного, только чтобы преждевременно не предупредить захватчиков об опасности. Одного взгляда на надрез достаточно, чтобы понять, что он вызван не естественной причиной.

Сделав это, Тарлах передвинулся ко второй цели. Она находилась очень близко, и ему опять повезло: буквально через несколько минут он нашел якорный канат.

К этому времени он уже немного привык к веревкам султанитов и надрезал канат быстрее.

Потом принялся искать второй, но тот все не попадался.

Фальконер приподнялся из воды, чтобы лучше видеть. Надрезанная веревка, за которую он цеплялся, была скользкой, и он не смог бы подняться по ней, но так, как вода уменьшает его вес, она служила достаточной опорой.

Используя слабый свет, Тарлах принялся искать второй канат.

Сильный порыв ветра обрушился на корабль.

Корпус под ударом покачнулся. Фальконер смотрел в другую сторону и потому поздно заметил опасность.

Голова его, казалось, взорвалась. Руки и ноги расслабились, и он пошел на дно, словно отягощенный грузом. Пытался справиться с водой, но тело ему не повиновалось. Должно быть, повреждена шея...

Тарлах пришел в себя, ощущая сильнейшую боль в

легких. Он был без сознания всего несколько мгновений, иначе уже наглотался бы воды.

И прежде чем проклинать судьбу, которая вернула ему сознание, чтобы он полностью испытал беспомощность и муки смерти, руки и ноги его начали дико биться в чисто инстинктивном усилии спастись.

Чувствуя себя почти пьяным от облегчения, Тарлах заставил себя успокоиться и пошел вверх, уже не думая о том, где вынырнет на поверхность. Лишь бы прекратилось ужасное жжение в груди.

Наемник обнаружил, что находится совсем рядом с частично перерезанным тросом. Он ухватился за него и держался, вдыхая холодный, невероятно сладкий воздух.

Постепенно дыхание его нормализовалось, и он решил продолжить работу.

Наконец нашелся и второй канат, расположенный гораздо дальше, чем на первом корабле. Тем не менее потребовалось совсем немного времени, чтобы добраться до него и надрезать.

Последний корабль был расположен на значительном расстоянии от всего флота. Султаниты, очевидно, подчеркивали особое положение командующего даже в боевых условиях. Последней целью Тарлаха был флагманский корабль, который стоял обособленно от остальных.

Фальконер погрузился в воду. «Недавняя травма не сказалась на способности плавать, — размышлял он, — хотя голова болит ужасно». В его профессии нельзя слишком задумываться о своем состоянии, если хочешь выжить, а тем более преуспеть.

Хоть и флагманский корабль, он был защищен не лучше остальных. Тарлах отыскивал канаты, и вскоре над кораблем тоже нависла угроза гибели.

Несколько минут Тарлах отдыхал. На сердце у него было тяжело. Задание выполнено, выполнено успешно, но он не радовался. Испытания еще не закончились. Остается вернуться назад, впереди долгий путь к утесу. Нужно будет сохранять предельную внимательность, чтобы спастись от нараставшей бури. Придется плыть безостановочно, зная, что самые большие усилия потребуются в конце, когда он совсем устанет.

Капитан глубоко вдохнул и нырнул. Он уже доказал сегодня, что может многое, и докажет это вторично. Необходимость мгновенно принимать решения и физические усилия вскоре вернут его к норме.

Так и оказалось. Возвращаясь, фальконер столкнулся даже с меньшими затруднениями, чем на пути вперед. Его больше не подгоняла необходимость торопиться, спало нервное напряжение, он плыл чуть медленней и потому имел немного больше времени, чтобы заметить смертельно опасные препятствия и прокладывать курс так, чтобы избежать их.

И хоть он стремился к отдыху и спокойствию, которые найдет наверху, утес все же как будто слишком быстро навис над ним, отбрасывая на море глубокую тень.

Теперь воин был в большей опасности, чем за всю ночь, если не считать того момента, когда по собственной неосторожности столкнулся с резко качнувшимся кораблем. Остальные пловцы тоже соберутся внизу. Он должен постараться не столкнуться с ними и в то же время не удариться о камни в поисках веревки.

Эти поиски оказались необыкновенно трудными. Веревки опустили очень много. Он это знал, но знал и то, что каждая — всего лишь тонкая нить в обширной

темной ярости бури. Невозможно отыскать их на поверхности, где все равно слишком темно. А вода кипит водоворотом. Там никакое живое существо не выдержит.

Тарлах как можно дольше оставался под водой, но ему был нужен воздух, и каждый раз, когда приходилось подниматься, на него обрушивались волны и обратное течение, и он в конце концов начал думать, что не выживет.

Прошло очень много времени, прежде чем Тарлах сумел найти и схватить одну из драгоценных веревок. Добившись этого, он начал пробираться по ней с лихорадочной скоростью, опасаясь, что волна вырвет канат у него из рук.

Легкие его готовы были лопнуть, когда Тарлах добрался до отягощенного грузом конца веревки. Не обращая внимание на боль, он продел ноги в петлю и отрезал камень, удерживавший веревку. Трижды быстро приподнимался и изо всех сил дергал ее. Потом принялся ждать.

Достаточно ли этого? Уловят ли наверху заранее условленный сигнал или решат, что это просто дрожь от ветра и волн?

Там должны действовать быстро! Грудь его уже разрывалась, вопреки воле легкие готовы были набрать воды и тем кончить эту страшную боль.

Тарлах знал, что остаются секунды, прежде чем этот рефлекс победит. Он начал подниматься к поверхности, таща за собой веревку. Он понимал, что, делая это, сильно рискует, но больше оставаться под водой нельзя, это тоже смерть.

Веревка натянулась. И начала быстро двигаться.

Фальконер прекратил сам подниматься и повис, поз-

волив тащить себя. Вся его воля теперь направлена была на то, чтобы не вдохнуть, не наглотаться воды.

Голова его вырвалась на поверхность. Он с такой быстротой вдохнул воздух, что сразу закашлялся. Это неважно. Ничего не имеет значения, кроме того, что он снова может дышать.

Фальконер оставался в таком состоянии оцепенелой эйфории, пока его не подняли над водой. Если он хочет избежать ранений на этой последней стадии пути, ему еще предстоит работа.

Как уже делал во время спуска, он с помощью ног отталкивался от стены. Получалось труднее. Усилился ветер. Он яростно набрасывался на воина, угрожал сбросить вниз, даже так близко от безопасного берега.

И дождь тоже мог сорвать его с веревки. Он падал, казалось, сплошной стеной. Эта стена словно наносила сильные удары по телу.

В редкие моменты затишья Тарлах прислонялся лбом к веревке. Он был бесконечно рад, что ему не нужно применять собственную силу.

Он все равно не смог бы это сделать. Слишком долго пробыл в воде. Мышцы его утратили гибкость, обычно проворное тело казалось тяжелым и неуклюжим, словно сделано из плотной тропической древесины. Даже если бы воин потребовал от него усилий, тело не послушалось бы его. Он был прав, когда приказал, чтобы пловцов поднимали сверху.

Подъем занимает слишком короткое время, чтобы холод при нынешней температуре стал серьезной опасностью, тем не менее его нелегко выдержать, как будто сама природа мстила за жертвы, которые вызовут его действия этой ночью. Холод принимал сквозь разорванную одежду, как когти тех злобных существ, что обитают в Большом Зале Демонов.

Руки Тарлаха онемели, но он еще крепче цеплялся за веревку. Если разожмет их сейчас, упадет и, вероятно, разобьется о скалы.

Кончится ли когда-нибудь этот утомительный подъем?

Тарлах заставлял себя ждать, подавляя нетерпение. На неудобства он перестал обращать внимание, решив, что их все равно не избежать. Ему нужно вытерпеть, и он намерен это делать, как подобает фальконеру. Как бы ни было трудно, он знал, что когда-нибудь это закончится.

И действительно. Тарлах увидел над собой в нескольких дюймах край карниза. К нему протянулись руки, подняли его и поставили на ноги. И он стоял на прочной поверхности, тяжело опираясь на Бреннана. На него набросили плащ, поднесли к губам фляжку. Спиртное полилось в рот, и приятное тепло разлилось по застывшему телу.

Здесь же был и Рорик. Он принял на себя часть веса пловца.

Два лейтенанта заставили Тарлаха пройти к крутой тропе, ведущей в долину.

Но капитан сопротивлялся. Он еще не может...

Бреннан понял, что его держит.

— Уна уже в долине, — закричал он, чтобы Тарлах услышал его сквозь рев ветра и грохот прибоя. Можно было не опасаться, что услышат враги. — Ты один из последних.

Тарлах благодарно кивнул. Он пошел с товарищами, позволил почти нести себя к месту, где стояла его лошадь. Командира посадили в седло.

Бреннан тоже сел верхом, и два наемника поехали к Круглой башне, оставив Рорика заканчивать работу.

Глава шестнадцатая

Тусклый сероватый свет заполнял команту, когда проснулся капитан. За покрывавшими его тяжелыми одеялами воздух холодный, слышен приглушенный вой ветра и удары дождя, оглушительные раскаты грома. Гром сопровождался ослепительными вспышками, которые заставляли на время зажмуриться, пока глаза не привыкали к яркому свету.

Тарлах вздрогнул, подумав о тех, кто мог сейчас оказаться в воде, и на них обрушиваются эти удары молний.

Его затошнило. Он и его товарищи хорошо справились со своим делом, и сейчас в таком беспомощном положении должно находиться немало людей.

Не обращая внимания на холод, он сел.

У окна стоял Бреннан. Он смотрел наружу, хотя мало чего можно было разглядеть сквозь дождь и сильный ветер, и сразу повернулся, услышав, как пошевелился командир.

— Можешь снова ложиться. Леди Уна приказала пловцам еще несколько часов провести в постели. Она хочет, чтобы все отдохнули и пришли в себя, прежде чем начнется нападение.

— Сама она тоже так поступила? — недоверчиво спросил Тарлах.

— Она не ранена, и кто-то должен распоряжаться.

— Она не может руководить воинами!

— Мы с Рориком присматриваем за положением. Все под контролем. Ничего не произойдет, пока продолжается буря, но на всякий случай наши люди на стене, и подкрепление готово. — Он нахмурился. — Оставайся на месте! Никогда не подумал бы, что предпочту женщину своему командиру, но у нее достаточно здравого

рассудка. Позже не будет времени для сна, так что пользуйся этой возможностью сейчас.

Бреннан подошел к постели. Сел на край.

— Как ты? Ты получил сильный удар по голове. Мы боялись, что ты серьезно пострадал.

Тарлах улыбнулся.

— Для этого у меня слишком толстый череп.

Он рассказал о случившемся.

Слушая, лейтенант поджал губы.

— Тебя спасло то, что ты был в воде, — рассудил он, когда командир закончил. — Тебя не раздавило, а просто погрузило в воду. Но все равно тебе невероятно повезло.

— А как остальные?

— Все в порядке. Несколько серьезных порезов, но ничего такого, что помешало бы участвовать в бою. Большинство, вероятно, все еще спят.

— Где Бросающий Вызов Буре? — спросил Тарлах, неожиданно заметив пустой насест у кровати.

— Дуется вместе с Солнечным Лучом и Брейвери. Им не понравилось, что их ночью закрыли в Круглой башне.

— Соколы не дуются!

— Очевидно, кошка научила их. — Выражение лица Бреннана стало тревожным. — Леди Уна связана с ней, верно?

— Да, — спокойно ответил Тарлах.

— Ты давно это знаешь?

Фальконер кивнул.

— Я боялся реакции наших, когда это станет известно. А ведь нам в Морской Крепости нужно единство.

— Я уже говорил тебе, что нужно больше нам доверять, Тарлах. — Бреннан встал, подошел к окну и стоял, повернувшись к командиру спиной.

Горный Сокол опустил голову. Ему стало стыдно. Выговор он заслужил, особенно ввиду самоотверженной поддержки этого человека, всего отряда.

— Прощу прощения, друг мой. В последнее время я иду незнакомыми путями и боюсь, что часто мои суждения бывают недостаточно взвешенными.

— Я это знаю, — устало ответил Бреннан. — Мы все в таком положении, но ты должен вести особую войну, мы все хотим принять в ней участие, точно так же как выполнить свой долг на стене крепости.

Тарлах вздохнул.

— Хотел бы я...

Он прижал пальцы к глазам. У него хватает забот и без этого.

— Который час?

— Три часа пополудни.

Глаза капитана потемнели. День почти закончился.

— Как дела на море?

— Как мы и предполагали, судя по тому немногому, что можно было увидеть. — Лейтенант посмотрел в окно. — Может, даже хорошо, что мы не все видели. Не считаю себя изменником, говоря это. Смотреть на такое нелегко.

— Ты прав, — мрачно согласился Тарлах. — Кем бы они ни были, нельзя спокойно смотреть, как гибнут люди от силы, с которой ничто человеческое не справится.

Весь остаток дня и всю следующую ночь ярость бури не стихала. Перед рассветом, однако, море стало успокаиваться, и буря прекратилась так внезапно, что на утро остался только сильный дождь. К этому времени видимость улучшилась, и предводители Морской Крепости собрались у окна помещения для совещаний.

Находясь рядом с товарищами, Тарлах чувствовал себя изолированным от них, от всего окружающего мира. Тело его было напряжено, лицо застыло в суровой маске.

Он разглядывал берег и океан, который был почти лишен кораблей, оставшиеся выглядели жалко как обломки крушения, которые никогда больше не смогут плавать. Могучий флот Султана был уничтожен. Не осталось ни одной шлюпки.

Берег был усеян обломками и другими предметами. Море начинало отдавать свои жертвы.

Не все тела на берегу принадлежали морякам с кораблей. Большая часть как раз нет. Буря со страшной яростью обрушилась на берег, и значительная часть армии захватчиков не смогла уберечься от страшных голодных волн.

Тарлах опустил голову. Возможно, погибла половина армий султанитов — во всяком случае не меньше трети, — но что означает это массовое убийство для Морской Крепости? Противостоящие силы так ничтожны, что вряд ли могут считаться препятствием.

Мысли правительницы долины были чуть светлее. Уна наблюдала, как ошеломленные чужаки собирают тела мертвецов для сожжения — необходимая предосторожность: они понимают, что иначе в невероятно тесном, перенаселенном лагере начнутся эпидемии. Остатки разбитых кораблей дали необходимое топливо для мрачной работы, все равно живым они уже служить не могут.

— Теперь они отсюда не уплывут, — промолвила Уна. Говорила она скорее сама с собой, чем с окружающими. — Этого мы, по крайней мере, достигли, спасли своих соседей.

— Не будем слишком гордиться этим, — ответил ей

Тарлах, отрываясь от своих мрачных мыслей. — Буря это сделала бы и без нашего вмешательства.

Уна покачала головой.

— Думаю, нет. Осталось бы меньше половины флота, может, всего четверть, но и этого было более чем достаточно, чтобы принести горе ничего не подозревающему порту.

— Но мы сделали еще более отчаянным наше собственное положение, — напомнил Горный Сокол, не отрывая взгляда от берега. — Теперь у них нет выбора. Они должны перебить нас.

— Мы это понимали и раньше, — спокойно возразил Бреннан. — Это сброд в такой ситуации разбежался бы, но мы так не поступим.

— Как по-твоему, когда они начнут? — спросила Уна капитана. До сих пор их защищала буря, но все понимали, что передышка будет недолгой.

— Я бы сказал, где-нибудь около полудня. Вначале они разобьют лагерь и обеспечат безопасность припасов. Им повезло: большую их часть они сберегли и теперь не станут ими рисковать.

Он впервые отвернулся от окна.

— Мы получили предупреждение. Передайте тем, кто стоит на стене, чтобы ожидали неожиданного нападения. Приведите в готовность все резервы. Подкрепления должны быть у стены почти немедленно, если мы хотим ее удержать. После первого удара мы будем держать там все силы: нам больше не нужно будет скрывать их.

— Может, переместить сейчас? — с сомнением предложил Рорик.

Тарлах покачал головой.

— К этому времени враг уже обнаружил перерезанные канаты и знает, что это дело наших рук. Я бы сохранил наши истинные силы в тайне еще немного.

Скоро чужаки все равно об этом узнают, и у нас не будет больше оружия против них, кроме своего мастерства и мастерства наших товарищей в владении мечами.

Глава семнадцатая

Руфон скакал по узкой долине, не оглядываясь на Круглую башню и на океан, на котором вскоре должны появиться корабли врага.

Его не оставляло ощущение, что его задача безнадежна, что он не сможет спасти тех, кого любит. Горный Сокол и леди крепости будут каждый день участвовать в самых ожесточенных схватках. Даже со всем их умением очень вероятно, что они не смогут избежать вражеских мечей до его возвращения.

Еще долгие недели долина не получит никакой помощи. Надо признать этот факт и все, что из этого исходит. Линна далеко от окруженной морем крепости, и их разделяет дикая, труднопроходимая местность. Ему повезет, если он вообще пересечет ее и сумеет вернуться, не встретившись с каким-нибудь препятствием или чем-то иным, что его задержит.

Руфон заставил себя успокоиться. Нет смысла сердиться на обстоятельства, которые он не может изменить, а энергию лучше потратить для других целей.

Шло время. Промелькнули две недели в неизменном распорядке, который Руфон установил для себя и своих животных-спутников. Ему везло, и никаких непредвиденных задержек не случилось.

Остановки, которые он вынужден был делать, давались ему тяжело. Но все равно приходилось останавливаться, чтобы отдохнуть самому и дать отдохнуть животным. Руфон горько сожалел, когда

наступала темнота и он был вынужден делать привал. Сколько часов потрачено зря, а ведь они могут решить судьбу Морской Крепости и всего мира.

Но выбора не было. Расстояние, которое предстояло ему преодолеть, слишком велико для непрерывного марша, который проделал Горный Сокол, скакавший в Лормт с леди Уной на руках. Без еды и отдыха и человек, и лошадь упадут задолго до конца пути.

Но это, по крайней мере, предвиденные остановки. Однако если вмешаются другие силы, они могут отобрать гораздо больше времени у тех, кто будет спасать осажденную долину.

Погода постепенно ухудшалась. Пока только шел сильный дождь. Он сделал поездку неприятной, но серьезно не мешал. Но буря все усиливается и к утру может превратиться в настоящий ураган, если не вмешается какое-нибудь чудо. И когда она достигнет своего пика, придется задержаться и переждать.

Прошло несколько часов. Руфон начал нервничать и резко изменил направление своего движения, оставив далеко внизу ущелье, по которому двигался.

Более крутые неровные склоны высокогорья могут замедлить его движение, но узкое ущелье слишком легко при таком ливне может превратиться в речное дно. И Руфон не хотел оказаться захваченным таким наводнением.

Ему все равно пришлось бы сюда подняться. Вверху есть большая пещера, которой часто пользовались путники из Морской Крепости во время своих нечастых поездок в Линну. В этой части пути пещера — единственное место, где можно укрыться от непогоды.

«Надо найти ее, и поскорей», — мрачно думал вете-

ран. Дело не только в удобстве и безопасности. В такую бурю человека всегда подстерегают опасности в пути, которые не дают двигаться дальше, тем более по высокогорью.

Он уже миновал бы пещеру, но буря и недавнее изменение направления пути замедлили его продвижение, поэтому пещера должна быть еще впереди.

Руфон из Морской Крепости отчаянно надеялся, что это именно так. Если он каким-то образом миновал единственное место, которое может укрыть его и лошадь, если не заметил темного входа в нее в один из моментов, когда дождь особенно усиливался и видимость резко сокращалась, тогда им предстоит провести тяжелую и опасную ночь. К тому же становится все холодней, больше ломается ветвей и даже целых деревьев.

Руфон крепче сжал и так уже плотно сомкнутые губы. Его миссия может закончиться еще до того, как на рассвете просветлеет небо.

Вот! Зияющая чернота пещеры, которую он ищет, перед ним.

Руфон хотел побыстрее оказаться внутри, укрыться вместе с лошадью в убежище, но он слишком привык к воинской дисциплине, чтобы позволить себе действовать неосторожно. И потому натянул поводья.

Вестник внимательно следил за лошадью и соколом, которого укрыл под своим плащом. Буря мешала полагаться на собственные чувства, но у животных есть и другие способности. Они у его хорошо натренированных боевых спутников очень обострены.

Но животные не проявляли никакого волнения, и Руфон двинулся вперед, по-прежнему сохраняя осторожность.

Сойдя с седла, он пошел к пещере пешком. Под плащом у него факел и огниво, которые он приготовил на такой случай.

Сокол первым устремился в пещеру, опередив воина. Там самка оставалась несколько секунд, потом вернулась, сделала круг и снова улетела в пещеру, подальше от непогоды.

Несмотря на это заверение, воин вошел настороженно. Он прижался к правой стене.

Никто не прыгнул на него, и он поторопился зажечь факел и осмотреть пещеру.

Руфон оказался в большом помещении примерно в тридцать квадратных футов. Стены и потолок грубые, с трещинами и впадинами. Две расселины ведут дальше в глубину горы. Потолок, вероятно, очень высокий в сравнении с другими размерами пещеры: его не видно в слабом свете факела.

Одна особенность этого места очень понравилась Руфону — небольшая пещерка слева от входа, словно специально созданная для нужд путников. Оттуда не будет пробиваться свет, который может выдать его присутствие, и там можно сохранить немного тепла.

Руфон снова вышел наружу. Буря, по-видимому, продержит его в убежище какое-то время, и так как оставалось еще несколько светлых часов, ему лучше использовать их для поиска дров. Имеющиеся запасы стоит поберечь. Он еще не достиг Линны.

Вечером сумерек почти не было, сразу опустилась полная темнота.

Ветеран сидел, намереваясь переждать бурю. Небольшой костер почти не разгонял холод и влажность, но это не слишком тревожило Руфона. Ему часто приходилось ночевать и в худших условиях. Холод не такой

сильный, чтобы причинять страдания, а у костра одежда постепенно высохнет.

Голод тоже не проблема. У него есть дорожный паек, сухой и почти безвкусный, но он наполняет желудок и удовлетворяет потребности организма, и воин не соби-рался жаловаться на отсутствие вкусной пищи.

Вообще он слишком устал, слишком измучен физи-чески и душевно, чтобы заботиться о чем-то, кроме самого необходимого. Жесткий пол пещеры не помеша-ет ему проспать всю ночь.

То немного, что у него было, он разделил со спутни-ками. Эти соколы — боевые птицы, они неприхотливы и привыкли заботиться о себе сами, тем не менее люди о них заботятся, и Руфон решил уделять самке не меньше внимания, чем фальконеры. Ей тоже, несо-мненно, не нравится сырость и холод, и если плащ и тепло его тела могут ей помочь, он готов предложить и то и другое.

Всю ночь и весь последующий день ревела буря, и посланник сдерживал нетерпение, заставляя себя спо-койно ждать.

Он редко оставлял пещерку, только несколько раз выходил в большее помещение, чтобы присмотреть за лошадью. Во внешней пещере было холодно и очень сыро, через широкий вход задувал ветер и приносил с собой дождь. Сквозь ливень все равно ничего не было видно, и воин не выходил наружу, да и осторожность к этому не располагала. Он знал, что здесь они в безопас-ности от нападения людей и зверей.

Только однажды Руфон остановился у входа дольше, чем несколько минут. Он только что поужинал и начал подбрасывать дрова в костер, когда услышал грохот и скрежет, гораздо громче обычных раскатов грома.

Руфон вскочил и бросился к выходу. Он ничего не смог увидеть и возблагодарил за это Пламя. Это грохочет внезапно высвобожденный водный поток, пронсясь внизу по долине. Если бы он поднялся по склону так, что стал бы виден Руфону, вероятно, он мог бы затопить и пещеру. Неизвестно, выдержали бы животные и он натиск воды, и Руфон был рад, что проверить это ему не придется.

Посланник опустил голову. Он поступил разумно, остановившись в пещере, чтобы переждать бурю, но когда думал о цене, которой придется заплатить за задержку, сердце его сжималось.

Он думал и о том, как дела в Морской Крепости. Успели ли там закончить стену до начала бури? Прибыли ли султаниты? Призрак утверждал, что к этому времени они уже должны появиться.

Если это так, то долина, которую они собираются завоевать, встретила их неласково. Руфон знаком с бурями, и эта захватила не только район пещеры. Пока сохраняется такая погода, сражение не начнется, достаточно борьбы с ветром и прибрежными волнами.

Ветеран вернулся к костру, предварительно стряхнув с плаща дождевую воду. Незачем приносить с собой дополнительную сырость.

Прислонившись к стене, он приказал себе расслабиться. Он почти не отдыхал с того времени, как покинул Морскую Крепость, и не сможет отдохнуть, когда буря пройдет. Нужно благоразумно использовать передышку.

На следующее утро, перед самым рассветом, буря наконец выдохлась.

Дождь все еще шел, но путешествие снова стало возможно, и Руфон отправился в дорогу, как только

убедился, что погода действительно изменилась, а это не просто передышка в буре.

Он двигался с бешеной скоростью после длительного отдыха, потому что понимал, что каждую минуту в Морской Крепости льется кровь у недавно сооруженной стены, если эта стена еще держится.

Еще три дня продолжалась дорога, пока наконец, перевалив через последний подъем, Руфон не увидел перед собой город Линну.

Здесь он остановился, чтобы передохнуть и разглядеть лабиринт зданий. И тут же в торжестве и надежде поднял голову. Вокруг морского порта всю местность занимал огромный лагерь. Те, кого он ищет, безусловно, здесь.

Стиснув бока усталой лошади, он начал последний этап своего долгого пути.

Неожиданно в его сознании возник вопрос. Фальконеры скрывают от людей из других племен не только свое лицо, но и ранг и вообще все личные признаки. Как он найдет того, кто ему нужен? Отведут ли его, жителя долины, не обладающего никакой властью, прямо к главнокомандующему просто потому, что он принес с собой Призыв Крови и должен немедленно поговорить с командиром?

Руфон улыбнулся и слегка коснулся пальцами гордо поднятой головы сокола.

— Ну, Крылатая Леди, — обратился он к самке, — я думаю, это твоя работа. Отыщи главнокомандующего твоих друзей и сообщи ему то, что он должен о нас знать.

Он умел разговаривать с боевыми птицами не больше, чем с лошадью, но самка негромко крикнула и поднялась в воздух, целеустремленно направившись к лагерю.

Вскоре навстречу Руфону выехали два фальконера, они проводили его в лагерь. Остановились они перед большой палаткой примерно в центре лагеря и сразу удалились, отдав приветствие человеку, стоявшему у входа.

Предводитель фальконеров был высок и строен, его жилистое гибкое тело напомнило Руфону Тарлаха. Бесспорно, это был ветеран, участвовавший во многих сражениях, и человек, давно знакомый с грузом ответственности. И осанка, и черты лица, те, что видны из-под шлема, свидетельствовали об этом.

Как поступил бы и Горный Сокол, этот человек сделал быстрый шаг вперед и схватил лошадь Руфона за узду.

— Приветствую тебя именем Рогатого Лорда, житель долины, — проговорил он. — Слезай, мои адъютанты позаботятся о твоей лошади, а ты заходи. Я приказал, чтобы для тебя приготовили еду и питье.

Внутри палатка оказалась разделенной на две части, в большей части главнокомандующий работал в меньшей, очевидно спал. Обставлена палатка очень удобно. Руфон даже удивился этому. Осмотревшись, он решил, что тут живет человек дисциплинированный и обладающий хорошим вкусом.

Но только одно мгновение мог он потратить на то, чтобы ознакомиться с жилищем командира. Главнокомандующий посмотрел на него. Глаза у него были светлые, почти серебряные, и смотрели так пронизательно, словно проникали в самую глубину души.

— Крылатая доложила, что ты принес Призыв Крови, — продолжил Варнел.

Руфон кивнул.

— Да, лорд. — Фальконеры обычно не пользуются титулами, но этот человек правит своим народом и

вполне достоин такого титула. — От отряда, размещенного в Морской Крепости. Капитан прислал меня с посланием, в котором подробно рассказывается о сложившейся ситуации.

Главнокомандующий взял толстый пакет, но продолжал разглядывать вестника.

— Ты знаком с его содержанием?

— Да, милорд. Письменный доклад может быть потерян или уничтожен, а было необходимо, чтобы информация обязательно дошла до тебя. Сокол, несомненно, уже ответил на твои вопросы.

— Как тебя зовут, человек из долины?

— Руфон. Я адъютант леди Уны, правительницы долины, и был адъютантом ее отца, лорда Харварда, до его смерти.

— Благодарю тебя, Руфон, — сказал Варнел. Он посмотрел в сторону входа: адъютант главнокомандующего откинул входной занавес. — Твоя еда готова. Ешь и отдыхай, пока я прочту это. Потом я пришлю за тобой, чтобы ты ответил на вопросы и, может быть, дал свою оценку положения. Мнение уроженца местности всегда полезно, когда планируешь действия.

— Я к твоим услугам, милорд.

Прошло уже два часа после заката, когда Руфона вновь пригласили в палатку главнокомандующего.

Варнел вежливо приветствовал его, но в его поведении была заметна озабоченность и какая-то тяжесть: он прочел письмо капитана и серьезно воспринял угрозу.

— Когда ты отправился в путь, захватчики еще не прибыли?

— Нет, лорд. Но если сведения призрака верны, сейчас они должны уже быть там.

— Ты веришь этому призраку? — спросил Варнел.

— Горный Сокол верит. Я знаю воина, лорд, и доверяю его мнению.

— Кто такой Горный Сокол?

Руфон покраснел.

— Это капитан. Так его называли в Лормте, и мы, в Морской Крепости, подхватили это имя. В нем нет никакой обиды, просто трудно работать с человеком, имени которого не знаешь.

К удивлению Руфона, главнокомандующий улыбнулся.

— Знаю. Мы часто сталкиваемся с этой проблемой.

В следующий момент лицо его вновь омрачилось.

— Шестьдесят тысяч человек. Я не наберу и трети этого количества. Твой Горный Сокол прав. Если их не удастся удержать в таком месте, где они смогут одновременно вводить в действие ограниченные силы, остановить их будет невозможно. Послужит ли этой цели стена, удалось ли вообще завершить ее возведение...

— Мы узнаем это, только когда доберемся до Морской Крепости, милорд.

Серебряные глаза пристально смотрели на него.

— Я слышал странные рассказы о Морской Крепости и Рейвенфилде, — сказал Варнел. — Фальконер раньше никогда не занимал такое положение, и мне интересно, каковы планы моего капитана. Его товарищи проявили непонятную скрытность об этом деле, когда осенью побывали в моем лагере.

— Это дело фальконеров, лорд, — осторожно ответил Руфон.

— Ты хочешь защитить капитана?

Руфон поднял голову.

— О чем ты спрашиваешь? Горный Сокол не сделал ничего такого, что навлекло бы бесчестье на него само-

го или на его народ. Сколько я его знаю, он проявляет исключительную храбрость, благородство и прямодушие. А что касается защиты, — почти свирепо добавил ветеран, — то я отдал бы свою жизнь, даже свою душу ради него, как любой другой мужчина, женщина или ребенок в Морской Крепости. Мы преданы ему не меньше, чем леди долины.

Главнокомандующий снова улыбнулся.

— Мир, житель долины! Итак, способность моего сына вызывать к себе преданность распространяется за пределы нашего народа? — Он заметил удивление Руфона. — У нас принято так называть молодых воинов, которых мы обучаем.

— Он вызывает такое отношение, потому что заслуживает его, — заверил Руфон. — Разве ты не слышал, как он спас моряков салкаров?

— Слышал, и от своих воинов, и от самого капитана Эльфторна. Он охотно рассказывал о своем спасении и о последовавших за этим событиях.

— Значит ты знаешь, что капитан... твой сын... может служить гордостью всего вашего народа. — Руфон неловко поерзал. — Время идет, милорд. Ты теперь предупрежден, но другие долины еще нет. Не пошлешь ли гонцов...

— Нет.

Руфон вскинул голову.

— Прости, что побеспокоил тебя, командующий. Мне до ночи нужно проехать еще немало миль...

Варнел поднял руку, призывая к спокойствию, в то же время он негромко рассмеялся.

— У тебя характер такой же горячий, как у Горного Сокола. Успокойся, Руфон из Морской Крепости! Я не пошлю вестников, потому что уже сделал это.

Руфон покраснел.

— Прошу прощения.

Фальконер снова рассмеялся, на этот раз громче.

— Не нужно. Я дразнил тебя. Садись. Даже наемникам нужно время, чтобы свернуть такой большой лагерь. Огромная тяжесть словно спала с плеч Руфона.

— Вы отправитесь со мной?

Главкомандующий кивнул.

— Все, кроме выздоравливающих, которые останутся охранять деревни, и вестников, о которых я говорил. Я много слышал о Морской Крепости и Рейвенфилде и хочу взглянуть на них собственными глазами. Мне бы не хотелось, чтобы эти земли были захвачены, а их жители перебиты.

Глава восемнадцатая

Тарлах позволил своему усталому телу соскользнуть вдоль стены, пока не сел на платформу. Он закрыл глаза и попытался забыть о том ужасе, что уже почти месяц заполняет его жизнь.

Но сразу же открыл их. Бесполезно. Реальность слишком жестока, и одним желанием и волей от нее не избавишься.

Все казалось странно спокойным. Защитники настолько устали, что не могли даже поблагодарить тех, кто принес им еду и питье, а султаниты почти не шумели, убирая своих мертвецов. «Им не нужно разговаривать, — тупо подумал Тарлах, — эта работа теперь стала для них привычной».

Да и ему все слишком знакомо.

Капитан приподнялся и посмотрел вправо и влево вдоль платформы. Слишком много отсутствует тех, кто стоял на ней почти пять недель назад, когда султаниты начали первый натиск. Стена, которую соорудили так

торопливо, оказалась превосходной защитой, но не могла защищать всех бесконечно, отражать все удары и стрелы. Конечно, не все отсутствующие мертвы. Большинство просто ранены, но немало воинов отправилось занимать свои места в Залах Доблестных.

Тарлаха охватил приступ горя, когда он подумал о тех, кого больше никогда не увидит в мире живых.

Есть ли среди них Рорик? После последней схватки лейтенанта унесли вниз с копьем, пронзившим тело. Такие раны в грудь не обязательно смертельны, но все же очень многие от них умирают, даже те, о ком заботится Дария.

Если лейтенант умрет, Тарлаху будет его очень не хватать. Впрочем, как и всем будет не хватать мастерства и храбрости Рорика. Какой бы ни была его рана, на стену он больше не вернется. Либо умрет, либо придет подкрепление и султанитов отгонят задолго до его выздоровления.

Очень многие могли бы покинуть бой из-за ранений. Не было ни одного бойца, на теле которого не оказалось бы раны, и мало кто из соколов остался невредимым. Большинство ранено неоднократно, и раны такие, что при других обстоятельствах воина давно бы заменили.

Но здесь такой возможности нет. Пока солдат держится на ногах и способен отражать нападение, пока боевая птица может летать и сражаться, они должны оставаться на месте.

Самому Тарлаху до сих пор везло. Во время осады он получил с полдюжины ран и порезов, но они не ограничивали его боеспособность и даже почти не причиняли неудобств. Ничего похожего на то, что он назвал бы болью. Хвала Рогатому Лорду, Бросающий Вызов Буре тоже невредим.

Горный Сокол чуть распрямылся. Он критично ос-

мотрел свое копьё, и острие и древко. Врагам понадобится немного времени, чтобы убрать павших и снова начать нападение. Когда этот момент наступит, атака немедленно возобновится.

Губы фальконера упрямо сжались. Тарлах не наслаждался происходящим убийством, тем более ему не раз приходилось восхищаться упорством и храбростью противника.

Нужно отдать им должное, этим воинам султанитам. Они падают, как мотыльки в пламени, дрожат от холода и иногда погружаются в воду за своим песчаным укреплением, они выдерживают нечеловеческую скученность, видят, как гибнут их раненые товарищи, которые выжили бы, если бы не нестерпимые условия, в которых находится армия. И тем не менее каждый раз бросаются в бой с настойчивостью и одержимостью, которых не было бы ни у самого фальконера, ни у его подчиненных.

Конечно, их поддерживала надежда, нет, даже уверенность в том, что они неизбежно победят. Солдаты захватчиков видели, как мало у них противников. И понимали, что нужно только измотать их до тех пор, пока на стене не окажется совсем мало защитников. Нужно, чтобы остался незащищенным один пост, всего один. Если они смогут в одном месте преодолеть стену, обойти жалкую кучку защитников, все кончится в несколько минут.

И офицеры, и воины захватчиков наступали все упорней. Гордость их была задета: их удерживала такая ничтожная горстка людей. Помимо того, что их подгоняли гордость и приказ их бога Султана, они понимали, что им необходимо победить. Необходимо прорвать стену раньше, чем кончатся припасы, пока не начались

болезни. А они неизбежно начнутся на этом тесном берегу, хотя тела погибших ежедневно сжигали.

Медные трубы прозвучали за стеной, и высокий пронзительный крик, от которого содрогнулся далекий мир султанитов, разорвал воздух.

Уна вскочила. Они снова идут, снова накатывается нескончаемое море пурпурных тюрбанов, море ненависти и смерти.

От стрел защитников упал первый ряд нападающих, но шедшие сзади перепрыгивали через тела убитых, когда те еще не успевали коснуться земли, и бежали к упрямой стене.

Тут они начинали карабкаться, один поддерживая другого, образуя живые лестницы, чтобы поднять товарищей на расстояние рукопашной с теми, кто не пускает их в Высокий Холлак.

Над стеной показался тюрбан. Правительница долины подождала еще секунду, потом ударила по появившейся голове. Первого сменил второй, затем третий.

Уна старалась не смотреть им в лица, вообще не думать о них. Она занята не работой мясника, где тебе ничего не угрожает и убивать так легко. Каждый противник, который успевает пустить в ход оружие, смертельно опасен.

Один сумел подняться на стену. Уна первым ударом не сумела сбросить его, и прежде чем она снова смогла пустить в ход оружие, рядом с первым врагом появился второй.

Женщина вонзила копье в сердце первого и быстрым движением высвободила оружие, в тот же момент, сжимая в руках древко, повернулась лицом ко второму воину.

Захватчик изо всех сил рубанул ятаганом по древку. Прочное древко разлетелось, словно стекло.

Владелица долины предвидела это и не расстерялась даже на мгновение после уничтожения своего орудия, как надеялся враг. Нападение султанита было быстрым, но неосторожным, фатально неосторожным, и Уна ударила обломком копья, пронзив им противника.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы свалить этих двоих, но за это время на стене появился третий воин.

Женщина нагнулась, едва избежав широкого взмаха ятагана. И оставшейся частью копья ударила захватчика в лоб. Конечно, это не дубина, но Уна всю свою силу вложила в удар. Султанит схватился руками за лицо и упал назад, на головы товарищей, прихватив их с собой в падении.

Уна распрямилась и извлекла меч, встречая следующего противника, но Солнечный Луч впиалась ему в лицо, и тот упал, оружий и ослепленный, в кишашую массу людей внизу.

Сколько еще будет продолжаться нападение? Уже поздно, сумерки все сгущаются, но ее позиция не единственная, которая оказалась в опасности, а султаниты продолжают нажимать.

Битва продолжалась в сгущающейся темноте, но первоначальный успех, достигнутый ожесточенным натиском, не удалось развить. Защитники отбросили нападающих от стены и удерживали их, и наконец прозвучал долгожданный сигнал отступления.

Тарлах подождал, пока не убедился, что сигнал истинный, что это не просто перегруппировка сил, потом отдал аналогичный приказ.

Как только появилась смена, он спустился со стёны.

Душа и тело его так устали, что он с трудом заставил себя вытереть лезвие запачканной кровью тряпкой, которую он держал для этой цели, и спрятал его в ножны.

Как и остальные офицеры, которые нуждались в свежей голове, чтобы быстро и точно принимать нужные решения, он ночью будет спать вдали от стены.

Сержанты и рядовые разделены на несколько смен, так что примерно треть спит ночью, как и командиры, а на следующий день несет относительно легкую резервную службу. Остальные две трети остаются на стене, по очереди дежуря в ожидании внезапных и яростных нападений.

Хорошо еще, что есть и такой отдых. В первые четыре дня передышек вообще не было. Тогда султаниты посылали нападающих волну за волной, час за часом без перерывов, даже не расчищая от трупов пространство у этого отчаянно защищаемого барьера, пока наконец не поняли, что сами слабеют от недостатка отдыха, а удобная позиция позволяет противнику сохранять ее, несмотря на малочисленность. И так как выяснилось, что сражаться придется еще неизвестно сколько дней — никто не думал, что битва растянется на недели, — султаниты вынуждены были отступать на время темноты.

Капитан фальконеров вначале прошел в дом, который отвели для серьезно раненых, где их обрабатывали перед отправлением на высокогорье.

У входа стоял, опустив голову, Бреннан.

Сердце Тарлаха дрогнуло, хотя он не удивился.

— Умер? — испугался он, подходя к лейтенанту.

— Кто, Рорик? Нет. В сущности он ранен не очень серьезно и со временем оправится. Его уже увезли.

Тарлах кивнул. Группа, подносившая припасы, появ-

лялась с наступлением темноты. Обратно уносили с собой раненых.

— Подкрепление есть?

— Десяток из Клифдейла.

«Недостаточно», — устало подумал командир. Конечно, они немного помогут — каждый новый меч не лишний, — но нужно гораздо больше.

Соседние долины ответили на призыв Морской Крепости, как и предсказывала Уна: щедро присылали припасы, но очень мало бойцов.

Плечи Тарлаха повисли. Сколько они еще продержатся, пока потери, пусть поразительно малые, не лишат его резервов? Придется увеличить дистанцию на стене между защитниками. Уцелевших солдат станет слишком мало, чтобы удерживать нападающих. Неужели он сошел с ума, решив, что Морская Крепость продержится, пока подмога преодолеет расстояние от Линны? И придет ли эта помощь вообще?

Горный Сокол заставил себя снова выпрямиться. Такие мысли он должен держать при себе, ни с кем нельзя ими делиться. И нужно скрывать тот факт, что его измучили эти мысли. Нельзя проявлять слабость перед теми, кто надеется на него, даже перед лучшим другом.

Тарлах знал, что нужно поесть, но не мог заставить себя. Он хотел только просмотреть отчеты Уны и Бреннана, который в этот день командовал резервами, принять необходимые меры и погрузиться в забвение на несколько драгоценных часов, которые предоставил ему враг.

— Капитан!

Тарлах повернулся и увидел приближающуюся хозяйку долины. Он быстро пошел ей навстречу. Леди Уна поражала его. Она держалась лучше всех его офицеров.

Конечно, она побледнела, лицо ее осунулось, но энергия не уменьшилась. Точнее, поправился он, она старается, чтобы так это выглядело, потому что понимает, как он расстроится и насколько командующему Морской Крепостью необходимо опираться на своих офицеров. Жители долины оказались сильны и упорны, а эта женщина — сильнее и упорнее всех.

— Какие новости, леди? — спросил Тарлах, приблизившись к ней.

— Подкрепление пришло, хотя их очень немного и они нам мало помогут. Но все равно нужно их поприветствовать.

Тарлах пристально посмотрел на нее. Она явно не радуется подкреплению, и это удивило его.

— Подкрепление? Сколько человек?

— Сто двадцать. Из Рейвенфилда. — Глаза ее затуманились. — Что им здесь нужно? У нас хватит дел и без заботы о них.

— Молчи! — грубо оборвал капитан, удивив ее. — Они пришли с оружием, чего нельзя сказать о твоих доблестных соседях.

Но Тарлах тут же взял себя в руки. Усталость и напряжение сказываются на всех: он должен помнить об этом и не поддаваться.

— Они ведь прошли такую же подготовку, что и жители Морской Крепости после нашего прихода. И им не обязательно быть очень хорошо подготовленными, все равно они принесут пользу.

— Ты знаешь их прошлое, — напомнила Уна.

— Да, они не сражались, но, леди, большинство жителей твоей долины, которые сейчас вместе с нами, тоже не воевали, не сражались против такого врага. Мы оба видели, чего они достигли за последние недели.

А что касается отсутствия боевого духа у рейвенфил-

дцев: они пришли и тем самым доказали, что искорка у них есть. Их единственных из всех соседних долин мы не призывали к себе на помощь. Они пришли по своей воле и по собственной инициативе.

Он посмотрел в ту сторону, откуда пришла правительница долины.

— Пойдем приветствовать новобранцев, леди?

Горный Сокол внимательно разглядывал вновь прибывших. Внешне выглядят неплохо, физически сильны и хорошо вооружены, но очевидно, что они видят недоверие в глазах защитников Морской Крепости, да и сами не очень уверены в себе. Такое настроение вряд ли желательно для людей, которым предстоит сразиться с врагами масштаба султанитов. Надо изменить это настроение, и как можно быстрее.

Тарлах приветствовал их и поблагодарил, откровенно сказав, что защитники нуждаются в их помощи. После этого отпустил большинство, приказав как следует отдохнуть.

Предводителя, рослого, крепкого сержанта, который назвался Торкисом, он задержал.

— Я хочу, чтобы ты осмотрел позицию, которую вы займете завтра.

Сержант отдал ему приветствие.

— Как скажешь, капитан.

Тарлах быстро пошел через лагерь Морской Крепости и подошел к тому месту, где справа стена примыкала к большому береговому утесу.

— Половина твоих людей будет стоять здесь. Остальные вначале останутся сзади, хотя я не буду зачислять их в резерв. Если захватчики ударят так же сильно, как в последний раз, им придется сразу же выдвигаться вперед.

Сержант кивнул, потом пристально посмотрел в лицо фальконеру.

— Ты имеешь право знать, что существует сомнение насчет того, как мы сможем сражаться с врагом.

Взгляд фальконера устремился к нему.

— Вы пришли, собираясь бежать?

— Нет, капитан.

— Я больше не хочу слышать подобных разговоров.

— Внимание Тарлаха снова обратилось к стене. — Вы можете испытывать страх. Никто из нас от него не застрахован. Признайте это открыто и подавите его.

Вы начали подготовку под руководством фальконеров почти одновременно с воинами Морской Крепости. Мы доказали, что такой подготовки достаточно для схватки с отдельным врагом. На стене вам так и придется сражаться. Захватчики поднимаются быстро, и иногда перед воином' одновременно встают двое или трое. Но и с этим можно справиться. Если кого-то теснят слишком сильно, его поддерживают товарищи. Я сознательно так расставил людей, чтобы в случае необходимости один воин мог помочь другому.

Если кто-то один из вас или несколько человек не устоят, и это можно исправить. У нас так бывает ежедневно. В таком случае быстро подходит резерв и прикрывает слабые места.

Он неожиданно повернулся и посмотрел на Торкиса. Когда Тарлах хотел, взгляд его становился необыкновенно пронзительным.

— Резерву нужно дать время. Чего бы это ни стоило, до его прихода нужно держаться. Если дрогнете раньше — и сами погибнете, и погубите других.

Сержант опустил голову, потом снова поднял ее.

— Я мало что могу обещать. Не знаю, на что мы

способны, но, по крайней мере, сумеем на время отвлечь врага и облегчить ваше положение.

— Мы все это делаем, сержант.

Тарлах вздохнул и торопливо отвернулся, чтобы не выдать своего отчаяния.

Один всадник с соколом отправился в Линну, а путь от Морской Крепости до порта долгий и опасный. Сейчас кажется невозможным, чтобы вестник добрался вовремя, тем более невероятным кажется подход армии фальконеров на помощь, прежде чем осажденный гарнизон будет уничтожен.

Уна пришла в комнату Тарлаха, как только отдала распоряжения о размещении вновь прибывших.

Она нахмурилась, застав его по-прежнему в одиночестве, но, вероятно, не стоит сердиться на Бреннана за несколько дополнительных минут отдыха. Поэтому Уна ничего не сказала и стала помогать разбирать груды отчетов, которые накапливались к концу каждого дня.

Оба очень устали и не хотелось разговаривать, но в молчании женщины была определенная напряженность, которая указывала, что ее что-то тревожит.

Фальконер несколько минут наблюдал за ней, но когда она не проявила склонности рассказать о причине своей тревоги, он протянул руку и провел кончиками пальцев по ее руке.

— Ты имеешь право сердиться на меня, — мягко сказал он. — Я не должен был так поступать.

— Когда прикрикнул на меня? Нет. Я не виню тебя. Судьба целого континента — слишком большая нагрузка для одного человека, а ты не позволяешь себе расслабляться, даже в присутствии самых близких. — Опустив глаза, она отвернулась. — Это заставляет меня еще больше стыдиться...

— Чего стыдиться? — удивился он. Меньше всего он ожидал от нее таких слов.

— Я подвела тебя в Лормте. Я знала, что у тебя трудности. Об этом говорили мне и Бросающий Вызов Буре, и мои собственные чувства, но я ждала, пока ты не оказался в смертельной опасности, прежде чем прийти тебе на помощь. Я боялась, что рассержу тебя или обижу, если начну действовать преждевременно.

Она не могла сдерживать рыданий в голосе, хотя за ними не последовало слез. Она знала, что так проявлялась ее усталость, точно так же как потеря сил заставила Тарлаха прикрикнуть на нее, но не могла остановиться.

— Я живу в постоянном страхе, что снова подведу тебя.

— Ты ни разу не подвела и не предала меня и не сделаешь этого! Я скорее подведу тебя со своим грандиозным планом победы над захватчиками, если обещанная помощь не придет.

Он улыбнулся, увидев, с какой яростью вспыхнули ее глаза.

— Ты сердишься, слыша эти слова, хотя у них больше оснований, чем у твоих страхов. Давай отбросим бесполезное чувство вины и сосредоточимся на том, что нужно сделать. У нас уже достаточно проблем, не нужно еще изобретать другие.

Он взял ее руку и нежно поцеловал, потом поднял голову и снова посмотрел на Уну.

— Я был прав, когда говорил, что хочу, чтобы ты была рядом со мной. Не знаю, смог бы я выдержать, если бы ты меня не поддерживала.

— Ты выдержишь! — прошептала она. — Мы оба должны выдержать. Судьба не дала нам выбора.

Глава девятнадцатая

Рассвет еще не осветил небо, когда фальконер, служивший адъютантом командира, разбудил его.

Тарлах сразу вскочил, хотя его тело и разум просили отдыха.

Он быстро поел — с лучшим аппетитом, чем обычно — результат поста накануне вечером, потом торопливо умылся и побрился.

Последнее было не данью тщеславию, а военной необходимостью, знаком для товарищей и врагов, что еще сохраняются гордость и сила духа, несмотря на все трудности и усилия вражеской армии, несмотря на угрозу жизни и всему миру.

Тарлах улыбнулся своему отражению в тусклом стекле. Нет, тщеславия в этом нет нисколько. Худое мрачное лицо не дает для этого никакого повода.

Не успел Тарлах закончить, как в комнату вбежал Бреннан. А вернее — ворвался.

Капитан вздохнул, догадываясь, что привело его друга в такое волнение.

— Добрый день, лейтенант, — небрежно сказал он. — Ты осматривал стену?

— Ты с ума сошел? Поставить на такой большой участок стены одних рейвенфилдцев — да это самоубийство!

— Наши резервы поддержат их. По крайней мере, они дадут нашим усталым воинам несколько часов отдыха.

— Скорее несколько минут!

— Даже это помогло бы. Бреннан, нашим людям нужна помощь. Я считаю, что им можно без опасения доверить стену, когда под рукой надежная поддержка. К тому же я хочу, чтобы они как можно быстрее включились в боевые действия. Сражаться легче, чем ждать.

— Значит, ты используешь их не всех? — кисло спросил лейтенант.

Тарлах ответил улыбкой.

— Я не настолько доверчив, друг мой. Если сто двадцать человек неожиданно побегут, не так легко будет справиться с создавшимся положением. Успех первой группы поможет остальным, даже если я в течение дня не буду их использовать в боевых действиях.

— Ты не используешь их в качестве резерва?

Горный Сокол покачал головой.

— Нет, пока они сами не поймут такую необходимость.

Бреннан кивнул. Это разумно. Воины, поддерживающие тех, кто стоит на стене, должны быть готовы действовать немедленно, почти инстинктивно отвечая на требования битвы. Слишком быстро может возникнуть опасная ситуация, чтобы полагаться на предыдущие указания или ждать приказов офицеров.

Лейтенант с голубыми глазами смотрел на командира. В них отражалась глубокая озабоченность.

— Я со всем этим согласен, но тебе не следует находиться с ними. Даже если бы они были известны своей храбростью, все равно они недостаточно обучены.

— Тем более они должны иметь поддержку офицера, — спокойно ответил Тарлах.

— Тарлах, выслушай меня. Мы слишком нуждаемся в тебе, чтобы рисковать тобой. Поменяйся местами со мной или даже с леди Уной. По крайней мере, с тобой рядом будут опытные воины, если попадешь в трудное положение. Мы оба менее нужны.

— Не могу, товарищ. Они знают твое мнение о себе, и не нужно их укреплять в нем.

Капитан улыбнулся.

— Ты ведь знаешь, я буду не в их середине, а просто рядом с ними, и справа от меня будет их сержант. Он похож на способного человека. Так что та безопасность, на которую можно рассчитывать в бою, у меня будет.

Они заторопились на свои места, хотя на небе не было еще ни просвета: оба считали, что нападение начнется, как только чуть посветлеет.

Это предположение оправдалось, и первые серые лучи осветили армию захватчиков, уже готовую к натиску.

Тарлах закрыл глаза. Количество врага как будто не уменьшается. Именем Рогатого Лорда! Неужели их бог Султан каждую ночь воскрешает мертвых и ставит на ноги раненых?

Прогремели трубы, последовавший за ними воинственный крик разогнал туман, охвативший сознание.

Тарлах посмотрел на рейвенфилдцев. Крик захватчиков их не смутил. Они знали, чего ожидать, и восприняли этот крик просто как боевой клич другого народа.

Численность вражеской армии — другое дело. Никто не мог без дрожи смотреть на эту орду, и воины заметно приуныли. Устоят ли они или совсем падут духом?

Султаниты подбежали к стене и начали взбираться на нее. Новички слегка дрогнули под их натиском, но устояли.

К своему полному изумлению, они не пустили врагов на стену. Некоторые были ранены или ослабли и лежали на земле, но товарищи с обеих сторон были готовы помочь, и ни в одном месте оборона не была прорвана. Когда захватчики были наконец отогнаны, рейвенфилдцы следили за их отступлением с новым чувством

гордости, а голова их сержанта была высоко поднята, когда он окровавленным мечом приветствовал командира. Этот момент они навсегда запомнят — те, кто уцелеет.

Горный Сокол принял приветствие Торкиса, потом снова посмотрел на отступающих султанитов. Он уже много раз видел это отступление, иногда почти бегство, и всякий раз сердился, потому что не мог воспользоваться временной слабостью и смятением врага. Если бы его армия не была такой крошечной, они давно победили бы.

Он в отчаянии склонил голову. Как всегда, за все предыдущие недели, захватчики вынужденно остановились перед морскими волнами, перегруппировались и снова предприняли бросок.

Иногда эти нападения продолжались весь день. Султаниты были рассержены и начинали тревожиться — и за себя, и за товарищей на родине. Им не нужны были объяснения офицеров или жрецов, они и так понимали, что означала дальнейшая задержка в выполнении их программы. В лагере уже ввели сильно сокращенный рацион. Теперь осажденным не давали передышки, перерывы между атаками были не больше часа. Павших вытаскивали из-под ног сражающихся, и каждый погибший тут же заменялся другим воином. Огромная армия пыталась сокрушить упрямых защитников единым непрерывным натиском.

Это мощное нападение, сокрушающий гнев и целенаправленность бросали страшный вызов тем, кто пытался защитить проход к своей земле. Теперь приходилось отражать силу армии султанитов не минуты, а долгие и утомительные часы.

Защитники выдержали этот натиск, как выдерживали все усилия захватчиков свыше месяца, но когда день начал сереть, а небо потемнело, сообщая о наступлении новой ночи, усталость окутала их, как одеялом, скованным из нестигаемого железа.

Лицо Тарлаха мертвенно побледнело и покрылось морщинами, и он с трудом удерживал в руках копьё. Движения его больше не были рассчитанными, реакция — мгновенной, кровь текла у него из ран на плече и бедре, потому что дикая усталость дала возможность врагам пробить его защиту. Обе раны неопасные, они вообще недостойны внимания, но это мрачный предвестник того, что должно произойти, скоро произойдет, если он не получит необходимого отдыха.

Но вот это неизбежное наступило. Фальконер слишком медленно орудовал копьем, потом неверно рассчитал ответный удар, которого враг легко избежал, поднялся на стену и воспользовался своим оружием раньше, чем защитник смог что-то предпринять.

Тарлах заметил угрозу и быстро поднял свое оружие, чтобы защититься, так что противник не смог ударить вторично. Однако султанит оказался сильным и очень проворным. Не прекращая действовать своим оружием, он умело воспользовался им и ударил древком копья в грудь фальконера.

Удар был очень сильный, и Горного Сокола сбросило с платформы. Он упал на усеянную мусором землю за стеной.

Он оставался в сознании, но от удара перехватило дыхание. Тарлах лежал в ожидании удара копья, которое неизбежно опустится на него. Бросающий Вызов Буре занят собственным поединком и не успеет на этот раз прийти на помощь...

Копье взвилось.

И тут другой воин метнулся со стены и закрыл собой фальконера от летящего копья.

Снаряд попал в цель, Торкис из Рейвенфилда сильно дернулся. Он защитил Тарлаха, но копье вонзилось ему в спину.

Он, спасая капитана от смертельного удара, в то же время осложнил его положение. Торкис потерял сознание и не мог отодвинуться, а тело его ударило Тарлаха с силой летящего снаряда. Ошеломленный собственным падением и силой последовавшего удара, Горный Сокол оказался буквально беспомощным. Он по-прежнему осознавал происходящее, но был бессилен помочь товарищам, бессилен встать, хотя знал, что прорыв в обороне стены должен быть ликвидирован...

Вокруг него столпились воины, большинство в черной форме рейвенфилдцев. Подняли Торкиса, потом и самого Тарлаха и отнесли их к дому, где смотрели за ранеными и заботились о них.

Боль и тряска при движении наконец подавили перенапряженные нервы. Мир на мгновение безумно завертелся, и чернота сомкнулась вокруг Тарлаха.

Глава двадцатая

Тарлах подтащил стул к кровати, чтобы посидеть рядом с Торкисом.

Рослому сержанту необыкновенно повезло. Настолько, что можно было подумать, словно его спас своим вмешательством сам Рогатый Лорд. Копье пробило мышцы правого плеча, прошло сквозь плоть вдоль спины и вышло через левое плечо. Очень болезненная рана, вызвавшая большую потерю крови, но если не начнется воспаление, все обойдется. А воспаление вряд ли будет.

Пира уже приняла все необходимые меры, прежде чем предоставить Торкиса заботе командира.

Сержанту не очень понравилось оказанное ему внимание, и он сразу начал протестовать, когда Горный Сокол сел рядом с ним.

— Я не настолько близок к смерти, чтобы занимать твою постель, капитан.

— Все равно на следующие несколько ночей она твоя. Не спорь. К тому же у нас нет времени на препирательства.

Сам Тарлах не был ранен, если не считать множества ушибов, от которых почернело тело. Если бы не поступок Торкиса, все было бы по-другому. Глаза Тарлаха заволокло плотной пеленой. Он ничем не может отплатить за такое самопожертвование. А ведь Торкис именно ради него жертвовал собой.

— Я мог бы отправить тебя на высокогорье.

— За это? — фыркнул Торкис. — Всего лишь щипок, который не может помешать мне стоять на стене.

— Об этом пока нечего говорить, — спокойно возразил фальконер. — Ты останешься в резерве, если Пира разрешит тебе встать.

— Если ты думаешь, что я позволю своим товарищам сражаться без меня... — горячо начал Торкис.

— Я принял решение, сержант. Рана мешает тебе нормально двигаться, пока не подживет. Если ты снова из-за этого будешь ранен или она откроется, я потеряю тебя надолго, а может, и навсегда. Ты мне слишком нужен, чтобы допустить это.

Лицо рейвенфилдца выглядело осунувшимся, и Тарлах осторожно коснулся его перевязанного плеча.

— Я слишком долго позволил тебе разговаривать. Теперь поспи, или я прикажу дать тебе снотворное. И

тогда придется отозвать с битвы воина, который охранял бы тебя, пока ты не проснешься и не сможешь сам защищаться.

Торкис сердито посмотрел на него. Но под конец улыбнулся и лег.

— Я вынужден подчиниться, а то ты так и сделаешь.

— Поверь, товарищ, сделаю.

Предводитель наемников встал и направился к выходу. Он постоял там, пока дыхание сержанта не стало ровным и спокойным, потом выскользнул из комнаты и неслышно прикрыл дверь.

Оставшись один, Горный Сокол почувствовал, что силы оставляют его. Сейчас ему не нужно было создавать видимость хорошего самочувствия и уверенности.

На импровизированном столе лежала груда бумаг, которые требовали его внимания, но он только взглянул на них, садясь скорее по привычке, чем по сознательному решению.

Он думал о своей армии, и мрачные мысли разрывали ему сердце. Его воины доблестны и искусны, они не жалуются на трудности, которые поставила перед ними судьба. И он не должен их подвести.

Он не может обещать им победу, большинству из них не сможет сохранить жизнь. Даже партизаны, за которыми начнется охота, будут постепенно перебиты. Теперь Тарлах понимал, что только немногим удастся остаться в живых в результате исполнения его плана, когда стену наконец одолеют.

Он покачал головой. Он устал, слишком устал, иначе не погряз бы так в мрачных мыслях. Нужно бороться с отчаянием, а не подпитывать его...

Тарлах распрямился, услышав стук в дверь, но не мог

отогнуть отчаяние и казаться невозмутимым. Тем не менее он быстро встал и приветствовал вошедшую Пирю. И не посчитал нужным надеть шлем, чтобы скрыть лицо и глаза.

Целительница поняла его настроение, но сделала вид, что ничего не заметила.

— Я думала, что ты будешь выглядеть хуже, — грубовато заговорила она, разглядывая Тарлаха в течение нескольких секунд.

Несмотря на все отчаяние и усталость, капитан не смог сдержать улыбки.

— Так хорошо я выгляжу?

— Да... Сержант спит?

— Только что уснул.

— Привилегии низкого звания, — с завистью сказала Пира.

Тарлах посмотрел на стол и ожидающую его работу и вздохнул.

— Торкис не лежал бы здесь, если бы не дыра у него в спине, но я думаю, ты права: власть приносит с собой не одни привилегии, но и неудобства.

Он с любопытством смотрел на нее. Тарлах не удивился, видя у себя женщину из народа фальконеров. Учитывая его сегодняшнее падение во время боя и то, что он принял на себя ответственность за раненого рейвенфилдца, он даже ожидал увидеть у себя целительницу.

А вот Уна не появлялась, и у Тарлаха было тяжело на сердце.

— С правительницей долины все в порядке? — спросил он голосом, который не дрожал, сдерживаемый усилиями воли.

— Леди Уна, к счастью, сегодня невредима. Просто у

нее стало больше дел, потому что выбыл твой второй лейтенант.

— Правда, и я не выполняю свою долю дел, болтая здесь. — Тарлах медленно встал и направился к двери. — Надо посмотреть, как остальные. Бумажная работа подождет.

Ему раньше следовало бы заняться делами, которые накапливались к концу дня, но необходимость при-смотреть за Торкисом и настойчивость целителей — они хотели, чтобы он сам отдохнул, — задержали его.

Пира подняла руку, останавливая его.

— Леди долины справится с этим сегодня, а я достаточно знакома с обязанностями командира — я ведь возглавляла женскую деревню, — чтобы помочь тебе здесь. Возможно, я не слишком знакома с обороной стены, но работа с припасами мне хорошо знакома. Кажется, мне раньше нужно было этим заняться.

— Никто не вправе обвинить тебя в этом, целительница, но признаюсь, что мне нужна помощь. Я сегодня очень устал.

— Неудивительно! Тебя самого следовало бы уложить в постель!

— Нам всем не помешало бы пролежать в постели недельку, — печально ответил Тарлах.

Пира направилась к его столу.

— Покажи, что нужно сделать, птичий воин.

Пира оказалась столь же полезной и умелой в работе с документами, как и в искусстве исцеления, и им удалось за удивительно короткое время расчистить стол.

— Спасибо, — поблагодарил ее капитан. — Я не думал, что закончу так быстро.

— Если все сделано, можно поесть, пока не ушла назад повозка.

Она увидела, как он пожал плечами, и покачала головой.

— Ты постился вчера вечером. Больше не делай так, Горный Сокол.

— Тебе сказала леди Уна? — недовольно спросил он. Он знал, что Уна и Пира подружились, а женщины болтают не меньше мужчин.

— Нет, хотя ей следовало бы мне сказать, потому что я отвечаю за то, чтобы ты стоял на ногах. Мне сказал твой первый лейтенант.

Бреннан?

Целительница заметила его удивление и улыбнулась.

— Товарищи беспокоятся о тебе. Они опасаются, что ты загонишь себя.

Она встала.

— Может, тебе и не хочется есть, но без еды ты быстро ослабеешь. Я принесу тебе что-нибудь, если не хочешь идти сам.

Тарлах воспротивился.

— Здесь не место для таких услуг, и я не могу их принять от тебя.

— Тогда пошли со мной. Так или иначе ты должен поесть.

Ночь была прохладной, даже приятной, без настоящего холода, и самой спокойной за много недель. Ее тишина надрывала утомленные войной сердца. Ни воин, ни целительница не могли закрыться в стенах дома, как ни хотелось спать. Они неторопливо поели и неохотно вернулись в дом, который стал одновременно рабочим кабинетом Тарлаха и его жильем.

У входа стояла невысокая деревянная скамья, и Тарлах сел на нее, прижавшись спиной к свежевывытой

белой стене. Глаза его закрылись. Приятно, как в сильную жару, ощущать прохладу чуть влажного камня.

Пира поколебалась, потом села рядом с ним. Как и Горный Сокол, она молчала, просто сидела, наслаждаясь спокойствием ночи.

На руке воина сидел Бросающий Вызов Буре. Сокол негромко просил внимания, пока фальконер не погладил его мягкие перья.

Тарлах взглянул на свою спутницу.

— Ты хорошая целительница, но невозможно достойно отблагодарить тебя за заботу о наших крылатых.

— Никакой благодарности не нужно, — негромко отозвалась она, — как и за то, что я делаю для тебя. — Голос ее задрожал. — Клянусь Янтарной Леди, мне так тяжело видеть изуродованными их стройные тела! Они сражаются из любви к нам.

Воины в свою очередь глубоко любили птиц. Пира поняла это за последние ужасные недели. Только сегодня она видела, как один фальконер отошел в сторону и, думая, что его никто не видит, заплакал, как ребенок. Она, несмотря на все свое мастерство, не смогла спасти его птицу. Сердце у нее болело за него, но она не могла ничего сделать, только незаметно отошла и оставила его наедине с горем.

С соколами дело обстояло по-другому. Пира обнаружила, что может утешить их, особенно самок, но и самцов тоже — по крайней мере, временно. Она посвящала им много времени и, даже когда спала, прижимала к себе раненую птицу.

«Так много жертв», — подумала она. Но ни она сама, ни сидящий с ней рядом офицер не могли отрицать, что эти жертвы необходимы. Морская Крепость, Высокий Холлак, весь мир зависели теперь от них.

Пира на мгновение закрыла глаза. Долина Морской

Крепости создана для мира, для жизни и радости, и нужно все это сохранить...

— Это хорошая земля, — сказала она после недолгого молчания. — Она прекрасна сама по себе, и люди ее так хороши, как только можно представить или пожелать.

Холод заполнил ее душу. Скоро большинство этих людей могут погибнуть, а оставшиеся в живых попадут в рабство.

— Мы должны выиграть эту войну, Горный Сокол, — проговорила она решительно.

И фальконера коснулась та же мысль и тот же страх.

— Мы ее выиграем. Здесь или в другом месте, но мы победим. То, что не смог сделать Ализон, не смогут и эти проклятые чужаки.

Отчасти чтобы скрыть свои чувства, отчасти чтобы преодолеть их, наемник выпрямился и хотел встать.

Но с болезненным стоном опустился на скамью: резкая боль в мышцах мешала резким движениям.

Пира в тревоге посмотрела на него, потом поняла причину неприятностей.

— У тебя что-то с телом? — озабоченно спросила она.

Тарлах обрел способность говорить.

— Надо справиться с этим до того, как завтра утром поднимусь на стену, — сказал он, почти не разжимая губ.

— Если не удастся, тебе нельзя вставать в боевой строй. Ты не должен участвовать в сражении, если даже стоять не можешь.

Она не пыталась помочь ему. Такую помощь он принял бы от товарищей и, возможно, от леди Уны, но она знала, что от нее он такую поддержку не примет.

Капитан справился с собой. Лицо его оставалось

напряженным, и ему пришлось прислониться к стене, вставая, но он знал, что тело его больше не предаст. Он не допустит этого.

— Я буду готов. За это не опасайся.

Глава двадцать первая

На следующее утро Горный Сокол уже собрался выйти из комнаты, когда вошел Бреннан.

Тарлах заметил, как смотрит на него лейтенант, и нахмурился.

— Пира мне не поверила?

— Она хорошо знает, что в таких делах нельзя доверять фальконерам, мой друг. Мы стараемся выдержать слишком многое. Как ты себя чувствуешь?

— Достаточно хорошо, чтобы отомстить за свою боль врагам.

Тарлах заметил легкую красную линию на шее товарища. Она проходила от самого уха за высоким воротником. Словно острие меча или конец копья — Тарлаху казалось, что справедливо последнее, — оцарапало кожу.

— Я вижу, ты сам едва избежал раны. На этот раз это было вполне возможно.

— Мне было бы очень неприятно, если бы острие оказалось чуть ближе, — признался Бреннан.

Тарлах заметил белое пятно. Левая рука лейтенанта вся в толстой повязке. Так целительница не перевязывает незначительные раны, и легкость тут же покинула тон и выражение лица командира.

— Что с тобой случилось?

— Напоролся на меч, — лаконично ответил Бреннан.

— Ничего страшного. Придется некоторое время держать в левой руке только щит, вот и все.

— Поэтому вчера вечером Уна выпоняла мою работу вместо тебя?

Бреннан пожал плечами.

— Бывают раны и посерьезней. Мне кажется, было уже поздно, когда помощники целительницы занялись мной. Да и работу они кончили не скоро.

— Тебе кажется? Тебя усыпили? — Только в случаях, когда необходимо хирургическое вмешательство, или при самых тяжелых ранениях применялось усыпляющее. Должно быть, рана очень серьезная.

— Пира завершила меня, что рука не потеряет подвижность, — улыбнулся Бреннан. — Идем, друг, а то я начинаю смущаться! Приготовим утреннее приветствие гостям.

Рассвет был невыразимо прекрасен и обещал не менее чудесный день.

«Прекрасные декорации, которые так контрастируют с жестокими событиями», — мрачно размышлял Тарлах, глядя на разворачивающуюся перед ним сцену. Ему казалось, что он уже целую вечность ежедневно видит ее перед собой.

Нет, в огромном войске, собравшемся на берегу, чувствовалась какая-то перемена.

Султаниты накануне ударили изо всех сил. Отступая, они признали, что стена по-прежнему стоит, но не ожидали, что и утром на ней будет тот же спокойный, решительный и смертельно опасный гарнизон, как и в самом начале осады. Разум по-прежнему утверждал, что они должны одержать победу, но теперь, глядя на этих стойких бесстрашных воинов, султаниты дрогнули. Впервые за все время они усомнились в своей победе.

Но это не имело значения. Они тоже собрались, и их командующий поднес к губам сигнальную трубу.

Но не отдал сигнал.

Другой звук разорвал ясный утренний воздух, высокий, сильный и чистый. Так может звучать только боевой рог фальконеров.

Неожиданно на высокогорной тропе, ведущей в долину, показались одетые в черное всадники. Их было очень много, но это только авангард армии фальконеров.

Они остановились, казалось, на целую вечность, но потом послышался новый сигнал — в атаку, и всадники по крутому спуску понеслись к стене и к врагам за ней.

Волна за волной накатывались всадники. Застывшим от неожиданности захватчикам и их противникам, казалось, что фальконерам не было конца.

Над ними летели соколы, тысячи птиц, от них почернело небо.

Тарлах на мгновение сузил глаза. Воинов не может быть так много...

Он гордо поднял голову. Женщины! Все женщины присоединились к армии для защиты своего мира.

Тарлах смотрел, как они приближаются, воины и боевые птицы. Это его народ. Никто не видел его в полной силе с тех пор, как фальконеры в далеком прошлом пришли с севера. Теперь появилась достойная цель для силы и мужества этого народа.

Но противников было не меньше. Впервые Тарлах по-настоящему оценил, что сотворили с армией захватчиков буря и мечи защитников. Если считать соколов, армия Морской Крепости теперь численно превосходила чужаков.

Султаниты тоже поняли, какой урар нанесла им судьба. Позиция их стала неожиданно крайне уязвимой и опасной. Но они были опытными бойцами и торопли-

во перегруппировались, построились в квадрат, который позволял отразить нападающих. Но в то же время они понимали, что их усилия бесполезны. Султаниты смотрели на войско фальконеров и видели, что пришел их конец.

Тарлах приказал каждому третьему своему воину отойти, уступить место вновь прибывшим. Те оставляли лошадей перед стеной. Капитан не разрешил своим солдатам спускаться на берег. Даже сейчас, когда пришли спасители, он не позволил ослабить оборону стены, пока еще у врагов остаются силы.

Лицо его казалось бесстрастным. Он придвинулся ближе к Уне, которая оборонялась рядом с ним, но они не касались друг друга и не разговаривали.

Горный Сокол не смотрел на столкновение двух армий. Ему хотелось вообще уйти со стены. Бойню в таких масштабах ему никогда не приходилось видеть, даже в сражениях с Ализоном, и он надеялся, что больше никогда и не увидит. От всего сердца он молился, чтобы никогда не пришлось ему участвовать в таком бою.

Воины султаниты были храбры и искусны. Они дорого отдавали свои жизни, но положение их было безнадежно. Тяжелые потери у стены, потери во время бури в океане, трудности, в которых они жили и сражались последнее время, — все это говорило, что победить они не могут. Они смертельно устали, у них не было никаких защитных сооружений, только собственные тела и щиты. Иного конца и не могло быть.

Несмотря на все это, и даже на то, что фальконеры были со свежими силами, вопреки своему долгому маршу, захватчики могли бы продержаться довольно долго,

если бы не боевые птицы. Они сражались, как отдельная армия, не испытывая страха. Чужаки с самого начала относились к ним с суеверным страхом: они никогда не заключали боевого союза ни с птицами, ни с другими животными.

Не было ни сдачи в плен, ни пощады. Сами султаны считали это невозможным. Масштаб их поражения и его последствия делали жизнь для всего их народа невозможной, хотя они и не дали противнику достичь быстрой и легкой победы. Если бы фальконеры их пощадили, они убили бы себя собственными мечами.

Наемники скоро поняли это и приняли неизбежность бойни. Они испытывали уважение и сочувствие к противнику и дарили им быстрое и почетное избавление от жизни.

Уна из Морской Крепости опустила голову и отвернулась от зрелища внизу. Несмотря на ненависть к убийствам и глубокую физическую и духовную усталость, она была полна удивлением. Все кончено, они победили. Они преодолели невозможное, и выжили — большинство.

Прошедшие недели показались ей нереальными. Словно это колдовской кошмар.

Но сознание возразило: это была не иллюзия. Уна знала, что и сама она изменилась. Теперь она стала тем, кем не думала и не хотела стать: опытным воином с таким количеством крови на мече, что не могла бы сосчитать, сколько жизней отняла.

Женщина из долины вспомнила своего первого убитого — тот день, после которого, казалось, прошла целая вечность, когда она впервые встретилась с фальконером Тарлахом. Немного погодя после этого наемник

объяснил ей, что после первого раза убивать становится легче, но нужно остерегаться людей, которым убийство приносит наслаждение. Она содрогнулась в глубине сердца: до какой развращенности нужно дойти, чтобы находить удовольствие в этом ужасе.

Тарлах не такой. Она чувствовала его отвращение к тому, что он вынужден был наблюдать, его желание уйти отсюда, хотя звание и положение не позволяли ему покинуть поле боя, прежде чем битва не закончится и последний султанит не падет мертвым.

Не могла уйти и она. Да она и не оставила бы его. Он нуждается в ней, в том слабом утешении, которое дает ее присутствие.

Уна посмотрела на человека, который стал всей ее жизнью. Испытание тяжело отразилось на нем. Насколько глубоко, она боялась даже подумать. И задрожала, думая о том, что еще его ждет, на этот раз от собственного народа, от тех самых людей, которые спасли их всех.

Капитан снова посмотрел на огромный костер, который разжигали на берегу, и отвернулся, хотя с точки зрения его народа пламя — самое чистое и подходящее одеяние для воина.

Он уже давно распустил свой отряд, и большинство воинов спустились со стены. В этом месте оставались только они с Уной.

— Присмотришь здесь, леди? — попросил он. — Мне нужно поговорить с Варнелом.

Уна улыбнулась и кивнула.

— Не волнуйся слишком, Горный Сокол. Я приду к тебе, как только смогу, и вместе мы справимся со всем легко и быстро.

Глава двадцать вторая

Тарлах уже некоторое время находился в своей комнате в Круглой башне и сидел за столом, погрузившись в невеселые мысли, когда резкий стук и открывшаяся дверь сообщили о появлении главнокомандующего Варнела.

Тарлах быстро встал и дружески коснулся рукояти меча, потом мужчины пожали друг другу руки — приветствие, которым пользуются фальконеры, когда поблизости нет посторонних.

Командующий слегка откинулся назад и несколько секунд внимательно разглядывал своего младшего товарища.

— Я никогда не видел тебя таким уставшим, Тарлах, — начал он наконец.

— Наверно, сказывается переутомление. Мне повезло, что я вообще жив. Нам всем повезло. Если бы вы не подошли...

— Ты знаешь, что я обязательно пришел бы.

— Да, но я не был уверен, что вы успеете вовремя.

Он опустил голову и посмотрел на усеянный бумагами стол. Для многих помощь пришла слишком поздно.

— Список потерь, — объяснил он, видя, что Варнел проследил за его взглядом. — Многие сказали бы, что у нас удивительно малые потери, но для меня...

— Это печальная участь офицера, — мягко сказал командующий, — копье в сердце. Кроме тех, кто настолько очерствел, что смерть товарищей не производит на них сильного впечатления. Для меня такие войны перестают быть людьми. Они представляют большую угрозу для отрядов, которыми командуют.

Варнел нарочно перевернул листок. Потом подошел к очагу, посмотрел какое-то время на пламя, подтянул два стула и опустился на один из них.

— Кто-то позаботился разжечь костер. Не будем невежливы и воспользуемся теплом.

Тарлах не присоединился к нему, и Варнел вздохнул.

— Садись, Горный Сокол. Я не люблю вытягивать шею, разговаривая с человеком.

Тарлах повиновался.

— Где ты услышал это имя?

— От твоего курьера и почти ото всех после нашего приезда. Твое положение здесь и в Рейвенфилде уникально, мой друг. Я хочу знать все, все подробности — с самого первого твоего появления здесь.

Сердце капитана дрогнуло, он почувствовал, как напряглись мышцы живота. Вот оно — мгновение, которое должно подкрепить его надежды или, возможно, обречь на неудачу.

— Вся ответственность за решения и действия, которые я предпринимал, лежит только на мне. Никого в отряде нельзя в чем-либо обвинить.

— Я учил тебя многому, но прежде всего прямоте, — заметил Варнел.

— Но ты учил меня и отвечать за свои действия!

Он сжал кулаки и снова разжал их. Тарлах всегда знал, что этот разговор неизбежен.

Тарлах поведал все, что произошло после его памятной встречи с Уной из Морской Крепости, описал свой растущий страх за судьбу народа фальконеров и решение, которое предложила правительница долины, а также условия, на которых она его сделала.

Когда он закончил, оба несколько минут молчали.

— Одного Рейвенфилда нам будет недостаточно? — спросил наконец командующий.

Тарлах покачал головой.

— Нет. Там хорошие, плодородные земли для населе-

ния и хорошее место для Гнезда, но недостаточно пространства для размещения колонн и прокорма лошадей. — Даже когда существовало прежнее Гнездо, большая часть воинов размещалась и тренировалась за его стенами. — Только получив в наше распоряжение горную территорию Морской Крепости, мы будем иметь достаточно места.

— А чтобы получить их, мы должны принять условия договора?

Горный Сокол нахмурился, борясь с отчаянием и гневом от тона голоса командующего.

— Это и так слишком мало в обмен на то, что мы получим. Леди Уна проявляет большое доверие к нашей чести, позволяя нам и нашим потомкам поселиться на своих землях. Она искренна в своем желании помочь нам, но не собирается закрывать глаза на то, что считает неправильным, даже злым.

Его глаза превратились в острия копий, в нем вспыхнул гнев при воспоминании о том, какую роль сыграла Уна в только что закончившейся схватке и какую помощь оказала за последние недели целительница Пира.

— Значит, то, к чему мы привыкли, теперь ты называешь злом?

Тарлах взял себя в руки. Ссора не увеличит его и без того незначительные шансы.

— Разве от нас просят так много? — удивился он. — Те, кто допускают нас сюда, рискуя своим будущим и будущим потомков, делают это добровольно. Мы должны обращаться с ними, с высокородными и простыми людьми, с уважением. Мы должны отказаться от власти над жизнью и смертью наших деревень.

Он внимательно смотрел на своего командира, стараясь определить его реакцию, но лицо Варнела

напоминало маску. Главнокомандующий хотел выслушать все, прежде чем принять решение.

— Нас не просят жить так, как живут мужчины других народов, — продолжал Тарлах. — Вероятно, со временем произойдут какие-то изменения. Может быть, мы вступим в более тесный контакт с другими, чем сейчас представляем себе, но вначале ни колонны, ни деревни не испытают больших изменений в привычном образе жизни.

Тарлах неожиданно быстро улыбнулся.

— Для наших женщин это так же желательно, как и для нас. Они так же не стремятся к нашему обществу, как мы к их. Судя по всему, они неплохо управлялись без нас.

Варнел вздрогнул.

— Я об этом не подумал.

— В последние месяцы я ни о чем не думал так напряженно, как о последствиях этого предложения, — устало ответил Тарлах. — Если это справедливо, то переход для всех нас облегчится. Труднее всего будет, когда начнем обучать своих женщин и жителей долин. От нас всегда требовали вежливости, когда мы имели дело с посторонними. Поэтому расширение таких контактов мы сможем выдержать.

Главнокомандующий встал. Некоторое время он смотрел на огонь, потом снова повернулся к своему младшему товарищу.

— Ты понимаешь, что это означает?

Губы капитана упрямо сжались.

— Если предложение будет сразу отвергнуто, я могу потерять жизнь или стать изгнанником. Если его примут, то согласится не больше половины нашего народа. Мы будем расколоты, разъединены, колонна выступит

против колонны, товарищ против товарища. — Он пристально посмотрел на Варнела. — Я понимаю, что буду нести ответственность за то, что подверг свой народ этому расколу. Мы такого не знали со времен поражения Джонкары, когда пролегла пропасть между мужчинами и женщинами, — горько закончил он.

Варнел внимательно разглядывал его.

— На тебе тяжесть гнева, — спокойно сказал он.

— Главным образом страха, — поправил Горный Сокол, опустив голову в предвидении позора и поражения. — Я знал, что мне грозит, когда дал согласие на предложение правительницы долины, и должен принять последствия своего поступка. Но я не стремлюсь к смерти или позору. Если бы я до глубины души не поверил, что в этом единственная надежда на спасение нашего народа, я бы, наверно, не согласился. Но я знаю, что если мы все или значительная часть нас не пойдем по тропе, которую я выбрал, нас ждет полное исчезновение.

Командующий подошел к нему и положил руку на плечо.

— Каким бы ни было мое решение относительно союза с Морской Крепостью, ты не будешь осужден.

Тарлаху с трудом удалось подавить нервный смех.

— Правда? Мне кажется, у Ксорока найдется что сказать по этому поводу, и его поддержат Гуррин и Лангхолд.

— Эти трое не имеют права принимать решение, когда речь идет о нашем будущем! — резко отрезал Варнел. — Именно из-за них мы сейчас испытываем трудности.

— Командующий Ксорок так мало думал о нашем будущем, что просто оставил свою деревню, когда мы

покидали Гнездо. Конечно, когда мы вернулись, в ней никого не осталось. То ли погибли, то ли укрылись где-нибудь, но мы потеряли всех, включая то потомство, которое принесло последнее посещение воинов. Остальные двое умудрились потерять больше половины своих женщин, и теперь в их деревнях совсем мало народа.

Главнокомандующий удивленно пожал плечами.

— Неужели ты думал, что я обо всем этом не знаю?

— Прошу прощения, милорд. Я был слишком высокомерен и глуп, считая, что я один...

Его собеседник улыбнулся.

— Глуп, может быть, но в высокомерии тебя никто не обвинит.

— А как дела в деревнях Брина и Арнела и в твоей собственной?

— В их деревнях потеряно десять процентов населения, в моей не больше пяти, да и те в первые три года нашего изгнания.

— Лучше, чем я думал, — облегченно сказал Тарлах.

— Это сейчас. Но все равно ты прав. Без своей собственной территории мы обречены. Именно поэтому я решил созвать Совет и выбрал для его проведения Высокий Холлак. Я хотел лишить даже самых ограниченных наших братьев их самодовольства. Ко мне они, по крайней мере, прислушаются. — Серебряные глаза пронзительно впились в Тарлаха. — Я избрал Линну, потому что это ближайший к Рейвенфилду порт. Я слышал о том, что ты получил долину, и надеялся, что мы сможем использовать ее именно так, как ты предлагаешь. А теперь ты говоришь мне, что это невозможно без привлечения долины Морской Крепости и участия ее правительницы.

— Невозможно, — решительно подтвердил Тарлах. — Ты сможешь изучить карты, и мы проедем через обе долины, как только дела здесь немного наладятся.

— Я должен осмотреть их обе, прежде чем принять окончательное решение.

— Вместе они нас устроят, — подтвердил капитан.

Это больше, чем он смел надеяться, и все же его заполнило бесконечное горе.

— Даже приняв мой план, ты потеряешь...

— Мы потеряем не менее половины своих сил, — уверенно продолжил Варнел. — Каждый должен будет сам принять решение, но Ксорок, Гуррин и Лангхолд будут яростно сопротивляться такому договору, они откажутся изменить обращение с нашими женщинами и изменить образ жизни. Их колонны преданы им, и большинство воинов последует их примеру. Арнел и Брин, вероятно, согласятся со мной, если я представлю убедительные доводы, и моя колонна будет с нами.

— Значит ты со мной? — обрадовался Горный Сокол. Казалось невероятным, что он еще не отослан с позором, не стал изгнанником без звания и места. То, что Варнел согласился и даже поддержал его...

— Конечно, если я найду предложение приемлемым, — проворчал его командир. — Но как ты говоришь, какой у нас выбор?

Глава фальконеров покачал головой.

— Перед нами множество трудностей. Добиться поддержки наших воинов — еще не самая большая из них. Даже если нас не поддержат другие, достаточно одной моей колонны. Меня больше тревожит реакция деревень.

Глаза Варнела потемнели.

— Те, что принадлежали частям Ксорока, не отка-

жуются от своей свободы. Они не могут ожидать, что мы станем обращаться с ними лучше, чем их собственная колонна, и можно надеяться, что лишь горстка женщин доверится нам. А что касается остальных деревень... — Он пожал плечами. — Кто поймет женщин? Как судить об их ответе? Даже если эта целительница, о которой ты упомянул, выскажется в нашу пользу.

— Если у нас для начала будет хотя бы население одной деревни...

— Этого недостаточно, тем более на долгий период. Нам грозит другая опасность, мой друг, которой ты не видишь — совсем или частично. — Варнел недолго помолчал, потом медленно продолжил. — Когда я был мальчиком и впервые получил приказ отправиться в деревню, уничтожение ребенка-калеки было редким и страшным событием. Все связанные с этим болели душой, а я, по правде говоря, готов был отказаться от такого права. Сегодня такое происшествие не менее ужасно, но встречается гораздо чаще. В некоторых деревнях оно происходит ежегодно.

У Тарлаха перехватило дыхание, и главнокомандующий кивнул.

— У нас все чаще проявляются признаки родственного кровосмешения и вырождения. А что произойдет с нами, если так будет продолжаться и дальше?

— Возможно, мы сумеем добавить новую кровь, — задумчиво сказал капитан, вспомнив разговор с Бреннаном. — Не настолько, чтобы измениться самим, но все же...

— Какую новую кровь? — недоверчиво спросил Варнел. — Вряд ли остальной мир видит в нас идеальных супругов.

— Ну, может, женщины долин другого мнения. Мне кажется, жители долин тоже не хотят исчезнуть, допус-

тить, чтобы их земли попали в руки чужаков. Но у них не хватает мужчин, однако я не заметил, чтобы они стремились привлечь их из других мест. Кажется, здешние женщины не хотят возвращения к прежней жизни, когда их считали непригодными для многих занятий. Наш образ жизни дает им альтернативу, и кое-кто из них может найти его привлекательным.

Капитан прижал пальцы к глазам.

— Мы говорим о будущих проблемах, не решив еще настоящих.

Варнел улыбнулся.

— Ты никогда не терял способности разглядеть единственное облачко на голубом небе, Горный Сокол. Позволь мне позаботиться о настоящем. Мне предстоит принять решение, и будь уверен, что я приму его незамедлительно. — Он вздохнул. — Вероятно, мне нужно начать со свидания с правительницей долины.

Тарлах удивленно посмотрел на него, и командующий поднял брови.

— Ты ведь не думал, что я одобрю твой договор, не выслушав вторую заинтересованную сторону?

— Конечно, нет. Просто мне кажется странной такая мысль.

— Если мы согласимся, такие встречи станут неизбежными, — сказал главнокомандующий без энтузиазма. — И так как этого не избежать, лучше начать сразу же.

Варнел посмотрел на дверь.

— Я пойду в отведенную мне комнату. Пошли часовых или кого-нибудь из местных за ней.

— Конечно, командующий.

— Я знаю, у тебя много дел в твоём отряде, но задержись еще ненадолго. Очень скоро ты мне снова понадобишься.

— Я буду ждать твоего вызова, милорд.

Глава двадцать третья

Вздыхнув про себя, Варнел повернулся к двери, услышав стук, но удивился, увидев перед собой не правительницу Морской Крепости, а Руфона.

— Леди долины готова немедленно принять тебя, лорд, — доложил Руфон.

Фальконер остолбенел, потом кивнул, принимая поправку. Правительница долины дает аудиенцию. Она не должна являться по приказу кого бы то ни было в своей крепости.

Он взял плащ, который повесил на ближайший стул, и набросил на плечи, потом прошел за Руфоном в небольшое помещение для совещаний, ту самую комнату, в которой предводители долины и офицеры несколько недель назад обсуждали грозящую опасность. Здесь его ждала женщина, и поскольку это необходимо, Варнел принялся разглядывать ее.

На ней была не обычная одежда высокородной леди из долины, а брюки и куртка воина, хотя оружия и доспехов на ней не было. Командующий сразу понял, что она сделала это специально, учитывая привычки своего гостя, чтобы как можно меньше подчеркивать свой пол.

Хотя она устала не меньше Тарлаха и очень встревожена, она прекрасна, по стандартам всех народов, какие известны командующему. Более чем прекрасна. В этом изящном лице видны сила и ум, а также гордость, которая всегда сопровождает с трудом завоеванное право.

В этом лице чувствовалось и сильное напряжение. Женщина понимала важность этой встречи для предложенного ею плана, к тому же исход встречи важен и для нее лично.

С ней была маленькая кошка с шерстью черепаховой окраски и сокол, самка. Птица приветствовала Варнела и его Славу Неба, когда они вошли в комнату.

Уна из Морской Крепости, в свою очередь, тоже внимательно разглядывала командующего. Как и описал его в своем кратком докладе Руфон, Варнел высок и строен. Волосы у него, вероятно, темные, судя по ресницам, а глаза серебряные. Черты лица, видные из-под шлема, правильные и типичные для всех фальконеров. Ведет он себя как человек, привыкшей и к власти, и к ответственности, которую налагает высокое положение в тревожные времена.

Уна знала, что он только что разговаривал с Тарлахом, и почувствовала облегчение. В нем не видно откровенного раздражения.

Но недавно приобретенное чувство уверенности тут же покинуло ее. Отсутствие внешних эмоций ни о чем не свидетельствует. Такой человек должен уметь контролировать свое поведение и свои чувства.

Ей пришлось бороться с собственным волнением, страхом. Этот человек может стать опорой надежды ее лорда или мечом, который разрубит мечту, а может, и самого мечтателя. И ей остается только молиться, чтобы она могла убедительно представить свое предложение и — в худшем случае — ничем не навредить Тарлаху.

Правительница долины традиционно приветствовала и Варнела, и его птицу. Это удивило командующего, потому что чужаки редко проявляли уважение к крылатым, но он тут же ответил, как требовал обычай.

Уна не пыталась коснуться его, но придвинулась чуть ближе.

— Никакие слова не могут выразить нашу благодарность, главнокомандующий. Ты вернул жизнь Морской Крепости и всем, кто укрылся в этой долине.

Он заметил, что голос у нее мягкий, и удивительное спокойствие окутывает ее, словно невидимым плащом.

— Мы сражались и за себя, леди, и за весь наш мир. В этом случае мы помогали с радостью.

Варнел решил сразу же перейти к самому важному для них обоих вопросу.

— Кажется, моему народу, в свою очередь, есть за что благодарить тебя — за твою добрую волю, если не за все остальное.

— Значит, ты говорил с Горным Соколом? — спокойно спросила она, хотя уже знала об этом. Этот человек уже отчасти принял решение. Иначе не захотел бы увидеться с ней.

— Да. — Он сел на стул, на который она указала своей маленькой, в шрамах, рукой. — Я слышал его версию. Теперь хочу выслушать твою. С самого начала.

Женщина внутренне подготовилась и начала свой рассказ. Он занял немало времени, потому что Уна понимала: нужны все подробности, и ничего не скрывала, кроме своей любви к человеку, которого она назвала Горным Соколом, и его любви к ней.

Главнокомандующий наклонил голову, когда она закончила, — отчасти чтобы скрыть усмешку.

— Твой рассказ во всех подробностях сходится со словами моего капитана, однако ударения вы делаете разные.

Она нахмурилась, но поняла смысл его слов и улыбнулась.

— Горный Сокол стремится приуменьшить свою роль, но уверяю тебя: здесь никто этого не позволит.

Уна осторожно посматривала на Варнела, стараясь определить его реакцию, но из-за шлема и самообладания этого человека ничего не смогла прочесть.

Она знала, что он подвергает ее испытанию.

— Мы не хотим оскорбить его своим энтузиазмом, но мы считаем, что он оказал такие услуги Морской Крепости, которые не позволяют рассматривать его как простого наемника — и его и тех, кто служит с ним.

Она перевела дыхание и продолжала, доверяя своему инстинкту: сейчас лучше говорить откровенно, чем держаться скромно и покорно.

— Прошу прощения от своего имени и от имени своих людей, если тебе показалось, что мы бросили вызов вашему образу жизни. Мы не станем делать вид, что понимаем вас, но капитан вел себя с исключительной храбростью и чувством ответственности по отношению к нам. Мы не хотим верить, что он может быть наказан за это.

— Он не будет наказан, — спокойно пообещал фальконер. — Даю тебе слово.

Радость и облегчение охватили ее, но тут же погасли.

— Неофициально, очевидно.

Он кивнул, соглашаясь с ней.

— Для некоторых он будет изменником, что бы я ни решил, и среди этих людей будут его друзья, мнение которых он высоко ценит. Но то, что нужно вынести, он должен будет вынести, леди. Этой утраты не избежать. Наше положение слишком отчаянно, чтобы он отозвал свое предложение, даже если и захочет. Мне пришлось бы смотреть его предложение, а его все равно обвинили бы.

— Ты будешь его изучать?

— Я делаю это сейчас, леди.

Он пронзительно посмотрел на нее, и Уне пришлось собраться с силами, чтобы не съезжиться под этим взглядом, хоть она и видела раньше, как точно так же смотрит Тарлах.

— Главнокомандующий? — Уна заставила себя произнести это слово холодно. Лучше с самого начала дать понять, что Морская Крепость — равный партнер и его правительница правит по-настоящему. С ней нужно считаться, она не ничтожество, которое можно улестить и тут же забыть о ее существовании.

— Мой капитан рассказал мне, что вы надеетесь от этого выиграть. Рынок для ваших лошадей и продуктов, защита и воинское обучение для ваших людей кажутся мне недостаточной платой за то, что вы даете нам.

— Платой? Подойди к этому окну, птичий воин. Стена отсюда видна, а прежде чем на нас обрушилась эта опасность, Горный Сокол сберег нас от посягательств Огина из Рейвенфилда.

— Мало кто из правителей отдал бы в благодарность целую долину.

— Я Уна из Морской Крепости, а не кто-нибудь другой. Я знаю, что Горный Сокол уже перечислил тебе причины моего предложения, но хочу еще раз объяснить их.

Какие бы причины ни вынудили меня напасть, мне отвратительно сохранить и использовать в своих целях долину, которую я отняла у ее законного лорда, отняла в кровавой битве. Тем более что я самая близкая наследница, так как у него не было ни жены, ни потомства. Еще более немисливо дать погибнуть смелым и достойным людям, когда у меня есть возможность уберечь их от вымирания. — Она посмотрела на двух соколов, разделивших насест Солнечного Луча. — Стоит бороться за вашу жизнь хотя бы только для того, чтобы вы могли устроить жизнь ваших крылатых. Это ваше достижение не должно погибнуть, фальконер, что бы вы ни приобрели или потеряли.

— То, чего мы достигли? — возразил командующий.
— Ты как будто бы тоже способна на такие отношения.
Этот сокол здесь не случайно.

Уна понимала, что рискует, привлекая внимание Варнела к своей боевой птице, вообще оставив ее в своей комнате, но ее связь с соколом слишком хорошо известна в отряде Тарлаха и среди ее собственных людей и в любом случае будет замечена. И тогда ее обвинят в сокрытии.

— Солнечный Луч последовала за мной, после того как ее воин соединился с другим соколом в твоем лагере прошлой осенью. Не знаю, почему она избрала меня. Я даже не знала, что такое возможно, но я рада ей и теперь ни за что не расстанусь с ней. Она несколько раз спасала мне жизнь во время осады, — добавила женщина. Голос ее смягчился.

— А ты ее?

— Да, мне посчастливилось несколько раз помочь ей.

— Не мне спорить с выбором сокола, — грубовато признал он немного погодя.

Потом командующий кивнул, словно про себя.

— Крылатым нравятся ваши высокогорья, они уже дали понять, что согласны здесь поселиться. Местность нравится и моим воинам, она даже лучше той, что мы потеряли. Если я соглашусь, очень многие захотят сделать ее своей. Но меня больше беспокоят другие поселенцы, которые нам необходимы. Я понимаю, что ты мало знаешь о женщинах фальконеров, но одна из них с тобой.

Правительница долины насторожилась.

— Она мой друг и оказала нам большую услугу...

Варнел нахмурился.

— Мне об этом рассказывали. Вы с вашим наемником как будто сомневаетесь в моей чести.

— Только потому, что с этим связана наша честь, — спокойно ответила Уна.

— Ей не причинят никакого вреда, но я должен расспросить ее. Нет смысла продолжать переговоры и рисковать положением Горного Сокола, если нас не поддержат деревни.

Уна в знак согласия наклонила голову.

— Ее приведут к тебе, когда захочешь.

— Капитан сказал, что некоторые из ваших женщин могут согласиться временно присоединиться к нам. Ты думаешь, это возможно?

Уна не скрывала своего удивления.

— Я не думала над такой возможностью, — призналась она.

И задумалась. Желание иметь своих детей, стремление продолжить свой род в Морской Крепости может оказаться недостаточным, чтобы преодолеть обычаи и ожидание теплых взаимоотношений, хотя Тарлах, кажется, с этим не согласен. Фальконеры, мужчины и женщины, привыкли к временным союзам для продолжения рода, но ее люди сочтут такое положение унижительным, особенно сейчас. Они знают себе цену с тех пор, как по Высокому Холлаку пронесли Псы Алисона. С другой стороны, преимущественно женский гарнизон Морской Крепости установил близкие связи с отрядом наемников во время осады и до некоторой степени даже до нее. Возможно, и между отдельными фальконерами и женщинами возникло какое-то сближение или интерес.

— Возможно, что-то выйдет, — задумчиво сказала она, — хотя я бы не стала ничего обещать заранее и подавать вам надежду.

В этот момент сокол командующего, который во

время разговора внимательно наблюдал за Уной, издал резкий короткий крик и перелетел ей на плечо. Вцепившись когтями, он принялся нетерпеливо тянуть женщину клювом за воротник.

Правительница долины оставалась совершенно невозмутимой, хотя отчетливо сознавала, что острые, как бритва, когти и клюв всего в нескольких дюймах от ее лица, и с ужасающей ясностью мысленно видела, что они могут ей сделать. В боевой птице не было гнева, и два собственных товарища Уны не встревожились, хотя проявляли открытое недовольство поведением птицы.

Славе Неба потребовалось несколько мгновений, чтобы отыскать цепочку под одеждой и вытащить наружу благословенный амулет Ганноры и серебряного сокола.

Варнел посмотрел на сокола, потом взглянул в лицо женщине. Глаза его жгли, как разгневанные звезды.

— Ты знаешь, что это такое, женщина?

— Конечно! — Уна заставила себя говорить спокойно, хотя знала, что, возможно, несколько секунд отделяют ее и Тарлаха от смерти. Она поняла, что главнокомандующий узнал талистман и понял, кто изготовил его. — Это талисман фальконера. Его нельзя отобрать у меня силой, обманом или угрозой, и обладание им дает мне право обращаться к любому фальконеру или отряду фальконеров за помощью, если только исполнение моей просьбы не порочит их честь. Этим я еще ни разу не воспользовалась, — добавила она. — Отряд Горного Сокола помогал нам и без этого.

— Если ты все это знаешь, амулет ты должна была получить в подарок, а не просто случайно нашла.

— Естественно. Я поняла бы, что это работа кого-то из вашего народа, и вернула бы его. Твоя птица прояви-

ла полное отсутствие знаний правил вежливости. Прошу тебя приказать ей вернуться на насест.

Главнокомандующий пожаловался:

— Все соколы способны чувствовать присутствие талисмана, и мой товарищ решил, что мне это будет интересно. Его удивило присутствие у тебя талисмана. Тем не менее я прошу прощения, леди. Ты явно имеешь право носить его, так как он не против остаться у тебя.

Однако он еще несколько секунд внимательно разглядывал женщину. Потом направился к двери. Снаружи ждал Руфон, чтобы служить леди или ее прославленному гостю.

— Пригласи к нам капитана. Мне нужно поговорить с ним.

Увидев свой талисман на груди женщины, Тарлах почувствовал, как замерло у него сердце. Однако он только отдал приветствие и ждал, пока заговорит его командир.

— Это твой? — без всякого предисловия начал Варнел.

— Да. — Талисман принадлежит тому, кто его сделал, и владелец никому, даже главнокомандующему, не обязан о нем отчитываться. — Я уже заменил его. — Хотя у фальконера может быть только один талисман, воин имеет право изготовить другой, если первый потерял или подарил. Впрочем, оба эти события случались крайне редко.

Командующий переводил взгляд с Тарлаха на Уну.

— И все равно это небольшое возмещение за долину, — наконец обратился он к Горному Соколу, — хотя, кажется, она понимает значение этого дара. — Он взглянул на Уну. — Ты мудра, что носишь его скрытно.

Многие удивились бы такому дару, особенно в наших нынешних обстоятельствах.

— Поэтому я и прятала его и так рассердилась на твоего сокола, — ответила Уна, пряча и талисман, и амулет Ганноры в привычное место.

Поверил им Варнел или нет, но он оставил эту тему, к величайшему облегчению своих собеседников.

— Если на мои остальные вопросы я получу такие же удовлетворительные ответы — а я верю, что так и будет, — я поддержу соглашение, которое вы заключили.

Он поднял руку, опережая слова благодарности.

— Возможно, вам не следует торопиться с выражением благодарности. Нас всех впереди ждет трудное время, даже тебя, Уна из Морской Крепости, но тяжелее всех придется Горному Соколу.

— То, что нужно выдержать, я должен буду выдержать, — мрачно, но решительно ответил Тарлах.

— Это верно, но я позабочусь, чтобы ты был вооружен на случай необходимости. — Он увидел изумление офицера. Глаза командующего сверкнули. — Мало толку капитану спорить с командующими, даже у нас, где одобряются всевозможные обсуждения. Посмотрим, как это будет на тебе выглядеть.

Говоря, он снял свой плащ и набросил его на плечи Горного Сокола. Плащ был черный, как все плащи фальконеров, но подбит серебром.

Уна увидела, как взволнован Тарлах, и повернулась к главнокомандующему за объяснением, о котором уже догадывалась.

— Это плащ командующего, леди, — объяснил ей Варнел. — Обычно его не носят за пределами нашего лагеря или Гнезда, но ты наш союзник и должна знать, какой властью мы обладаем.

— Очень хорошо сделано, главнокомандующий, — одобрила Уна. Теперь правительница долины позволила проявиться своей гордости. Она показала, как и она, и жители ее долины ценят этого человека, чей меч она наняла. И теперь ей можно показать, что она рада его возвышению.

— Никто в нашей истории не заслуживал этого больше, — согласился Варнел.

Тарлах опустил глаза, первые мгновения возбуждения миновали.

— Я командую всего лишь отрядом в пятьсот человек, лорд, сейчас даже меньше. Это очень далеко по численности от колонны.

Его командир усмехнулся.

— Ты и в полдень думаешь о полуночи, командующий. Не бойся. У тебя будет своя колонна, и очень скоро, я думаю. После этих событий многие воины рады будут встать под знамена Горного Сокола, и я отдам тебе всех, кого захочешь, кто придет из отколовшихся колонн. Ты сможешь удвоить или утроить численность своего отряда, отбирая только лучших.

Он вздохнул, и легкость его оставила. Повышение трижды заслужено, но оно должно послужить Тарлаху и оружием в исполнении его плана, а не быть просто честью, знаком роста и увеличившейся ответственности.

— Есть один человек, с которым я хочу поговорить, прежде чем известие о нашем договоре выйдет за пределы этой комнаты и твоего отряда. Пусть позовут сюда целительницу.

Пира осторожно изучала главнокомандующего фальконеров, но стояла перед ним прямо, высоко подняв

голову, и глаза ее не опускались при встрече с его взглядом.

— Ты знаешь, зачем мы пригласили тебя? — Это было скорее утверждение, чем вопрос со стороны главнокомандующего.

— Думаю да, но я могу ошибаться.

Серебряные глаза сузились.

— Ты действительно говорила, что ни за что не предашь своих друзей?

— Ты бы этого хотел, наемник? — спокойно спросила целительница.

Тот посмотрел на нее вначале сердито, но потом улыбнулся.

— Если бы случай был серьезным, но сейчас я в такие игры не играю. Я должен знать, какой ответ я могу ожидать, если провозглашу о союзе командующего с Морской Крепостью и попрошу деревни присоединиться к нам в Рейвенфилде. — Он кивнул, довольный ее реакцией: вначале недоумение, потом радость от возвышения Тарлаха, но продолжал без комментариев: — Я не хочу взваливать на него эту тяжесть, если все будет бесполезно.

Пира некоторое время молчала.

— Мое свидетельство поможет, — заверила она наконец, — но моя деревня единственная, за которую я могу высказаться определенно.

Хотя я вполне поддерживаю Горного Сокола, леди Уну и остальных, которых здесь узнала, я все же должна буду сказать, что эти долины изолированы, местность неровная, и убежать отсюда в случае необходимости будет нелегко.

Вы получите женщин, не всех, конечно, но многих. Наш опыт с нашими мужчинами был не очень тяже-

лым, и в целом нам нравилась наша жизнь, ее независимость и полнота. Этого достаточно, чтобы рискнуть и попытаться продолжить прежний образ жизни.

Вероятно, то же самое справедливо и относительно других деревень, которые, как наша, сохранили свою древнюю историю и которые посещались дисциплинированными воинами. От остальных вы не получите поддержки. Они не настолько доверяют вам, чтобы отдаться в ваши руки, и их нельзя в этом упрекнуть. С женщинами обращались жестоко, главнокомандующий.

— Достаточно ли будет этого, Пира? — настойчиво спросила Уна. — От этих женщин зависит будущее твоего народа.

— Да, — ответила Пира. — Если позволит Янтарная Леди, вы получите достаточно женщин.

Глаза целительницы едва заметно сузились, когда она взглянула на подругу. На своих двух друзей. Пира поняла, что, несмотря на свою отчужденность, на всегда чопорное обращение с ней, Горный Сокол тоже ее друг. Оба они очень многое отдают этому делу, и ни один ничего от этого не получит — в личном смысле.

Если кто-то не вмешается.

Пира про себя улыбнулась. Ее постоянно тревожило сомнение, чем больше думала она о положении своих друзей, с тех пор как появилась в Высоком Холлаке. Теперь она попытается его разрешить, но задаст не вопрос, а предложит решение, даже требование конкретного решения, хотя при этом сама окажется в серьезной опасности.

— Я очень боюсь одного, — сказала женщина из народа фальконеров, — и чтобы развеять этот страх, должна попросить, чтобы леди Уна и Горный Сокол совершили очень трудный для себя поступок. — Она

посмотрела на своих друзей. — Это особенно сложно, потому что вы и так уже столько сделали...

— Говори ясно! — резко приказал Тарлах. Какую стрелу выпустит эта женщина в его планы теперь, когда он почти поверил, что они осуществимы?

— Я несколько раз слышала, как правительница долины заявляла, что не сделала бы такое предложение ни одному представителю другого народа, что только фальконерам можно доверять, что они не станут со временем чумой для людей из долины и их потомков.

Мне кажется, фальконерам самим нужно подумать о будущем. Рейвенфилд принадлежит нам, но использование нашими воинами земель Морской Крепости зависит от этого союза, а будущее этой долины неясно.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Для Высокого Холлака необычно, чтобы долиной долгое время правила женщина. Эта долина, возможно, не так богата, как другие, тем не менее для безземельного человека или местного лорда, у которого сыновей больше, чем земель, она хорошая приманка. К тому же сама леди очень красива, и это подтолкнет сватающихся. Она будет находиться под постоянными требованиями снова выйти замуж, и, возможно, со временем сама склонится к какому-нибудь соискателю.

Что если она решит выйти замуж — по желанию или из государственных соображений? Если новому лорду Морской Крепости не понравится наш договор, заключенный женщиной? Что если так будет считать их наследник или наследник этого наследника?

Я не могу привести сюда сестер и потом обнаружить себя и своих дочерей и внучек — и сыновей тоже, потому что отныне мы не будем полностью утрачивать с ними контакт, — обнаружить себя в ловушке на

территории, слишком малой для наших потребностей. Может быть, нам придется вести постоянные войны за землю. Наше положение тогда станет хуже нынешнего.

— У тебя есть предложение? — ошеломленно спросила Уна. Она об этом не думала и поняла, что страхи Пиры небезосновательны.

Пира коротко кивнула.

— Да, леди, хотя тебе оно может не понравиться. Вы с Горным Соколом должны пожениться по законам Высокого Холлака и по нашему древнему обряду, память о котором еще сохранилась в нашей деревне, и тогда обе долины получат законного, неоспоримого наследника.

На мгновение последовала мертвая тишина, потом та часть лица Тарлаха, которая видна была из-под шлема, покраснела от досады.

Хозяйка долины тоже покраснела, вначале от гнева, потом от гордости и стыда: эта женщина давно привыкла сама справляться со своими проблемами.

Пира про себя улыбнулась. Что бы ни случилось с ней в течение следующих нескольких минут, эти двое самой естественностью своей реакции сохранили свою тайну, не выдали ее главнокомандующему фальконе-ров.

Варнел положил руку на меч.

— Хотя мы оба гости здесь, мне следовало бы пронзить тебе сердце мечом, — рявкнул он.

— Подумай! — упрямилась она, пытаясь сдержать дрожь в голосе и сохранить спокойное выражение лица. — Деревни могут жить на ограниченном пространстве, но смогут ли ваши воины и стада.

С огромным трудом главнокомандующий сдержал свою ярость. Будь она проклята Рогатым Лордом, но

этой женщине не откажешь в логике. Она нашла ядовитую колючку, которая может пронзить их новорожденную надежду и убить ее. Нашла и средство предотвратить это.

Он посмотрел на Уну и Тарлаха.

— Вероятно, она дальновиднее нас всех, — с горечью сознался Варнел. — Несмотря на то, что означает этот союз для моего народа, я не стану приставлять это острие к горлу воина. И леди тоже, — добавил он, заставив себя включить в свое рассуждение и Уну.

Тарлах к этому времени пришел в себя от первоначального изумления и понял, что совершила Пира. Он по-прежнему гневался на то, что им манипулируют, но в его взгляде, который встретился с глазами Уны, были радость и ожидание.

— Правительница Морской Крепости проявила себя верным и храбрым союзником, — медленно заговорил он, понимая, что должен очень осторожно и тщательно подбирать слова. — Если это необходимо для достижения нашей цели, я согласен, хотя лично меня это предложение отталкивает. — Искренняя горечь прозвучала в его голосе. — Все равно сильнее меня не будут порицать, оттого что я женюсь.

Его голос снова смягчился. Если это возможно, тогда его будущее не будет полным боли...

— Каков твой ответ, леди? Или тебе нужно время на размышления?

— Не нужно, — торопливо ответила она, подняв голову. Целительница не знала о ее клятве, что ее лордом будет только фальконер Тарлах. Это известно только им одним, но Пира использовала сильный аргумент, и Уна ухватила за него. — Как говорит Пира, меня могут вынудить соединиться с человеком, которо-

го я уважаю гораздо меньше, которому не так доверяю. Я даю свое согласие, птичий воин.

Про себя Уна вздохнула. Ей ужасно не хотелось прибегать к маскировке, напротив, она стремилась всему миру заявить, как она любит и желает этого человека.

Она улыбнулась — тоже про себя, открыто не решилась в присутствии Варнела. Это всего лишь небольшая помеха, она не затмит ее счастья. Возможно, какое-то время им придется скрывать свои истинные чувства, может, даже очень долго, но невозможное произошло — вопреки всем доводам разума, вопреки безнадежности. Больше им не надо будет скрывать друг от друга свои сердца. Их путь никогда не будет легким. Оба знали это, но теперь они смогут пройти его вместе, деля все, что он им принесет, они будут едины в трудностях и радостях. И это истинное благословение и счастье для нее и — посмотрев Тарлаху в лицо, она поняла, — и для него, мужчины, ставшего ее лордом.

Послесловие

И вот они ушли из Лормта — горсточка тех, кто встанет на пути Тьмы и ее порождений. А мы вспоминали о колдерах и о том, какое опустошение они принесли в свое время, и это подкрепляло наши дурные предчувствия.

Мы думали и о том, что делать нам, потому что если захватчики получают опору, порт, поселение в долинах, как еще наш мир сможет противиться им?

Мы с Нолар еще раз навестили Элгарет там, где она хранила великий камень. В этом святилище мы пытались усилить свои дары и способности. Элгарет мысленно общалась с уцелевшими волшебницами, а Нолар помогала ей направлять Послания.

Я искал Кемока. Так далеко я еще никогда не посылал свою мысль. И мне удалось его отыскать, но я понял, что невозможно собрать армию, чтобы вовремя достичь долин. Однако Кемок считал, что за нас могут вступить другие силы. Он разговаривал с Хиларионом, посвященным, который жил на берегу западного моря и о котором мы почти ничего не знали. Этот посвященный просто из-за своего местожительства хорошо знал ветры и течения.

Как и во время Поворота, начала собираться Сила, но против нас были время и расстояние. Потому что обладающих великим даром осталось немного, и они мало что могли делать на удалении в полмира.

Мы еще трижды навещали камень, и наконец я бросил свои камешки. Я долго не решался это сделать. И увидел то, что, по-видимому, разбивало все наши надежды.

Камешки выпали, но не рассыпались. Мне показалось, что я вижу узкое поле битвы. Желтое кольцо — я думал, что это фальконеры, а в нем обширное пространство красного цвета — это враг.

Но желтые камешки не поддавались, не уступали. Их линия становилась все тоньше, но не разрывалась. Моя рука двинулась без моего желания, и я тряс мешок, пока он совершенно не опустел.

Камешки, предвещавшие зло, собрались отвратительной грудой и лежали вместе, тусклые и холодные. Но камни других цветов, зеленые, синие, белые — всех тех цветов, что означают жизнь, устремились в бой.

И красные были погребены!

Нолар схватила меня за руку и громко вскрикнула, как кричат на поле боя, когда добро побеждает. Я тоже вскрикнул — это был клич пограничника, идущего в атаку.

Наши голоса гулко прозвучали в помещении камня, и сердце мое наполнилось такой радостью, какую я раньше никогда не испытывал. Сжав руку Нолар, я посмотрел в ее большие глаза и увидел, как они прекрасны и ищут мой взгляд.

И вот задолго до появления вестника салкара, который пришел от Горного Сокола и рассказал все подробности, мы знали, что равновесие Света и Тьмы все еще не нарушено.

Содержание

ИЗГНАНИЕ 9

Перевод Д. Арсеньева

НАДЕЖДА СОКОЛА 192

Перевод Д. Арсеньева

Андрэ Нортон
Колдовской мир - 3
(Полёт мести)

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск *Гусейнов Ильгар*
Ответственный редактор *Михаил Голованев*
Редактор-корректор *Татьяна Немых*

Издательство “Сигма-Пресс”.
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.
Лицензия ЛР № 061867 от 3.12.92 г.

Издательство “Зеленоградская книга”.
103489, Москва, Зеленоград, корп. 448, кв. 1
Лицензия ЛР № 070157 от 2.10.91 г.

Сдано в набор 01.10.95 г. Подписано в печать 06.11.95 г.
Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура “Таймс”. Уч. изд. л. 21.8.
Физ.п.л. 13. Тираж 25000 экз. Заказ №1002

Издание осуществлено при содействии издательства “Новинтех-Пресс”
170000, Тверь, ул. Советская, 58.

Отпечатано с готовых диапозитивов на
АООТ “Тверской полиграфический комбинат”
170024, Тверь, проспект Ленина, 5.



